ПРАВОСЛАВНЫЙ

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
117

ИЗДАНИЕ
ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
117

ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛИСОВОГО
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Издательство «ИНДРИК» 2019

ББК 86.372
П 68

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛИСОВОГО
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВЫПУСК 117

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
М.В. Бибиков (заместитель председателя), Бутова Р.Б., Вах К.А.,
А.И. Долинин, С.Ю. Житенёв (ответственный редактор),
С.П. Карпов, О.А. Колобов, В.А. Ливцов, Н.Н. Лисовой,
митрополит Рязанский и Михайловский Марк (Головков),
А.В. Назаренко, М.Б. Пиотровский, М.В. Рождественская,
И.Ю. Смирнова (ответственный секретарь)

Тексты статей публикуются в авторской редакции

Православный Палестинский сборник. Выпуск 117.
Памяти Николая Николаевича Лисового посвящается.
Отв. ред. С.Ю. Житенёв. — М.: Индрик, 2019. — 408 с.

ISBN 978-5-91674-544-3

© Авторы статей, текст, 2019
© Императорское Православное Палестинское Общество, 2019
© Издательство «Индрик», оформление, 2019

ISBN 978-5-91674-544-3

Оглавление

Памяти Н.Н. Лисового, заместителя Председателя ИППО

Степашин С.В. Жизнь, отданная Святой Земле и Палестинскому Обществу 11

Бибиков М.В. «ЗЕМНЫЕ ДОРОГИ ЕВАНГЕЛИЯ» (Путеводитель Н.Н. Лисового) 15

Рождественская М.В. Крещение Руси и развитие русской Литературы 19

Бутова Р.Б. Православное востоковедение. Библиография трудов Н.Н. Лисового 27

Положение о Почетном знаке МОО «ИППО» памяти Николая Николаевича Лисового 66

Статьи и материалы по тематике совместного конкурса РФФИ-ИППО «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи»

Бутова Р.Б., Коюшев М.В. Из истории гуманитарного присутствия России на Ближнем Востоке 71

Вах К.А. Путь в Иерусалим. Материалы к биографии Авраама Сергеевича Норова. Часть вторая. Соглядатаи Востока 83

Б.Ф. Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Лукина К.А. Принцесса Греческая и Датская Ирина (И.А. Овчинникова) и её роль в налаживании контактов между Московской Патриархией и Восточными Патриархатами в военное и послевоенное время (1943–1946 гг.) 98

Поляков И.А., Смирнова М.А. Описание путешествия в Палестину пермского крестьянина И.Н. Бушуева 1858 г. Исследование и публикация текста 144

Смирнова И.Ю. Неизвестные письма равноапостольного Николая Японского к архимандриту Антонину (Капустину) 173

Фёдорова И.В. «Повесть к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» — малоизвестное описание Святой Земли XVII в.: исследование и текст 185

Из истории русского православного паломничества

Житенёв С.Ю. Паломнические путешествия иеродиакона Дамаскина, инока Московского Чудова монастыря, на Святую Гору Афон в конце XVII в. и в Соловецкий Преображенский монастырь в начале XVIII в. 223

Статьи и сообщения

Аксёнова Г.В. «Труженик русской богословской науки»: о научно-просветительском подвиге архимандрита Иннокентия (Просвирнина). К 80-летию со дня рождения 237

Анисимов О.В. Отношение Н.П. Игнатьева к Великим реформам 1860–1870-х годов: взгляд из Константинополя 285

Грушевой А.Г. А.А. Дмитриевский (1856–1929), деловые и личные качества по материалам личного архива и архива Императорского Православного Палестинского Общества 297

Гуревич Д.А. Альбомы-гербарии из Святой Земли на выставке в Государственном Эрмитаже 317

Пятницкий Ю.А. Драгоценный дар Иерусалимского Патриарха Поликарпа 342

Савельев Ю.Р., Вах К.А. Архитектор Ф.А. Клагес в экспедиции П.И. Севастьянова на Афоне. 1859–1860 гг. 356

Сарабьев А.В. Сиро-ливанские православные христиане накануне Первой мировой войны (по дипломатическим документам) 376

Рецензии

Дьяков Н.Н. Рецензия на книгу М.М. Якушева «Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.)» 401

Авторы статей и публикаций 406

ПАМЯТИ Н.Н. ЛИСОВОГО, ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИППО

Жизнь, отданная Святой Земле и Палестинскому Обществу

С.В. Степашин,
Председатель ИППО

Николай Николаевич Лисовой (1946–2019) известный российский учёный, писатель и общественный деятель, член Общества с 1974 г., заместитель Председателя ИППО в 1995–2019 гг., главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Николай Николаевич родился в г. Станиславе (ныне Ивано-Франковск) на Украине, в офицерской семье. Учился в Москве, сначала на факультете теоретической и экспериментальной физики МИФИ, а затем на физико-математическом факультете МГЗПИ, который блестяще закончил в 1967 г. В 1968 г. он поступил на заочное отделение Института философии АН СССР, где в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1969 г. до начала 1990-х гг. он сотрудничал с Издательским отделом Московской Патриархии, где соработничал его председателю, митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму.

Николай Николаевич работал в Институте прикладной математики АН СССР (с 1967), в Институте иностранных языков им. М. Тореза (1974–1975), на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (1975–1978), в Государственном историческом музее (1981–1995). В 1995–2019 гг. он старший, а затем главный научный сотрудник Института российской истории РАН. В 2007 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.»

В 1974 г. Н.Н. Лисовой вступил в Российское Палестинское Общество при АН СССР, посвятив 45 лет своей жизни активной творческой работе в Обществе. Он был постоянным автором Палестинского Сборника, неоднократно выступал с лекциями по истории ИППО и русского присутствия в Святой Земле. В 1989 г. он был избран членом Совета Общества, в составе которого бессменно работал до конца своей жизни.

Николай Николаевич являлся признанным и самым авторитетным специалистом по истории нашего Общества. Он известен в России и за рубежом

как один из виднейших учёных, занимающимся историей русско-иерусалимских духовных, политических и гуманитарных связей, историческим и современным состоянием Святой Земли. В 1992 г. он стал одним из инициаторов возвращению Обществу исторического названия — Императорское Православное Палестинское Общество. В 1994–1998 гг. он принимал активное участие в первых паломнических поездках на Ближний Восток, которые были организованы ИППО в постсоветский период, привозя из них новые и неизвестные ранее материалы и документы о русском присутствии в Святой Земле. Николай Николаевич был глубоким знатоком святых мест Вселенского Православия в Иерусалиме, Афоне, Константинополе, Риме и Афинах. Пребывая в святых местах, он всегда сочетал паломничество с исследовательской деятельностью.

Научные занятия историей русско-палестинских связей всегда осуществлялись Николаем Николаевичем в широком контексте его трудов по истории Русской Православной Церкви и отечественной богословской мысли. Количество его научных публикаций составило почти 500 наименований, среди которых фундаментальные монографии по истории Палестинского Общества и русского присутствия в Святой Земле. Хочу обратить Ваше внимание на то, что все наиболее важные издательские проекты ИППО за последние двадцать пять лет связаны с неустанной просветительской деятельностью Н.Н. Лисового. С середины 1990-х гг. он практически возглавил редакцию Православного Палестинского Сборника, привлекая в качестве авторов многих известных и начинающих специалистов по самым различным аспектам научных исследований, связанных с историей и современным состоянием ближневосточной проблематики.

Н.Н. Лисовой являлся многолетним лидером научной общественности ИППО, он организовал за последние двадцать пять лет десятки научных конференций нашего Общества по широкому спектру актуальных проблем и вопросов. К 2000-летию Рождества Христова, была издана блестяще написанная и богато иллюстрированная монография-альбом «Приди и виждь: свидетельства Бога на Земле», автором идеи и текста которой был Николай Николаевич. Это издание стало крупным культурным и научным событием в России на рубеже веков. Отдельное и значительное место среди многочисленных работ Н.Н. Лисового занимает фундаментальная двухтомная публикация документов «Россия в Святой Земле» — серьёзный и важный труд, впервые в науке представивший всестороннюю документированную и прокомментированную картину русского влияния и присутствия в Палестине в XIX-XX вв. Документы, впервые опубликованные Н.Н. Лисовым в его двухтомнике, стали своеобразным источниковедческим прологом к целой серии его дальнейших научных публикаций. В настоящее время готовится издание третьего тома документов, которое он не успел довести до выпуска при жизни.

Многие проблемы русского присутствия в Библейском регионе и, прежде всего, в Палестине, впервые в отечественной историографии нашли своё решение в фундаментальной монографии «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.» В 2007 г. Николай Николаевич за это исследование получил российскую академическую премию памяти митрополита Макария (Булгакова).

В начале 2000-х гг. Н.Н. Лисовой способствовал выходу Общества из организационного кризиса и активизации его деятельности. Он внёс предложение по выдвижению кандидатуры известного российского историка Я.Н. Щапова для избрания его Председателем МОО «ИППО» на общем собрании 05 ноября 2003 г., которое поддержала большая часть членов Общества. Предложение Николая Николаевича было также поддержано Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием и Председателем ОВСЦ МП, митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом (ныне Святейшим Патриархом Московским и всея Руси), таким образом, Я.Н. Щапов был избран Председателем МОО «ИППО». По предложению Н.Н. Лисового в 2004 г. Совет МОО «ИППО» определил три основных приоритета в своей деятельности, организационно оформив их созданием трёх секций: международной, научно-просветительской и паломнической. Тогда же получила дальнейшее развитие деятельность Общества, связанная с возвращением России зарубежной собственности ИППО, в которой он принял активное участие.

Н.Н. Лисовой собрал в зарубежных и российских архивах, в том числе архивах МИД РФ, все необходимые документы о праве МОО «ИППО» на Сергиевское подворье в Иерусалиме, которые послужили основанием обращения Общества в израильский суд с целью возвращения одного из главных зданий Русской Палестины в российскую собственность. Николай Николаевич принимал активное участие в переговорах с представителями израильских правительственных организаций по вопросам передачи недвижимости Общества в Святой Земле в российскую собственность.

В июне 2007 г. Н.Н. Лисовой активно поддержал мою кандидатуру для избрания Председателем ИППО на общем собрании Общества. После этого интенсивно продолжилась наша совместная работа по организации возвращения объектов ИППО в Израиле в российскую собственность. В 2003–2010 гг. Н.Н. Лисовой неоднократно совершал поездки в Израиль и Палестину с деловыми и паломническими целями. По линии МОО «ИППО» в Иерусалиме были открыты курсы для православных экскурсоводов, на которых он читал лекции и проводил практические занятия, продолжал научные изыскания в государственных и церковных архивах и библиотеках Израиля, встречался с официальными представителями израильских и палестинских государственных органов. В декабре 2009 г. Правительство Израиля передало России Сергиевское подворье в Иерусалиме, благодаря совместной эффективной деятельности российских государственных, дипломатических и общественных организаций,

в которую Н.Н. Лисовой внёс немалый профессиональный и личный вклад. На Сергиевском подворье в Иерусалиме были обнаружены, после его передачи в российскую собственность, небольшая часть библиотеки и архива ИППО, систематизацию и изучение которых он возглавил.

За многие годы руководства научной деятельностью Общества Н.Н. Лисовой создал научную школу, участники которой во главе с ним осуществляли глубокие исследования истории и современного состояния русско-палестинских связей, православного паломничества, религиозного диалога, культурных, политических и социально-экономических реалий на Святой Земле. В период подготовки и проведения празднования 130-летнего юбилея Общества он много выступал в средствах массовой информации с сообщениями по истории и современной деятельности МОО «ИППО». В 2012 г. Н.Н. Лисовой стал научным руководителем и автором художественной концепции Международной юбилейной выставки «Россия в Святой Земле: к 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока», которая была подготовлена и проведена Обществом при поддержке Правительства Москвы в ЦВЗ «Манеж». В последние годы, несмотря на тяжёлую болезнь, Н.Н. Лисовой продолжал упорно работать, писал научные тексты, принимал участие в заседаниях Совета МОО «ИППО», выступал с докладами на конференциях и собраниях Научной секции Общества. Как бы ему не было трудно и тяжело, он никогда не переставал думать и работать на благо Общества, выдающимся деятелем, исследователем и историком которого он был многие годы.

Николай Николаевич постоянно и неустанно в печатных и электронных средствах массовой информации вёл научно-просветительскую работу по популяризации истории и современной жизни Русской Палестины, деятельности ИППО, его основателей и выдающихся деятелей. Он обладал уникальным даром слова, известен как талантливый поэт, публицист, автор сценариев и ведущий телевизионных фильмов. Он был членом Союза писателей России (1992), награждён многочисленными общественными и церковными наградами.

Уникальная научная и общественная деятельность Н.Н. Лисового, которую он вёл в рамках ИППО, снискала ему искреннее уважение и широкую известность не только среди членов Общества, но и в широких кругах отечественной научной и творческой интеллигенции.

Николай Николаевич Лисовой был и останется совестью нашего Общества, его душой, ревностным хранителем основополагающих традиций старейшей в России Международной общественной организации. Он жил и работал во имя Императорского Православного Палестинского Общества, изучения и поддержания русского присутствия в Святой Земле. Наше Общество и российская наука потеряла замечательного учёного и общественного деятеля, но светлый образ Николая Николаевича Лисового всегда будет жить в наших сердцах! Вечная память!

«ЗЕМНЫЕ ДОРОГИ ЕВАНГЕЛИЯ» (Путеводитель Н.Н. Лисового)

М.В. Бибиков,
заместитель Председателя ИППО

Последние пять-десять лет жизни замечательного ученого, глубокого знатока древностей Палестины и русского вклада в ее постижение, историка и философа, увлекательного рассказчика, яркого полемиста и проникновенного поэта Николая Николаевича Лисового отмечены его особо интенсивной публикаторской активностью. Год за годом выходили объемные и глубокие тома изданий источников по истории Русской Палестины, фундаментальные исследования по истории Святой Земли — от ее начальных времен до сегодняшних дней, по материалам новооткрытых памятников рукописного наследия отечественных ученых-источниковедов, деятелей Церкви, представителей государственной элиты, включая членов царствующего дома, словом, всего, что раскрывает феномен библейско-христианского Востока[1]. Выход в свет этих изданий сопровождался живым их представлением то в ИППО, то в РАН или в МГУ, как будто бы ученый спешил выплеснуть людям все те знания, которые он накопил и подарить их нам, его читателям, коллегам, друзьям.

Мое непосредственное знакомство с ним относится к самому началу 1990-х гг., когда в Москве шла интенсивная подготовка к проведению здесь в 1991 г. XVIII Международного конгресса византийских исследований. Николай Николаевич как-то пропустил все сроки подачи заявки на доклад и материалов для предконгрессной публикации. Он встретился со мной, исполнявшим тогда обязанности генерального секретаря конгресса, объяснил всё, передал материалы, и все проблемы были улажены. Хочу засвидетельствовать, что выступление Н.Н. Лисового не затерялось среди более четырех тысяч (рекордная цифра для подобных конгрессов по сей день !) выступлений международного форума[2].

Значительно более тесной и интересной оказалась наша совместная работа над одним из проектов на пороге нового тысячелетия. Мне и моим ученикам было предложено подготовить исторический путеводитель по Святой Земле

к 2000-летию христианства. Побывав до этого в паломнических поездках, мы готовились уже с написанным текстом будущей книги к финальной экспедиции в Израиль и Палестину (Египет и Иорданию изучали в специальных поездках). И в качестве консультанта для уточнения и исправления текста in situ удалось пригласить Н.Н. Лисового — лучшего специалиста в данной области. И это были замечательные несколько недель совместного осмотра, изучения, обсуждения древностей Святой Земли, восприятия одухотворенного рассказа Николая Николаевича о ее памятниках, людях, событиях. Имея в своем распоряжении автомобиль, мы смогли объехать всю страну, снять все вопросы по тексту готовившегося путеводителя, а заодно получить духовное и интеллектуальное удовлетворение от общения с нашим замечательным консультантом. Книга, по необходимости компактная, своевременно вышла из печати и быстро разошлась[3]; затем последовало новое издание. Но нам было очевидно, что перед нами — живой путеводитель, каким был Николай Николаевич. Несомненно, он уже тогда думал о своем, полном и объемном путеводителе, который мы все увидели в 2015 г.[4] Он, в свою очередь, моментально разошелся и вскоре стал библиографической редкостью.

Автор сразу же, уже в заглавии, определяет свои исходные позиции: это — *православный* путеводитель. Он ориентирован на православного читателя, причем, читателя активного — паломника в настоящем или, по крайней мере, в ближайшем будущем. К нему обращено вдохновенное слово автора. Православная ориентация путеводителя не означает его конфессиональной замкнутости. В нем рассказывается и о древнейших этапах истории региона и его памятников — о хасмонейских древностях, о завоеваниях — филистимлян, ассирийцев, иудеев, вавилонян, египтян и др., о древне-библейских живых следах, как и об эллинистически-римских, но, главное, идет детальный серьезный разговор обо всем, что связано с возникновением и распространением христианства, жизнью Христа, его семьи, учеников, последователей и гонителей. Повествование охватывает все религии, все основные богословские течения и культы в их сосуществовании, взаимодействии и борьбе. Оно живо и как бы обращено непосредственно к слушателю, отправляющемуся в паломничество вместе с автором: неслучайно уже в начале звучит приглашение «пройти земными дорогами Евангелия».

Пройти дорогами Евангелия означает не только движение вширь — по всему *пространству* Святой Земли, но и погружение вглубь — во *время*, протянувшееся из древности веков буквально к сегодняшнему дню. Это предопределяет историзм взгляда автора на описываемые объекты, лица и события. Замечательно проникновение автора, который в тех или иных новозаветных реалиях открывает следы чуть ли ни дохасмонейских древностей, а в классических мусульманских формах угадывает римско-византийскую первооснову памятника, как например, в описании мечети Аль-Акса на Храмовой горе Иерусалима: «Связь с той же римско-византийской традицией явственно

проступает и в истории минарета — основной вертикали мусульманского зодчества. Не нужно быть специалистом в истории архитектуры и строительной техники, чтобы понять, что минарет восходит к столпам византийских подвижников Ближнего Востока, за которыми, в свою очередь, виднеются римские и византийские триумфальные императорские колонны (Траяна в Риме, Константина в Константинополе)»[5]. Историзм взгляда сказывается в умении увидеть и передать это в книге как пример единственного, может быть, на земле напластования в каждом отдельном архитектурном памятнике Иерусалима «сакральных пространств — ветхозаветного «Города Царей», римской языческой Элии Капитолины, византийского города Константина и Елены, храмового комплекса Гроба Господня крестоносцев, Via Dolorosa францисканцев», как говорится в путеводителе в связи с деятельностью о. Антонина (Капустина). Но это мы вправе сказать и о самом Николае Николаевиче.

Но повествование, о котором идет речь, проникнуто и философско-богословским духом. Автор не боится включать по тому или иному поводу личные ощущения и размышления в связи с описываемыми памятниками, как например, в случае с храмом Преображения на вершине горы Фавор, построенным любимым архитектором Н.Н. Лисового на Святой Земле Антонио Барлуцци: «Поднявшись по серпантину дорог к вершине горы, проходим через известную арку, именуемую Баб-эль-Хава — «Врата ветра». Действительно, даже летом здесь всегда почему-то чувствуется дыхание бриза, а всмотревшись в захватывающую панораму всей почти Галилеи, простертой у твоих ног, начинаешь понимать, что могли значить для древних святилища на горах — в соседстве с небом и с Богом. Мистическое дыхание вершин воздействует на человека куда сильнее и глубже, чем самые величественные из развалин. Не только присутствие Творца в красоте и величии созданного Им мира, но зримые черты почитания Его — в разных формах, у разных нардов, от «каменного века» до наших дней, с алтарями, жертвоприношениями, молитвами и гимнами,- облагораживают и преображают душу»[6].

Три ипостаси автора, а именно, историка (он — доктор исторических наук), философа (он был кандидатом философских наук) и поэта-литератора соединились в содержании и стилистике Путеводителя.

Но нельзя не отметить еще одной важнейшей черты книги, — главной, для чего она, может быть, и писалась. Это рассмотрение всего, что ожидает паломника на Ближнем Востоке, сквозь призму истории *Русской Палестины*, которая, можно сказать, главным героем проходит через повествование всего тома.

Освоение русскими людьми Святых мест, — от чтения ими первых славянских переводов Писания и первого «хождения» в Палестину игумена Даниила — до формирования и благотворительной деятельности Российских государственных, духовных и общественных организаций в Святой Земле, — составляет внутренний стержень путеводителя. Благочестивые паломничества многих тысяч русских людей — от представителей элиты, как например, Полоцкой

княгини Евфросиньи в древности, или Великого Князя Константина Николаевича, затем Великого Князя Сергия Александровича с Великой Княгиней Елизаветой Федоровной — в XIX в., вплоть до руководителей страны наших дней, с одной стороны, и тысяч и тысяч простых крестьян, мещан, работников, стара и млада, — составляет это непрекращающееся движение, связывающее Россию с далекой и такой близкой Землей. Деятельность таких подвижников, как арх. Порфирий (Успенский), о. Антонин (Капустин), о. Леонид (Сенцов), еп. Кирилл (Наумов) и др., знаменитых ученых — А.С. Норова, А.Н. Муравьева, А.А. Дмитриевского, П.И. Севастьянова, Н.П. Кондакова, общественных деятелей — Б.П. Мансурова, А.В. Головина, В.Н. Хитрово, Д.Д. Смышляева и др. осветили собой неутомимый подвиг создания и развития русских институтов, обществ, храмов и монастырей, школ и больниц, центров гуманитарной помощи в Палестине. Самой важной здесь является духовная составляющая. Н.Н. Лисовой так характеризует это явление: «Русская Палестина — это не только совокупность русских храмов, монастырей подворий в Святой Земле, даже не только система тех или иных церковных и светских учреждений. Если понимать под Русской Палестиной полноту политического, духовного, научного и гуманитарного присутствия России в Святой Земле: труды и подвиги дипломатов, служителей Церкви, Царской семьи и правящей элиты (августейшие паломники, благотворители Святой Земли, руководители ближневосточной политики), паломников и путешественников XI–XIX вв., писателей, художников, архитекторов, ученых-востоковедов, — это один из самых масштабных и насущных *национальных проектов* в истории России»[7].

Неоценимым вкладом в этот проект является и всё научное и литературное творчество Н.Н. Лисового. Вечная ему память!

1 Россия в Святой Земле. Документы и материалы. // Под ред. Н.Н.Лисового. М., 2000. Т.1–2; Лисовой Н.Н.; Храмы Русской Палестины. // К свету. М., 2002; он же, Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; История русского православного зарубежья. // Под ред. Протоиерея Николая (Балашова) и М.В. Бибикова. Авторы: М.В. Бибиков, Л.А. Герд, Н.Н. Лисовой, А.В. Назаренко, Е.С. Токарева, Н.Т. Энеева и др. М., 2015 Т.I. Ч.1. С.378–503 и мн. др.

2 XVIII Международный конгресс византинистов. 8–15 августа 1991. Программа. М., 1991. С 225.

3 Святая Земля. Исторический путеводитель. Под ред. М.В. Бибикова. Авторы: М.В. Бибиков, А.Б. Ванькова, А.В. Кузнецов, О.А. Родионов, И.В. Тамаркина. М., Иерусалим, 2000.

4 Лисовой Н.Н. Святая Земля: История и наследие. Православный путеводитель. М.; СПб., 2015.

5 Лисовой Н.Н. Святая Земля: История и наследие. Православный путеводитель. М.; СПб., 2015. С. 36–37.

6 Лисовой Н.Н. Там же. С. 331–332.

7 Лисовой Н.Н. Там же. С. 64.

Крещение Руси и развитие русской литературы

М.В. Рождественская

Светлой памяти
Николая Николаевича Лисового

Роль Крещения Руси в становлении и развитии русской литературы не нуждается в доказательствах. Без христианства, утвержденного князем Владимиром I Святославичем в качестве государственной религии, объединяющей разные племена, не могла бы возникнуть и русская литература: первые тексты на старославянском языке были текстами Священного Писания и, прежде всего, текстами Нового Завета. Ибо в них содержатся основные постулаты и этические нормы новой веры. Для того, чтобы она постепенно распространилась и утвердилась на огромной территории Восточно-Европейской равнины с населяющими ее славянскими, балтскими, финно-угорскими племенами, нужно было построить храмы, украсить их мозаиками и фресками, а главное — создать необходимый корпус церковных книг для совершения богослужений, ибо «не вливают новое вино в старые мехи».[1]

Славянская письменность, как система глаголических и кириллических знаков, уже оформилась у южных славян с середины IX в. На рубеже X–XI вв. на Руси благодаря трудам древнеболгарских и древне-сербских переводчиков начинает складываться круг литературных текстов на древнеславянском языке. Немалую роль сыграла и устная традиция, связанная в основном с обрядовой и деловой практикой языческих времен, отразившаяся не только в фольклоре, записанном к тому же значительно позже, но прежде всего, в посольских речах, в формульных выражениях в летописи, в договорных грамотах. Но репертуар древнерусской книжности сформировался все же не на основе письменной фиксации уже бытовавших фольклорных текстов, а на основе памятников раннехристианской литературы,

---

* В основу статьи лег доклад, прочитанный на международной научно-практической конференции «Князь Владимир. Цивилизационный выбор» (Москва, 2015).

переведенных в основном с греческого языка — литературно-административного языка Византийской империи, своеобразного койне. Вот почему академик Д.С. Лихачёв, объясняя высокое словесное мастерство древнерусских книжников уже на начальном этапе формирования русской литературы, использовал символический образ Рождества, он писал, что дарам чужих волхвов предшествовали дары своих пастухов. Под волхвами он имел в виду византийские книжные образцы раннехристианской литературы, а под своими пастухами — развитую устную речь, зафиксированную в упоминавшихся деловых и административно-юридических актах. Принимая святое Крещение, Русь знакомилась с чужим и еще чуждым для нее опытом. Это были чужой, еще не знакомый пласт византийской греко-язычной традиции и чуждый, совершенно новый для вчерашних язычников культурный язык, язык христианства.[2] Решение князя Владимира I Святославича крестить Русь по византийскому образцу было не только духовным, но и политическим актом. «Из всей совокупности данных, — пишет А.В. Назаренко, — Крещение Владимира Святославича и его деятельность по христианизации Руси предстает как сознательный, целенаправленный выбор, обусловленный как личными религиозными исканиями князя, так и совокупностью внутренних <....> и внешних <...> политических причин».[3]

Итак, на основе южнославянских (древнеболгарских и древнесербских) переводов с греческого литературного языка Византийской империи формируется письменная культура Pax Slavia Orthodoxa, объединенная общей верой, общим литературным древнеславянским языком, общим репертуаром книжности. Вместе с тем сам факт появления древнерусской письменности и факт становления древнерусской литературы не равнозначны. Это два стадиально разные явления, однако, несомненно, связанные между собой. Письменность может появиться у народа как система определенных знаков, но это еще не литература, которая возникает тогда, когда мы имеем известный круг текстов, и не только узко-церковного назначения. В Древней Руси в силу разных причин и прежде всего в силу открытости ее путей и границ внешнему миру, эти два явления почти совпали по времени. Можно говорить о литературе, а не о письменности в узком смысле слова, в том случае, если мы имеем в виду не только глаголические или кириллические надписи или записи, а корпус определенных литературных сочинений. При этом стоит разделять понятия «литература» и «книжность». Второе понятие шире первого, оно включает в себя весь объем письменных памятников разного предназначения и разных жанров, письменную культуру в целом, явлена ли она на пергамене, бумаге, стене храма, или бытовом предмете.

По сравнению со многими другими христианскими странами Русь крестилась поздно, только в конце X в. И потому ей предстояло очень быстро освоить и усвоить византийское христианское литературное наследие.

В 993 г. в древней столице Болгарского царства Великом Преславе состоялся Собор, на котором славянская азбука и древнеславянский язык были окончательно признаны священным языком славян-христиан, за что ратовал еще св. Кирилл-Константин на богословском диспуте в Риме. Обо всем этом мы знаем из Житий солунских братьев свв. Кирилла и Мефодия, списки которых дошли до нас лишь с XIII–XV вв. Надо иметь в виду и то, что древнеславянский язык, на который первоучители переводили Евангелие, и на котором многие богослужебные тексты распространялись на Руси, — это литературный язык, то есть, такой, который сознательно был выработан на основе болгаро-македонских диалектов для высокой цели чтения Священных текстов в храме и для совершения Божественной Литургии на своем национальном языке.

Уже к середине XI в. через южных славян, и прежде всего, болгар, ставших христианами столетием раньше, на Руси имелись переводы не только необходимых богослужебных книг, но и образцы житийной, исторической, гимнографической, экзегетической, гомилетической литературы, и не только строго канонической. Эти тексты входили в состав четьих и толковых сборников монастырских библиотек, в них видели поучительные и познавательные примеры Священной истории, они знакомили древнерусских читателей с подвигами первых христианских мучеников и отшельников, наряду с богослужебными текстами они формировали не только тип христианского чтения, но и тип христианского поведения. Это была литература, по происхождению переводная, но близкая религиозному чувству древнерусских читателей, и потому попав на славяно-русскую почву, она разделила рукописную судьбу литературы оригинальной. Эта литература была общей для древних славян и имела наднациональный характер. Ее вслед за Д.С. Лихачёвым можно назвать литературой-посредницей,[4] или вслед за Н.И. Толстым литературой-основой.[5] Можно говорить, как и Д.С. Лихачёв, о «трансплантации» византийской христианской литературы на Русь [6], или, как В.М. Живов, о ее «рецепции»,[7] смысловая разница заключается в деталях.

Культурное влияние всегда имеет две стороны. Для того, чтобы одна культура или литература оказала влияние на другую, необходимо, чтобы эта другая культура имела подготовленную почву для такого влияния, тогда взаимодействие принесет ощутимые плоды. Так, начиная с середины XI в. создаются и первые собственные русские сочинения вроде «Речи философа» в летописном рассказе под 6494 (986) г. о выборе веры князем Владимиром Святославичем, которую Д.С. Лихачёв назвал первым сочинением по русской истории, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Похвала князю Владимиру» Иакова мниха, житийный и гимнографический цикл, посвященный свв. Борису и Глебу, и еще чуть раньше — первые летописные записи, легшие в основание «Повести временных лет».

Определяя «ансамблевость» древнерусской литературы как одно из свойств ее средневекового характера, Д.С. Лихачёв сравнивал древнерусскую литературу с архитектурным сооружением. «Перед нами литература, — писал он, — которая возвышается над своими семью веками, как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания. Древнерусские писатели — не зодчие отдельно стоящих зданий. Это — градостроители. Они работали над одним, общим грандиозным ансамблем. Они обладали замечательным «чувством плеча», создавали циклы, своды и ансамбли произведений, в свою очередь, слагавшиеся в единое здание литературы, в котором и самые противоречия составляли некоторое органическое явление, эстетически уместное и даже необходимое».[8]

Рукописный характер средневековой литературы обусловил ее существование во многих списках, вариантах и редакциях. Герменевтическому и поэтическому изучению средневековых литературных памятников всегда сопутствует и даже предшествует изучение истории их текстов, рукописной традиции, определение времени и места перевода на славянский язык, если это иноязычное произведение, определение времени и места создания оригинального текста. «Исторический подход во всех его видах, от истории текста, истории жизни, истории литературы и общей истории до истории самого вопроса — это нерв нашей науки, корни ее доказательности», писал Д.С. Лихачёв.[9] Н.К. Никольский еще в 1902 г. полагал, что пока не собрано все рукописное наследие Древней Руси, не выявлено и не каталогизировано максимальное количество известных нам древнерусских литературных сочинений, мы не вправе заняться их изучением как литературных памятников. Но если следовать этому положению, такое изучение затянулось бы на многие десятилетия. Об этом с Н.К. Никольским спорил академик В.Н. Перетц, составлявший в первой трети XX в. Толковую картотеку древнерусской литературы, материалы которой находятся ныне в Отделе древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, и привлекший к этой работе многих своих учеников.[10]

Но где критерий, определяющий так называемую «литературность» средневекового текста? На наш взгляд, это слово в данном случае не совсем уместно. Часто на древний памятник смотрят с точки зрения его «литературности» в современном значении слова, значении, выработанном на образцах литературы Нового времени. Древнеславянские же книжники хорошо понимали, что главная книга — Священное Писание — уже давно написана, и поэтому каждое сочинение любого жанра, вышедшее из-под их пера, всегда было или старалось быть своеобразным комментарием к Писанию, его толкованием, прямой или косвенной цитатой, реминисценцией или откликом. «Граница между текстом Священного Писания,

по словам польского исследователя Александра Наумова, и остальными видами богослужебных книг никогда не была четкой. Следует определить богослужение как моделирующий фактор культуры древней поры, <...> а художественное мышление можно назвать мышлением богослужебным».[11] И далее А. Наумов пишет: «люди прекрасно понимали исключительную роль Св. Писания, но воспринимали отдельные слова и сюжеты согласно их праавторству, т.е., самым большим авторитетом пользовались слова Бога Отца и Иисуса Христа (logia) и мессианские стихи, затем следовал авторитет евангельского повествования, апостольских поучений и деяний, текстов пророчеств, книг мудрости (насколько они вообще воспринимались как библейские — ср. случай с книгой Иисуса сына Сирахова) и в конце — исторических книг Ветхого Завета. Особо смотрели на Псалтырь — это была вневременная модель молитвы, которую воспринимали как свою собственную».[12]

Многими исследователями древнеславянской и древнерусской литературы в частности, отмечены и объяснены библейские цитаты в ней, реминисценции, аналогии и переклички. Описана основная христианская топика. Выявление механизмов работы со словом древнерусского книжника — автора, редактора, переписчика, а в целом, замечательного компилятора — позволило изучить поэтику средневекового текста, подчиненную общей задаче: созданию образца, нормы, идеала христианского поведения (Imitatio Christi) и христианского восприятия мира. Поэтому с точки зрения современного читателя, древнерусская литература не вполне «литература», не та изящная словесность или беллетристика, к которой он привык: ее авторов и читателей не очень интересовали приключения героев или повороты сюжета, они не ждали неожиданностей, а, напротив, стремились встретиться с хорошо известным. Поэтому понятие новизны не было для них чем-то положительным и важным. Сам же древнерусский книжник официально не признавал себя создателем конкретного произведения, его творцом, даже если он действительно был его автором, ибо Творец всегда один. Как известно, он часто называет себя малограмотным, неумелым, грешником из грешных, «псом смердящим», пишет, что, мол, «в Афинах не учился» и т.п.: «Списаже ся си книга при настоятельстве преподобнаго игумена Никона, рукою многогрешнаго инока Антониа. Ты же, священноиноче Матфею, помяни мя грешнаго в святых ти молитвахъ».[13] Так с помощью устоявшегося клише книжник-христианин оберегал себя от греха гордыни. Но читатель понимал, что коль скоро автор столь грешен, плох и ничтожен, как он сам себя определяет, а написанное им наполнено высоким духовным смыслом, то это означает одно: не кто иной, как только Господь даровал ему по его усердной молитве литературное умение. Отсюда важнейшие черты поэтики средневекового текста, которые для древнерусской литературы выявил и описал Д.С. Лихачёв, а для древнеболгарской

литературы Крассимир Станчев, для ранневизантийской — С.С. Аверинцев.[14] Это явление литературного этикета, абстрагированность, нормативность, так называемые «тематические ключи», по определению Рикардо Пиккио,[15] приглушенность авторского начала и т.д., то есть, все те черты, которые отличают литературу средневекового типа от литературы Нового времени. Это совсем иная эстетика.

В известной статье «Повести временных лет» под 6545(1037) годом летописец сравнил книги с реками, «напаяющими всю вселенную», и сравнил не случайно — реки Восточно-Европейской равнины и их притоки, протекающие в разных ландшафтных и климатических зонах, обусловили политическое и экономическое развитие молодого древнерусского государства. Река часто была границей между своим и чужим миром, важным торговым и культурным путем, соединяющим страны и народы, на высоких берегах рек обычно закладывались древнерусские города, наконец, реки были символом самой жизни человека, необходимым условием его жизнедеятельности. Употребив сравнение рек с книгами, летописец, таким образом, поставил литературу в один ряд с самыми необходимыми условиями развития древнерусского государства, придал литературе действительно государственное значение. Он развил это сравнение и дальше. Как река имеет своим началом исток, так и книги, по его слову, тоже источники: «в книгах ведь неизмеримая глубина, они исходища (источники) мудрости».[16] Река полезна, когда она глубока, когда в ней водится рыба, когда ее можно использовать как дорогу и летом, и зимой. Глубина же книг заключена в их Священном смысле, доступном не всякому. Летописная статья 6545 (1037) года посвящена княжению Ярослава Владимировича как продолжателя дела своего отца по утверждению христианской веры на русской земле, поэтому летописец затрагивает тему мудрости, но не просто житейской мудрости киевского князя, а мудрости Софийной, мудрости правителя, заложившего в Киеве в этот год храм св. Софии-Премудрости Божией по аналогии с храмом св. Софии в Константинополе. При храме князь собрал «писцов многих, и перелагали они с греческого на славянский язык и на письмо».[17]

Разумеется, это были тексты богослужебные и толковательные, предназначенные новообращенным христианам. «Велика бо бывает польза от учения книжного», — пишет летописец, — ибо тот, кто читает книги и ночью, и днем, приносит душе великую пользу».[18] Речь идет, естественно, о христианском учении, ибо Христос это Учитель, он говорил притчами, а притча, как всякое иносказание, требовала толкования для новообращенного человека. В этой фразе заключен, по сути, весь смысл и цель древнерусской литературы начального периода. С точки зрения древнерусского автора и читателя, литература — это душеполезное чтение. Эта во многом сюжетообразующая для древнерусского писателя мысль станет основой классической русской литературы в последующем, хотя само ключевое

слово «польза» будет меняться со временем. Процесс секуляризации русской культуры, начавшийся в конце XVI-начале XVII вв., расширил понятие пользы, перевел его в иной план, а петровская эпоха понимала слово «польза» уже иначе — писатель должен не столько учить, сколько приносить пользу, но пользу не только душе, а в первую очередь, государству. Просветительские настроения в России как будто бы вернули слову «польза» его нравственно-назидательный смысл, но чисто практический и более светский — воспитать идеального Гражданина, способного служить Отечеству.

Развитие русской литературы, берущей свое начало не с Пушкина и даже не с Ломоносова, как бы высоко мы их ни ценили, — это путь от усвоенного Русью через южнославянское посредство раннехристианского и переработанного на собственной почве «душеполезного чтения» к литературе уже в современном значении этого слова. Крещение Руси, ее христианизация, «учение книжное» определили основную парадигму развития русской литературы. Хотя переходный и бурный XVII век открыл в ней человеческий характер и ценность человеческой личности независимо от ее социального статуса, но поиски сакрального смысла в написанном слове, учительная нота с разной степенью полноты все же звучит в русской литературе Нового периода. Когда Н.А. Некрасов в стихотворении «Сеятелям», обращался со словами «сейте разумное, доброе, вечное, сейте, спасибо вам скажет сердечное русский народ» к тем, кто хотел нести просвещение и знание «на ниву народную»,[19] он использовал не только евангельский образ зерна, брошенного в благодатную почву и способного принести добрые плоды, но (скорее всего, неосознанно,) и образ засевания божественным словом сердца вчерашних язычников в «Повести временных лет» при описании Крещения Руси князем Владимиром Святославичем и деятельности его сына Ярослава Владимировича по распространению христианской книжности: «Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, — так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть Крещением просветил. Этот же Ярослав, сын Владимиров, посеял книжные слова в сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное».[20]

К высказыванию Д.С. Лихачёва о том, что древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одного сюжета и одной темы, где тема эта — смысл человеческой жизни, а сюжет — вся мировая история, можно добавить: Божественный смысл и Священная история. Древнерусские книжники на первоначальном этапе освоения христианского письменного наследия свою задачу выполнили замечательно, всего за полстолетия они включили недавно христианизированную Русь в общемировой контекст христианских народов, включили через Слово, которое «было от Бога и которое было Бог».

[1] Мф.9:17; Мк.2:21–22

[2] Творогов О.В. Принятие христианства на Руси и древнерусская литература // Введение христианства на Руси. М. «Мысль». 1987. С. 138–161.

[3] Православная Энциклопедия. T.VIII. М. 2004. С. 694.

[4] Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы XI-XVII вв. (Эпохи и стили). Л. 1973.

[5] Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. Отв. Ред. В.Н. Ярцева. М. «Наука». 1988.

[6] Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы... 1973.

[7] Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.; Языки славянской культуры. 2002. С.73–115.

[8] Лихачёв Д.С. Первые семьсот лет русской литературы. // «Изборник». Сборник произведений литературы Древней Руси. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая). М. «Художественная литература». 1969. С. 7.

[9] Лихачёв Д.С. Литература-реальность-литература. Л. 1981. С. 84.

[10] Никольский Н.К. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. СПб. 1902. [2] (Памятники древней письменности и искусства). Более подробно об этом см.: Рождественская М.В. К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ РАН АН СССР (1932–1947 гг.). К 55-летию Отдела. // ТОДРЛ. Т.42. Л. «Наука». 1989. С.3–52.

[11] Наумов А. Св. Кирилл Туровский и Священное Писание // Philologia Slavica. К 70-летию акад. Н.И. Толстого. М. 1993. С. 115.

[12] Там же. С. 116.

[13] Поучения аввы Дорофея, рукопись 1414 г.

[14] Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л. «Наука». 1967; Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. «Наука», 1977 и след издания; Станчев Кр. Поетика на старобългарската литература. София. Изд-во «Наука и изкуство». 1982. (на болг. языке).

[15] Piccio R. The Function of Didlical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Orthodoxa in: Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies of the Hebrew University. Jerusalem 1997 / Vol.I. Ed. By L. Fleischman, O. Ronen, D. Segal. P.1–33. Российское издание: Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства. // Риккардо Пиккио. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М. Изд-во «Знак». 2003. 431–473.

[16] Повесть временных лет. // Библиотека литературы Древней Руси. Том I. XI-XII века. СПб. «Наука». 2000. С. 195.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Некрасов Н.А. Собр. Соч. в 15-ти тт. Л. «Наука». 1981. Т.3. (Стихотворения 1875–1877).

[20] Повесть временных лет. // Библиотека литературы Древней Руси. Т.I. С.195.

Православное востоковедение. Библиография трудов Н.Н. Лисового

Р.Б. Бутова

Научная деятельность Николая Николаевича Лисового (1946–2019) всегда отличалась разнообразием тематики и включала такие области знания как источниковедение, археография, археология, византинистика и востоковедение, а также вопросы истории языка и литературы, теологии, церковной истории, канонического права. Но важнейшей сферой его исследований являлась история Русской Православной Церкви и русского духовного, политического и культурно-гуманитарного присутствия на Ближнем Востоке. В результате Лисовым было предложено новое направление исследований — православное востоковедение как наука о Православном Востоке.

Отношения России и стран библейского региона в историческом, этнорелигиозном и культурном многообразии Н.Н. Лисовой воспринимал не только как уникальный объект изучения, но как своеобразный «плацдарм» взаимодействий и противоречий русской и европейских дипломатий, противостояния православной Российской империи и западного латинско-протестантского мира. Однако, исследования внешнеполитических проблемам, осуществлялись в контексте взаимодействия Церкви и Государства — со времен Византии, Московской Руси и России императорского периода. Это было связано с тем, что Николаем Николаевичем была разработана концепция истории России с точки зрения важности Империи и Церкви в формировании национальной государственности и предложено новое понимание российской державы как преемницы Византийской Империи, берущей на себя ответственность за судьбы и благосостояние народов, с ее центрированностью на понимании сакрального смысла и предназначения в истории.

Как авторитетный исследователь российско-ближневосточных связей XIX–XX вв., Н.Н. Лисовой руководил масштабными научно-издательскими

проектами по публикации материалов, связанных со Святой Землей. Им были подготовлены и опубликованы шесть томов документов по церковному и дипломатическому присутствию на Ближнем Востоке, сразу ставшие настольными для российских дипломатов и представителей Русской Церкви в странах региона. Признанный эксперт в области исторических и культурных связей России со странами Ближнего Востока, Лисовой регулярно оказывал содействие Министерству иностранных дел в работе по архивно-документальному подтверждению российского права собственности на подворья, храмы, монастыри в Святой Земле и их возвращению в собственность Российской Федерации.

В рамках научного сотрудничества с Московской Патриархией Николай Николаевич возглавлял проект по изучению и изданию уникального источника и памятника русской духовной культуры — многотомного Дневника начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Антонина (Капустина). За монографию «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — нач. XX вв.» был удостоен Макариевской премии первой степени в номинации «История Православной Церкви».

С 2007 г. он являлся научным редактором основанной им издательской серии «Библиотека Русской Палестины», в которой переиздавались с его вступительными статьями и комментариями наиболее серьезные памятники отечественного палестиноведения. Николаем Николаевичем был предложен также новый тип исторического путеводителя к библейским памятникам, совмещающий принципиально научный характер с глубоким знанием церковной истории и религиоведения.

Эрудиция и широкий круг интересов позволяла Лисовому работать в различных научных областях. Ряд его работ посвящен истории русского языка и литературы, им был разработан метод уточнения датировки византийских и древнерусских рукописей на основании внутренних данных текста. В течение ряда лет (1995–2005) он входил в состав редколлегии «Словаря русского языка XI-XVII вв.».

Н.Н. Лисовой состоял заместителем председателя Научного совета РАН «Роль религий в истории», входил в редколлегию журнала «Богословские труды» и Экспертный совет Макариевского фонда, работал в редколлегии ежегодника «Религии мира», являлся ответственным редактором «Православного Палестинского сборника», входил в редколлегию трудов Центра истории религии и Церкви ИРИ РАН («Церковь в истории России»). Николай Николаевич был автором многих лекций и курсов лекций по истории и филологии (в Политехническом музее, Государственном историческом музее, ИППО), автором и ведущим нескольких документальных фильмов и телесериалов по истории России, Русской Церкви и культуры, русско-палестинских связей на разных каналах радио и телевидения.

Последние годы жизни Н.Н. Лисового, несмотря на проблемы со здоровьем, были очень плодотворны в научном плане. К 2019 г. общий объем его научных и научно-популярных работ, в том числе 15 монографий (из них 6 в соавторстве) и 6 томов архивных материалов и документов, составил 507 наименований, и это при том, что первая библиография научных трудов, опубликованная к 60-летию, включала 347 работ*.

В полном расцвете научного опыта и огромных накопленных знаний ушел Николай Николаевич... Осталось несколько важнейших незавершенных проектов, которые общими силами его учеников и соратников необходимо будет закончить, помня слова из Пророка Исайи «*Не умолкну ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь*», которыми всегда руководствовался Николай Николаевич Лисовой.

Библиография трудов Н.Н. Лисового

1968

1. Рец.: Перспективы современной физики [Perspectives in Modern Physics. Essay in Honor of Hans A. Bethe on the Occasion of his 60-th Birthday, July 1966. Ed. by R. Marshak. Interscience Publishers. New York-London-Sydney, 1966. XII. 673 p.] // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 176–180.

1970

2. Рец.: Возвращение из легенды [Даниельссон Б. Гоген в Полинезии. М., 1969. 280 с.] // В мире книг. 1970. № 6. С. 37. — Подписано псевдонимом: Л. Никольский.

1971

3. Служение родной литературе. К 150-летию со дня рождения А.М. Жемчужникова // В мире книг. 1971. № 2. С.26.
4. Путь критика [О Ш. Сент-Беве] // В мире книг. 1971. № 4. С.34.
5. Публ.: Иеросхимонах Амвросий (Гренков). Письма / Сост. и подг. текста // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 11. С.68–77. — Публикатор не указан.

---

* Библиография работ Н.Н. Лисового. Сост. Р.Б. Бутова с использованием библиографических материалов Н.Н. Лисового. // Родное и вселенское. К 60-летию Николая Николаевича Лисового М., 2006. С. 405–429.

1972

6. Принципы индексации научно-технического текста в автоматизированной информационно-поисковой системе АСИОР. М., Институт прикладной математики АН СССР. Препринт № 59. 1972. 52 с.
7. Памяти епископа Виссариона (Нечаева) // Журнал Московской Патриархии. 1972. № 2. С. 70–78. — Подписано псевдонимом: А. Вольгин*.
8. Рец.: Сердца островитян. [Японская новелла. 1960–1970. М., 1972.] // В мире книг. 1972. № 10. С.38.

1973

9. Об одной мифологеме времени в связи с проблемой межкультурных контактов // Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации». Ч. II. М., 1973. С. 345–355.
10. Из поучений и примеров достоподражательной жизни преподобного Аввы Евфимия Великого // Журнал Московской Патриархии. 1973. № 7. С. 73–77; № 8. С.75–76; 1974. № 8. С. 50–52. — Автор не указан.

1974

11. Афон и Русская Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1974. № 3. С. 2–25; № 4. С. 5–15; № 5. С. 8–12; № 6. С. 12–28. — В соавт. с протоиереем Анатолием Просвирниным и В.И. Скурлатовым. — Опубл. за подп. о. Анатолия Просвирнина.
12. Махариши из России [К 100-летию со дня рождения Н.К. Рериха] // Детская литература. 1974. № 4.

1976

13. Сингулярность, направление времени и развитие Вселенной // Философские проблемы астрономии XX века. М., «Наука», 1976. С. 311–341.
14. О Священном Писании Нового Завета // Новый Завет. М., изд. Московской Патриархии, 1976. С. 593–611. — Автор не указан; То же. Изд. 2. 1979.
15. Житие преподобной Марии Египетской // Журнал Московской Патриархии. 1976. № 3. С. 40–47. — Автор не указан.
16. Афон и Русская Церковь. Библиография // Богословские труды. Сб. 15. 1976. С. 185–256. — В соавт. с протоиереем Анатолием Просвирниным и Т.С. Кобловой. — Опубл. за подп. о. Анатолия Просвирнина.

---

*Общий псевдоним, которым подписывались в журнале архимандрит Анатолий (Просвирнин), Н.Н. Лисовой и некоторые другие авторы.

1977

17. Философский анализ современных концепций времени в физике и космологии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1977. 24 с.

1978

18. Статьи о святых // Настольная книга священнослужителя. Т. 2. Месяцеслов. Сентябрь-февраль. М., 1978. Свт. Иоанн IV Постник, патриарх Константинопольский. С. 15–16; преп. Афанасий Серпуховской. С. 63–66; св. князь Феодор Черный. С. 87–91; св. князь Игорь Черниговский. С. 91–93; преп. Иосиф Волоцкий. С. 193–201; свт. Иларион, митрополит Киевский. С.206–209; св. князь Александр Невский. С.317–322; свт. Геннадий, архиепископ Новгородский. С.359–362; свт. Филипп, митрополит Московский. С.477–481. — Автор не указан.

1979

19. Статьи о святых, иконах и праздниках // Настольная книга священнослужителя. Т. 3. Месяцеслов Март-август. М., 1979. Св. князь Василько Ростовский. С. 23–26; Албазинская икона Божией Матери. С. 49–53; св. князь Ростислав Киевский. С. 70–73; Феодоровская икона Божией Матери. С. 73–76; св. князь Довмонт Псковский. С. 341–344; Положение Ризы Божией Матери. С. 498–502; свт. Фотий, митрополит Киевский. С. 502–504; свт. Анатолий, патриарх Константинопольский. С. 509–510; св. князь Андрей Боголюбский. С. 514–519; Обретение мощей преподобного Сергия Радонежского. С. 522–528; Явление Казанской иконы Божией Матери. С. 535–539; св. равноап. княгиня Ольга. С. 553–563; св. варяги-мученики. С. 567–570; св. равноап. князь Владимир. С. 576–583; Память святых отцов шести Вселенских Соборов. С. 587–591. — Автор не указан.

1981

20. Рец.: Зачинатель советской военной школы. [Семанов С.Н. Брусилов. М., 1980.] // Огонек. Апрель. 1981. № 16. С. 15.

1983

21. Новые музеи СССР. М., 1983. — 150 с.

1985

22. Die russische theologische Wissenschaft // Die russische Orthodoxe Kirche. Berlin-New York, 1985. (Die Kirche der Welt. Bd. 19). — Автор не указан. — Русский вариант (с дополнениями и послесловием автора): Обзор основных направлений русской богословской академической науки в XIX — начале XX столетия // Богословские труды. Сб. 37. М., 2002. С. 5–127.

1986

23. Сквозь века, традиции и стили // Искусство стран Востока. М., 1986. С. 269–297.

1987

24. Текстуальные полонизмы Псалтири Фирсова 1683 г.: книжные заимствования или диалектизмы? // Русская региональная лексика XI–XVIII вв. М., 1987. С. 68–104. — В соавторстве.

1988

25. Остромирово Евангелие как исторический источник // Остромирово Евангелие 1056–1057. [Научное сопровождение к факсимильному изданию]. Л., 1988. С. 12–14.
26. Русская Православная Церковь: 988–1988. Очерки истории. Вып. 2. 1917–1988. М., 1988. С. 4–48. — Автор не указан.

1989

27. Проблема преемственности богословско-исторической концепции митрополита Макария // Уникальному памятнику русской культуры Благовещенскому собору Московского Кремля 500 лет. Тезисы научной конференции. М., 1989. С. 20–23.

1990

28. Русская Православная Церковь: 988–1988. Очерки истории. Вып. 1. I–XIX вв. М., [1990.] С. 4–29. — На титульном листе год издания: 1988. — Автор не указан.
29. Радонежская или Преподобного Сергия школа / «Русская энциклопедия» // Народное образование. 1990. № 10. С. 162–172.
30. Рождество и возрождение // Московский строитель. 9–16 января 1990. № 1. С.12–13.

31. Святитель Феофан Затворник // Московский строитель. 23–30 января 1990. № 3. С.13.
32. Сретение Господне // Московский строитель. 20–27 февраля 1990. № 7. С.12.
33. Памяти Евгения Евсеева // Московский строитель. 27 февраля — 6 марта 1990. № 8. С. 14.
34. Благовещение Пресвятой Богородицы // Московский строитель. 3–10 апреля. 1990. № 13. С. 12.
35. Последний очевидец. Памяти В.В. Шульгина // Московский строитель. 15–21 мая 1990. № 19. С. 8–9.
36. Три лика русской духовности. Статья 1. Сказание о Софии // Московский строитель. 12–19 июня 1990. № 23. С. 10–12.
37. Три лика русской духовности. Статья 2. К Троице Живоначальной // Московский строитель. 17–24 июля 1990. № 28. С. 10–12.
38. Грань темы. [Церковь и государство]. Выступление на круглом столе «Пути возрождения культурной среды Отечества». Соловки, 12 июля 1990 г.// Истоки. № 1. Июль 1990. С. 20–21.
39. Публ.: Розанов В.В. «Торжество Православия» в служении Антиохийского Патриарха. Впечатления мирянина / Публ. и предисл. // Московский строитель. 27 февраля — 6 марта 1990. № 8. С. 14.
40. Публ.: Шульгин В.В. Азбука. Мария Владиславовна Захарченко-Шульц // Московский строитель. 6–13 марта 1990. № 9. С. 12–13.
41. Публ.: Шульгин В.В. Рассказ о Г.И. Гурджиеве / Публ. и предисл. // Московский строитель. 20–27 марта 1990. № 11. С. 12.
42. Публ.: Бугаев Б.Н. Штемпелеванная культура / Публ. и предисл. // Московский строитель. 12–19 июня 1990. № 23. С. 13. — Автор предисловия не указан.
43. Публ.: Шульгин В.В. Деникин и Врангель / Публ. и предисл. // Московский строитель. 20–27 декабря 1990. № 7. С.13.

1991

44. Школа Преподобного Сергия // Сергий Радонежский. (Сборник статей). М., 1991. С. 414–429.
45. История Русской Церкви в трудах Н.М. Карамзина // Забелинские научные чтения, посвященные 225-летию Н.М. Карамзина. Тезисы докладов. М., ГИМ. 1991. С. 9–11.
46. Игумен русской земли. К 650-летию пострижения Сергия Радонежского // Российский календарь знаменательных дат. М., 1991. № 8. С.39–41
47. Архимандрит Леонид (Кавелин) // Российский календарь знаменательных дат. М., 1991. № 9. С. 54–56.
48. Владимир Креститель // Наш современник. 1991. № 10. С. 170–174.

49. Звезда Вифлеема // Домострой. 1–15 января 1991. № 1. С. 14.
50. Книга, глаголемая «Домострой» // Домострой. 1–15 января 1991. № 1. С. 8. — Автор не указан.
51. «Сохрани мою речь...» (К 100-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама) // Советская Россия. 16 января 1991. № 11 (10462). С. 6.
52. Пути исцеления // Домострой. 29 января 1991. № 3. С. 8.
53. О праведной жизни // Домострой. 5 февраля 1991. № 4. С. 8. — Автор не указан.
54. Русь бережливая // Домострой. 12 февраля 1991. № 5. С. 8. — Автор не указан.
55. Петр и Достоевский // Домострой. 19 февраля 1991. № 6. С. 14–15.
56. «Мариино стояние» // Домострой. 19 марта 1991. № 10. С. 12–13.
57. Князь Хилков: выбор веры // Домострой. 26 марта 1991 г. № 11. С. 12–13.
58. Воскресение Огня и Света // Домострой. 2–9 апреля 1991. № 12. С. 12–13.
59. Пасха и Кириопасха // Домострой. 2–9 апреля 1991. № 12. С. 14.
60. Красная Горка // Домострой. 9–16 апреля 1991. № 13. С. 8. — Автор не указан.
61. Корни уходят в небо: правда Вознесения // Домострой. 14 мая 1991. № 18. С. 8–9.
62. Рожденный на Вознесение [А.С. Пушкин] // Домострой. 4 июня 1991. № 21. С.10–11.
63. Парад Победы: 22 июня 1941 — 24 июня 1945 // Домострой. 18 июня 1991. № 23. С.8–9.
64. «Отец очень любил свой народ» (Беседа с М.Г. Жуковой, дочерью маршала) // Домострой. 18 июня 1991. № 23. С.10–11. — В соавторстве
65. В чрезвычайных условиях. Государственный Комитет Обороны // Домострой. 18 июня 1991. №23. С.12–13.- Автор не указан.
66. Из семейного альбома // Домострой. 18 июня 1991. №23. С.16.
67. Строитель великой России [О святом князе Андрее Боголюбском] // Домострой. 16 июля 1991. №.27. С.8–9.
68. Красный марш гильотины // Домострой. 9 июля 1991. № 26. С. 12–13.
69. Княгиня Ольга: у истоков Русской Церкви и русской державы // Домострой. 23 июля 1991. № 28. С. 8–9.
70. Есть ли в бурях покой? К 150-летию со дня гибели М.Ю. Лермонтова // Домострой. 20 августа 1991. № 32. С. 10–11.
71. Песнь Успенская // Домострой. 3 сентября 1991 № 34. С. 8–9.
72. Русское спасение. Беседа с архимандритом Иннокентием (Просвирниным) о Патриархе Сергии и его духовном наследии // Домострой. 10 сентября 1991. № 35. С. 11–12.
73. Дочь Человеческая [О празднике Рождества Богородицы] // Домострой. 24 сентября 1991. № 37. С. 10.
74. Крестное Древо // Домострой. 1 октября 1991 г. № 38. С. 8–9.

75. Троице-Сергиева Лавра // Домострой. 8 октября 1991. № 39. С. 12.
76. Под покровом Богородицы // Домострой. 15 октября 1991. № 40. С. 8–9. — В соавторстве.
77. Огненный фокус. (К 100-летию со дня кончины святого старца Амвросия Оптинского) // Домострой. 22 октября 1991. № 41. С. 8–9.
78. «Всели в себя Бога». Из жизни и заветов святого праведного Иоанна Кронштадтского // Домострой. 29 октября 1991. № 42. С. 12–13.
79. Нестор Летописец: концепция будущего // Домострой. 12 ноября 1991. № 44. С. 8–9.
80. Два пророка: Достоевский и Леонтьев о «всемирной любви», России и Европе. (Два письма Татьяне Глушковой) // Домострой. 26 ноября 1991. № 46. С. 12–13; То же // Глушкова Т.М. Встречи. СПб., 2004. С. 138–158.
81. С Новым годом // Домострой. 31 декабря 1991. № 51. С. 2.
82. Николин день // Домострой. 31 декабря 1991. № 51. С. 12.
83. Публ.: Меньшиков М.О. Лев и Серафим / Публ. и предисл. // Домострой. 22 января 1991. № 2. С. 14–15. — Автор предисл. не указан.
84. Публ.: Шульгин В.В. Опыт Столыпина / Публ. и предисл. // Домострой. 19 февраля 1991. № 6. С. 8–9, 12. — Автор предисл. не указан.
85. Публ.: Князь Д.А. Хилков об армии, Церкви и государстве. (Мысли бывшего толстовца и диссидента) // Домострой. 26 февраля 1991. № 7. С. 12–13.
86. Публ.: Преподобный Серафим: о цели нашей жизни / Предисл. и подг. текста // Домострой. 30 июля 1991. № 29. С. 8–9.
87. Публ.: Покушение на Россию: гибель и бессмертие П.А. Столыпина / Предисл. к подборке архивных публикаций // Домострой. 17 сентября 1991. № 36. С. 8. — Автор предисл. не указан.

1992

88. Ключ к Вифлеему // Православный Палестинский сборник. Вып. 31 (92). М., 1992. С. 3–6.
89. Воля к спасению // Иоанн Кронштадтский. (Сборник статей). М., 1992. С. 367–379; То же // «Берегите святыню нашу» (Сборник статей). М., 1993. С. 37–50;
    То же // Иоанн Кронштадтский. М., 1998. С. 9–20.
    То же // Молодая гвардия. 2003. № 7/8. С. 80–92.
90. Богоявление и Крещение // Домострой. 14 января 1992. № 2. С.8–9.
91. Димитрий Прилуцкий. К 600-летию со дня кончины // Домострой. 18 февраля 1992. № 7. С. 8–9.
92. Максим Грек // Домострой. 28 января 1992. № 4. С. 8–9.
93. Воспоминание о Страшном Суде // Домострой. 25 февраля 1992. № 8. С. 8–9.

94. Таинство поста // Домострой. 24 марта 1992. № 12. С. 7.
95. Святой Василько Ростовский // Домострой. 24 марта 1992. № 12. С. 11.
96. Благовещение // Домострой. 7 апреля 1992. № 14. С.8. — Автор не указан.
97. Простите, герои! [Памяти павших в Великой Отечественной войне] // Домострой. 5 мая 1992. № 18. С. 16. — Автор не указан.
98. Русские люди. К 80-летию со дня смерти А.С. Суворина // Домострой. 19 мая 1992. № 20. С. 9; То же // Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине / Предисловие. М., 1992. С. 5–7.
99. Третий Всероссийский. (О III Всероссийском фестивале православных фильмов) // Домострой. 26 мая 1992. № 21. С. 11.
100. У истоков славянской миссии: князь Аскольд, Кирилл и Мефодий // Домострой. 26 мая 1992. № 21. С. 10; 23 июня 1992 г. № 25. С.11.
101. На нашей улице — праздник! (О днях славянской письменности) // Домострой. 9 июня 1992. № 23. С. 13.
102. Ключ к Вифлеему. Из истории Императорского Православного Палестинского Общества // Домострой. 16 июня 1992. № 24. С. 8.
103. Всея России Чудотворец. Сказание о трудах и подвигах Сергия Радонежского (К 600-летию кончины) // Домострой. 14 июля 1992. № 28. С. 8–9.
104. Памяти Н.А. Ошариной // Домострой. 21 июля 1992. № 29. С.2.
105. Строитель Святой Руси [О святом равноапостольном князе Владимире] // Домострой. 4 августа 1992. № 31. С. 12; 11 августа 1992. № 32. С. 12.
106. Православное кино // Искусство кино. 1992. № 9. С.162–165.
107. Город верующего разума [О Сергиевом Посаде и Московской Духовной Академии] // Домострой. 6 октября 1992. № 40. С. 15.
108. 7 ноября: 1917...1941...1992... // Домострой. 10 ноября 1992. № 45. С. 16.
109. Собор Михаила Архангела // Домострой. 17 ноября 1992. № 46. С. 12.
110. Василий Болотов и загадка «Михайлова дня». (К 100-летию одного открытия) // Домострой. 24 ноября 1992. № 47. С. 12; 1 декабря 1992. № 48. С. 11.
111. Чудо поэзии. К 100-летию со дня смерти А.А. Фета // Домострой. 29 декабря 1992. № 52. С.13.
112. Публ.: Шульгин В.В. Французская интервенция на юге России (отрывочные воспоминания) / Предисл. и подг. текста // Домострой. 21 января 1992. № 3. С. 12–13; 4 февраля 1992. № 5. С. 12–13; То же // Военная быль. 1993. № 3(132). С. 27–31; № 4 (133). С. 26–30.
113. Публ.: Митрополит Антоний (Храповицкий). Слово на день памяти преподобного Сергия / Публ. и посл. // Домострой. 6 октября 1992. № 40. С. 10.
114. Публ.: Волчиное сердце. К 100-летию со дня рождения Марины Цветаевой / Публ. и предисл. // Домострой. 20 октября 1992. № 42. С. 12–13.
115. Ред.: Иоанн Кронштадтский / Научн. редактор и автор послесл. М., 1992. 382 с.

1993

116. В.В. Шульгин: человек, политик и мыслитель // Международная научная конференция «Культурное наследие русской эмиграции: 1917–1940-е годы». Сборник материалов. М., РАН. «Конгресс соотечественников». 1993. С. 92.
117. Рождение Бога в человеке // Домострой. 5 января 1993. № 1. С. 9. — Автор не указан.
118. Две книги — два мировоззрения // Домострой. 5 января 1993. № 1. С. 12.
119. Национализм: хорошо ли это? // Домострой. 12 января 1993. № 2. С. 8–9.
120. Город Святой Агафьи // Домострой. 16 февраля 1993. № 7. С. 8.
121. После погорельщины. («Круглый стол» о поэзии в редакции газеты «День») // День. 1993. № 8. То же: Глушкова Т.М. Встречи. Спб., 2004. С. 241–280. — В соавт.
122. Торжество Православия. Празднику иконопочитания — 1150 лет // Домострой. 2 марта 1993. № 9. С. 12.
123. Сорок лет со Сталиным // Домострой. 9 марта 1993. № ...
124. Наследие Бенедикта [О преподобном Бенедикте Нурсийском и ордене бенедиктинцев] // Домострой. 23 марта 1993. № 12. С. 11.
125. Святая Плащаница // Домострой. 13 апреля 1993. № 15. С. 10.
126. Девятое мая: дуэль под грохот салютов // Домострой. 4 мая 1993. № 18. С. 10–11.
127. Победоносец: история Всадника с московского герба // Домострой. 11 мая 1993. № 19. С. 10–11.
128. «Знай свой род». Размышления над книгой О.Н. Трубачева // Домострой. 18 мая 1993. №20. С.10.
129. Народ Пресвятой Троицы // Домострой. 8 июня 1993. № 23. С.12.
130. Ибо время близко. Апокалипсис-93 // Домострой. 20 июля 1993. № 29. С.12.
131. Рождество Богородицы // Домострой. 21 сентября 1993. № 38. С. 12.
132. Улыбка Вяльцевой // Домострой. 28 сентября 1993. № 39. С. 11.
133. В распятом мире [О празднике Воздвижения] // Домострой. 28 сентября 1993. № 39. С. 12.
134. Иверское сердце // Домострой. 24 октября 1993. № 43. С. 12.
135. Образ будущего // Домострой. 7 ноября 1993. № 45. С. 12.
136. Неупиваемая Чаша // Домострой. 1993. № 48. С. 12–13. — В соавторстве.
137. Руководство к счастью: памяти Михаила Меньшикова. К 75-летию со дня гибели // Домострой. 21 декабря 1993. № 51. С.12–13.
138. Таинство Империи в историософии и поэзии. (К 190-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева // Домострой. 28 декабря 1993. № 52. С. 12.
139. Публ.: Волошин М.А. Пророки и мстители / Публ. и послесл. // Домострой. 26 января. № 4. С.10; 2 февраля. №5. С.11; 9 февраля 1993. № 6. С. 8.

140. Публ.: Шульгин В.В. Лена. (Сон и явь) / Публ. и предисл. // Домострой. 6 апреля 1993. № 14. С. 9.
141. Публ.: Картавцева И.М. Владыка Петр [О святителе Петре (Звереве)] / Публ. и предисл. // Домострой. 10 августа 1993. № 32. С. 12.
142. Публ.: Игорь Глебов (Асафьев Б.В.). Чайковский / Публ. и предисл. // Домострой. 16 ноября 1993. № 46. С. 13.
143. Публ.: Епископ Михаил (Грибановский). Над Евангелием / Публ. и послесл. // Домострой. 1992. №25–38, 41, 43–47; 1993. № 1, 2, 4–12, 14, 16, 17–20, 25, 26, 45.

1994

144. Неоплатный долг [Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина)] // Московское строительство. 19 июля 1994. № 27. С. 4.
145. Русская Палестина: строительство продолжается // Московское строительство. 8 ноября 1994. № 43. С.4.

1995

146. Под знаком Софии. (К предыстории идеи Третьего Рима) // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 29–31 мая 1989 г. М., 1995. С. 58–64.
147. Преображение Господне: иконография и смысл праздника // Синергия: Проблемы аскетики и мистики Православия. М. 1995. С. 207–229.
148. Хлудовская Псалтирь 843 года и русская иконографическая традиция // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. (Забелинские научные чтения 1993 г.). М., 1995. С. 131–141. (Труды ГИМ. Вып. 87.)
149. Видения «Других берегов». [Московская родня В.В. Набокова в неизвестных фотодокументах] // Московское строительство, 11 апреля 1995, № 15. С. 4.
150. Победоносцы // Московское строительство, 4 мая 1995, № 18. С. 4.
151. Бабушка // Московское строительство. 1995. № 26. С. 4; № 27. С. 4; № 29. С. 4.
152. Торжества Владимирской // Московское строительство. 5 сентября 1995. № 36. С. 4; 12 сентября 1995. № 37. С. 4.
153. Никольщина // Московское строительство. 19 декабря 1995. № 51. С. 4.
154. Рец.: Кровавый пуф. (Крестовский В.В. Кровавый пуф. Т. 1–2. М., «Современный писатель», 1995) // Завтра. 1995. № 35 (91). С. 6.
155. Ред.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Чл. редкол. — М.: Наука, 1995. — Вып. 20. — 288 с.

156. Ред.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Чл. редкол. — М.: Наука, 1995. — Вып. 21. — 280 с.

1996

157. У истоков Русской державы // Святая Ольга. Владимир Святой. М., 1996. С. 9–36.
158. Долг неоплатный // Московское строительство. 4 января 1996. № 1. С. 1. — Автор не указан.
159. Возраст созидания. К 70-летию со дня рождения митрополита Питирима (Нечаева) // Московское строительство. 10 января 1996. № 2. С. 4.
160. Спас Нерукотворный. Из старомосковских впечатлений // Московское строительство. 27 августа 1996. № 35. С. 4.
161. Дерягин [Памяти В.Я.Дерягина] // Образ. 1996. № 2 (6).
162. Сост.: Святая Ольга. Владимир Святой. / Сост. Н.Н. Лисовой, М.Б. Поспелов / Член редкол. — М., 1996. 368 с.: илл.
163. Ред.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Чл. редкол.- М.: Наука, 1996. Вып. 23. 253 с.

1997

164. К датировке Мстиславова Евангелия // Мстиславово Евангелие XII века: Исследования. М., 1997. С. 710–719.
165. Чудо Серафима // Преподобный Серафим Саровский. Сборник. М., 1997. С. 9–18.
166. Due epoche, due “Filokalie” // Kauchtschischwili N., Tachiaos A.-Al.N. e aa. vv. Paisij, lo starec. Comunità di Bose, «Edizioni Qiqajon». 1997. P. 183–216.
167. Наши палестины // Родина. 1997. № 5. С. 67–72.
168. Православный календарь // Возрождение. Ноябрь 1997. № 11. С. 7.
169. Храмы Святой Земли. Наследие Русской Палестины // Московское строительство. 1997. №№ 6, 8, 11, 13.
170. Сердце Солоухина (Некролог) // Московское строительство. 15 апреля 1997. № 15. С.4.
171. Тайна Святого Огня // Московское строительство. 13 мая 1997. № 19. С. 4; То же // Religio. Восстановленная связь. 2000. № 1. С. 46–49.
172. Москва-Иерусалим: русский юбилей на Святой Земле // Московское строительство. 22 апреля 1997. № 16. С. 4. — Автор не указан.
173. Сост.: Преподобный Серафим Саровский. Сборник М., 1997. 427 с.: илл.
174. Ред.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Чл. редкол. — М.: Наука, 1997. Вып. 22. 253 с.
175. Ред.: Патриарх Никон. Протопоп Аввакум. / Член редкол. — М., 1997. 414 с.: илл.

176. Ред.: Федор Достоевский. / Член редкол. — М., 1997. 550 с.: илл.
177. Ред.: Михаил Скобелев. / Член редкол. — М., 1997. 492 с.: илл.
178. Ред.: Иосиф Сталин. / Член редкол. — М., 1997. 528 с.: илл.

1998

179. Две эпохи — два Добротолюбия. (Преподобный Паисий Величковский и святитель Феофан Затворник) // Церковь в истории России. Сб. 2. М., Институт Российской истории РАН. 1998. С. 108–178; То же (вариант исправл. и доп.) // Добротолюбие. Т. V. М. Изд. Сретенского монастыря. 2004. С. 472–550.
180. О данных месяцеслова как возможном датирующем признаке. (К уточнению времени создания Мстиславова Евангелия) // Историческому музею — 125 лет. Материалы юбилейной научной конференции. М., 1998. С. 238–246. (Труды ГИМ. Вып. 100.)
181. Естественный стиль. Штрихи к биографии и творчеству М.О. Меньшикова // Меньшиков М.О. Выше свободы. Статьи о России. М., 1998. С. 411–431. — В соавторстве.
182. Храмы Святой Земли. «Русское место» // Московское строительство. 27 января 1998. № 4. С. 4.
183. Благовещение в Назарете // Московское строительство. 7 апреля 1998. № 14. С. 4.
184. Храмы Святой Земли. Архитектура францисканцев // Московское строительство. 22 сентября 1998. № 38. С. 4; 20 октября 1998. № 42. С. 4.
185. Храмы Святой Земли. Ночная молитва // Московское строительство. 17 ноября 1998. № 46. С. 4.
186. Храмы Святой Земли. Крестный Путь // Московское строительство. 1 декабря 1998. № 48. С.4.
187. Храмы Святой Земли. Гора Блаженств // Московское строительство. 8 декабря 1998. № 49. С.4.
188. Храмы Святой Земли. «Величит душа моя Господа» // Московское строительство. 15 декабря 1998. № 50. С.4.
189. Храмы Святой Земли. Воскрешение Лазаря // Московское строительство. 22 декабря 1998. № 51. С.4.
190. Храмы Святой Земли. «Слава в вышних Богу» // Московское строительство. 29 декабря 1998. № 52. С.4.
191. Ред.: Грушевой А.Г. Нессанские папирусы. Синайские набатейские надписи как исторический источник // Православный Палестинский сборник / Член редкол. — Вып. 96 (33). СПб., 1998, 252 с.
192. Ред.: Пиотровская Е.К. Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности // Православный Палестинский сборник / Член редкол. — Вып. 97 (34). СПб., 1998, 175 с.

193. Ред.: Памяти Н.В. Пигулевской // Православный Палестинский сборник / Член редкол. — Вып. 98 (35). СПб., 1998,. 285 с.
194. Ред.: Федор Ушаков. / Член редкол. — М., 1998. 416 с.: илл.
195. Ред.: Иоанн Кронштадтский. / Член редкол. — М., 1998. 335 с.: илл.
196. Ред.: Петр Столыпин. / Член редкол. — М., 1998. 428 с.: илл.
197. Ред.: Георгий Жуков. / Член редкол. — М., 1998. 349 с.: илл.

1999

198. Наследие Русской Палестины // Россия и Святая Земля. Страницы истории. М., 1999. С. 73–98.
199. Православие византийское, русское, вселенское // Москва. 1999. № 1. С. 152–159.
200. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: история и духовное наследие // Богословские труды. Сб. 35. К 150-летию РДМ в Иерусалиме (1847–1997). М., 1999. С. 36–51.
201. Каноны совести и свобода Церкви // Научно-богословские труды по проблемам православной миссии. Белгород, 1999. С. 262–265.
202. Годы благодати. (Хроника двух тысяч лет христианской цивилизации) // Московская перспектива. 1999. №№ 1–6, 8, 10–14, 17–20, 22.
203. Возвращение англиканской церкви // Московская перспектива. 1999. № 2. С. 4. — Автор не указан.
204. «Веселое дело работы»: К 60-летию Татьяны Глушковой // Московская перспектива. 21 декабря 1999. № 51. С. 4.
205. Ред.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Чл. редкол.- М.: Наука, 1999. Вып. 24. 254 с.

2000

206. «Приди и виждь». Свидетельства Бога на земле / С предисловием Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000. 543 с., илл.
— Рец.: Калинина Л.Г. Утверждение в святости. Открытие выставки и презентация книги «Приди и виждь» в храме Христа Спасителя // Московская перспектива. 2000. № 4.
— Рец.: Щапов Я.Н. // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 292–296.
207. К истории русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Труды Института российской истории РАН. Вып. 2. М., 2000. С. 56–89.
208. Архимандрит Антонин (Капустин) — исследователь синайских рукописей. (По страницам дневника) // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С.197–225.

209. Чудо благодатного огня в русской богословской и церковно-исторической литературе // Глас тихий. Божии знамения нашего времени. М., 2000. С. 403–426.
210. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX — начале XX вв. // Россия в Святой Земле: документы и материалы. М., 2000. Т. I. С. 12–42; То же // К Благодатному Огню. М., 2002. С. 195–234; То же // http://www.voskres.ru/idea/lsv1.htm
211. Сводный каталог русских недвижимостей в Святой Земле // Россия в Святой Земле: документы и материалы. М., 2000. Т. I. С. 691–719. — В соавторстве.
212. Русские школы в Святой Земле // Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т. I. М. 2000. С. 720–722.
213. Храмы Русской Палестины // Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т. II. М. 2000. С. 589–612; То же // К свету. Вып. 19. М., 2002. С. 138–165.
214. «Знай свой род». (Над страницами О.Н. Трубачева) // Отечественные лексикографы XVIII-XX века. М., «Наука». 2000. С. 488–498.
215. Одерживающая верх. (Г.А. Богатова и ее Словарь) // Русская историческая лексикография на современном этапе. К 25-летию издания Словаря русского языка XI-XVII вв. М., 2000. С.149–158; То же // Доктор филологических наук Галина Александровна Богатова / Сост. Г.Н. Владимирская. М., «Святитель Киприан». 2001. С. 6–17.
216. Церковное Предание и историческая реконструкция // Исторический Вестник. 2000. № 7 (11). С. 85–94.
217. Византия: патриархи и императоры // Religio. 2000. № 2. С. 18–21.
218. Нам нужна Победа! // Московская перспектива. 24 апреля 2000. № 16. С. 1–2. — Автор не указан.
219. Воскрешение Храма, преображение России // Московская перспектива. 15 августа 2000. № 33. С. 3.
220. Горящий Вифлеем (Круглый стол по проблеме «Россия — Палестина — Ближний Восток») // Завтра. 2000. 5 ноября. № 45(362).
221. Сост.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост., подг. текста, вступ. статья, комм. и общая редакция. Т.I-II. М., 2000. — Рец.: Игнатьев А.В. // Вопросы истории. 2002. № 5. С.165–168.
222. Публ.: Хитрово В.Н. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / Предисловие и публикация // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. М. 2000. С.329–334; То же // Богословские труды. Сб. 36. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: новые документы и материалы. М. 2001. С. 6–9.
223. Публ.: Дмитриевский А.А. Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина) / Предисловие и публикация // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. М. 2000. С. 379–395; То же //

Богословские труды. Сб. 36. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: новые документы и материалы. М. 2001. С. 57–65.???

224. Публ.: Архимандрит Антонин (Капустин). «Жаль мне до смерти всего прошедшего...» (Страницы из дневника) / Предисловие и публикация // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. II. М. 2000. С. 544–588. — В соавт.; То же : Богословские труды. Сб. 36. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: новые документы и материалы. М. 2001. С. 176–181.
225. Ред.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Чл. редкол.- М.: Наука, 2000. Вып. 25. 315 с.

2001

226. Награды Русской Православной Церкви / С предисл. Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001. 80 с.; То же. Изд. 2-е, доп. М., 2003. 88 с.
227. Три Рима: таинство Империи // Три Рима. М., 2001. С. 7–16.
228. Священный Рим // Три Рима. М., 2001. С. 113–144.
229. Святыни Царьграда // Три Рима. М., 2001. С. 277–286.
230. Песнь Успенская // Три Рима. М., 2001. С. 441–452.
231. Русское дело в Святой Земле. (По материалам Архива внешней политики Российской империи) // Дипломатический ежегодник. 2001. М., 2001. С. 327–358.
232. «Святой Диоклетиан»: Империя и Церковь в римско-константинопольско-московской парадигме // Восточнохристианская цивилизация и восточнославянское общество в современном мире. М. Институт философии РАН, 2001. С. 64–75.
233. «Поэзии божественная власть» // Наш современник. 2001. № 2. С. 37–39.
234. Москва — Иерусалим: перспективы XXI века // Московская перспектива. 30 января 2001. № 4. С. 4.
235. «Душа верна». (Памяти В.В. Кожинова) // Московская перспектива. 6 февраля 2001. № 5. С. 4.
236. Подвиг памяти // Московская перспектива. 8 мая 2001. № 18. С. 1, 4.
237. Смерть поэта (Памяти Татьяны Глушковой) // Московская перспектива. 8 мая 2001. № 18. С. 4.
238. Код века // Московская перспектива. 28 августа 2001. № 35. С. 4; 26 февраля 2002. № 8. С. 4.
239. «Время настоящее есть плод прошедшего» [Интервью] // Граждановедение (еженедельное приложение к «Учительской газете»). 23 августа 2001 г. № 34 С. 3.
240. Сост.: Три Рима / Сост. Н.Н. Лисовой, Т.А. Соколова. М., 2001. 464 с. — Рец.: Калинина Л.Г. Куда ведут дороги Третьего Рима // Московская перспектива. 23 октября 2001. № 43. С.4.

241. Ред.: Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: новые документы и материалы // Богословские Труды. / Член редкол. — Сб. 36. М., 2001. 303 с.
242. Пер.: Брукфилд К. Письменность / Пер. с англ. М., 2001. 64 с.

2002

243. Чудотворные иконы. Обретение, чудотворения, молитвы. М., 2002. 271 с.: илл.
244. Восемнадцатый век в истории русского монашества // Монашество и монастыри в России. XI-XX века. Исторические очерки. М., «Наука», 2002. С. 186–222.
245. Императорское Православное Палестинское Общество и проблемы православного востоковедения // Культурное наследие Египта и христианский Восток. М., Институт востоковедения РАН. 2002. С. 177–192.
246. Русская Церковь и Патриархаты Востока. (Три церковно-политические утопии XX в.) // Религии мира. История и современность. 2002. М., «Наука», 2002. С. 143–219.
247. История и современное состояние Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // К свету. Вып. 19. М., 2002. С. 118–138.
248. Обзор основных направлений русской богословской академической науки в XIX — начале XX столетия // Богословские труды. Сб. 37. М., 2002. С. 5–127.
249. «К почести вышнего звания»: Академия Российская и Русская Церковь // Словарь Академии Российской. Т. 3. М., 2002. С. 30–45.
250. Барлуцци Антонио // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 339–341. — В соавт.
251. Последний очевидец [Предисловие] // Шульгин В.В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 3–22.
252. Поздний Шульгин. (Вместо послесловия) // Шульгин В.В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 572–580.
253. «Святой Диоклетиан»: таинство Империи // Трибуна русской мысли. 2002. № 2. С. 58–69.
254. Тайна Святого Огня // К свету. Вып. 19. М., 2002. С. 165–175; То же // К единству. 2006. №3. С.13–16; №4. С.14–15. То же // http://pravnov.ru/materials/chudesa/fire.htm
255. Глазами победителей. [Предисловие] // Глушкова Т.М. После Победы. М., 2002. С. 7–20.
256. Из истории паломничества. Игумен Даниил в Святой Земле // Православный паломник. 2002. № 5(7). С. 59–61; 2003. № 1(8). С. 58–61.
257. Волхвующий зов. К 80-летию Федора Сухова // Российский литератор. Апрель 2002. №7 (34). С.6.
258. Хранитель Вселенной // Московская перспектива. 2002. №№ 14,15,16.

259. Копье Судьбы // Московская перспектива. 2002. №№ 17, 18.
260. Тайна Грааля // Московская перспектива. 2002. №№ 19, 21.
261. Терновый Венец // Московская перспектива. 2002. № 23.
262. Дары Волхвов // Московская перспектива. 2002. №№ 24, 25; То же // http://russchool-delhi.narod.ru/.
263. Рец.: Верещагин Е.М. Библеистика для всех. М., «Наука». 2000 // Религии мира. История и современность. М., Наука. 2002. С.220–223.
264. Публ.: Шульгин В.В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны / Сост., предисл., подготовка текста, послесл. М., 2002. С.
265. Ред.: Монашество и монастыри в России. XI-XX вв. Исторические очерки. / Член редкол. — М., «Наука», 2002. 346 с.
266. Ред.: Борисов А.Я. Материалы и исследования по истории неоплатонизма на средневековом Востоке // Православный Палестинский сборник / Член редкол. — Вып. 99 (36). СПб., 2002. 256 с.

2003

267. Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие // Отечественная история. 2003. № 2. С. 19–37; № 3. С. 84–103.
268. Миротворческая парадигма русской мысли // Миротворчество в России. Церковь, политики, мыслители. М., «Наука», 2003. С. 4–27. — В соавторстве.
269. «Президенты Палестины». Памяти первых председателей ИППО Великого Князя Сергия Александровича и Великой Княгини Преподобномученицы Елизаветы Федоровны // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 103–131.
270. Василий Николаевич Хитрово — основатель Императорского Православного Палестинского общества // Хитрово В.Н. К Животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника. М., 2003. С. 5–59. — То же. Изд. 2. М.. 2006.
271. Lo “starec” Makarij e l’attivit editoriale a Optina // Optina Pustyn’ e la paternit spirituale. Edizioni Qiqajon. Comunit di Bose. 2003. P. 77–96.
272. Афон и Россия: святоотеческий завет, национальный миф или вызов эпохи? // Русский предприниматель. 2003. № 7–8 (16). С. 80–83.
273. Служба Максиму Исповеднику по новгородским Минеям конца XI — начала XII в. [Современный перевод церковнославянского текста с уточнениями по греческому] // Мурьянов М.Ф. Гимнография Киевской Руси. М., «Наука», 2003. С. 250–252. (Приложение 1.2).
274. Между Империей и Пустыней. (О чем спорили преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский) // Нескучный сад. 2003. № 6. С. 28–33.
275. Служение Слову. Академик О.Н. Трубачев: ученый, человек, гражданин (Некролог) // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 288–291.

276. Воскрешающая сила // Московская перспектива. 29 апреля 2003. № 16. С. 6.
277. Век Серафима: Житие и Время. К 100-летию канонизации Преподобного // Московская перспектива. 2003. №№ 28, 32, 33, 34.
278. Святая Русь на Святой Земле // Московская перспектива. 30 сентября 2003. №№ 38, 39, 40.
279. Памяти митрополита Питирима // Московская перспектива. 11 ноября 2003. № 44.
280. После вечного боя. Памяти Юрия Кузнецова // Московская перспектива. 25 ноября 2003. № 46.
281. Воспоминания Н.Я. Величко и Н.Н. Лисового // Воспоминания о старце Николае Гурьянове. М., 2003. С. 69–73.
282. Публ.: Хитрово В.Н. К Животворящему Гробу Господню / Подг. текста, вступит. статья и комм. М., 2003. 172 с.— То же. Изд. 2. М.. 2006.
283. Ред.: Православный Палестинский сборник. / Отв. ред. — Вып. 100. М., 2003. 315 с.
284. Русский XX век: тайна Церкви и Империи. Доклад на объединенных XXVIII Сергиевских и XV Кирилло-Мефодиевских чтениях в МГУ 22 мая 2003 г. // http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=10532

2004

285. Патриархи подвига и жертвы // Патриархи Московские. М., 2004. С. 3–15.
286. Патриарх в Империи и Церкви // Труды Института российской истории РАН. Вып. 4. М., «Наука». 2004. С. 40–78.
287. Я.Н. Щапов и школа русского канонического права // Религии мира: История и современность. 2004. М., «Наука». 2004. С. 9–18.
288. Империя и Церковь (диптих) // Религии мира: История и современность. 2004. М., «Наука». 2004. С. 234–272.
289. Вениамин, игумен, основатель Вениаминовского подворья в Иерусалиме // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 626–627.
290. Вифания. Раздел «Церковное строительство в Вифании в XIX–XX вв.» // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 588–590.
291. Вифлеем. Раздел «Русский участок в Вифлееме» // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 603.
292. Виффагия // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 606–607.
293. Святыни Иерусалима и русско-эфиопские отношения конца XIX — начала XX вв. // Культурное наследие Египта и христианский Восток. Вып. 2. М., Институт востоковедения РАН. 2004. С. 343–350; То же // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия. М., Институт философии РАН, 2004. С.77–88.

294. «Сердце, вместившее Восток». К 200-летию со дня рождения епископа Порфирия (Успенского) // Православный паломник. 2004. № 4 (17). С. 55–60; № 5 (18). С. 42–49; № 6 (19). С. 50–57.
295. Церковно-научная конференция «Сердце, вместившее Восток» // Православный паломник. 2004. № 6 (19). С. 56–57.
296. Императорское Православное Палестинское Общество: русский след на Святой Земле // Церковь и время. 2004. № 2. С. 147–177.
297. Русская Палестина // Православная Беседа. 2004. № 1. С. 32–35.
298. Патриарх в Царстве и в Церкви: таинство православной державности // Россия Православная. 2004. № 4. С. 107–144.
299. Империя, Церковь и русская идея // Православный паломник. 2004. № 1 (14). С. 53–55.
300. «Вземляй грех мира» (О фильме Мэла Гибсона «Страсти Христовы») // Фома. 2004. № 4 (21). С. 30–33.
301. Уверение неверующего или о том, как были найдены места евангельских событий в Иерусалиме // Фома. 2004. № 5 (22). С. 34–37.
302. До и после Манежа. Памяти памятника // Московская перспектива. 23 марта 2004. № 11. С. 3.
303. Время Благовещения // Московская перспектива. 6 апреля 2004. № 13. С. 4.
304. Крест и Воскресение // Московская перспектива. 13 апреля 2004. № 14. С. 4.
305. Светлые праздники, трагические годовщины // Московская перспектива. 1 июня 2004. № 20. С. 4.
306. Саровская тайна // Московская перспектива. 10 августа 2004. № 32. С. 4. — Автор не указан.
307. Душу народа не перестроить. [Интервью] // Российская Федерация сегодня. 2004. № 22. С. 33–35.
308. Публ.: Абиссинцы в Иерусалиме. (Документы из Архива внешней политики Российской империи) // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия. М., Институт философии РАН, 2004. С. 89–106.
309. Сост.: Патриархи Московские / Сост., вступ. статья. М., 2004. 591 с.
310. Ред.: Притула А.Д. Христианство и персидская книжность XIII–XVII вв. // Православный Палестинский сборник / Член редкол. — Вып. 101 (38). СПб., 2004. 164 с.
311. Ред.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Чл. редкол.- М.: Наука, 2004. Вып. 26. 278 с.

2005

312. Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре секретаря (М.П. Степанов — В.Н. Хитрово — А.П. Беляев — А.А. Дмитриевский) // Православный Палестинский сборник. Вып. 102. М., 2005. С. 6–35.

313. Феномен А.Н. Муравьева и русско-иерусалимские отношения первой половины XIX в. // Православный Палестинский сборник. Вып. 103. М., 2005. С.4–20.
314. Век Серафима: Житие и Время // Наследие Серафима Саровского и судьбы России. Материалы конференции. Москва-Саров, июнь 2004 г. Нижний Новгород, 2005. С. 276–316.
315. Государство и Церковь: парадигмы Востока и Запада // Международная церковно-научная конференция «Православная Византия и латинский Запад. (К 950-летию разделения Церквей и 800-летию захвата Константинополя крестоносцами)». Москва, 26–27 мая 2004 г. Сборник материалов. М., 2005. С. 77–86.
316. Паломничество в русской церковной традиции. Богословский и историко-литургический аспект // Первая общецерковная конференция «Православное паломничество: традиции и современность». Сборник материалов. М., 2005. С. 35–40.
317. Великая княгиня Елизавета Федоровна — председатель Императорского Православного Палестинского Общества (1905–1917 гг.) // Отблеск Нетварного Света. (Материалы VI юбилейных Свято-Елизаветинских чтений). М., 2005. С. 69–93.
318. Империя и Церковь в византийской и русской традициях // Духовные основы российской государственности / XII Международные Рождественские образовательные чтения. 28–29 января 2004 года. М., 2005. С. 92–109.
319. Быть или не быть Православной Империи // Православная беседа. 2005. № 2. С. 20–23.
320. Рождество и новая эра // Русский взгляд. 2005. № 1.
321. Пятнадцатый Патриарх // Мужское и женское тщеславие. 2005. Июль-август. С. 16–25.
322. К святыням Православного Востока. О поездке делегации ИППО на Афон, в Святую Землю и Египет // Московская перспектива. 11 января 2005. №№ 1–3.; То же // Православный Паломник. 2005. № 1 (20). С. 10–16.
323. Нам нужна Победа // Московская перспектива. 4 мая 2005. № 17. С. 1–2. — Ср. № 218.
324. На пятнадцатой ступени. (К 15-летию со дня интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II) // Московская перспектива. 2005. №№ 22–24.
325. Воздвижение // Московская перспектива. 27 сентября 2005. № 39. С. 4.
326. Земля Рождества. Путь к Вифлеему // Православный паломник. 2005. № 6 (25). С. 19–25; 2006. № 1 (26). С. 32–36.
327. Памяти митрополита Питирима († 4 ноября 2003 г.) // Православный Палестинский сборник. Вып. 102. М., 2005. С. 213–217.

328. Ред.: «Святая Русь на Святой Земле»: материалы научной конференции памяти В.Н. Хитрово // Православный Палестинский сборник / Отв. ред. — Вып. 102. М., 2005. 223 с.
329. Ред.: От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный Я.Н. Щапову / Член редкол. — М., 2005. 415 с.
330. Ред.: Отблеск Нетварного Света. Материалы VI юбилейных Свято-Елизаветинских чтений / Член редкол. — М., 2005. 168 с.

2006

331. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М. 2006. 510 с.
— Рец: Щапов Я.Н., Белякова Е.В. // Новая и новейшая история. 2006. № 6.
— Рец: Хевролина В.М. // Отечественная история. 2006. № 5. С. 162–164.
— Рец: Герд Л.А. // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 248–253.
— Рец: Гина Мекрифите // Московская перспектива. 4 апреля 2006. № 13. С. 4.
332. Русские раскопки на Елеонской горе // Дмитревский С.М. Русские раскопки на Елеонской горе. М., 2006. С. 7–12.
333. Архимандрит Антонин (Капустин) и строительство церкви в память императрицы Марии Александровны в Гефсимании на Елеонской горе // Строительство церкви святой Марии Магдалины на Елеонской горе в Иерусалиме в фотографиях из альбома Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1885–1888. М., 2006. С. 9–20. — В соавторстве.
334. Церковь святой Марии Магдалины в Гефсимании // Строительство церкви святой Марии Магдалины на Елеонской горе в Иерусалиме в фотографиях из альбома Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1885–1888. М., 2006. С. 95–100.
335. «Святой Диоклетиан»: святость власти и Империи в римско- константинопольско-московской парадигме // Проблема святых и святости в истории России. Материалы XX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2006. С. 62–81.
336. Гефсиманский, во имя святой равноапостольной Марии Магдалины, монастырь // Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 436–438.
337. Горненский монастырь // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 122–125.
338. Храм Гроба Господня (Воскресения Христова) в Иерусалиме. Раздел «Места поклонения, приделы и престолы» // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2006. С. 124–136.
339. Время преподобного Иосифа Волоцкого в истории русского богословия // Вестник Свято-Пафнутьева Боровского монастыря. 2006. № 3. С. 6.
340. Созидание Русской Палестины продолжается // Православный паломник. 2006. № 1 (26). С. 14–16.

341. А.Н. Муравьев и его роль в русско-иерусалимских отношениях 30–50-х гг. XIX века // Православный паломник. 2006. № 3 (28). С. 6–11.
342. «Рыцарь Святой Земли»: А.Н. Муравьев и его наследие. (К 200-летию со дня рождения) // Библиотековедение. 2006. № 5. С. 76–83.
343. Защитники status quo: русские дипломаты в Иерусалиме // Вестник Нижегородского университета. Сер. «Международные отношения, политология, регионоведение». 2006. № 1 (4).
344. Созидание Русской Палестины // Московская перспектива. 24 января 2006. № 3. С. 4.
345. Зима с летом встретились // Московская перспектива. 14 февраля 2006 г. № 6. С. 4.
346. Правда Вознесения // Московская перспектива. 30 мая 2006 г. № 20. С. 4.
347. Дом Пресвятой Троицы // Московская перспектива. 6 июня 2006 г. № 21. С. 4.
348. Императорское Православное Палестинское Общество и Дом Романовых // Московская перспектива. 3 октября 2006 г. № 39. С. 4.
349. Под Покровом Богородицы // Московская перспектива. 10 октября 2006 г. № 40. С. 4.
350. Юбилей митрополита. (К 60-летию Председателя ОВЦС, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла) // Московская перспектива. 10 октября 2006 г. № 40. С. 4.
— Кувуклия Гроба Господня. Историческая справка // http://www.deti-mira.ru/hram/history.php
— Преподобный старец Макарий (Иванов) и издательская деятельность Оптиной пустыни // http://www.21v.ru/avarya/Makaryi/Makaryi.htm
351. Нет России без Православной Империи [Интервью] // Русский дом. 2006. № 5. С.24–25.
352. Быть или не быть Православной Империи [Интервью] // Русский дом. 2006. № 7. С.30–31.
353. Разгребание песка. Зачем миру затворники. [О Святителе Феофане Затворнике. Беседа с корреспондентом] // Фома. 2006. № 11. С. 89–93.
354. «На страже духа — каждый день и час». [Интервью] // Московская перспектива. 24 октября 2006 г. № 42. С. 4.
355. О живых и усопших [Интервью] // Радонеж. 2006. № 9 (172). С. 6–7.
356. Публ.: Дмитревский С.М. Русские раскопки на Елеонской горе / Подг. текста, сопроводит. статья и коммент. М., 2005. 77 с., 114 с. илл. — На обложке год издания: 2006.
— Рец.: Бутова Р.Б. Дмитревский С.М. Русские раскопки на Елеонской горе // Православный Палестинский сборник Вып. 102. М., 2005. С. 207–212.
357. Сост.: Строительство церкви святой Марии Магдалины на Елеонской горе в Иерусалиме в фотографиях из альбома Русской Духовной

Миссии в Иерусалиме. 1885–1888 / Сост. К.А. Вах, Г.И. Вздорнов, Н.Н. Лисовой / Вступит. и сопроводит. статьи. М., 2006. — 127 с.

358. Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества (1881–2006) / Отв. руководитель проекта. СПб., 2006. 244 с.

2007

359. Владимир Красное Солнышко в истории и предании // Орден Святого Владимира. К 50-летию учреждения ордена Русской Православной Церкви святого равноапостольного великого князя Владимира / С предисл. Патриарха Алексия II. М., 2007. С. 9–29.
360. Орден святого равноапостольного великого князя Владимира // Орден Святого Владимира. М., 2007. С. 33–39.
361. Семидесятилетие В.Я. Дерягина // Виктор Яковлевич Дерягин. Семидесятилетие. М. 2007. С. 26–33.
362. Святитель Феофан Затворник: путь к спасению // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. № 52. М., 2007. С. 156–204.
363. Иерофей, Патриарх Антиохийский, и его деятельность по материалам российских архивов. Ч. 1 // Православный Палестинский сборник. Вып. 105. М., 2007. С. 209–362. — В соавт.
364. Русское православие — в языке, литературе, школах перевода // Духовный потенциал русской классической литературы. М., 2007. С. 66–76.
365. Возвращение Русской Палестины // Русские у Гроба Господня. Императорское Православное Палестинское Общество. 1882–1917. Фотовыставка. М., 2007. С. 3–6.
366. Императорское Православное Палестинское Общество. 1882–2007. М., 2007. 32 с. — В соавт.
367. Архимандрит Киприан (Керн) // Киприан (Керн), архимандрит. Восхождение к Фаворскому свету . М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.
368. Сост.: Киприан (Керн), архимандрит. Восхождение к Фаворскому свету. М., Сретенский монастырь. 2007. 240 с.
369. Сост.: Русские у Гроба Господня. Императорское Православное Палестинское Общество. 1882–1917. Фотовыставка / Сост., вступит. статья. М., 2007. 32 с.

2008

370. Преподобный Иосиф Волоцкий и его время в истории русской богословской мысли // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. М., 2008. С. 29–36.

371. А.А. Дмитриевский и его труды по истории Русской Палестины // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. М. — СПб., 2008. С. 5–72.
372. Императорское Православное Палестинское Общество: 125 лет служения Церкви и России // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. М. — СПб., 2008. С. 371- 432.
373. Елеонская гора // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII. С. 310–317.
374. Елеонский Вознесенский русский монастырь. Раздел «Елеонский монастырь в 1869–1914 гг.» // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII. С. 319–324.
375. Елисавета Феодоровна // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII. С. 389–399. — В соавт.
376. Д.Д. Смышляев: от Перми до Иерусалима // Смышляев Д.Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 251–284.
377. Князь Хилков: выбор веры. (Над страницами писем бывшего толстовца и диссидента) // Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции. Сб. мат-лов III Оптинского форума. М.-Калуга-Оптина пустынь. 2008. С. 346–354.
378. Духовный центр мира // Фома. 2008. Спецвыпуск: Путь паломника. Святая Земля. С. 71–76.
379. Иосифляне, нестяжатели и ИНН. // Фома. 2008. № 2 (58). С. 105–112.
380. Порог Судных Врат: к 125-летию открытия // Православный паломник. 2008. № 3. С. 66–71. — В соавт.
381. Иерофей, Патриарх Антиохийский, и его деятельность по материалам российских архивов. Ч. 2 // Православный Палестинский сборник. Вып. 106. М., 2008. С. 193–251. — В соавт.
382. Наука о православном паломничестве — русский взгляд. Рец.: Житенёв С.Ю. История русского православного паломничества в X–XVII вв. М., 2007. 479 с., илл.
383. Церковно-политические связи Русской Церкви с Патриархатами Востока // Труды Первого российско-греческого форума гражданских обществ «История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке» (Афины, 9–10 октября 2008 г.). Афины-Москва, 2008. С. 73–78.
384. Памяти Патриарха // Московская перспектива. 9 декабря 2008 г., № 131. С. 1–2.

2009

385. Империя в русской истории: тайна православной державности // Сборник материалов конференции «Проблемы культурно-природного синтеза». М., 2009. С. 55–66.

386. Императорское Православное Палестинское Общество: 125 лет служения Церкви и России // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества. 1881–2007. СПб., БАН — Альфарет, 2009. С. 292–323.
387. Люди Русской Палестины: деятели Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.—СПб., Изд-во Олега Абышко, 2009. С. 1–20. [Вступительная статья].
388. Памяти митрополита Питирима // Преданный служитель Церкви. О церковной и общественной деятельности митрополита Питирима (Нечаева). Сборник трудов и воспоминаний. М., 2009. С. 50–55.
389. Участие русских дипломатов в церковно-политической жизни Восточных Патриархатов в середине XIX века // Российская история. 2009. № 1. С. 5–25. — В соавт.
390. Святыни мира и мир святыни // Пути Промысла Божия и святоотеческое наследие (Рождественские чтения, IV направление). Сб. докладов. М. 2009. С. 219–226.
391. К истории русских археологических исследований в в Святой Земле. Иерихон // Российская археология. 2009. № 3. С. 153–161. — В соавт.
392. Археологические памятники Русской Палестины по архивным материалам 1870-х — 1910-х гг. // Российская археология. 2009. № 4. С. 46–57. — В соавт.
393. В центре мира, у Гроба Господня // Русская история. 2009, № 2 (4). С. 36–45.
394. Иаков. Раздел «Почитание Иакова в Иерусалиме» // Православная энциклопедия. Т. XX. М., 2009. С. 443–454.
395. Иерусалимская Православная Церковь в XIX — нач. XX в. // Православная энциклопедия. Т. XXI. М. 2009. С. 487- 494. — В соавт.
396. Иерофей, Патриарх Антиохийский // Православная энциклопедия. Т. XXI. М. 2009. С. 380–383. — В соавт.
397. Служение слову. Академик О.Н. Трубачев: ученый, человек, гражданин // Академик Олег Николаевич Трубачев. Очерки, воспоминания, материалы. М., 2009. С. 232–245
398. Русское паломничество в Святую Землю в XIX-XX вв. // Тысяча лет русского паломничества. Каталог выставки. Государственный Исторический музей. 24 ноября 2009 г. — 28 февраля 2010 г. М., 2009. С. 18–23. — В соавт.

    «Императорское Православное Палестинское Общество никогда не умирало, оно будет продолжаться и дальше». К 127-летию учреждения Общества. Интервью с заместителем Председателя Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) Н.Н. Лисовым, записанное на Сергиевском подворье ИППО в Иерусалиме 10 марта 2009 г. // www.ippo.ru/aktualjnoe-intervjyu/index.html.

399. Русская Православная Церковь — матрица национального исторического опыта // http://ruskline.ru/author/l/lisovoj_nikolaj_nikolaevich/
400. Ред.: Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества. 1881–2007. СПб., 2009. 444 с. — Отв. ред.
401. Ред.:Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. [Сб. работ]. М.—С.-Пб. 668 с. — Сост. и науч. ред.
402. Рец.:Чернышева М.И. Уходящие слова, ускользающие смыслы. Историко-лексикологические исследования. Монография. М., 2009. 196 с.

2010

403. Монастырь Иоанна Предтечи на Иордане // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. XXV. С. 51–53. — В соавт.
404. Вхождение в мир святыни и литургическая реконструкция // Иерусалимский православный семинар. Сб. докладов 2008–2009. М., 2010. С. 119–126.
405. В поисках модели русского научного присутствия на греческом Востоке: ИППО и РАИК // Труды Второго российско-греческого форума гражданских обществ «История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке» (Петербург, 15–16 июня 2009 г.). М., С. 229–235.
406. Самодержец и Восток: Святая Земля и Святая Русь // Русская Палестина. Россия в Святой Земле. Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. С. 75–89.
407. Православное востоковедение и русское присутствие на Востоке: опыт ИППО // VITALIUS. Сборник статей, посвященный 70-летию В.И. Шеремета. М., 2010. С. 215–231.
408. Софийный человек (памяти академика О.Н. Трубачева) // Литературная газета. 20–26 октября 2010. № 41. С. 1.
409. Александр Назаренко или Еще раз о методе православного историка // История: дар и долг. М.-СПб., 2010. С. 3–11.
410. «Заветные столицы» в поэзии и историософии Федора Тютчева // История: дар и долг. М.-СПб., 2010. С. 100–136.
411. Люди Русской Палестины в изображении А.А. Дмитриевского // Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины. М.-СПб., 2010. С. 5–18.
412. Долг неоплатный. (Беседа Д.В. Сафонова с Н.Н. Лисовым, посвященная памяти доцента МДА архимандрита Иннокентия (Просвирнина)) // Богословский Вестник. 2010. № 11–12. С. 982–1006.
413. Преподобный Иосиф Волоцкий и его время в истории русской богословской мысли // Преподобный Иосиф Волоцкий. М., 2010. С. 158–186.
414. Отец Церкви — отец народа. Памяти Святейшего Патриарха Алексия II // http://ruskline.ru/author/l/lisovoj_nikolaj_nikolaevich/

415. Аудиокнига: История Христианской Церкви. Изд-во «Радио России». М., 2010. Размер: 1.3 GB — В соавт.
416. Ред.: Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины. [Сб. работ] / Сост., подг. текста, предисл. Н.Н. Лисового. М.-СПб., 2010. 464 с.

2011

417. «Освобождающая сила». О богословском наследии епископа Михаила (Грибановского) // Михаил (Грибановский), епископ. Сочинения, письма, жизнеописание. М., 2011. С. III–XXXIV.
418. «Знай свой род». (Над страницами О.Н. Трубачева) // Отечественные лексикографы. XVIII– XX вв. М., 2011. С. 487–498.
419. «Одерживающая верх». (Г.А. Богатова и ее словарь) // Отечественные лексикографы. XVIII– XX вв. М., 2011. С. 529–537.; То же: Наследие академика И.И. Срезневского и славянский мир: языки, культура, образование. Рязань, 2012. С. 142–151.
420. Монастырь Искушения // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. XXVII. С. 326–328. — В соавт.
421. Сергиевское подворье — судьба, история, перспективы // Православный Палестинский сборник. Вып. 107. М., 2011. С. 15–53.
422. ИППО и РДМ в Иерусалиме: между МИДом и Синодом // Православный Палестинский сборник. Вып. 107. М., 2011. С. 113–140.
423. Тайна Святого Огня // Русская история. 2011. № 3 (17). С.4–13. То же, изд. исправл. и доп. // «Христос Воскресе!» Пасхальный сборник. М., 2011. С. 18–37.
424. Радоница // «Христос Воскресе!» Пасхальный сборник. М., 2011. С. 272–277.
425. В.Н. Хитрово — основатель Императорского Православного Палестинского Общества // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем в 3-х томах. Т. 1. Православие в Святой Земле. М.-СПб., 2011. С. 5–48.
426. Афон и Россия: святоотеческий завет, национальный миф или вызов эпохи? // Дмитриевский А.А. Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). М., СПб., 2011. С. 5–24.
427. От составителей // Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Год 1881. М.: «Индрик», 2011. С. 11–14.
428. Архимандрит Антонин и его дневник // Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Год 1881. М.: «Индрик», 2011. С. 317–361. — В соавт.
429. Почему язычники просили молитв Алексия Московского // http://ruskline.ru/author/l/lisovoj_nikolaj_nikolaevich/
430. Рец.: Выдающийся труд по истории Востока [Рец. на книгу: Очерки истории исламской цивилизации. В 2-х тт. / Под общ. ред. Ю.М. Кобищанова. М., 2008. 936+776 с.] // Православный Палестинский сборник. Вып. 107. М., 2011. С. 349–350.

431. Ред.: Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем в 3-х томах. Т. 1. Православие в Святой Земле / Сост., подг. текста и комм. Н.Н. Лисового / Отв. ред. Л.В. Мельникова. М.-СПб., 2011. 416 с.
432. Ред.: Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем в 3-х томах. Т. 2. Статьи о Святой Земле. Из истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю / Сост., подг. текста и комм. Н.Н. Лисового / Отв. ред. Л.В. Мельникова. М.-СПб., 2011. 464 с.
433. Сост. Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Год 1881 / Изд. подг. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова / Отв. ред. Я.Н. Щапов. М.. «Индрик», 2011. 384 с., илл.

2012

434. Откровение Святой Земли. Опыт исторического путеводителя. М., 2012. 476 с., илл.
435. Москва — Иерусалим. Из истории Московского отделения ИППО. М., 2012. 80 с.
436. Подворья ИППО в Иерусалиме. М., 2012. 160 с.
437. Палестинское Общество: национальный проект в центре мира, у Гроба Господня // Россия в Святой Земле. К 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока. Каталог Международной юбилейной выставки. М., 2012. С. 12–135.
438. Формирование сакрального пространства Русской Палестины. По материалам дневника архимандрита Антонина (Капустина) // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М., 2012. С. 522–554. — В соавт.
439. Николаевское подворье ИППО в Иерусалиме // Православный Палестинский сборник. Вып. 108. М., 2012. С. 85–98.
440. Императорское Православное Палестинское Общество в оценке друзей, врагов и конкурентов // Православный Палестинский сборник. Вып. 108. М., 2012. С. 197–202.
441. Русская Палестина как национальный проект: к концепции ИППО вчера и сегодня // «Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность в Святой Земле. К 130-летию со дня основания». (Труды конференции в ИРИ РАН, 10 ноября 2011 г.). М., 2012. С. 59–68; То же // Великоросс. Литературно-исторический журнал. 2012. № 3 (5). С. 45–52.
442. В поисках вселенского единства. О книге и ее авторе // Соловьев М.П. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество. М., 2012. С. 7–28.

443. Россия в палестинской судьбе. О книге и ее авторе // Фарах Ф. Живые камни. Арабские христиане на Святой Земле. М., 2012. С. III–XXIII.
444. Русская грусть (Памяти Игоря Чичурова) // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ. Сборник статей памяти профессора Игоря Сергеевича Чичурова / Под ред. П.В. Кузенкова, А.А. Войтенко, М.В. Грацианского. М., 2012. С. 402–408.
445. Константин и Константинополь в византийской и русской перспективе (Из цикла лекций «Шестнадцать веков Византии». М., 1995). — В соавт. / Публ., подг. текста Н.Н. Лисового // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ. Сборник статей памяти профессора Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2012. С. 409–438.
446. Крестный путь России // Русская история. 2012. № 3 (22). С. 32–37.
447. Две природы храма Воскресения Христова // Покров. 2012. № 3. С. 10–17. — В соавт.
448. Православное востоковедение: предмет, проблемы, перспективы // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 1. С. 252–257. — В соавт.
449. Кана Галилейская. Разделы «Православная церковь вмч. Георгия Победоносца» с. 123–124; «Русские участки в Кафр-Кане» (с. 124–125).// Православная энциклопедия. Т. XXX. М., 2012. С. 123–125.
450. Д.Д. Смышляев и Императорское Православное Палестинское Общество // От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д.Д. Смышляева. К 180-летию со дня рождения. Материалы церковно-научной конференции. Пермь, 26 марта 2008 г. Пермь, 2012. С. 26–42.
451. Публ.: Взаимодействие и отношения ИППО и РДМ в Иерусалиме по неизвестным документам АВП РИ / Публ. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 108. М., 2012. С. 107–130.
452. Публ.: Русская собственность в Святой Земле по документам Государственного архива Израиля / Публ. Ю.А. Грачева, Н.Н. Лисового, И.Ю. Смирновой // Православный Палестинский сборник. Вып. 108. М., 2012. С. 131–163.
453. Ред.: Хитрово В. Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия // Сост., подг. текста и комм. Н.Н. Лисового и Л.А. Герд / Отв. ред. Л.В. Мельникова. М.- СПб., 2012. 320 с.
454. Ред.: Православный Палестинский сборник. вып. 108. К 130-летию ИППО / Отв. ред. Н.Н. Лисовой. М., 2012. 248 с.

2013

455. Вечный праздник. О книге и ее авторе // Дмитриевский А.А. Праздники Святой Земли. М., СПб., 2012. (На обложке: 2013). С. 5–13.
456. Кармил. Разделы «Христианские памятники в окрестностях современного монастыря Стелла-Марис» (с. 241–245), «Монастырь Мухрака» (с. 245–246), «Русские участки на Кармиле» (с. 246–247).// Православная энциклопедия. Т. XXXI. М., 2013. С. 241–247.

457. М.А. Черкасова и школы Императорского Православного Палестинского Общества в Бейруте // Всматриваясь друг в друга. Россия и арабский мир: взаимное восприятие. М., ИВ РАН. 2013. С. 430–463.
458. Проект двух императоров: у истоков русско-французского союза // Российская история. 2013. № 6. С. 65–86. — В соавт.
459. Патриарх в Царстве и Церкви: таинство православной державности // Государственность. 1913. № 1–2 (3–4). С.7–40.
460. Церковь нужна, чтобы человек остался человеком // Российская Федерация сегодня. № 16, сентябрь 2013. С. 36–39.
461. Ред.: Дмитриевский А.А. Праздники Святой Земли / Сост., подг. текста, вступит. ст. Н.Н. Лисового. М., СПб., 2013. 286 с.

2014

462. Епископ Арсений и его спутники в Святой Земле // Арсений (Стадницкий), епископ. В стране священных воспоминаний. М.–СПб., 2014. С. 5–27.
463. А.А. Дмитриевский и русская просветительская работа в Святой Земле // Дмитриевский А.А. Палестинское общество и русские школы на Востоке. М.–СПб., 2014. С. 5–16.
464. Кирилл II // Православная энциклопедия. Т. XXXIV. М., 2014. С. 574–579. — В соавт.
465. Иерусалим в библейской, арабской, христианской перспективе / // ППС. Вып. 109. 2014. С. 365–378.
466. Из архитектурной истории храма Гроба Господня в XIX в.: документальное исследование // ППС. Вып. 109. 2014. С. 27–58. — В соавт.
467. Время, творчество, борьба: к 60-летию Сергея Житенева // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. 2014. С. 417–420.
468. Сбои вертикали. Из истории Русской Палестины в XX в. (К 50-летию «Апельсиновой сделки») // Православный Палестинский сборник. Вып. 110. 2014. С. 79–101.
469. Молитва в камне: Антонио Барлуцци (1884–1960) и его храмы в Святой Земле. (К 130-летию со дня рождения архитектора) // Православный Палестинский сборник. Вып. 110. 2014. С. 298–334.
470. Палестинское общество // Большая российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 147–149.
471. У истории, как и у природы, свои законы // Учительская газета. № 4. 28 января 2014 г. С. 22.
472. Публ.: Игумен Вениамин (Лукьянов), Севастопольский и Иерусалимский, в документах и переписке / Подг. текста, вступ. статья и коммент. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. 2014. С. 219–288.

473. Публ.: Каминский В.К. Четвертый путь в Иерусалим / Подг. текста, вступ. статья и коммент. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. 2014. С. 289–305.
474. Публ.: Из истории Российского Палестинского Общества при АН СССР. Часть 1. Документы 1950–1976 гг. / Подг. текста, коммент. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. 2014. С. 309–362.
475. Публ.: Замечания архимандрита Антонина (Капустина) и посланника в Афинах А.П. Озерова на статью В.М. Жемчужникова «Православный Восток и Россия» / Подг. текста, вступ. статья, коммент. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 110. 2014. С. 140–195.
476. Публ.: Неклюдов В.С. Отзыв на отчет Б.П. Мансурова о палестинской командировке / Подг. текста, вступ. статья, примеч. — Н.Н. Лисовой, И.Ю. Смирнова // Православный Палестинский сборник. Вып. 110. 2014. С. 129–139.
477. Публ.: Из истории Российского Палестинского Общества при АН СССР. Документы из архива РПО. Часть 2. 1979–1985 / Подг. текста, коммент. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 110. 2014. С. 245–274.

2015

478. Святая Земля: история и наследие. Православный путеводитель / Предисл. Председателя ИППО С.В. Степашина. М.-СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2015. 416 с.
479. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2015. 776 с. — В соавт.
480. К истории русского духовного и политического присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т. I. М.: Изд-во «Индрик», 2015. С. 9–68.
481. Императорское Православное Палестинское Общество // Музей Императорского Православного Палестинского Общества. Каталог. М., 2015. С. 6–19.
482. Леонид (Сенцов), архимандрит // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. XL. С. 481–484. — В соавт.
483. Порфирий (Успенский) // Большая российская энциклопедия. Т. 27. М., 2015. С. 230.
484. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме // Большая российская энциклопедия. Т. 29. М., 2015. С. 53.
485. Ред.: Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. I. Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М.: Изд-во «Индрик», 2015. 816 с.

2016

486. «Русские участки» в Иерихоне: ранняя история и археология // Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. / Отв. ред. акад. Н.А. Макаров. М., 2016. С. 47–82. — В соавт.
487. Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в его переписке с В.Н. Хитрово и М.П. Степановым // Подарок учёным и утешение просвещённым : сб. ст., посвящ. 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой. СПб.: Петерб. востоковедение, 2016. С. 303–377.

2017

488. Императорское Православное Палестинское Общество в Москве: из истории Московского отделения. М., 2017. 288 с., ил. — В соавт.
489. Сергиевское подворье. Судьба, история, перспективы. М., 2017. 160 с.
490. Архимандрит Антонин (Капустин). Наследство и наследие. 200 лет создателю Русской Палестины // Журнал Московской Патриархии. 2017. № 8. С. 26–33. — В соавт.
491. Императорское Православное Палестинское Общество в новой исторической реальности: 1917, первый акт // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 33–44.
492. «Палестинские штаты»: Указ императрицы Анны Иоанновны от 24 мая 1735 года / Публ. и комм. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 47–53.
493. Памятники Романовского Иерусалима. К 160-летию со дня рождения основателя и первого Председателя ИППО Великого князя Сергия Александровича // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 55–144. — В соавт.
494. Письма секретаря ИППО В.Н. Хитрово к профессору С.-Петербургского университета И.В. Помяловскому (1881–1899 гг.) / Подг. текста Р.Б. Бутовой, Н.Н. Лисового, И.Ю. Смирновой; предисл. и комм. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 147–201.
495. Неизвестные документы экспедиции ИППО под руководством Н.П. Кондакова (1891) / Подг. текста и предисл. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 202–219.
496. Время О.Г. Пересыпкина. Документы РПО при АН СССР (1989–1992) и ИППО (1992–2000) (Продолжение) / Сост. и комм. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский сборник. Вып. 113. М., 2017. С. 223–243.
497. Архимандрит Антонин (Капустин): наследство и наследие // Православный Палестинский сборник. Вып. 114. М., 2017. С. 15–23.

498. Россия граничит только с небом. (В 1917 году большевики отменили религию и взамен дали высокую идею) // Учительская газета. 2 мая 2017 г. № 18. С. 23.
499. Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. II. Документы по истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М.: Изд-во «Индрик», 2017. 1036 с.

2018

500. Кто был автором «Дневника архимандрита Антонина»? Имя, творчество, судьба // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь 70-летия Александра Васильевича Назаренко. М., 2018. С. 260–291.
501. Сергий Александрович (орфоэпический этюд) // Православный Палестинский сборник. Вып. 115. М., 2018. С. 31–46.
502. Под знаком Тавифы: к 125-летию освящения Русской церкви в Яффе // Православный Палестинский сборник. Вып. 115. М., 2018. С. 125–155.
503. Рец.: С Шулхан-Арухом к Святому Гробу [Король М. Храм Гроба Господня. М., 2013. 304 с.] // Православный Палестинский сборник. Вып. 115. М., 2018. С. 399–403.
504. Естественный стиль. (Штрихи к биографии и творчеству М.О. Меньшикова) // Михаил Осипович Меньшиков. Русский мир в лицах / Изд. подг. А.В. Воронцов. М., 2018. С. 694–709. — В соавт.

2019

505. Защитники statu quo: русские дипломаты в Иерусалиме. // Православный Палестинский сборник. Вып. 116. М., 2019. С. 25–44.

Находятся в печати:

1. Лисовой Н.Н. Церковь и государство в политике на Ближнем Востоке (XIX — начало XX в.). М.: ИРИ РАН, 2019. 40 а.л.
2. Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. III. Документы по истории Императорского Православного Палестинского Общества / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М.: Изд-во «Индрик», 2019. 60 а.л.

Стихи

1. Круг земной. Стихи и поэмы. М. «Современник», 1989. 151 с.
2. Пророк. М., Рекламная библиотечка поэзии, 1994. 7 с.
3. Круг земной. Изд.2, испр. и доп. М., Индрик, 2007.

4. Славный танк // Кантемировец. 16 февраля 1958. № 21. С. 2. — Первая публикация*.
5. Преподавателю труда // Сталинградская правда. 17 декабря 1959. № 295. С. 3. — Первая гонорарная публикация**.
6. Утро // Сталинградская правда. 28 апреля 1961. № 101. С.4.
7. Мой город. Фиалка. Гости // Строитель металлургии. 19 мая 1962. № 37. С. 2.
8. В вечерней школе // Алые паруса. (Коллективный сборник). М., 1963.
9. Красота // Тебе, Волгоград. (Коллективный сборник). Волгоград, 1963.
10. Испытание свиньями. (Из цикла «Странствия Одиссея) // День поэзии 1981. М., 1981. С.227.
11. Гулливер. Нашествие // День поэзии ’87. М., 1987. С. 166.
12. Двое из Эфеса // «На тебя и меня остается Россия». Молодая российская поэма. М., «Современник», 1987. С. 24–28.
13. Стихи (Амвросий. Нумизматика. Крылатый холоп. Лилит) // Московский строитель. 16–23 января 1990. № 2. С. 12.
14. Сонет-1964 («Мне нравились палаты и кумиры») // Домострой. 1–15 января 1991 г. № 1. С. 12.
15. «Дивны тайны Твоя...» (Вифлеем. Песнь Успенская. Крылатый холоп. Пророк. Прощание) / С предисловием Т.М.Глушковой // День. Сентябрь 1991. № 19. С. 5.
16. День рожденья (Крестный путь. Пасха. Автопортрет-65. День рожденья. Исихия. Юрий Долгорукий. Благоразумный разбойник) // Домострой. 19 ноября 1991. № 45. С. 11.
17. «Праведны, Боже, суды Твои». (Пророк) // Домострой. 30 октября 1993 г. № 43. С. 13.
18. Пророк // Возрождение. Ноябрь 1997. № 11. С. 7.
19. Маргарите Агашиной («А подвига вроде бы не было») / Агашина М.К. И стала вспоминать... // Отчий край (Волгоград). 1999. № 1 (21). С. 14.
20. Разлука. В начале было. Гулливер. Пасха // Ладанка. Избранные стихотворения русских поэтов последней трети XX века. Т. III. М., 2000. С. 115–120.
21. Русский путь. Церковная оратория в семи свитках*** // Московская перспектива. 22 августа 2000. № 34. С. 4.
22. Вифлеем // День поэзии 2000. М. 2001. С.32.
23. Крещение Руси // Три Рима. М., 2001. С.289–290.

---

* Мы не включаем других, достаточно многочисленных газетных публикаций Н.Н. Лисового-школьника (1958–1963), за исключением нескольких, наиболее значительных.

** Первой гонорарной публикацией определяется литературный стаж членов Союза писателей.

*** Предполагалась к исполнению на концерте в честь освящения Храма Христа Спасителя 19 августа 2000 года. Концерт был отменен в связи с трагической гибелью подлодки «Курск».

24. В начале было... // Возрождение. Март 2001. № 10. С. 4.
25. В горькой любви. (Зеркало. «Высший из благих даров». «Все это было придумано». «По следу Беринга». «Станут мне звонки твои не в радость». «Догорают полуночи синие». Ночью. «В праздники святых Богоявлений». Благовещение. Разлука. «Я скажу тебе грустные вещи». Кардиограмма. «И райский холод прочили») // Мы. 2003. № 1. С. 8–11.
26. Древний распев (Нумизматика, «Не звезда от синя облака скатилась», Прощание, «Как мне любить тебя надо», «Мне, Адаму, Господь», «Я не жег твои перья, царевна», «Прогорит, будет дым», Солнцеворот, «В древний час», «Не будем завидовать смертным») // Мы. 2006. № 6.
27. Ангелы трубят над Елеоном // Наш современник. 2015. № 11. С. 65–68.
28. Пер.: Бсису Муин. Шахразада и Гамаль Абдель Насер. Поезд полуночных листовок (поэма). // Бсису М. С Палестиной в сердце. М., 1983. С.48–50, 243–253.
29. Пер.: Бедюров Б.Я. Козюйке и Байан. Отрывок из поэмы по мотивам алтайских героических сказаний // Бедюров Б.Я. Языческий ковчег. М., 1984. С.129–157.
30. Пер.: Фаллон П. Признательность. Выстрел. Материнство. Книга Иова. Герб // Голос Эрина. Слово об Ирландии. М., 1986. С. 65–70.
31. Пер.: Адаров А. Молитва тишине. Аржан. Нивы под снегом. Крыса. Врагу. Знаки // Адаров А. Высокий Алтай. М., 1987. С.101–113.
32. Пер.: Балтрушайтис Ю. Лилия и Серп. Стихотворения. М., 1989. С.345–366.
33. Пер.: Райнис Я. Стихотворения
34. Пер.: Агаджанян Г. Небо Карабаха («Здравствуй». Десница. Вера. «Одного хотел бы всей душою». «И я однажды». Подобно земле. Карабах. Время. Ахпатский монастырь) // Домострой. 9 июля 1991. № 26. С. 14.

Фильмография

Кино:

1987 г. «И дух терпения, смирения, любви». [К 150-летию со дня гибели А.С. Пушкина]. Центральная студия документальных фильмов (ЦСДФ). — Консультант.

1991 г. «Образ Твой, над Русью вознесенный». [О Владимирской чудотворной иконе Божией Матери]. Реж. Т.Г. Пименова. ЦСДФ. — Консультант.

1992 г. «Вознесение». — Из цикла: «Двунадесятые праздники». — Реж. И.Е. Осипов. ЦСДФ. — Автор сценария.

1992 г. «Рождество Богородицы». — Из цикла: «Двунадесятые праздники». — Реж. З.А. Тузова. ЦСДФ. — Автор сценария.

1995 г. «Слово о Софии Премудрости Божией». Реж. Б.Г. Креницын. Студия «Отечество». — Автор сценария. — Приз кинофестиваля «Золотой витязь» — 1995.

2001 г. «Забытая война». Реж. Б.Г. Креницын. Студия «Отечество». — Консультант.
2004 г. «Храм Христа Спасителя. Документальная трилогия». Реж. С.А. Ломкин. — Киностудия «Канонъ». — Консультант.

ТВ:
1990 г. «Из Варяг в Греки». Телефильм к 1000-летию Крещения Руси. — Автор сценария. — В соавт.
1995–1997 гг. Программа «Канон». Студия «Православное информационно-телевизионное агентство» («ПИТА»). — Ведущий рубрики.
1997 г. «Миссия». (Телефильм о визите Патриарха Алексия II в Святую Землю для участия в торжествах в связи со 150-летием Русской Духовной Миссии в Иерусалиме). Студия «ПИТА». — Автор фильма.
1997–1998 гг. Ежедневная программа «Православный календарь». Студия «ПИТА». — Автор и ведущий.
2001 г. «Митрополит». (К 55-летию митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла). Студия «ПИТА». — Автор сценария.
2001 г. Телесериал «Пути Господни». Студия «ПИТА». — Автор сценариев фильмов:
«Старец Нектарий»,
«Иоанн Кронштадтский»,
«Патриарх Тихон»,
«Иларион (Троицкий)»,
«Патриарх Сергий»,
«Патриарх Алексий I»,
«Патриарх Пимен».
2001–2004 гг. Цикл «Воскресение». Студия «Волга-фильм» (г. Самара). — Автор и ведущий фильмов:
«Рождество» (2001 г.),
«Воскресение Христово» (2001 г.),
«Троица» (2001 г.),
«Введение во храм Пресвятой Богородицы» (2001 г.),
«Покров» (2001 г.),
«Благовещение» (2002 г.),
«Преображение» (2003 г.),
«Крещение» (2003 г.),
«Вознесение» (2003 г.),
«Сретение Господне» (2004 г.),
«Вербное Воскресение» (2004 г.),
«Успение Пресвятой Богородицы» (2004 г.),
«Рождество Пресвятой Богородицы» (2004 г.),
«Воздвижение Креста Господня» (2004 г.),
«Молитва Господня» (2004 г.).
Два Иерусалима. Реж. Н. Сологубова (2002 г),

«Чудотворец». [О преп. Серафиме Саровском]. Студия «Неофит». 2003 г. — Автор сценария.

2003–2004 гг. Телесериал «Иллюстрированная история Государства Российского». 30 фильмов. Студия «Пигмалион». — Главный консультант.

2004 г. Телесериал «Святыни христианского мира». Студия «Неофит». — Автор сценариев фильмов:
«Тайна Грааля»,
«Святыни Сионской Горницы»,
«Древо жизни»,
«Терновый венец»,
«Копье Лонгина Сотника»,
«Дары волхвов»,
«Неопалимая купина»,
«Покров». — II премия Второго международного фестиваля православного кино «Покров-2004».

2006 г. Программа «Древо жизни». Телекомпания «АЛЬМА МАТЕР». — Автор и ведущий фильмов:
«Воспоминание о Страшном Суде»,
«Татьянин день»,
«Георгий Победоносец».
Автор и ведущий телевизионного исторического лектория «Откуда есть пошла Русская Земля» (более 50 серий, студия «Радость моя», 2013–2014)
Эксперт документальных фильмов:
«Не умолкну ради Сиона. К 130-летию Императорского Православного Палестинского Общества» (2012)
«Сирия. Здесь был рай» (2016)
«История Императорских обществ» (2017)
«Возвращение в Святую Землю» (2017)

Автор и ведущий серии бесед «Ветка Палестины» («Радио России», 2014–2015) и передач «Русское слово» на «Народном радио» (2014–2018).

Положение
о Почетном знаке МОО «ИППО»
памяти Николая Николаевича Лисового

Утверждено решением
Совета МОО «ИППО»
от 19 апреля 2019 г.

1. Почетным знаком памяти Николая Николаевича Лисового (далее — Почётный знак) награждаются действительные члены Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Обществ» (далее — МОО «ИППО», Общество) за активную научную, научно-просветительскую работу в Обществе и научных организациях, плодотворную научно-образовательную деятельность в высших и других учебных заведениях, заслуги в области ориенталистики и православного палестиноведения, распространение знаний о Святой Земле и русско-палестинских связях, о истории и современной деятельности Общества, а также научные исследования по истории и культурному наследию стран и народов Ближнего Востока.

2. Знаком могут быть награждены члены МОО «ИППО», состоящие в Обществе не менее 5 лет, имеющие учёные степени доктора или кандидата наук, а также опубликованные научные работы, в том числе в Православном Палестинском Сборнике.

3. Решение о награждении принимается Советом МОО «ИППО» по представлению Научной секции Общества.

4. Научной секцией МОО «ИППО» решение о награждении принимается при наличии на данном заседании не менее половины членов, открытым голосованием, простым большинством голосов и оформляется протоколом.

5. Научная секция МОО «ИППО» может обращаться к отдельным вузам, кафедрам, профессорам и преподавателям, сотрудникам институтов РАН и других научных учреждений и организаций для рассмотрения кандидатов для награждения.

6. В представлении к награждению сообщаются сведения о конкретных результатах научной, научно-просветительской или научно-образовательной деятельности награждаемого, его вкладе в обеспечение и поддержку научной деятельности ИППО, прикладывается список опубликованных работ.

7. Образец удостоверения и описание Почётного знака рассматриваются и утверждаются решением Совета МОО «ИППО».

8. Изготовление бланков и Почётных знаков, подготовку проектов решений Совета МОО «ИППО» о награждении, учёт награжденных обеспечивает Управление делами МОО «ИППО».

9. Вручение Почётного знака производится в торжественной обстановке Председателем Общества или его заместителями.

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО ТЕМАТИКЕ СОВМЕСТНОГО КОНКУРСА РФФИ–ИППО

«РОССИЯ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И СВЯЗИ»

Из истории начала гуманитарного присутствия России на Ближнем Востоке*

Р.Б. Бутова,
М.В. Коюшев

Развитие форм и методов хозяйствования и усилившееся экономическое проникновение европейских государств, прежде всего, Англии на восточные рынки, закрепленное англо-турецкой конвенцией 1838 г. привело к тому, что «новая сила, не связанная ни с традиционными монархиями, ни с привычными дипломатическими комбинациями»[1] вмешалась в Восточный вопрос. Речь идет о первенствующем влиянии экономических факторов на решение сугубо дипломатических задач. Россия не участвовала в этом процессе, не только потому, что это было невозможно с экономической и внешнеполитической стороны, но и потому, что на протяжении веков она рассматривала Палестину с охранительной точки зрения, заботясь, насколько это было возможно, о православных подданных Османской империи.

Ключевым моментом, кардинально изменившим положение в Сирии и Палестине стали Лондонские конвенции 1840–1841 гг., подписанные Россией, Великобританией, Австро-Венгрией, Пруссией и Францией. Так, уже соглашение 1840 г. наметило широкую программу вмешательства европейских государств в дела Турции. Оно положило конец двусторонним русско-турецким отношениям, так как правительство Николая I отказалось от продления Ункияр-Искелесского соглашения 1833 г. Таким образом, Россия пожертвовала вековой прерогативой единоличного покровительства православным. Лондонская конвенция 1841 г. еще более усилила вмешательство западных держав во внутренние дела Турции, поскольку французский кабинет впервые открыто использовал церковный фактор во внешней политике и во время переговоров заявил *о своем праве покровительства* католикам Османской империи.

* Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ 19-09-41027 «Гуманитарное присутствие России на Ближнем Востоке в XIX-XX вв.: медицинские учреждения».

Положение в Палестине к 1840-м гг. было следующее: православные занимали особое положение, эта особенность выражалась в том, что и духовенство и паства были подданными одного и того же мусульманского правительства. Иерусалимский Патриарх, проживая постоянно в Константинополе, управлял Церковью через своих наместников, членов Святогробского братства. На протяжении веков братство (120–150 человек) представляло собой закрытую этно-религиозную корпорацию, формировавшуюся из приезжих послушников, греков по происхождению, часто связанных родственными узами с представителями высшей иерусалимской иерархии. Братство полностью ведало делами арабской православной паствы, ни один представитель которой не допускался не только в епископы, но и в архимандриты. Основная цель Патриархата состояла в сохранении и приобретении святых мест. Стремление к этой цели наталкивалось на сопротивление представителей латинской общины в Святой Земле — ордена францисканцев, который в соответствии с папской буллой 1342 г. имел преимущественные права быть хранителем католических святых мест в Иерусалиме и Палестине.

В течение пяти столетий францисканцы оставались единственными представителями латинской общины в святом граде, их число было ограничено турецкими властями и не превышало 100 человек. Управление осуществлялось из Рима, где находился глава ордена. В Палестине был расположен совет во главе с реверендиссимусом, который мог избираться только из итальянцев, остальные 8 мест в совете делились между французами, итальянцами и испанцами. Однако, с конца XVIII в., т.е. со времени Великой французской революции французы в совет не назначались.

Францисканцы, помимо своей основной функции, ведали католическими паломниками, но их число в 1840–1850-е гг., по оценке В.Н. Хитрово, не превышало 10 человек в год, прозелитизм почти не входил в круг деятельности Ордена в Святой Земле, не занимался он и местной арабской паствой. В целом, к 1840 г. число католиков в Палестине достигло 2000 человек в 30 учреждениях, включая монастырь на горе Кармил[2].

Что касается протестантов, то они не допускались в Святую Землю. Однако, начиная с греческого восстания 1821 г., воспользовавшись хаосом и отсутствием защиты православных со стороны государства, протестантские миссионеры начали проповедовать в Греции и Архипелаге, а затем в течение пятнадцати лет работали в среде евреев Европы и Палестины. Но в целом их усилия были тщетны. Об этом, в частности, писал американский миссионер и известный археолог Эдвард Робинсон, посетивший Ближний Восток в 1837–1838 гг.: «Протестанты не существуют ни в Сирии, ни в иной части Турецкой империи как отдельная община»[3].

Таким образом, можно говорить о том, что Лондонские конвенции 1840–1841 гг., которые историки назвали «разделом имущества больного человека», имея в виду Османскую империю, сломали многовековую

систему иностранного присутствия на Ближнем Востоке. Отныне Сирия и Палестина были «открыты» и туда хлынул поток европейских и американских миссионеров.

7 июня 1840 г. за месяц до заключения первой Лондонской конвенции королем Пруссии стал Фридрих-Вильгельм IV. Одаренный многосторонними талантами, обладавший пылким красноречием, он получил отличное воспитание, любил искусства, увлекался романтизмом и средневековьем. Его ум был настроен мистически и строго ортодоксально в религиозных вопросах. Ф. Энгельс в 1842 г. даже писал, что при Фридрихе-Вильгельме «протестантское правоверие вернулось к католицизму, а протестантское государство возвратилось к последовательной христианско-феодальной монархии»[4]. Неудивительно потому, что менее чем через год своего восшествия на престол, в феврале 1841 г., король выступил с инициативой объединения двух протестантских общин, англиканской и евангелической, в Иерусалиме.

Вообще, 1841 г. был «щедр» на проекты церковного переустройства Палестины: это и проект Фридриха-Вильгельма, и проект Николая I, и французские требования, наконец, англо-прусские переговоры, завершившиеся образованием объединенного епископства в Иерусалиме, посвящением 7 декабря 1841 г. в сан епископа доктора богословия, профессора Михаэля Соломона Александера и его прибытием в Иерусалим 14 января 1842 г.

Известие о протестантском епископстве было позитивно воспринято российской прессой. Так, уже в февральском номере «Москвитянина» оно названо «замечательным событием для новейшей истории»[5]. Автор журнальной статьи, в целом, верно оценил роль Лондонских конвенций, по которым протестанты в Турции, а особенно в Сирии и Палестине получили «те же права и преимущества, которыми пользуются там христиане греческого и римского исповеданий», было отмечено, что «увеличивающиеся торговые и промышленные сношения с Востоком привлекут множество протестантов и заставят там селиться»[6]. В статье подчеркивалось, что прямые отношения Пруссии и Османской империи не принесли бы желаемого результата, поскольку «непосредственное столкновение Пруссии с Востоком произошло еще так недавно», а вот английская «морская сила и торговля доставили сильное влияние». (Можно добавить еще про подчиненное, в целом, положение Евангелической Церкви Англиканской. Англия же понимала, что с экономической точки зрения Пруссия не является ей соперником на Востоке, а вот такого количества миссионеров как в Пруссии у нее не было. Поэтому союз был обоюдовыгодным.)

В России, традиционно ориентированной на противостояние, прежде всего, с католиками, был совершенно недооценен фактор протестантского проникновения на Православный Восток. Более того, в обществе почему-то надеялись, что «новый епископ будет стараться войти в дружественные и близкие сношения с Православной Церковью, известной своей веротерпимостью, а не с римским духовенством»[7].

В связи с этим важна прямо противоположная точка зрения, последовательно выражавшаяся и отстаиваемая в прессе Александром Скарлатовичем Стурдзой. Стурдза, этнический грек, имел обширные связи с Востоком, в течение 1840-х гг. опубликовал несколько работ, в которых писал о том, что православные на Востоке со времен Крестовых походов находятся в соперничестве и борьбе с католиками, а «о протестантах севера знают только по слухам, что они противники католикам, потому и любят их заочно, по одному безотчетному предубеждению»[8]. Между тем, начиная с 1820-х гг. «вместо того, чтобы подвизаться в Австралии, погибать в Индии от климата, скитаться среди полярных льдов, последователи Реформации ... проповедуют исключительно православным. Они везде хулят святыню храмов наших, отрицают законную власть апостольской иерархии, издеваются над вселенским преданием».[9]

Прусско-английское соглашение о назначении в Иерусалим протестантского епископа встревожило римскую курию. Уже 28 февраля 1842 г. на заседании конгрегации Пропаганда Фиде обсуждался вопрос об ответной мере — «открытии апостольского викариатства в Иерусалиме». Однако решение о восстановлении Латинского Патриархата было принято не сразу. С одной стороны, Рим опасался, что такое решение может стимулировать давление Англии и Пруссии на султана с целью официального признания англиканского епископа, поскольку епископ Александер был послан в Палестину без официального согласования с турецкими властями, с другой стороны руководство францисканского ордена высказалось против, боясь утраты самостоятельности францисканской Кустодии Святой Земли. Против восстановления Латинского Патриархата в Иерусалиме выступали, естественно, и представители Франции, не желавшие какой-либо конкуренции провозглашенному ими «французскому протекторату» над католиками и католическими учреждениями в Святой Земле.

Интересно, что вопрос о создании Русской Духовной Миссии в Иерусалиме развивался практически параллельно. Доклад министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде о направлении в Иерусалим архимандрита Порфирия (Успенского) получил высочайшее одобрение 13 июня 1842 г.; через полтора года, 20 декабря 1843 г. преосвященный Порфирий прибыл в Святой Град и пробыл там до 3 мая 1844 г. По возвращении, он подготовил пространный доклад[10], в котором довольно много места уделил «новой угрозе» — протестантству. Как бы отвечая автору «Москвитянина», Порфирий писал, что «в числе побуждений протестантов не было искреннего хотения жить в мире с Православной Церковью»[11]. Основной пафос архимандрита Порфирия впрямую перекликается с сомнениями, высказанными А.С. Стурдзой, что не удивительно, поскольку участие одесского грека в судьбе Порфирия достаточно известно[12], а духовное влияние и обширные знания Александра Скарлатовича о ситуации в Православной Церкви на Востоке помогли архимандриту правильно оценить положение в Сирии и Палестине.

Сравнение дневника и доклада Порфирия показывает, что русская дипломатия на Востоке не придавала значения протестантской пропаганде среди местного населения. В частности, архимандрит Порфирий приводит слова К.М. Базили: «По мнению консула, протестантизм никогда не примется в палестинской почве»[13]. Но сам архимандрит считал иначе, ведь «добродетели суть самые лучшие проводники веры», поэтому «коллегиум принесет свои плоды»[14]. Уже к 1844 г. протестанты построили в Палестине единственную больницу и оказывали бесплатную медицинскую помощь местному населению вне зависимости от вероисповедания, а «благодарность в семействах — писал Порфирий — обратит внимание на веру благодетелей, особенно, если миссионеры будут являться в больнице утешителями и наставниками скорбящих»[15].

В середине 1840-х гг. происходит также смена всех главных действующих лиц. В 1845 г., по представлению Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Афанасия престол занял архиепископ Лиддский — Кирилл; в Иерусалиме сменился Кустод Святой Земли; 23 ноября 1845 г. умер епископ Александер, а в июне 1846 г. папа Григорий XVI. Наступает новый период протестантского и католического проникновения.

После избрания папой Пия IX, римский престол возвращается к вопросу о восстановлении Латинского Патриархата, с целью противодействия протестантской и русской православной активности. Вопрос обсуждался 25 января 1847 г. в заседании конгрегации Пропаганда Фиде, но вновь эта мысль встретила ожесточенное францисканское сопротивление. Лишь после того, как 20 февраля 1847 г. султаном было принято решение об установлении прямых дипломатических отношений с римским престолом (до этого времени в пределах Османской империи была разрешена лишь деятельность францисканцев), вопрос сдвинулся с мертвой точки. 3 мая 1847 г. в очередном докладе о необходимости назначения прелата в Иерусалим было впервые названо имя Иосифа (Джузеппе) Валерги, выдающегося католического миссионера, способного возглавить возрождаемый патриархат. 16 мая того же года папа назначил Валергу Латинским Патриархом Иерусалима.

История первого периода Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847–1854) подробно описана в исторической литературе, поэтому не будем на ней останавливаться, отметим лишь, что русский процесс шел параллельно католическому, с точностью лишь до различия календарных стилей, и совпадал со временем решения вопроса о назначении в Иерусалим Патриарха Валерги. Решение об учреждении РДМ было принято 11 февраля (старого стиля) 1847 г. Всеподданнейшим докладом графа К.В. Нессельроде.

После смерти епископа Александера пришел черед прусскому королю Фридриху-Вильгельму назначать главу объединенной протестантской епископии в Иерусалиме. Его выбор пал на Самуила Гобата. В письме от 30 марта 1846 г., адресованном Гобату пастором Карлом Вернером так

объяснялся выбор короля: «У вас есть определенные качества, которые редко встречаются в одном человеке. Вы объединяете в себе в равной степени по рождению, образованию и карьере три различные национальности. По речи француз, любитель немецкого языка, англичанин в силу вашей связи с британской миссией. Эти обстоятельства дают вам важные преимущества, которыми не обладают другие кандидаты. К этому следует добавить вашу репутацию на Востоке и на Западе. Ваше имя имеет вес в обеих частях света. Наконец вы знаток именно тех языков, которые необходимы»[16]. 7 марта 1846 г. Фридрих-Вильгельм назначил Самуила Гобата протестантским епископом Иерусалима. Этот выбор вызвал бурные протесты в Англии, дошедшие до такой степени, что пришлось отменять официальное посвящение. Тем не менее, 5 июля 1846 г. король Пруссии провел инаугурацию Гобата и 30 декабря 1846 г. епископ приехал в Палестину. Таким образом, к середине XIX в. в Палестине определился круг главных действующих лиц, которые в последующие десятилетия будут влиять на развитие ситуации.

Сугубо деликатной была проблема русского церковного присутствия на Восток. Нужно было не только противостоять в дипломатическом, гуманитарном и культурном соперничестве европейским державам, не только подтверждать постоянно словом и делом перед турецкими властями отсутствие с русской стороны каких-либо экономических, торговых, военных поползновений, но и строго блюсти церковно-каноническую норму отношений с древними Патриархатами. Любой неосторожный, хотя бы и вполне доброжелательный по намерениям жест легко мог быть истолкован обидчивыми греками как вмешательство в дела иной Автокефальной Церкви. Таких проблем ни у католиков, ни у протестантов не было.

Определенная инертность греческого епископата определила и характер русской гуманитарной и церковно-дипломатической деятельности на Востоке. Тогда когда западные миссионеры действовали через открытие школ, больниц, библиотек и других благотворительных учреждений, Святогробское братство не брало на себя ответственности за местное православное арабское население, отсутствовала система светского и духовного образования. Крайне низкий образовательный уровень способствовал успеху прозелитической деятельности католиков. Не существовало и медицинских учреждений, которые могли бы оказывать помощь. Обращаясь в католические и протестантские медицинские учреждения, больные вынуждены были перед получением лечебной помощи выслушивать проповедь миссионера о превосходствах его веры над другими, а, находясь на стационарном лечении, участвовать в обязательных библейских чтениях и др.

За время своего первого пребывания в Иерусалиме архимандрит Порфирий поразился недостатку христианского милосердия в святом городе. Он писал в своем отчете от 24 октября 1844 г.: «В Палестине, как и везде,

есть калеки, сироты, вдовы, престарелые. Но для них нет приюта и покоя в 18ти монастырях. Их не принимают туда. В нынешнем году выбросили из Патриархии на улицу одного молодого араба, израненного разбойниками на дороге, которого привезли туда поклонники, и только просьбы русского духовника-поклонника заставили наместников Патриарха дать сему несчастному убогий приют и помощь врача. Поразителен недостаток христианского милосердия в Иерусалиме. Нет там ни больницы, ни богадельни. Патриарх намеревается устроить богадельню в одном из многочисленных домов монастыря Святого Гроба. Время покажет, как скоро и как деятельно займется он исполнением своего намерения»[17].

Из дневников и автобиографических записок Порфирия, известно, что русские богомольцы размещались в двух, так называемых «русских»[18], монастырях Иерусалимской Патриархии, устроенных для этого патриаршим наместником Кириллом, будущем Иерусалимским Патриархом, за что тот получил августейший подарок — бриллиантовую панагию[19]. Паломники размещались в Феодоровском монастыре, а паломницы в Екатерининском[20]. Такая практика размещения паломников существовала до 1852 г., пока архимандрит Порфирий не добился у Патриарха синодального постановления перевести русских паломниц из Екатерининского в Феодоровский монастырь по причине духоты и тесноты первого, а паломников — из Феодоровского в Архангельский[21].

Но до того, как этот переезд состоялся, в Екатерининской обители могли поместиться 100 паломниц[22] и постоянно жили 5 русских монахинь под надзором русской игуменьи Иулиты[23]. В Феодоровском монастыре, помимо паломников находились больные, и на случай ухода за ними допускались 1–2 паломницы, добровольно посвятившие себя этому служению, также разрешалось другим паломницам навещать больных из близких родственников[24].

Дальнейшие сведения о врачебной помощи, оказываемой русским паломникам в Святой Земле, становятся известны из документов и писем архимандрита Порфирия в период его второго пребывания в Иерусалиме. Так, в записке от 18 мая 1849 г. говорится о существовании двух небольших больниц для российских богомольцев, устроенных «с согласия и благословения Иерусалимского Патриарха»: по одной «опрятной келлии» для «труднобольных» паломников и паломниц в Архангельском и Екатерининском монастыре соответственно, по три кровати в каждой. Медицинский персонал состоял из врача, фельдшера, санитарки в Екатерининском монастыре и прислуги для больных в Архангельском монастыре. Врач приглашался из местных, имеющих диплом на осуществление медицинской деятельности на территории Османской империи. Жалованье составляло 600 рублей серебром ежегодно. Врач был обязан ежедневно посещать всех русских паломников в Екатерининском и Феодоровском монастырях и осведомляться

об их здоровье: «Кому из них приключился легкий недуг, того он пользует в келлии его, а одержимых тяжкими болезнями переводит в вышеупомянутые лечебницы и, в случае смерти кого-либо из них, определяет время его погребения». Врач также осматривал и оказывал медицинскую помощь всем членам Русской Духовной Миссии. Ежегодное жалованье фельдшера составляло 60 рублей серебром, остального персонала по 30 рублей. В записке архимандрита Порфирия говорится также о суммах, ежегодно выделявшихся на лекарства (200 рублей серебром), пропитание и помощь больным при их выходе из лечебницы (300 рублей серебром) и единовременно на содержание обеих больниц (650 рублей серебром)[25]. Однако, несмотря на существовавшую медицинскую помощь, архимандрит Порфирий с очень большим скепсисом смотрел на ее состояние. В декабре 1857 г. Б.П. Мансуров в своем отчете о палестинской командировке приводит довольно пространную цитату из записки архимандрита Порфирия от 10 мая 1849 г.: «Из Богоспасаемой России ежегодно приходят в Иерусалим православные христиане обоего пола для поклонения Гробу Господню и другим местам святым. Некоторые из них по разным причинам делаются там больными и даже умирают. Но в страданиях своих и пред смертию они не имеют ни надлежащей помощи врачебной, ни утешения и духовного напутствия в вечность. Самосохранение, так естественное человеку, заставляет их прибегать к знахарям местным; но от них вместо чаемой пользы они получают вред и даже смерть; так, в нынешнем году один поклонник, страдавший зубною болью и лечимый какою-то арабкою, которая произвела гангрену в его челюстях, жалостно окончил свою жизнь»[26].

В том же году в записке посланнику в Константинополе В.П. Титову архимандрит Порфирий предложил пристроить жилое здание для членов РДМ в Иерусалиме к северной стороне Архангельского монастыря с келейным храмом во имя святого апостола Андрея Первозванного и, в случае постройки другого дома для миссии, предлагал обратить монастырскую пристройку в гостиницу или больницу для русских паломников[27]. Идея нашла отражение в отношении в Хозяйственное управление Святейшего Синода в 1852 г.[28] и была осуществлена после отъезда архимандрита Порфирия.

Следующая попытка архимандрита учредить больницу в Иерусалиме для своих соотечественников заключалась в идее выкупа «при сильном ходатайстве консула в Сирии и Палестине К.М. Базили» семи мусульманских запущенных зданий в Иерусалиме (два гарема, мечеть с тремя магазинами, здание с лавкой и минаретом, дом над уличной аркой и два смежных с ним новых дома), в пяти из которых, исключая гаремы, можно было бы устроить больницу с аптекой. Примерная стоимость зданий оценивалась в 50.000 рублей серебром[29].

Очередное упоминание об организованной, хотя и кратковременной врачебной помощи русским паломникам в заметках и письмах архимандрита

Порфирия датируется 1851 г. С прибытием в Иерусалим Латинского Патриарха Иосифа Валерги осенью 1851 г. францисканцы открыли госпиталь на 25 кроватей для всех, за исключением евреев. Состоятельные больные платили за лечение, а бедных, при наличии свидетельства об их несостоятельности, лечили бесплатно. В русской общине на тот момент для больных были просто «по монастырям назначены комнаты». Для ухода за больными приглашали самих же паломников, а новым врачом был назначен местный грек Мазараки Харалампий Васильевич (†02.01.1891), будущий первый доктор русского госпиталя в Иерусалиме.

Открытие францисканского госпиталя побудило доктора Мазараки поднять вопрос об открытии русской больницы по примеру католических миссионеров[30]. По прошению архимандрита Порфирия Патриарх Иерусалимский Кирилл открыл в Екатерининском монастыре больницу для русских больных на 4 кровати «со всеми удобствами, на манер публичных; чисто — и кровати с приборами, и пища, и лекарства, и все...». Больница существовала с октября до 15 декабря 1851 г., в течение которых доктор Мазараки из-за незнания русского языка не смог найти взаимопонимания с больными. Как писал о. Порфирий, «так как он не говорит и не понимает по-русски, а из наших никто не знает ни по-гречески, ни по-французски, и так как он успел уморить 3–4 недужных, то другие больные не пошли лечиться у него, и больница была закрыта»[31]. Сестрой милосердия была назначена графиня Анна Андреевна Чернышева. Планировалось организовать подобную больницу в Феодоровском монастыре[32].

Сам архимандрит Порфирий был подвержен часто встречаемой на Ближнем Востоке болезни глаз[33]. В Иерусалиме он пользовался помощью местного врача Антона Киля[34] — выкреста, сперва католика, потом перекрещенного американским анабаптистом Беркелем[35]. Затем его лечил английский врач[36]. В то же время архимандрит Порфирий, не особо надеясь на помощь местных медиков[37], за поиском искусного окулиста ездил в Константинополь[38], а также лечился в Бейруте у местного лекаря Песталоцци и приглашенного польского доктора Добровольского[39]. В результате для консилиума архимандрит Порфирий уехал в Киев, где он, «вверившись искусству и опытности здешнего умного врача господина Цыцурина» получил облегчение в болезни, а также медицинскую рекомендацию возвратиться в теплый климат[40]. Однажды, во время одной из поездок по Святой Земле, архимандрит повредил колено и обращался за врачебной помощью к яффскому доктору — французу Эсперанца[41] и пожилому знахарю из местных греков Георгию[42].

Архимандрит Порфирий всегда с огромным сожалением говорил об упущенных возможностях, об отсутствии поддержки со стороны Св. Синода на осуществление благотворительных гуманитарных проектов. Считая, что открытие с помощью Иерусалимского Патриарха больницы для русских паломников[43], могло бы стать одним из условий поддержания находящегося

в опасности Православия в Палестине[44]. О том же он писал А.С. Стурдзе в 1852 г., предполагая, что, если «расширить круг действия этой миссии и снабдить ее большими средствами к христианскому благотворению», то «уния исчезла бы везде на Востоке, а протестантство притупилось бы»[45].

8 мая 1854 г. первый начальник РДМ в Иерусалиме архимандрит Порфирий покинул святой город по причине Крымской войны (1853–1856), оставив на Святой Земле видимые плоды своих немноголетних трудов[46]. Вне всякого сомнения, они послужили примером и основанием для следующих исполнителей Русского дела в Палестине.

1 Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1978. С. 95.

2 Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем в 3-х томах. Т. 1. Православие в Святой Земле / Сост., подг. текста и комм. Н.Н. Лисового. М.-СПб., 2011. С. 165.

3 Там же. С. 132.

4 Энгельс Ф. Фридрих-Вильгельм IV, король Прусский // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. М., 1955. Т. 1. С. 488.

5 Протестантское епископство в Иерусалиме // Москвитянин. 1842. Ч. I. № 2. С. 657.

6 Там же.

7 Там же. С. 659.

8 Стурдза А.С. Письмо в редакцию «Москвитянина» // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 4. С. 517.

9 Там же. С. 518.

10 Состояние Палестинской Церкви и необходимость создания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Отчет архимандрита Порфирия о первой командировке в Иерусалим. Константинополь, 24 октября 1844 г. // Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. II. Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М., 2017. С. 21–37.

11 Там же. С. 32.

12 Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. СПб., 1894. Ч. 1. С. VII.

13 Там же. С. 163.

14 Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т. II. М., 2017. С. 31.

15 Там же.

16 Kildani Hanna. Modern Christianity in the Holy Land: Development of the Structure of Churches and the Growth of Christian Institutions in Jordan and Palestine. 2014. P. 114.

17 Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. II. С. 24.

18 Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Ч. 2. СПб, 1895. С. 128; Там же. Ч.3. СПб., 1896. С. 2.

19 Там же. Ч.1. С. 672.

20 Там же. С. 353; Ч. 2. С. 91.

21 Там же. Ч. 4. СПб., 1896. С. 261, 300, 304.

22 Там же. Ч. 2. С. 319.

[23] Там же Ч. 3. С. 341.

[24] Постановление о русских православного исповедания поклонниках, пребывающих в Иерусалиме // Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Том I. Официальные документы. СПб, 1910. С. 721.

[25] В преддверии Русской Палестины. Летопись Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1847–1854. Иерусалим, 2017. С. 115.

[26] Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. I. Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М., 2015. С. 501–502.

[27] Записка, представленная 29 октября 1849 года в Константинополе В.П. Титову // Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. I. С. 330; Записка о постройке дома для Иерусалимской духовной миссии, представленная 16 апреля 1852 года. Там же. С. 356–359.

[28] В Хозяйственное управление при Св. Синоде 8 октября 1852 года. Там же. С. 360.

[29] Записка о гареме у купола храма Воскресения, представленная 31 октября 1850 года. Там же. С. 342, 343, 345.

[30] Письмо иеромонаха Феофана из Иерусалима в Киев к архимандриту Порфирию от 24 октября 1851 года. В преддверии Русской Палестины. С. 217; Письмо иеромонаха Феофана из Иерусалима в Киев к архимандриту Порфирию от 7 ноября 1851 года. Там же. С. 218.

[31] Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Ч. 4. СПб., 1896. С. 276.

[32] Письмо архимандрита Порфирия от 1–7 января 1852 года // Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Том II. Переписка. СПб, 1910. С. 397; Письмо архимандрита Порфирия В.П. Титову от 19 февраля 1852 года. Там же. С. 413; Письмо архимандрита Порфирия А.С. Стурдзе от 18 марта 1852 года. Там же. С. 418; Письмо архимандрита Порфирия Е.С. Шереметевой от 17 июня 1856 года. Там же. С. 594; Епископ Порфирий. Ч. 4. С. 276, 319; Дмитриевский А.А. Епископ Порфирий (Успенский), как инициатор и организатор первой Русской Духовной миссии в Иерусалиме, и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения христианского Востока // Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.-СПб., 2009. С. 64; Письмо иеромонаха Феофана из Иерусалима в Киев к архимандриту Порфирий от 7 ноября 1851 года. В преддверии Русской Палестины. С. 218.

[33] Письмо архимандрита Порфирия А.С. Стурдзе от 18 марта 1852 года. Материалы для биографии Т. II. С. 418.

[34] Письмо архимандрита Порфирия В.П. Титову от 4 сентября 1848 года. Материалы для биографии Т. II. С. 250; Письмо архимандрита Порфирия К.М. Базили от 27 октября 1848 года. Там же. С. 258; Письмо архимандрита Порфирия К.М. Базили от 18 мая 1849 года. Там же. С. 274; Епископ Порфирий III. С. 384, 592; Епископ Порфирий Ч. 4. С. 101, 107–108.

[35] Епископ Порфирий. Ч. 3. С. 384; Епископ Порфирий. Ч. 4. С. 100.

[36] Епископ Порфирий. Ч. 3. С. 289.

[37] Письмо архимандрита Порфирия В.П. Титову от 5 апреля 1849 года. Материалы для биографии Т. II. С. 272.

[38] Письмо архимандрита Порфирия В.П. Титову от 8 июля 1849 года. Там же. С. 277.

[39] Епископ Порфирий. Ч. 3. С. 395, 396, 412, 616; Письмо архимандрита Порфирия А.С. Стурдзе от 23 декабря 1848 года. Материалы для биографии II. С. 259; Письмо архимандрита Порфирия В.П. Титову от 25 декабря 1848 года. Там же. С. 262.

[40] Письмо архимандрита Порфирия из Константинополя К.М. Базили от 28 октября 1851 года. В преддверии Русской Палестины. С. 217; Письмо архимандрита Порфирия из Киева в Иерусалим иеромонаху Феофану от 27 ноября 1851 года. Там же. С. 222; Письмо архимандрита Порфирия из Киева в Иерусалим иеромонаху Феофану от 14 января 1852 года. Там же. С. 237; Письмо архимандрита Порфирия из Киева в Иерусалим иеромонаху Феофану от 19 февраля 1852 года. Там же. С. 249; Письмо В.П. Титова Я.А. Дашкову от 4 марта 1852 года. Там же. С. 254.

[41] Епископ Порфирий. Ч. 4. С. 106.

[42] Там же. С. 106–108, 111.

[43] Там же. С. 442, 443.

[44] Материалы для биографии Т. I. С. 85.

[45] Письмо архимандрита Порфирия А.С. Стурдзе от 18 марта 1852 года. Материалы для биографии Т. II. С. 418.

[46] Епископ Порфирий Ч. 5. СПб., 1899. С. 215–216.

Путь в Иерусалим. Материалы к биографии Авраама Сергеевича Норова*

Часть вторая[1]. Соглядатаи Востока

К.А. Вах

Сей Ангел и хоругвь Мессии
Меня в тот путь благословят
Куда кресты родной России
С высот святых церквей глядят.[2]

К началу XIX столетия в Средиземноморье наметились значимые геополитические изменения, непосредственно касавшиеся интересов России: внутренний кризис в Османской империи, рост национального самосознания подвластных султану народов, победоносные войны Австрии, а затем и России против Османов — все это вело к тому, что империя, на протяжении нескольких столетий бывшая важнейшим игроком в регионе, начала распадаться.

В этой ситуации активизировались политики европейских держав. Об этом свидетельствовали как египетский поход Наполеона, так и менее заметная на первый взгляд миссионерская деятельности протестантов и католиков на Востоке. После основания в 1804 г. Британского библейского общества в Османскую империю двинулись английские и американские протестантские миссионеры, которые занимались не только религиозным «просвещением», но и сбором ценных сведений о состоянии Османской империи и живших в ней народов[3]. Эти сведения были существенным дополнением той информации, которую давали своим правительствам европейские дипломаты.

Задача создания сети консульских учреждений, которые обеспечивали бы интересы российской торговли и могли бы конкурировать

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-09-41008.

с европейскими дипломатическими учреждениями на Востоке, была поставлена еще Екатериной II по окончании войны 1768–1774 гг., однако к началу следующего столетия она так и не была выполнена[4]. В первые 30 лет XIX в. реализации намеченного плана воспрепятствовали, сначала наполеоновские войны, затем борьба за независимость Греции и новая Русско-турецкая война 1828–1829 гг.

Российское правительство остро нуждалось в разносторонней информации о положении дел на всем пространстве Православного Востока, в особенности в его узловых точках. Для этого использовались, как имевшиеся в Турции дипломатические каналы, так и неофициальные источники среди греческого православного духовенства. Однако деликатность контактов по линии Греко-Восточной Православной Церкви не позволяла ставить перед ее представителями задачи прямого военного или разведывательного характера. Чтобы доставать подобные сведения, МИД России вынужден был использовать порой не вполне обычные для дипломатии средства. В Османскую империю при участии дипломатического ведомства направлялись «паломники ко святым местам», главной задачей которых было описать увиденное, акцентируя внимание на интересующих Петербург деталях.

Большая часть книг о путешествиях по Православному Востоку, вышедших в свет в России в первой трети XIX в., начиная, может быть, с 1813 г., когда в печати впервые появилось «Путешествие» в Иерусалим братьев Вешняковых[5], были связаны с интересами российского правительства. В отдельных случаях (А.Н. Муравьев, А.С. Норов) именно издание книги и ее успех в аристократической среде русского общества способствовали быстрому карьерному продвижению писателя-паломника.

Приведем основные вехи таких организованных российским правительством паломничеств.

Публикацию «Путевых записок» братьев Вешняковых в разгар войны с Наполеоном в 1813 г. можно связать с предположением о том, что в Петербурге рассматривали вариант своего участия в войне на Ближнем Востоке против Франции и изучали ситуацию в регионе, используя самые разные источники[6]. Поездка братьев Вешняковых через Константинополь и Архипелаг в Святую Землю состоялась вскоре после ухода войск Наполеона из Египта и Сирии и это обстоятельство могло иметь большое значение при издании книги.

Командировка в Грецию, Сирию, Палестину и на Афон второго советника константинопольского посольства Д.В. Дашкова в 1820 г. была организована его начальником, графом И.А. Каподистрией[7], с целью собрать подробные сведения о политических, военных и церковных делах на Востоке в преддверии греческого восстания. Формально Дашкову было поручено проинспектировать русские консульские представительства в Леванте, но его поездка и деятельность в Иерусалиме и на Афоне заставляют усомниться в истинности заявленной публично цели его командировки. После начала греческого

восстания с 1822 г. Дашков какое-то время был управляющим делами русской миссии в Константинополе, которая из-за войны базировалась в Петербурге. Не стало ли это назначение следствием его командировки? В печати Дашков выступил в 1825 и 1826 гг. с двумя литературными и двумя научными очерками о своем путешествии по Востоку[8], которые представляли собой литературно обработанные фрагменты собранных им материалов для Азиатского департамента МИД[9]. Появление этих очерков совпадает с восшествием на престол императора Николая I, открыто заявившего о приоритетах своей внешней политики в отношении к Православному Востоку. Быстрое служебное возвышение Дашкова произошло именно при этом самодержце.

Кир Бронников, крепостной графа Д.Н. Шереметева, едет в Палестину, Египет и на Синай в 1820 г. накануне греческого восстания и почти параллельно с Дашковым. В Константинополе его поспешно принимает российский посланник граф Строганов, опекает, предлагает снабдить деньгами, дает рекомендательные письма к консулу в Яффе. Патриарх Иерусалимский, находившийся в Константинополе, вовсе переселяет Бронникова к себе на подворье, многократно ведет с ним беседы, наконец, бесплатно и на полном обеспечении отправляет его на своем корабле до Яффы, где организует так же бесплатную для Бронникова поездку от Яффы до Иерусалима. Такое внимание к крепостному крестьянину со стороны российского посланника и Иерусалимского Патриарха можно объяснить лишь исключительным статусом, которым был наделен Бронников. После трудного возвращения в Россию этот простой крестьянин приводит в порядок свои заметки и в 1824 г. выпускает в свет образцовую для того времени книгу о своем путешествии[10].

В 1820–1821 гг. совершает путешествие в Египет и Сирию еще один в будущем выдающийся ориенталист и литератор О.И. Сенковский. Его поездка также стала возможна благодаря тому, что МИД прикрепил его к российской миссии в Константинополе. За свое двухлетнее путешествие Сенковский сумел не только блестяще изучить восточные языки, но и собрать множество полезных материалов, которые, к сожалению, были опубликованы лишь частично[11]. По возвращении в Россию Сенковского, как и Дашкова, ждал быстрый карьерный рост: уже в 1821 г. он был принят переводчиком в Коллегию иностранных дел, а на следующий год получил профессорскую кафедру в Санкт-Петербургском университете.

Эпоха борьбы Греции за независимость (1821–1829) на время приостановила новые русские путешествия по Османской империи. Однако, после завершения русско-турецкой войны 1828–1829 г. и в особенности после высадки русского десанта на Босфоре в 1833 г. политические отношения между Россией и Османской империей стали более дипломатичными и даже в чем-то союзническими. Военная операция на Босфоре и Ункяр-Искелессийский договор показали, что Россия способна использовать военно-дипломатическую инициативу неожиданно для всех и добиваться столь же неожиданных

политических преимуществ для себя. В этот период увеличивается количество и качество «инспекторов» российского МИД на Ближнем Востоке.

Не успели умолкнуть пушки после подписания мира в Адрианополе, прямо из штаба действующей армии в Иерусалим направляется, опять же в командировку и на средства правительства, чиновник по дипломатической части А.Н. Муравьев. Описание этого путешествия стало судьбоносным для автора[12]. В апреле 1833 г. книгу прочитал император Николай I и... назначил Муравьева секретарем обер-прокурорского стола Св. Синода, «с оставлением его причисленным к ведомству МИД»[13].

Когда Муравьев уже был на Святой Земле в Петербурге Николай I принимает никому неизвестного Стефана, происходившего, вероятно, из духовного сословия, и после разговора «отпускает» его на богомолье в Иерусалим. Лаконичный текст путешествия Стефана[14] информативен, но не имеет системного изложения. Сам автор, после пострижения в монашество с именем Серапиона, вероятно, остался жить в Иерусалиме. В заглавии к рукописи специально сделан упор на новое положение Серапиона — монаха «Патриаршего Иерусалимского монастыря». Не эта ли роль новопостриженного инока обсуждалось в Петербурге во время императорской аудиенции? По стечению обстоятельств постриг Серапиона состоялся21 ноября 1830 г., в день наречения во епископа святогробского архимандрита Кирилла, будущего Патриарха Иерусалимского (1845–1872). Последняя запись сделана Серапионом после 8 марта 1831 г. Она сообщает о наречении во епископа игумена Гефсиманской церкви Иерофея, который позднее, в 1833–1839 гг. находившегося в России в качестве представителя Патриарха для сбора милостыни на Иерусалимскую Церковь[15].

В 1834 г. на Афон и в Иерусалим едет иеромонах Аникита (Ширинский-Шихматов), князь-инок, позднее назначенный на церковно-дипломатическую должность настоятеля русской посольской церкви в Афинах. С Востока он отправлял донесения в МИД и в Синод, а также вел дневниковые записи о своих путешествиях[16]. С его именем связано возвращение русских монахов в Пантелеимонов монастырь на Афоне и фактически восстановление статуса монастыря в качестве русской обители.

А.С. Норов, о котором будет сказано ниже, исколесил Египет, затем заглянул в самые удаленные уголки Палестины и через Кайфу, Тир и Сидон добрался до Бейрута[17].

И опять, почти одновременно с Норовым, но по другому маршруту, едет на Православный Восток В.П. Давыдов[18]. Пожалуй, единственный из перечисленных нами путешественников, отправившийся из Рима в «художественную и литературную экспедицию» на свои средства и формально никак в тот момент не связанный с МИД[19].

Наконец, архимандрит Порфирий (Успенский) в 1842 г. отправляется на Восток на деньги российского правительства в звании «паломника» и буквально заваливает МИД своими обширными донесениями с Востока, не имевшими

ничего общего с заявленными религиозными целями его поездки.

Таким образом, все перечисленные выше «путешествия» (за исключением экспедиции В.П. Давыдова) были организованы российским правительством. Книги с описаниями этих поездок можно рассмотреть в контексте задач, которые были поставлены перед паломниками-писателями в дипломатическом ведомстве России. Задачи часто имели разведывательный характер. Однако это не отменяет того факта, что очерки Дашкова, а затем книги Муравьева и Норова сформировали своеобразный эталон русского литературного путешествия ко святым местам и в этом смысле имеют совершенно самостоятельное значение для истории русской паломнической литературы. Просто для дипломатов 1830-х гг., умевших отделять литературные образы от содержательной информации, эти книги имели конкретное практическое значение.

Собственно, литературное оформление результатов разведывательной деятельности русских дипломатов — традиционно. Первый русский посол в Константинополе граф П.А. Толстой (1701–1713) представил ответы на поставленные в Петербурге вопросы в двух обширных текстах: «Описание народа турецкого» и «Описание Черного моря». В последней работе, которую посол готовил особенно тщательно, «перечислены порты, гавани, заливы Черного моря, прибрежные скалы, реки, горы, описано побережье от Константинополя по-западному и северному берегам и пути от Керчи до Босфора, до Дуная, Варны, Трапезунда. Более половины работы посвящено описанию греческого Архипелага»[20]. Складывается ощущение, что почти полтора столетия спустя, Норов использует тот же самый алгоритм в описании своего пути из Египта в Палестину и Сирию.

В расширенной редакции предисловия к «Путешествию по Святой Земле» Норов объясняет, что издает его «*прежде*» других потому, что оно было его целью. Его маршрут, по сути, проходит по местам походов французской армии. Во время своего путешествия из Египта в Палестину Норов даже «принужден был пользоваться одною из карт, составленных во время экспедиции Наполеона»[21]. Но частые упоминания о Египетском походе в книге Авраама Сергеевича не были простой данью истории. Военный опыт французов все еще был важен и требовал внимания. Российское правительство, высадив армию на Босфоре, тоже изучало варианты военных действий против Египта, а может быть и против другого вероятного противника. При этом наиболее удобной точкой для высадки или сбора войск в случае войны с Египтом, вероятно, считалась Сирия. В продолжение 30-х гг. XIX в. ее значение как военно-стратегического и политического форпоста на границе с Египтом лишь возрастало[22].

Сбор информации, в том числе и по дипломатическим каналам, а также разведка на местах с 1832 г. координировалась Департаментом Генерального штаба Военного министерства и осуществлялась его офицерами часто при поддержке МИД. Этот департамент занимался картографированием и геодезическими работами. В его составе числился знаменитый Корпус

военных топографов[23], подчиненный генерал-квартирмейстеру. Картография, топография и геодезия были одним из важнейших направлений разведывательной деятельности Генерального штаба.

Нередко офицеры Генерального штаба и дипломаты МИД России делали одну и туже работу. В качестве дипломатических сотрудников заграницу могли направляться кадровые военные, прошедшие необходимую подготовку. Примером такого «содружества» служит фигура А.О. Дюгамеля. Едва окончив Пажеский корпус в 1820 г. он был назначен состоять при канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба и в 1820–1823 гг. занимался тригонометрической съёмкой Петербургской губернии. С 1823 г. работал в Военно-топографическом депо при Генеральном штабе. Принимал участие в обследовании Каспийского и Аральского моря. После представленного императору Николаю I отчета о своей работе — в 1826 г. получил назначение в Константинополь, где более года занимал должность второго секретаря при военном отделении российского посольства. Участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в подавлении польского восстания в 1831 г. Затем А.О. Дюгамель был прикомандирован к Н.Н. Муравьёву, отправлявшемуся в Константинополь и в Египет для переговоров с Мегметом-Али о прекращении военных действий против султана. Когда же Ибрагим-паша 21 декабря 1832 г. разбил турок при Конии, Муравьев направил Дюгамеля в Конию для встречи с Ибрагимом-пашой. Дюгамель выиграл время и 8 февраля 1833 г. под Константинополем высадился русский экспедиционный корпус, отправленный для защиты города. Вернувшись в османскую столицу, Дюгамель занялся столь свойственной офицерам Генерального штаба работой: топографической съемкой укреплений Дарданелл. 8 августа 1833 г., после подписания мира между египтянами и турками, А.О. Дюгамель получил назначение на должность генерального консула в Александрии и до 3 августа 1837 г. оставался главным русским дипломатическим представителем в Египте, координируя деятельность русской разведки в течение первых пяти лет египетского владычества в Сирии и Палестине. Именно Дюгамель помогал Норову организовать свои путешествия по Египту и Палестине, а так же представил его Мегмету-Али[24]. От Дюгамеля Норов мог узнать и о других «частных» путешественниках, работавших под прикрытием в Турции в одно время с Авраамом Сергеевичем. Думается, именно эту информацию отражает неожиданная фраза Норова, помещенная им в предисловии к первому изданию 1838 г.: «Мы надеемся, что самая лучшая карта Сирии будет издана в России»[25]. Нет сомнения, что Норов и сам занимался картографированием местности, вероятно используя для этого одну из существующих карт. Его материалы по этому вопросу, скорее всего, были переданы в МИД или в Генеральный штаб для дальнейшей обработки. Он предупреждал читателей, что вскоре постарается представить «особенную карту моих дорог в Палестине; эта карта составлена только по глазомерной съемке, и расстояния

измерены временем; но со всеми недостатками подобного начертания, я надеюсь, что этот труд не бесполезен будет для путешественника»[26].

В 1834–1835 гг. в регионе была развернута активная разведывательная работа. Российские власти хотели использовать представившуюся возможность для изучения важных стратегических территорий на Православном Востоке. В составе русских войск под Константинополем в 1833 г. было большое количество военных топографов. После их ухода с берегов Босфора некоторые из офицеров Генерального штаба получили специальные задания. В частности, полковник П.П. Львов был командирован в 1834 г. в Малую Азию и Сирию для составления ее подробного военно-топографического описания[27]. Его миссия сильно напоминает миссию А.С. Норова. П.П. Львов провел на Востоке два года обследуя Восточную Анатолию, Курдистан и Сирию, изучая возможности передвижения армии, состояние дорог и глазомерную съемку местности, «которая послужила позже основой для составления карт в масштабе *2-х верст в английском дюйме*»[28]. Сопоставление двух описаний важной стратегической крепости — Акко — сделанные военным топографом П.П. Львовым и «паломником», в прошлом артиллерийским полковником А.С. Норовым позволяют говорить о том, что оба они выполняли схожее задание.

«Акия, — писал П.П. Львов, — столько примечательная по ее геройской защите и неудачным приступам Наполеона, составляет небольшую крепостцу северного мыса залива, образовавшегося от горы Кармеля... Судя о крепости по первому взгляду (ибо строгий надзор воспрещал ее верную рекогносцировку), перешеек заграждается прочным крепостным валом бастионного фронта с глубоким и широким рвом; за ним же расположена каменная прочная стена второй обороны, и, наконец, продолжение этой стены с башнями огибает всю черту поморья и сверх того имеет особую цитадель. Внешняя одежда земляного вала везде сделана из камня, но промежуток вала и каменной стены не имеет должной фланговой обороны... Воды в городе весьма много и даже если запереть главный проводник, то дождевые колодцы и цистерны могут быть достаточными месяцев на шесть, по крайней мере, для 7 или 8 тысяч человек»[29].

«Акра имеет наружность значительной крепости — вторит Львову А.С. Норов. — С двух сторон омывает ее море; она построена на песчаном мысе; первобытная форма ее почти квадратная; один угол квадрата обращен к морю, а другой к земле. С береговой стороны она защищена двумя рядами крепких стен. Гласис каменный, семь бастионов с башнями; рвы глубоки и широки. При мне были заняты работой передовых флешей со стороны береговой дороги. На расстоянии ближнего картечного выстрела возвышается перед Акрою песчаный холм, который может прикрыть движение осаждающих»[30].

В 1834–1836 гг. в Османской империи под дипломатическим прикрытием работает выдающийся военный топограф М.П. Вронченко[31]. Созданная им подробная и точная карта Малой Азии в масштабе 1:840000, как и множество

других неопубликованных карт и планов дали военному командованию русской армии наиболее точное, основанное на астрономических измерениях, представление о возможном театре будущих военных действий. Отчет[32] и книга[33] с описанием его поездки были высоко оценены современниками.

Поэтому командировку А. С. Норова в Египет, Палестину и в Малую Азию следует рассматривать именно в контексте указанной выше разведывательной деятельности российского правительства в Османской империи и лишь потом в качестве описания паломничества ко святым местам. Паломнические цели могли послужить прекрасным прикрытием для исполнения основного задания.

Решение о том, чтобы в 1834 г. отправиться в Египет, Сирию и Палестину не принадлежало Норову. Его утверждение об обратном, с легкой руки Н.Г. Чернышевского[34] и В.Н. Хитрово[35], подхваченное всеми позднейшими исследователями, было лишь художественным приемом. В неопубликованном письме к родителям от 23 августа 1834 г. Норов сообщает, что «получил со всемилостивейшего соизволения Государя, заграничное поручение, которое продолжится за шесть месяцев. Я направляюсь через Москву и Одессу на Константинополь и буду иметь на пути моем сладчайшее для христианина утешение поклониться Святому Гробу Господню и помолиться за всех нас. Я буду вас просить до моего приезда к вам погодить говорить о сем постороннему».[36] Выбор императора Николая I скорее всего был обусловлен наличием у Авраама Сергеевича необходимой военно-теоретической подготовки (полковник артиллерии) и общей эрудированности.

Все, знавшие лично Норова, упоминают о выделявшей его религиозности и одновременно поэтичности его натуры.[37] Поэтому его восторженное предчувствие иерусалимского поклонничества — вполне объяснимо. Но его просьба не рассказывать о предстоящей командировке посторонним свидетельствует о том, что в России эта информация могла иметь гриф секретности или во всяком случае не должна была огласиться прежде определенного времени. Самого Норова распоряжение императора застало буквально врасплох. В тот момент он был занят изданием книги стихов своего брата. Пришлось бросить уже оттиснутые 32 страницы тиража и дальнейшее печатание передать двоюродному брату Николаю Норову.[38]

Итак, Норов 20 августа 1834 г. был спешно уволен в отпуск для путешествия частным образом по Египту, Сирии и Палестине в качестве паломника[39]. На расходы он получил крупную сумму денег — 3000 руб. А чтобы оправдать выделение государственных средств — было придумано ни к чему не обязывающее, но совершенно официальное, и потому зафиксированное в документах «особое» поручение. Норову предписывалось составить доклад «о способах к выгоднейшему приобретению и доставлению из тех мест (*т.е. из Египта*) некоторых аптечных материалов»[40]. Данное поручение служило всего лишь прикрытием истинной цели командировки Норова. У России в этот момент именно в Египте имеется достаточно развитая сеть

собственных представителей: там находится и генеральный консул, и действуют нештатные консульские агенты. Поэтому не было никакой надобности отправлять совершенно постороннего человека из Петербурга в Египет просто для выяснения возможности поставок товаров в Россию. Это можно было легко решить без огромных затрат в 3000 рублей. Но, российским правительством «с момента восстановления дипломатических отношений между Россией и Египтом в 1834 году использовались любые предлоги для того, чтобы постоянно проверять состояние египетской армии в зоне конфликта. Пристальное внимание уделялось также успехам и неудачам египетского правления в Сирии, отношениям властей с населением покоренных провинций»[41].

Поскольку документы о подготовке миссии Норова нам не известны, мы можем попытаться реконструировать подлинную цель его поездки на основании текста книги, которая как нам кажется и есть вполне официальный отчет о его командировке. Итак, Авраам Сергеевич должен был:

– составить словесное описание маршрута с указанием расстояний, военных и гражданских объектов, источников воды, и т.п. и, вероятно, отметить весь пройденный маршрут на печатной карте;

– сделать политический анализ ситуации в египетских провинциях и дать характеристику деятельности египетских властей;

– сделать этнографическое описание края;

– изучить конфессиональную ситуация в Палестине, на Святых местах, дать описание греческого духовенства и завязать личные контакты с его представителями;

– подготовить путеводитель для русских паломников и сделать описание святых мест.

От себя Норов добавил задачу по изучению библейской топографии и археологии в Палестине, аналогично той работе по изучению древних мест и памятников, которую он увидел в Египте и в которую он с головой погрузился с самого начала своего путешествия еще в Александрии.

Для египетских властей во все продолжение своего путешествия Норов также оставался официальным представителем русского императора и его неофициальный статус никого не смущал. Оказываемые ему знаки внимания со стороны Мегмета-Али были одновременно ответными сигналами к пославшему его российскому правительству. Свидетельства этому во множестве содержатся на страницах его книги. Он по меньшей мере дважды встречался с правителем Египта Мегметом-Али, который в итоге наделил Норова особыми письмами, позволявшими ему не только беспрепятственно следовать по всей территории Египта, Сирии и Палестины, но и требовать от местных властей любого уровня помощи в реализации своих планов. В письме к своему зятю, дамасскому паше, Мегмет-Али, по уверению Норова, даже употребил выражение: «выполнить все, чего душа моя пожелает»[42]. Последняя фраза позволила Норову настоять

на разрешении посетить Купол скалы (мечеть Омара) — прежде почти недоступный для европейцев памятник на храмовой горе Иерусалима. Соответствующие письма выдал Норову и Ибрагим-паша.

Естественно после предъявления таких писем ни у кого в египетской администрации не оставалось сомнений в том, что перед ними не простой паломник и даже вовсе не паломник. Норов и сам не скрывал своего особого положения. Чтобы наказать наглость египетского офицера в Эль Арише он приказывает публично зачитать выданный ему Ибрагимом-пашей пропуск: «тут он едва не упал к ногам моим, низко прося прощения и предлагая свои услуги»[43]. В Газе городской муселим приглашает Норова поселиться во дворце калифов, который, не смотря на запущенность, остается самой престижной постройкой в городе. А прощаясь, правитель упрашивает своего гостя, чтобы тот засвидетельствовал письменно, что он был доволен оказанным ему приемом[44]. В Рамле Норов останавливается в греческом монастыре и селится, вероятно, в лучшем помещении, убранном коврами и диванами, с готическим окном террасой и пальмой. Любопытно, что тут в греческом монастыре, в канун вербной субботы, Норов не посещает церкви и не описывает ее, зато предается «роскоши восточной бани» и принимает визиты самых состоятельных горожан. На следующее утро к нему из Яффы приезжает российский консул Георгий Мострас, которого, очевидно, предупредили о прибытии Норова. Он приводит ему свежих лошадей, поэтому Авраам Сергеевич решается немедленно следовать в Иерусалим и по дороге встречает спешащего к нему на встречу настоятеля монастыря, уехавшего из Иерусалима ради встречи дорого гостя, не смотря на грядущий праздник[45].

Иногда пресловутый статус и сам диктовал правила поведения. Так, отправляясь с караваном на Иордан, Норов, проезжая по Крестному пути, чтобы не умалить свой статус и значение своей миссии, не мог слезть с лошади и пойти пешком[46]. При этом муселим Иерусалима, Абу Гош, брат знаменитого разбойника, как будто нарочно дважды разбивает свой шатер на пути Норова, пока тот, наконец, не догадался, что муселим просто рассчитывает зазвать важного паломника в свой шатер на чашку кофе[47].

В Великую субботу в храме Гроба Господня Норов публично выговаривает сирийскому паше за его участие в межконфессиональной интриге и добивается для православных возможности совершить обряд принятия Святого огня, не отступая от традиции. «Тут один из нас, исполнясь негодованием, принял речь и велел сказать сирийскому паше чрез греческого драгомана, что права, дарованные султанами и нынешним правителем Египта, нам известны, что нарушение этих прав слишком явно и что мы, будучи свидетелями того, что делается, и тех смятений, которые могут произойти, — берем на себя довести все это до сведения Мегмета-Али, и требовать суда виновнику происшествия. Эта речь произвела желаемое действие. Паша отступил от своего обещания армянам, — арабы получили дозволение исполнить

свой обряд, но раздраженный паша вывел почти всех стражей, дабы в случае беспорядков обратить всю вину на греков и на нас»[48]. После этого Норов идет в Кувуклию сразу вслед за наместником Патриарха митрополитом Мисаилом для совершения обряда.

Об организованном для Норова посещении Храмовой горы, Купола скалы и мечети Аль Акса мы уже упомянули. Упоминание в этом контексте роли Мегмета Али конечно должно было свидетельствовать о его услугах российскому императору, пославшему Норова, и предназначалась для российских властей. Тот же сирийский паша, исполняя волю своего правителя, организовал и посещение русским паломником гроба Давида.

В Иерусалиме Норов пользуется не меньшим уважением и со стороны греческого духовенства. Именно этот его необычный статус друга египетского властителя и покровителя православных доставляет ему возможность приобрести древнейшие рукописи из монастыря св. Саввы[49]. Через 25 лет в 1861 г. он уже не смог получить подобного разрешения и рукописи, куда менее ценные, так и остались в библиотеке Патриархии.

Итак, основным заданием Норова во время его путешествия были разведка дорог и составление карты, пригодной для использования в случае продвижения войск из Сирии в Египет и Палестину. Именно в таком ключе и написана его книга. Она представляет собой подробную словесную карту всего обширного региона от Дамьята до Бейрута, включая многочисленные маршруты в Палестине, которая с точки зрения картографии все еще оставалась малоизученным регионом. В книге даны точные указания расстояний, отмеренные временем, между всеми сколько-нибудь важными географическими точками. Подробно описаны географические ориентиры, даны характеристики дорог, отмечены стратегические «опорные» пункты, источники воды, собраны статистические данные о численности, нравах и занятиях населения и т.п. В дополнение к этому Норов напечатал вариант карты региона на русском языке и дополнил лучший на тот момент план Иерусалима Ф. Катервуда[50], издав его так же на русском языке.

Другим его заданием, возможно, было описание святых мест и перепроверка уже имевшихся в Петербурге сведений о топографии храма Гроба Господня. Во всяком случае, Норов упоминает о том, что он сверил на месте рисунок Голгофы, сделанный М.Н. Воробьевым в 1820 г. и вновь измерил Кувуклию, а также отметил не указанную ранее «левантийскую» дверь в колоннаде за греческим алтарем храма Воскресения Господня[51].

Он подробно описывает современный Иерусалим, перечисляет названия улиц, ворот и башен, измеряет окружность стен, приводит статистические сведения о населении Святого Града. Вообще, этнографические зарисовки и статистические сведения о населении, занятиях, торговле и т.п. повсеместно присутствуют на страницах книги Авраама Сергеевича. Изучению ее структуры и содержания посвящена следующая глава нашего исследования.

[1] Вах К.А. Часть первая «Портрет и образ» опубликована ППС. Вып. 116. К 200-летию Азиатского департамента МИД России. М.: Индрик, 2019. С. 211–228. В написании настоящей статьи принимала участие дин О.Е. Петрунина.

[2] Стихотворение А.С. Норова из неопубликованного варианта введения к книге Путешествие по Святой Земле в 1835 году. ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 142. Л. 2–2об.

[3] См., напр.: Anderson R. Report to the Prudential Committee of a Visit to the Missions in the Levant. Boston, 1844; Hartley J. Researches in Greece and the Levant. L., 1831; Jowett W. Christian Researches in the Mediterranean, from 1815 to 1820, in furtherance of the objects of the Church Missionary Society. L., 1822; Walpole R. Travels in various countries of the East. L., 1820.

[4] Петрунина О.Е. «Общие о Левантских консульствах известия» Ивана Войновича (1782). // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 138–150; Кобищанов Т.Ю. «Греческий проект» Екатерины II и Сирия. // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2017, № 2. С. 3–25.

[5] Путевые записки в Святый Град Иерусалим и в окрестности онаго Калужской губернии дворян Вешняковых и медынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. М., 1813.

[6] До настоящего времени остается открытым вопрос о редакторе этих «воспоминаний», поскольку, судя по дошедшему до нас авторскому оригиналу текста, редактура для печатного издания была сделана человеком, хорошо разбиравшимся в реалиях Османской империи. Личности путешественников так же моги быть не случайны для выполнения «задания» правительства, если таковое имело место. Один из братьев, Иван Вешняков, судя по контексту уже бывал в Константинополе в само конце XVIII столетия и, кажется, взаимодействовал с российским посольством в Константинополе. См.: Вах К.А. Заповедный Иерусалим: из повествования братьев Вешняковых о путешествии в 1805 году // Иерусалимский православный семинар. Вып. 3. М., 2012. С. 201–212.

[7] В 1816 г. при возвращении на службу в МИД Дашков по требованию Каподистрии написал дипломатическую записку по поводу вышедшей тогда брошюры Шатобриана «De Buonaparte et des Bourbons et de la n cessit de se raillier nos princes l gitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe». (Paris. 1814). Каподистрия остался вполне доволен как слогом начинающего дипломата, так и его умением ориентироваться в сложных вопросах политики, и Дашков был принят на службу». (https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/18554/%D0%94%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%B2; дата обращения 06.07.2019)

[8] Дашков Д.В. Афонская гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 г. // Северные цветы на1825год.С. 119—161; Дашков Д.В. Известие о греческих и латинских рукописях в серальской библиотеке// Северные цветы на 1825 год. С. 162–165; Дашков Д.В. Русские поклонники в Иерусалиме (Отрывок из путешествия по Греции и Палестине) // Северные цветы на 1826 год. С. 214–283; Дашков Д.В.Еще несколько слов о серальской библиотеке. // Северные цветы на 1826 год. С. 283–296.

[9] [Дашков Д.В.] M moire sur l' tat des Consulats Russes dans le Levant au commencement de 1821, 9/21.07.1821. РГИА. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 135. См. так же: Дашков Д.В. Записка статс-секретаря «Обозрение главнейших сношений России с Турциею и начал, на коих долженствуют оные быть установлены на будущее время» // Внешняя политика Рос-

сии XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Серия II, т. VIII (XVI), 1815–1830 гг. (октябрь 1828 — июль 1830 гг.). М., 1995.

10 Путешествие к Святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820–1821 гг. села Павлова жителем Киром Бронниковым. М., 1824.

11 Сенковский И. Краткое начертание путешествия в Нубию и Верхнюю Эфиопию // Северный архив, 1822, Ч. 1. С. 70–113; Он же. Посещение пирамид. Из путевых записок Иосифа Сенковского // Сын Отечества, 1822, № 1. Ч. LXXV. С. 16–30, 116–122; Он же. Перечень письма из Каира // Сын Отечества, 1822, № 1. Ч. LXXVI. С. 64–71; Он же. Возвратный путь из Египта чрез Архипелаг и часть Малой Азии. // Северный архив, 1822. Ч. 1. С. 421–443, Ч. 2. С. 45–52, Ч. 3. С. 301–320; Он же. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. СПб., 1828–1829.

12 Муравьев А.Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Ч.1–2.СПб., 1832.

13 Лисовой Н.Н. А.Н. Муравьев и его книга «Путешествие ко святым местам в 1830 году» // Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. М., 2006. С. 9–10.Можно добавить, что во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Дашков находился при главной квартире действующей армии. Таким образом А.Н. Муравьев, откомандированный «на поклонение святым местам» в 1830 г. как бы подхватил из его рук эстафету дипломатических паломничеств.

14 Путешествие во Святой Град Иерусалим Патриаршего Иерусалимского монастыря монаха Серапиона, именовавшегося прежде пострижения Стефаном 1830 и 1831 годов. // Два путешествия в Иерусалим в 1830 и 1831 и в 1861 годах. М., 2006.

15 С 1839 г. — архиепископ Фаворский.В 1850–1885 гг. занимал кафедру Антиохийского Патриарха. Обычно датой хиротонии его во епископы называют 1833 г. Однако, учитывая то обстоятельство, что другого епископа с именем Иерофей в середине XIX столетия в Иерусалимском Патриархате нам выявить не удалось, можно сказать, что информация Серапиона существенно уточняет дату и обстоятельства его хиротонии. В 1845 г. был главным претендентом на место Иерусалимского Патриарха, но не был пропущен турецким правительством из-за обвинений в симпатиях к России.

16 Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М., 2009

17 Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. Ч. 1–2.СПб., 1840; Норов А.С. Путешествие по Святой земле в 1835 году. Ч. 1–2.СПб., 1838.

18 Давыдов В.П. Путевые записки, ведённые во время пребывания на Ионических островах в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году, Владимиром Давыдовым. Ч. 1–2. СПб., 1839, 1840. Экспедиция Давыдова кажется не могла иметь никакого отношения к МИД, но ее результаты, роскошно опубликованные, просто не могли не привлечь внимания на Дворцовой площади в Петербурге.

19 Об экспедиции В.П. Давыдова см.: Вах К.А. В поисках христианских древностей. Поездка В.П. Давыдова в 1835 году. // История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 по 1912 г. Святая Гора Афон, 2015. С. 250–256.

20 Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 48.

21 Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2007. С. 16.

22 Именно это обстоятельство стало причиной отмены решения о создании первого в Иерусалиме русского консульства и переноса его в Бейрут.

[23] Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов 1822–72.- СПб., 1872.

[24] «В бытность мою в Египте я пользовался чрез г-на Дюгамеля благосклонностью нынешнего властителя Востока Мегмета-Али». Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2007. С. 86.

[25] Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2007. С. 16.

[26] Там же.

[27] Фрумин М. Русские источники об Акко в период египетского правления (1832–1840) // Иерусалимский православный семинар. Вып. 2. М., 2011. С. 72–76.

[28] Там же. С. 73.

[29] Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М., 1991. С. 225.

[30] Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2007. С. 235.

[31] Кусов В. С. К 200-летию М. П. Вронченко // Геодезия и картография. 2002. № 3. С. 41–46.

[32] Записки Военно-топографического депо. Часть III. СПб., 1838. Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии. ОТД. I. Местность. ОТД. II. Произведения края. ОТД. III. Населенность и жилища. ОТД. IV. Гражданское устройство. Журнал астрономических наблюдений в Малой Азии; Часть V. СПб., 1840. Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии. ОТД. V. Области, города и местечки. ОТД. VI. Взаимные отношения и быт малоазийцев. ОТД. VII. Земледелие, промышленность и торговля. Вычисление астрономических наблюдений в Малой Азии. См.: https://lib.rgo.ru/dsweb/View/ResourceCollection-421.

[33] Обозрение Малой Азии в нынешнем её состоянии, составленное русским путешественником М. В. Ч. 1–2. СПб., 1839, 1840.

[34] Чернышевский Н. Г.<Критика>. Путешествия А. С. Норова // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1949. Т. 2. С. 520–521.

[35] Хитрово В.Н.[Предисловие]// Норов А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А.С. Норова. / Под ред. В.Н. Хитрово. СПб., 1878. С. III-IV.

[36] ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–1об.

[37] См., например, Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014. С. 211.

[38] ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 188. Л. 1об.

[39] Норов был официально уволен в отпуск «для поклонения Гробу Господню». См.: Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. С. 339. Предоставление чиновнику отпуска на время негласной командировки отражает стандартную практику при отправке на Восток неофициальных представителей правительства.

[40] См.: Норов А.С. // Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 468. Документов, более подробно раскрывающих цель командировки А.С. Норова в Египет пока обнаружить не удалось.

[41] Фрумин М. Русские источники об Акко в период египетского правления (1832–1840) // Иерусалимский православный семинар. Вып. 2. М., 2011. С. 77,79.

[42] *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2007. С. 88.

[43] Там же. С. 30.

[44] Там же. С. 34–35.
[45] Там же. С. 42–43.
[46] Там же. С. 46.
[47] Там же.
[48] Там же. С. 70.
[49] Там же. С. 156.
[50] См.: Фрумин М. Карты Иерусалима в русской паломнической литературе 1830-х гг. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 3. М., 2012. С. 185–200.
[51] Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2007. С. 61, 63–64.

Принцесса греческая и датская Ирина (И. А. Овчинникова) и ее роль в налаживании контактов между Московской Патриархией и Восточными Патриархатами в военное и послевоенное время (1943–1946 гг.)

Б. Ф. Додонов, О. Н. Копылова, К. А. Лукина

Как известно, в годы Второй мировой войны в среде русской эмиграции первой волны стало ярко проявляться чувство патриотизма по отношению к своей Родине — православной России. И это, несмотря на то, что до эмигрантов доносилась информация о том, что в стране советов отмечалось негативное отношение к религии и к священнослужителям. Тем не менее, во многих странах-ареалах расселения выходцев из России стали явно намечаться тенденции в отношении оказания эмигрантами помощи Красной Армии, героически сопротивляющейся нацистскому режиму. В этом отношении показательны патриотические чувства, которыми была проникнута определенная часть эмигрантских колоний в странах Востока — Египта, Сирии, Ливана, Палестины. Среди тех, кто поддерживал, не смотря на яростное сопротивление русофобски настроенных представителей эмигрантских слоев, нашедших приют в странах Востока, идеи восстановления отношений между православными советской России и Восточными Патриархатами, патриотически настроенные соотечественники: супружеская пара — историк, специалист по истории и искусству Византии Елизавета Сергеевна (урожд. Елагина) и Григорий Иванович Лукьяновы, последний был известным египтологом, Ксения Михайловна Горячковская (монахиня женского монастыря в Иерусалиме), бывшие белые офицеры Константин Павлович Никитин и Владимир Иванович Скавинский, настоятель русского храма в Александрии архимандрит Алексий Дехтерев, схиигумения Евгения (Митрофанова, урожд. Турау), протоиерей Курылас Григорий Михайлович и другие.

Среди эмигрантов, много усилий потративших на установление отношений между Московской Патриархией и Восточными Патриархатами — принцесса Греческая и Датская Ирина. О ней, как, впрочем, и о вышеназванных

эмигрантах, имеется весьма скудная информация. Тем не менее, постараемся восстановить биографию этой женщины с удивительной судьбой, достойной того, чтобы о ней была написана специальная работа. Восстановить штрихи биографии принцессы Ирины позволяют документы из фонда Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) документы из фонда Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)[1], мемуары известного советского дипломата Николая Васильевича Новикова[2] и информация ряда биографических сайтов[3], размещенных в сети Интернет.

Принцесса Греческая и Датская Ирина, она же Ирина Александровна Овчинникова родилась в Санкт-Петербурге 4 октября 1904 года в семье обладателя огромного состояния Александра Павловича Овчинникова. Дед Ирины Александровны — купец, фабрикант, золотых дел мастер, почетный гражданин Москвы Павел Акимович Овчинников (1830–1888) — бывший крепостной князя Д.А. Волконского — впоследствии стал основателем национальной ювелирной школы. Созданная им фирма «П.А. Овчинников» по праву считается одним из лучших предприятий золотого и серебряного дела дореволюционной России. После Октябрьской революции 1917 г. семья Ирины Александровны эмигрировала в Европу, и с тех пор будущая принцесса Греческая и Датская Ирина ни разу не побывала на Родине, хотя всем сердцем мечтала ступить на родную землю. Живя в Париже, совсем юная Ирина работала манекенщицей в одном из модельных агентств, пленила французского маркиза Жана де Монлеона и в 1919 г. вышла за него замуж, их брак продлился до 1930 г. Вторично она вышла замуж в 1932 г. за англичанина торговца произведениями искусства Льюиса Слоудена, их брак распался в 1936 г. Летом 1935 г. Ирина Александровна знакомится с 27-летним принцем Петром (Пьером), антропологом, двоюродным братом Греческого короля Георга II, сыном принцессы Мари Бонапарт. Вместе с ним Ирина Александровна совершает поездку в Сирию, Персию и Южную Индию. 9 сентября 1939 г. в датском консульстве в Мадрасе в Индии состоялось их бракосочетание (морганатический брак), а 5 июня 1941 г. в Иерусалиме состоялось венчание принца Петра и Ирины Александровны в греческом православном храме. В силу этого Ирина Александровна стала обладать двумя громкими титулами — «Ее Королевское Высочество Принцесса Греческая и Принцесса Датская». Принцесса Ирина стала считаться членом королевского дома и, очутившись после оккупации Греции в эмиграции, она разделила в годы Второй мировой войны участь королевского дома и вместе с ним обосновалась в Каире.

Как показывают публикуемые архивные документы, принцесса Ирина становится одной из самых активных сторонников сближения Московской

1814
Dr. Arthur Robitschek
Jerusalem 1942

Патриархии с Восточными Патриархатами. Она вступает в переписку с Патриархом Московским и всея Руси Сергием, а после его смерти — с Патриархом Алексием I, в 1943 г. организовывает сбор средств в поддержку бойцов Красной Армии, организует благотворительный Египетский фонд помощи гражданскому населению СССР. Она посещает Сирию, Ливан, Палестину, где встречается с Патриархом Иерусалимским Тимофеем, Патриархом Антиохийским Александром III, имеет постоянные контакты с Патриархом Александрийским Христофором. Вместе с мужем Петром присутствует при встрече церковной делегации Московской Патриархии, возглавляемой Патриархом Московским и всея Руси Алексием I в 1945 г., во время его первого визита на Ближний Восток. Принцесса Ирина прекрасно осведомлена обо всех событиях, происходящих в Восточных Патриархатах, она знакома с состоянием дел в Иерусалиме, в женских монастырях Елеона и Горнем монастыре, с положением с русскими школами в Сирии, Ливане, Иерусалиме, с ситуацией, в которой оказалась Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Она не только знала фактическую сторону дела, но и проявляла при этом недюжинные аналитические способности. Ее письма, адресованные председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г.Г. Карпову, являются настоящим аналитическим материалом, позволявшим использовать его при подготовке различных проектов и планов, способствующих налаживанию контактов между Восточными Патриархатами и Русской Православной Церковью в сложнейший период военного времени. Прекрасное знание нескольких иностранных языков, патриотический настрой, любовь к Родине, искреннее желание помочь населению СССР, пострадавшему в военные годы, склонность к дипломатии — все это позволило принцессе Ирине стать незаменимым участником и отчасти и вдохновителем непростого процесса установления добрых отношений между РПЦ и Восточными Церквями.

Ирина Александровна неоднократно обращалась в советское посольство в Египте с просьбой о выдаче ей визы для поездки в СССР, в чем ей, однако, было отказано. После окончания Второй мировой войны принц Петр и принцесса Ирина уезжают сначала в Данию, затем в США. Позднее они отправляются в Азию, где принц Петр продолжает вести научную работу в области антропологии. В 1952 г. по завершении научной экспедиции супружеская пара возвращается в Европу — сначала в Данию, а затем в Англию. Некоторое время принцесса Ирина живет в Гонконге. В 1980 г. умирает принц Петр. Ирина Александровна скончалась через десять лет после смерти мужа — 13 марта 1990 г. Она похоронена рядом с мужем — на территории их датского дворца Лилль Bernstorff.

В материалах фонда Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР (ф. Р-6991) отложилась переписка принцессы

Ирины с Московской Патриархией и председателем Совета Г.Г. Карповым, освещающая ее роль в налаживании контактов между РПЦ и православными Патриархатами Ближнего Востока. Публикуемые документы выявлены в рассекреченных недавно материалах досье по Александрийской Патриархии (за 1947) и переписке Совета с Наркоматом иностранных дел СССР (1943–1946). Публикуется также отрывок из воспоминаний Н.В. Новикова — Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Египте о его встречах с Ириной Александровной Овчинниковой.

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-09-41003 (Палестина) «Советское государство, Русская Православная Церковь и Христианский Восток. История взаимоотношений во второй половине двадцатого столетия (1945–1991 гг.) Сборник документов и материалов из фондов Государственного архива Российской Федерации».

№ 1

Письмо начальника Отдела внешних сношений Наркомата обороны СССР генерал-майора Евстигнеева председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР Г. Г. Карпову[4] с препровождением письма принцессы Греческой Пьер (Ирины) и посылок с подарками бойцам Красной Армии, полученных от Главы Французской Военной Миссии в СССР генерала Пети[5] для передачи Патриарху Московскому и всея Руси Сергию[6].

№ 832 4 ноября 1943 г.

Препровождаю Вам четыре посылки с подарками бойцам Красной Армии и письмо Греческой принцессы Пьер, полученные Отделом Внешних сношений НКО от Главы Французской Военной Миссии в СССР генерала Пети, для передачи Патриарху Сергию.

Начальник Отдела внешних сношений НКО СССР
генерал-майор Евстигнеев

Резолюция: Т. Зайцеву. 1) Получите в Патриархии копию письма Пьер *2) Приложите расписку о передаче пакетов к материалу 3) Напишите ответ. Карпов. 9. 11.*

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 23.
Подлинник. Машинопись на бланке Отдела внешних сношений НКО СССР.

№ 2.

Письмо принцессы Греческой Ирины Патриарху Московскому и всея Руси Сергию об организации ею сбора денежных средств среди православного населения стран Востока для оказания помощи бойцам Красной Армии.

г. Дамаск *8 октября 1943 г.*

Его Блаженству Блаженнейшему Сергию,
Патриарху Московскому и всея России

Блаженнейший Владыко, Всемилостивейший архипастырь, с чувством живейшей радости и дочерней любви получила я ответ на поздравление, посланное мною по случаю Вашего избрания на Патриарший Престол и ныне пользуюсь случаем искренно поблагодарить за него Ваше Блаженство.

Вместе со всеми русскими людьми я душой с теми, кто в тяжелой ратной борьбе победоносно защищают родную землю от нашествия полчищ современных варваров, перед злодеяниями которых бледнеют зверства и опустошения орд Батыя и Чингис Хана.

Вместе со всеми вами, ин русское сердце бьется, и я преклоняюсь перед неисчислимыми подвигами и жертвами Красной Армии и всего русского народа.

Но не всем Бог указал сражаться на полях битв или переносить тяжесть борьбы в тылу и бесконечные жертвы и смерть, чтобы отстоять от врагов священное наследство наших общих предков.

Есть другие возможности участвовать в этом святом деле, не только общением духовным, но и более действенно: посетив весною этого года Иран, я видела офицеров и солдат Красной Армии и восхитилась их жизнью полною достоинства, труда и самопожертвования.

И непобедимое желание зародилось во мне: помочь освобождению далекой и неосязаемой родины и посвятить данные мне Богом возможности на то, чтобы по мере сил моих, возбудить в тех странах Востока, где мне дано жить судьбою, действенную симпатию к доблестным бойцам, рассказав про их жизнь, и в то же время провести сборы, чтобы по возможности скрасить их досуги.

Мне сказали, что посылка табака доставит удовольствие бойцам, и я вскоре по возвращении из моего иранского путешествия, начала работу в странах Ближнего Востока, преимущественно среди православного населения его, не исключая и людей других вероисповеданий, сочувствующих освободительной борьбе соединенных демократий мира.

С несказанной радостью сообщаю Вашему Блаженству, что моральный и даже, по местным условиям, материальный успех этого предприятия превзошел мои ожидания.

Во-первых, оживилась духовная связь, издревле существовавшая между восточным и русским православием, а, во-вторых, я лично убедилась, какое восхищение питают все слои общества к нашим бойцам. На мой призыв откликнулись все и несли свою лепту скромные работники и крестьяне, православные люди, мусульмане, католики. И какою для меня это было гордостью и великой радостью. Покинувши Россию еще ребенком, я, удаленная судьбою от глубоких переживаний, переродивших само существо ее, я воплощала для них нашу святую матушку Русь.

Этот успех ободрил меня и побудил меня продолжать начатое в Ливане предприятие в Сирии, затем в Палестине и закончить его в Египте.

В этом своем начинании я встречаю полную поддержку наших союзников и, в особенности, благородной французской нации и ее властей в Ливане и в Сирии.

Собранные деньги я решила послать Вашему Блаженству с просьбой посвятить их на покупку табака или, по Вашему усмотрению, на другие нужды доблестных красноармейцев.

Чтобы объяснить Вашему Блаженству суть предпринятой мною работы, посылаю некоторые выдержки из местных газет с заметками и отчетами, пока на французском языке[7].

По мере развития и продолжения кампании, я себе позволю посылать Вашему Блаженству весь к этому относящийся материал.

Мне говорили, что Ваше Блаженство намерены отправить на Восток духовную делегацию. Если это верно, то прошу Вас не отказать мне и попросить членов делегации навестить меня по месту моего пребывания.

До 1-го сего ноября я буду жить в Бейруте, с начала ноября — в Иерусалиме в православной патриархии, а с начала декабря — в Каире.

Прошу меня телеграфно уведомить об отъезде Миссии.

Конечно, не мне, слабой женщине, осмеливаться давать советы испытанной мудрости Вашего Блаженства, но повергаю свое мнение на Ваше усмотрение и думаю, что не следует медлить в этом благом деле, «ибо время жатвы припало». Я, со своей стороны, приложу все свои скромные усилия, дабы способствовать осуществлению возложенных на Миссию эту духовных задач.

Я буду несказанно благодарна, если Ваше Блаженство соблаговолит ответить мне, вручив свое письмо французскому послу в СССР, который перешлет его мне.

Желаю Вашему Блаженству долгой жизни и плодотворной деятельности на пользу родного православия, остаюсь, испрашивая Вашего апостольского Благословения за свои труды.

Ирина.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 26–28.
Копия. Машинопись.

№ 3.

Письмо Патриарха Московского и всея Руси Сергия генералу армии К.К. Рокоссовскому[8] с препровождением подарка (табака) для бойцов Красной Армии, переданного Греческой принцессой Ириной.

6 ноября 1943 г.

В Военный Совет Белорусского фронта
Генералу армии Рокоссовскому

В заботах о наших доблестных воинах Красной Армии, сражающихся за нашу честь и свободу, принцесса Ирина Греческая прислала на мое имя для них подарки — табак.

Препровождая этот подарок нашим дорогим воинам, прошу Вас, Генерал, направить его по Вашему усмотрению.

Патриарх Московский и всея Руси

Сергий

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.
Заверенная копия. Машинопись.

№ 4.

Доверенность, выданная начальником штаба Главного управления тыла Красной Армии НКО СССР генерал-лейтенантом М.П. Миловским[9] на имя А.И. Морикова на получение табачных изделий, переданных Патриархом Московским и всея Руси Сергием, для поставки Военному совету фронта действующей армии.

6 ноября 1943 г.

Доверенность

Доверяю получить тов. Морикову А. И. табачные изделия, переданные патриархом Сергием для поставки Военному совету действующей армии.

Подпись тов. Морикова удостоверяю.

Генерал-лейтенант Миловский

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. *13. Л. 24*.
Подлинник. Машинопись на бланке.

№ 5.

Письмо Патриарха Московского и всея Руси Сергия Принцессе Греческой Ирине с выражением благодарности за подарки, присланные бойцам Красной Армии.

22 ноября 1943 г.

Ваше Королевское Высочество, Всемилостивая Государыня!

Счастлив был получить собственноручное письмо Вашего Высочества и приступить к исполнению возложенного на меня поручения.

Одновременно поступила и посылка, собранная Вашим усердием для наших красноармейцев. Эту посылку я направил командующему Белорусским фронтом генералу Рокоссовскому и уже уведомлен о получении ее и раздаче подарков бойцам Красной Армии.

Да благословит Господь Ваше доброе сердце, внушившее Вам благую мысль этим знаком Вашего участия скрасить суровую, полную непристанных подвигов жизнь наших скромных героев, самоотверженно жертвующих собой за нашу родную Русь.

Ваша доброта несомненно найдет живой отклик в их сердцах и сделает для них еще более родной и дорогой святую нашу Русь, во имя которой Ваше Высочество делаете свое доброе дело.

Призываю на Ваше Высочество и на Ваш патриотический и вместе Христолюбивый труд поспешествующее благословение Божие и остаюсь

Вашему Высочеству всецело о Христе преданный

Сергий, Патриарх Московский

22. XI. 1943 г.

Опубликовано: «Журнал Московской Патриархии».
№ 4. Декабрь 1943 г. Раздел «Церковная жизнь».

№ 6.

Докладная записка председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г. Г. Карпова наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову[10] о получении Патриархом Московским и всея Руси Сергием письма из Бейрута от Греческой принцессы Ирины о посылке денежных средств и подарков бойцам Красной Армии, и с проектом ответного письма Патриарха принцессе Ирине.

10 марта 1944 г.
Сов. Секретно

Патриархом Сергием получено письмо из Бейрута от Греческой принцессы Ирины от 30 октября 1943 года, переданное 28 февраля 1944 года представителем Французского Комитета национального освобождения в Москве [Роже] Гарро[11], митрополиту Николаю[12].

В письме принцесса Ирина уведомляет о пересылке на имя Сергия собранных ею денег для Красной Армии (деньги не получены). Кроме того, она сообщает о распространяемых в ближневосточных странах слухах о предстоящем, якобы, приезде туда патриарха Сергия.

Представляя при этом проект ответного письма Сергия на имя Греческой принцессы Ирины и копию ее письма, прошу Ваших указаний.

Председатель Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР

Карпов Г. Г.
10 марта 1944 г.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 29.
Копия. Машинопись.

№ 7.

Письмо Греческой принцессы Ирины Патриарху Московскому и всея Руси Сергию о посылке в Московскую Патриархию денег, собранных ею на нужды Красной Армии, и по поводу возможного приезда Патриарха Сергия с визитом на Ближний Восток.

г. Бейрут *30 октября 1943 г.*

Его Блаженству, Блаженнейшему Сергию,
Патриарху Московскому и всея России

Прошу Ваше Блаженство принять первую часть собранных мною денег на нужды Красной Армии.

Сумма эта могла бы быть более значительной, если бы я удовольствовалась для получения ее способами, обыкновенно практикуемыми здесь, а именно балами и прочими увеселениями с благотворительной целью.

Но мне казалось, что подвиги русского солдата, проливающего свою кровь на полях битв, в ожесточеннейших сражениях, не могут быть совмещены с идеей веселья и праздного развлечения.

Я хотела, чтобы жертвовали бы эти деньги не люди безразличные, но те, кто душою сочувствует Православию и России.

Весь Ближний Восток полон слухом о скором приезде Вашего Блаженства в наши страны. Арабские газеты публикуют даже известия, почерпнутые неизвестно из каких источников, о прибытии Вашего Блаженства в Тегеран; среди православных уже наблюдается радость и ожидание близкого момента Вашей встречи.

Между тем, официально нам ничего неизвестно. Такое положение вещей внушает некоторое опасение, и мне кажется, что следовало бы или официально опровергнуть или же подтвердить эти известия во избежание напрасного волнения среди дорогого всем нам православного населения.

Быть может, подобные слухи нарочно распространяются врагами его — и тем более необходимо авторитетным утверждением пресечь эти козни.

Конечно, со своей стороны, я бы сочла величайшим счастьем лично увидеть Ваше Блаженство и удостоиться беседы с Ним: с какою гордостью я лично передала бы Вашему Блаженству собранные мною для русских воинов деньги.

Видеть Патриарха Всея России — это есть заветнейшая мечта моей жизни, и я молю Бога, чтобы мне было дано как можно скорее осуществить это мое сокровеннейшее желание...

Но я понимаю, что военное время не благоприятствует для путешествия Вашего Блаженства, и поэтому я с христианским смирением буду ждать этой возможности и прошу Ваше Блаженство не забывать про это мое постоянное желание и известить меня при первой возможности осуществления его.

Я вижу, с каким благоговением все православное население Ближнего Востока приветствовало избрание Вашего Блаженства на Патриарший Престол Всея Руси, что свидетельствует о наличии живейшей духовной связи между русским и восточным православием.

Я непоколебимо верю, что мудростью Вашего Блаженства и с Божьей помощью духовный союз этот еще более укрепится и процветет.

Я верю, что уже не далек тот час, когда доблестная Русская Армия и весь русский народ в неудержимом порыве патриотического одушевления изгонит последнего врага с последней пяди бесконечно дорогой России.

И в этом убеждении, благоговейно склоняясь перед Вашим Блаженством и испрашивая Его Апостольского благословения, остаюсь Его смиренной духовной дочерью

Ирина
Бейрут,
30 октября 1943 года.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 31–31 об.
Копия. Машинопись.

№ 8.

Проект ответного письма Патриарха Московского и всея Руси Сергия принцессе Греческой Ирине с выражением благодарности за собранные ею денежные средства на нужды Красной Армии.

[Не позднее 10 марта 1944 г.]

Ея Королевскому Высочеству
Принцессе Греческой Ирине.

Ваше Королевское Высочество
Всемилостивейшая Государыня

Да благословит Вас Господь за Вашу любовь к нашей дорогой Родине и за Ваше неоскудевающее усердие чем-нибудь порадовать ее верных сынов, беззаветно ей преданных и жизнь свою полагающих за ее целость и благосостояние.

Для такой святой цели и средства должны быть святыми во всех отношениях, как Вам правильно подсказало Ваше чуткое сердце. Наши воины-герои вполне заслужили того, чтобы и пожертвования на них вносились с таким же благоговением, как молящийся возжигает свечу пред святым образом.

Буду счастлив исполнить поручение Вашего Высочества и по получении собранных Вами пожертвований не замедлю направить их по назначению, доложив о последующем Вашему Высочеству.

Слухи и моем путешествии на православный Восток несколько не соответствуют действительности. Об этом я бы мог заявить и официально в газетах. Но беда в том, что появление официального опровержения нередко понимается за границей[13], как косвенное подтверждение слухов. Лучше уж предоставить дело естественному течению: поговорят и перестанут.

Призываю на Ваше Высочество и на святое начинание Ваше благодатную помощь и благословение Божие и остаюсь

Вашему Королевскому Высочеству всецело о Христе преданный
Сергий

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.
Копия. Машинопись.

№ 9.

Письмо старшего помощника наркома иностранных дел СССР Подцероба председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпову с информированием о том, что В.М. Молотов не имеет возражений по проекту письма Патриарха Московского и всея Руси Сергия принцессе Греческой Ирине.

15 марта 1944 г.
Сов. Секретно

Председателю Совета по делам
Русской Православной Церкви
при СНК СССР
тов. Г.Г. Карпову.

Возвращая Вам при сем проект письма Патриарха Сергия Греческой принцессе Ирине, полученный при Вашем письме от 10 марта, — сообщаю, что тов. В. М. Молотов не имеет возражений против этого проекта.

Старший помощник Наркома

Подцероб

Резолюция: Т. Зайцеву. Сообщите в Патриархию. С текстом проекта ответного письма Совет согласен. Проследите за отправкой.

Карпов.
16.03.[1944 г.]

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.
Подлинник. Машинопись на бланке Секретариата Наркома НКИД СССР.

№ 10.

Письмо заместителя наркома иностранных дел СССР С. Кавтарадзе[14] председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпову с препровождением письма Греческой принцессы Ирины на имя Патриарха Московского и всея Руси Сергия.

26 апреля 1944 г.

Председателю Совета по делам
Русской Православной Церкви
при СНК СССР
тов. Карпову Г. Г.

Направляю вам письмо Греческой принцессы Ирины на имя патриарха Сергия, полученное от нее нашим посланником в Каире. НКИД не возражает против передачи письма по назначению.

Заместитель народного комиссара иностранных дел Союза ССР

С. Кавтарадзе

Резолюция: т. Зайцеву. В дело. Письмо передать Патриарху срочно. По получении проекта ответа написать в СНК.

Карпов.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 86.
Подлинник. Машинопись на бланке НКИД СССР.

№ 11.

Письмо принцессы Греческой Ирины Патриарху Московскому и всея Руси Сергию о положении православия на Ближнем Востоке.

[Не позднее 26 апреля 1944 г.
Конфиденциально

Ваше Святейшество,
Всемилостивейший Архипастырь,

Николай Васильевич Новиков[15] передал мне письмо Вашего Святейшества, оно было для меня большой радостью и наградой за скромные подарки, посланные мною русским воинам из сумм, собранных в Ливане и Сирии.

С назначением Николая Васильевича Новикова в Каир положение Православной Церкви на Ближнем Востоке радикально меняется, т. к. нам будет легче непосредственно обращаться к Вашему Святейшеству за советами и за помощью.

Хочу, прежде всего, кратко начертить Вам, Святейший Архипастырь, картину общего состояния нашей церкви для того, чтобы Вы могли лучше судить о положении ее здесь. Патриарх Александрийский[16] и Патриарх Антиохийский[17] пробыли месяц в Каире и подробно обсудили церковные вопросы. Не знаю, что положительного создается из этих разговоров на благо Православной Церкви, но должна подчеркнуть Вашему Святейшеству, что Патриарх Антиохийский — араб, искренно и глубоко любящий Россию, он в ней воспитывался и довольно хорошо владеет русским языком и позволю себе заметить, насколько важно, чтобы Православная Церковь на Ближнем Востоке была бы поддержана в Его лице. Материальное положение Патриарха Антиохийского очень тяжелое, т. к. раньше эта Патриархия получала регулярные денежные пособия от русского правительства. На эти деньги содержались церкви, благотворительные учреждения и школы, в которых арабские дети обучались русскому языку. Сегодня школы не принадлежат больше Патриарху Антиохийскому. Они были захвачены после революции французскими властями. Сегодня арабские дети, которые их посещали, ходят в католические школы. Эти школы широко финансировались и французскими мандатными властями, и Ватиканом, и итальянским правительством. Арабское население Сирии и Ливана, за исключением некоторых богачей Бейрута, очень бедно и не могло отказаться от материальных преимуществ, предоставленных им католиками и эта католическая поддержка очень плачевно отразилась на положении православия на Ближнем Востоке. Сегодня все может радикально и очень скоро перемениться. Римский Папа[18] находится сам в критическом положении и сам лишился материальной и политической опоры

сильных католических держав. Италия разлагается, Франция разложилась, Испания слишком бедна и занята внутренними распрями. Англия не может официально поддержать католиков, ибо ее правительство встретит сильную оппозицию к такой политике в своих же собственных протестантах, Америка находится в таком же положении, Польша как страна на сегодня не существует.

С восшествием Вашего Святейшества на Патриарший Престол Всея Руси для Православия откроются неограниченные возможности. Эти возможности наша церковь тщетно искала во все тяжелые годы своего исторического развития, и они не представлялись ей со времени Византийской Империи. Вашему Святейшеству дана Всевышним великая историческая задача возродить нашу церковь, и весь православный мир с затаенным дыханием и с неописуемой надеждой смотрит на Вас и ждет от Вашего Святейшества утешения и православной поддержки. Не лишайте надежды детей Ваших, Всемилостивейший Архипастырь. И пусть возрождающаяся Русская церковь вновь встанет во весь свой исполинский рост на защиту родного православия и поможет исполнению ее великих задач. Для этого нужна и моральная и материальная поддержка Вашего Святейшества. Эти последние двадцать лет Русская Церковь была отрезана от всего внешнего мира и католическая пропаганда, и враги России не потеряли времени и старались и продолжают стараться убедить нас всех, живущих за границей, что Ваше Святейшество — узник советского правительства и что правительство никоим образом не намерено поддерживать Православную Церковь, ибо правительство в принципе антирелигиозно. Я на это отвечаю, что в Советском Союзе сегодня церковь отделена от государства и что Ваше Святейшество имеет все возможности и полную свободу работать на благо нашей Православной Церкви во всем мире.

Эта пропаганда настолько сильна, что православные пастыри Ближнего Востока боятся открыто сблизиться с Вашим Святейшеством, не заручившись предварительно православной поддержкой Вашего Святейшества и уверенностью, что Вы сочтете своим пастырским долгом поддержать нашу церковь за границей.

Ваше Святейшество могло бы начать свою апостольскую деятельность на Ближнем Востоке с поддержки русских монастырей в Палестине. Около Иерусалима находятся два очень важных русских монастыря Елеонский[19] и Горный[20]. В каждом живут около ста русских женщин — монашек. Эти пожилые женщины умирают с голоду и с холоду, ибо те деньги, которые им помесячно выдает архимандрит Антоний[21], начальник Русской Духовной миссии в Палестине, не признающий авторитета Вашего Святейшества, им не хватает, а работать они не могут, т.к. слишком стары.

Я у них была до моего отъезда из Палестины и принесла им немного той святой земли, которую генеральный консул Матвеев мне вручил в Астаре.

Они горько плакали при виде земли далекой родины и просили меня изложить Вашему Святейшеству о том тяжелом положении, в котором они находятся. «Если правда, что есть, Патриарх Всея Руси, то скажите ему, чтобы Он нас спас» умоляли они меня. Я им обещала Вам все это написать. Сегодня я исполняю свое обещание и обращаюсь к Вам, Святейший Архипастырь, и прошу Вас о регулярном денежном пособии этим монастырям. Думаю, что двести английских фунтов для Горного и двести для Елеона в месяц будет достаточно. Возможно ли это и справедливо ли это, чтобы Патриарх Всея Руси не склонился бы с любовью и с участием к судьбе этих русских женщин, которые на Святой Земле Палестины гордо хранили традиции нашей Русской Церкви и продолжают на русском языке молиться за нашу церковь и за нашу Родину?

Настолько же важным, как и поддержка русских монастырей в Палестине, является и денежная поддержка Патриархии Антиохийской. Мы подробно с Патриархом Антиохийским обсудили положение Православной Церкви в Сирии и Ливане и те возможности, которые для нее сегодня представляются. Его Блаженство очень открыто объяснило нам, насколько трагично Его материальное положение и насколько бы Оно приветствовало поддержку Вашего Святейшества. Патриарх Александр хочет вновь открыть русские школы и обучать арабских детей православию на русском языке. Для исполнения этого высокого задания Его Блаженство просит Вас обеспечить Его ежегодным пособием в 2 000 английских фунтов. Начинание это очень благое, ибо им вновь завяжется нарушенная церковная связь с Россией.

Надеюсь, что все мною изложенное убедит Ваше Святейшество, насколько велики возможности Православной Церкви сегодня и насколько важно теперь уже начать работать для обеспечения православному демократическому миру радостного будущего.

Перед тем как закончить мое уже слишком длинное письмо я хочу доложить Вашему Святейшеству, что через несколько дней я начну снова работать для России. Мы создаем здесь большой египетский комитет в пользу пострадавшего гражданского населения Советского Союза[22]. Его Величество Король Фарук[23] взял это благое начинание под свое высокое покровительство.

Испрашиваю Вашего Апостольского благословения и прошу Вас, Святейший Архипастырь, не забывать в святых Ваших молитвах смиреннейшую и покорнейшую из дочерей ваших во Христе.

Ирина

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 87–90.
Копия. Машинопись.

№ 12.

Письмо Патриарха Антиохийского Александра **III** Местоблюстителю Московского Патриаршего Престола митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому) с выражением надежды на восстановление дружественных связей между Антиохийской Церковью и РПЦ.

г. Дамаск *17 июля 1944 г.*

Возлюбленному во Христе брату,
Высокопреосвященному Алексию, митрополиту Ленинградскому,
Местоблюстителю Московского Патриаршего Престола

Извещаем Ваше Высокопреосвященство, что в феврале текущего 1944-го года Мы имели в Каире беседу с Послом Советского Союза в Египте г. Новиковым, во время которой коснулись вопроса о наилучшем осуществлении традиционной духовной связи издревле существовавшей между Русским Православием и Антиохийским Патриаршим Престолом.

Ныне, воспользовавшись благоприятным случаем визита в г. Дамаск Ее Королевского Высочества Принцессы Ирины Греческой, много потрудившейся, как это вероятно уже известно Вашему Высокопреосвященству, на пользу Православия в Сирии и Ливане, Мы считаем необходимым подтвердить, что восстановление Московского Патриаршего Престола наполнило сердца всех православных Нашей Патриархии живейшей радостью и надеждой, что отныне древний братский союз между двумя церквами-сестрами еще более окрепнет и разовьется, и таким образом будет достигнута высокая цель поднятия морального и образовательного уровня православной арабской паствы.

Мы верим и надеемся, что Советский Союз, столь много приложивший стараний к широкому распространению образования среди своих граждан, отнесется с симпатией и одобрением к этой возвышенной цели, которая составляет также одну из главнейших Наших забот.

В заключение письма Нашего, Мы вновь выражаем надежду, что скоро услышим радостную весть об избрании достойного преемника в Бозе почившему брату Нашему Патриарху Сергию и остаемся

Вашего Высокопреосвященства во Христе брат и усердный богомолец.

Александр III
Патриарх Антиохии и всего Востока

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. *13. Л. 180.*
Копия. Машинопись.

№ 13.

Письмо заведующего Ближневосточным отделом НКИД СССР И. Самыловского[24] председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпову с препровождением статьи принцессы Греческой Ирины, переданной ею для опубликования в советских средствах массовой информации.

18 декабря 1944 г.
Секретно

Председателю Совета
по делам Православной Церкви
при СНК СССР
тов. Карпову.

Направляю Вам для сведения статью принцессы Греческой Ирины и сообщаю, что, по мнению заместителя Народного комиссара иностранных дел Союза ССР тов. С. И. Кавтарадзе печатать ее не следует[25].

Упомянутою статью Ирина прислала в нашу Миссию в Каире для опубликования в «Вестнике Московской Патриархии» или в газете «Известия».

Заведующий Ближневосточным отделом

И. Самыловский

Резолюция: *т. Зайцеву. Лично мое мнение тоже такое. Патриархию об этом ставить в известность не будем.*

Карпов.
19.12.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 208.
Подлинник. Машинопись на бланке НКИД СССР.

№ 14.

Из воспоминаний советского дипломата Н.В. Новикова о Принцессе Греческой и Датской Ирине (И.А. Овчинниковой**).**

...Уже в первые недели существования советского Посольства в Каире Ирина Александровна проявляла к нему повышенный интерес. Через своего личного секретаря она связалась с нашей канцелярией и выразила желание встретиться со мною по какому-то делу. Я не спешил с ответом, так как тогда еще ничего не знал о ней и не мог решить, насколько подобная

встреча вне рамок обычного светского общения, целесообразна. А пока я наводил справки, она сама частенько звонила в канцелярию и подолгу разговаривала с нашими сотрудниками. Как позднее она мне призналась, делала это она не столько для того, чтобы ускорить мой ответ, сколько для того, чтобы «отвести душу» в беседах с русскими людьми на своем родном языке. Не просто с русскими — в Каире в ту пору жило немало белоэмигрантов, — а с русскими «из дома», из Советского Союза.

Тем временем я собрал кое-какие сведения о «принцессе Ирине», как именовали ее наши сотрудники. В первые годы эмиграции она была манекенщицей в Париже, где пленила своей красотой какого-то французского маркиза и вышла за него замуж. Ее женское обаяние в те годы было, видимо, очень велико — недаром его воспел А. Вертинский в одной из своих популярных песенок «Пани Ирэн». Воспел с присущей ему вычурностью и манерностью — строки песенки изобиловали такими выражениями, как «золотистый плен медно-змеиных волос», «бледность лица, до восторга, до муки обожженного песней моей» и т. д. В конце песенки «пани Ирэн» именовалась уже «принцессой Ирэн», и слова эти, звучавшие тогда, как салонная банальность, оказались поистине пророческими. Выйдя вторично замуж — за принца Петра, — маркиза Ирэн приобрела титул принцессы королевского дома.

Помимо обаятельной внешности у нее имелись и другие достоинства. Она была умна и образованна, в совершенстве владела английским, французским и итальянским языками, хорошо говорила по-гречески... Еще я узнал, что Ирина Александровна очень набожна, притом нелицемерно; что, несмотря на принадлежность к греческому королевскому дому, она горячая русская патриотка; что ее патриотизм, который она открыто проявляет, выливается в готовность посильно содействовать советскому населению, пострадавшему от гитлеровских захватчиков, что еще до нашего приезда в Каир она уже выступала инициатором благотворительных мероприятий, направленных к этой цели...

Опубликовано: Новиков Н.В. Воспоминания дипломата:

Записки о 1938–1947 годах. Часть вторая. На Ближнем Востоке. Глава 5. Принцесса Ирина и Египетский фонд помощи гражданскому населению СССР. М.: Политиздат, 1989. С. 189–191.

№ 15.

Статья принцессы Греческой Ирины о положении Православной Церкви на Ближнем Востоке и о посещении Святых мест Послом СССР в Египте Н.В. Новиковым.

г. Иерусалим *20 сентября 1944 г.*

После долгих лет безразличного отсутствия Россия вновь вспомнила Палестину, и приезд ее Посла Николая Васильевича Новикова установил заново ту духовную связь, которая из покон веков существовала между Святыми местами и русским православным народом.

Событие это крайне важное и далеко не прошло незамеченным на Ближнем Востоке и везде за границей. Но то, что для других является горестной политической «новостью», для нас, православных, принимает совершенно другое значение. Оно воскрешает в нас надежды на лучшее будущее и дает нам право верить, что СССР и его православное население теснее сплотятся с нами в будущем.

Для каждого православного приезд Новикова означает осуществление той или другой возможности, но неоспоримо, что для греков эти возможности яснее выражаются, чем для других православных людей, так как на Святых местах они занимают совершенно особенное и почетное положение. Чтобы это понять, не надо забывать, что Византийская империя дала нам православную форму христианства, религию, на которую, бесспорно, повлияла демократическая традиция древней Эллады.

Эту христианскую веру греки одни, как воины, хранили и отстаивали в годы отсутствия России и у Гроба Господня, и у Церкви Рождества Христова, и за эту верность, и за эту самоотверженность греков в тяжелые годы католического величия православные всего мира должны большую и вечную благодарность. С 326 года «Братство Гроба Господня»[26], основанное святыми Константином и Еленой, блюдет православные интересы и хранит Святые места. В 637 году калиф Омар, войдя в Иерусалим фирманом, подтвердил это право грекам. Но в 1099 году крестоносцы завладели Иерусалимом, выгнали греков и Саладин завоевал святой город в 1187 году, восстановил фирман Омара, и греки вновь встали на стражу Православия у святынь Иерусалима и Вифлеема, на ту стражу, которую они с тех пор никогда больше не покинули, несмотря на бесчисленные попытки католиков их от нее устранить.

С Россией Греция, как ни с какой другой страной, связана сильными духовными узами. До революции «Братство Гроба Господня» с доверием принимало могучую русскую опору, и русские консулы старого режима всегда заступались за греков и за их права перед турецкими властями. Греки знали, что Россия уважала и всегда будет уважать их вековые права и воздавала должное их хранению Святых мест. Его Блаженство Патриарх Тимофей Иерусалимский[27], верный исторической дружественной традиции, попросил архимандрита Наркисса прекрасно владеющего русским языком, сопровождать Новикова, с ним был первый секретарь Посольства Днепров, мой муж[28] и я.

Начали мы наши посещения с Храма Рождества Христова в Вифлееме[29], где нас приветствует настоятель греческого монастыря архимандрит Виссарион. Посол, видимо, очень заинтересован. Он не безразличен к сознанию, что Ясли[30] принадлежат православным и также и «Пещера капли молока»[31]. Он долго расспрашивает монахов все подробности о Святых

местах, принадлежащих православным. Все присутствующие поражены его знаниями Старого и Нового Завета. Он останавливается перед прекрасными русскими иконами, смотрит на русские ризницы, на русские лампады, на все то, что на этой далекой Святой Земле Палестины напоминает ему Русь. Из Вифлеема мы едем в Иерусалим ко Гробу Господню.

Здесь опять Новикова встречают греческий настоятель, архимандрит Кириакос, хранитель сокровища Гроба Господня. Монахи, обнадеженные простотой Посла, его обступают, засыпают вопросами. Каждый старается к нему приблизиться. Многие из греков, которые говорят по-русски, просят передать их пожелания России, ее воинству и ее Патриарху.

На следующий день Его Блаженство Патриарх Тимофей, 93-й Патриарх Иерусалимский, приветствует Николая Васильевича обедом в древней греческой Патриархии, основанной в 451-м году Четвертым экуменическим собором. Тут Новикову вновь все напоминает Россию. Подают на чудном фарфоре, пожертвованном Патриархии русскими паломниками. Серебро все русское, старинное, 84-й пробы. Патриарх Тимофей, почтенный старец, глубоко образованный, окончивший университет в Оксфорде (Англия) долго беседует с Послом. Он прекрасно улавливает великое историческое значение этого посещения. Они расстаются добрыми друзьями, установив вновь тесные отношения между Российским православием и православием Востока.

После посещения Святынь Христианства, Новиков позаботился и о состоянии русских монастырей, построенных на земле нам не чужой, на земле нашей, потом русских мужичков окупленной. Он отзывчиво склонился к судьбе тех русских женщин, которые здесь в монашеских ризах горячо отстаивали народное достояние России. Они сумели поддержать великую православную традицию. На русском языке молились они за далекую Родину нашу и за победу ее доблестных солдат. Честь и хвала им.

Суровая и страшная была жизнь этих монашек. Большей частью они приехали сюда паломницами, и война 1914-го года застала их в Палестине, другие приехали еще раньше.

Каким великим событием в жизни этих женщин был приезд Русского Посла! Все эти долгие годы они о России ничего не знали, а то, что им говорили, так не соответствовало действительности!

В русских монастырях Новиков был везде встречен как свой, как родной. Монашки, забывая свое горе, расспрашивают его о Патриархе Московском, о положении Церкви в СССР, о войне. Они радуются победам, душевно страдают о разрушении многих Святынь.

Новиков сердечно справляется об их нуждах, а нужды у них большие. Суровая была жизнь наших монашек за эти последние годы. Испытали они и холод, и голод, и горечь унижения. Некому было за них заступиться, а те, которые должны были бы быть их утешением, далеко не исполнили своего пастырского долга. Сразу поняли монашки, что Новиков приехал им

помочь, они его окружают и, перерывая друг друга, с ним разговаривают. Им хочется в это короткое время излить ему всю свою скорбь, столько ее скопилось в их наболевших душах. Все они древние, хилые, бедные. Старушка-паломница 1882 года долго на него молча смотрит. Мы думали, что она по дряхлости не поняла, что с ней говорит русский посол. Она размышляет, жует беззубым ртом, потом вдруг спрашивает:

– Когда же ты, батюшка, уезжаешь, аль здесь останешься?

– Уезжаю я завтра, бабушка.

Глаза ее наполняются слезами, и она шепчет:

– Не уезжай, родимый, без тебя опять будет страшно. Кто за меня заступится?

Николай Васильевич ей отвечает шутя, но, видимо, он далеко не безразличен к этому детскому выражению доверия.

– Напиши, бабушка, обратно приеду!

Если из всех разговоров и встреч Посла Новикова в Палестине я именно описываю эту более подробно, это потому, что эта старушка так хорошо и так просто сумела выразить все то, что монашки почувствовали, и то, что они хотят, чтобы знали в СССР, и чего они ожидают от своей великой Родины: защиты и понимания. Защиты православных святынь и человеческого понимания их одиночества и осиротения... Священный долг Православного Патриарха всей Руси и Советского правительства — не разочаровать этих женщин и нас всех православных людей с надеждой смотрящих на Престол Московского Патриарха. Граждане СССР могут в церковь ходить или не ходить, это еще далеко не означает, что они равнодушны к Православию.

Для русского человека Православие является самой сущностью его славянской духовности. Мы можем умственно отклоняться от преувеличения внешних форм, от суеверий, но душевно русский человек никогда ему не чужд. Вся история нашей страны слишком с ним связана. И Киев с Киево-Печерской Лаврой из-за своей святости, централизовавшей созидающее величие Руси, и Москва. Недаром Правительство СССР сегодня награждает своих героев орденами Александра Невского и Дмитрия Донского.

Новиков уехал, но «предание» о нем уже создалось у православных Палестины. Когда я прихожу молиться к Гробу Господню, русские монашки и монахи греки мне долго рассказывают, что им говорил «Московский Посол». Они вспоминают, как просто и сердечно он с ними беседовал и как охотно он их выслушивал и отвечал на их вопросы.

Ирина
Принцесса Греческая
Иерусалим
20/IX/44 г.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 216–229. Подлинник. Рукопись.

№ 16.

Телеграмма Греческой принцессы Ирины Патриарху Московскому и всея Руси Алексию **I**[32] с поздравлением по случаю избрания его на патриаршество, и ответная благодарность Алексия **I.**

г. Каир, г. Москва *12–13* февраля 1945 г.
Перевод с французского.

Его Святейшеству
Алексию, Патриарху всея Руси.

Благоволите Ваше Святейшество принять мои самые почтительные пожелания по случаю избрания на высокий пост Патриарха всея Руси и не забывать [меня] в Ваших святых молитвах и считать меня самой смиренной и послушной дочерью во Христе.

принцесса Ирина Греческая

Ответ Ея Святейшеству принцессе Греческой Ирине

Каир

Искренне тронут Вашими пожеланиями по случаю избрания меня Патриархом. Выражаю Вашему Высочеству мою благодарность. Призываю благословение Божие на Вас и на Вашу благотворительную деятельность.

Алексий,
Патриарх Московский и всея Руси

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 14. Л. 32.
Копия. Машинопись.
Опубликовано: Журнал Московской Патриархии. 1945 г. № 2. С. 20, 26.

№ 17.

Проект текста телеграммы Г. Г. Карпова принцессе Греческой Ирине с выражением благодарности «за активную общественно-благотворительную деятельность по организации помощи Красной Армии и гражданскому населению Союза ССР, а также за благородные чувства».

Египет, г. Каир *5 марта 1945 г.*

Принцессе греческой Ирине.

Ваше Королевское Высочество,

Разрешите мне сердечно поблагодарить Вас за Вашу активную общественно-благотворительную деятельность по организации помощи Красной

Армии и гражданскому населению Союза ССР, а также за благородные чувства, проявленные Вами по отношению к Русской Православной Церкви.

Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Союза ССР Карпов.

Резолюция: Т. Зайцеву. В дело Ирины. Т. Самыловский позвонил мне, что В. М. Молотов санкционировал отправку телеграммы Ирине по тексту, разработанному НКИД.

Карпов.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 14. Л. 50.
Копия. Машинопись.

№ 18.

Письмо принцессы Греческой Ирины председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпову о положении Православия на Ближнем Востоке

11 апреля 1945 г.

Многоуважаемый господин Карпов,

Благодарю Вас за Вашу телеграмму, кот[орая] доставила мне большое удовольствие. Надеюсь, что в ближайшем будущем мне представится возможность лично с Вами познакомиться и лично обсудить многие православные вопросы. С окончанием войны они становятся все более и более острыми. Необходимо уже теперь решить вопрос о передаче Его Святейшему Патриарху Царьградскому[33] Храма Святой Софии[34] и открыть его заново православному вероисповеданию. Святая София сегодня не мечеть, а бездушный музей. Для нас, православных, Святая София единственная возможность централизации наших церквей, что для нас начало лучшего, более светлого будущего.

СССР не должен забывать о победоносности православия и на мирной конференции настоит на своих правах, его церковь всегда была на стороне союзников. Это и неудивительно, т. к. православная церковь, выращенная на демократической традиции Древней Греции, не могла не остаться ей верна. В этой разнице традиций и заключается коренное различие между православием и католицизмом. Ватикан пропитан империализмом Древнего Рима и сегодня является его последним воплощением, и в эту войну он был верен своим традициям. Он был на стороне империализма стран фашизма.

Заканчиваю мое письмо к Вам, прося Вас послать или посланника Щиборина[35] или Днепрова в Иерусалим на страстную неделю одновременно

с представителями Его Блаженства Патриарха Византии, а также ассигновать две тысячи фунтов, например, кот[орые] будут переданы духовными представителями с благословением Его Блаженства Патриарха Алексия двум главным монастырям Горнему и Св. Елеону по тысяче фунтов каждому. Как я уже неоднократно сообщала Его Блаженству Святейшему Патриарху Сергию, наши русские монашки страдают от холода и от голода. Надо заботиться о судьбе всех русских женщин, которые на Святой Земле Палестины в тяжелые года для Православия продолжали молиться на русском языке о своей великой Родине и о ее детях.

Простите безграмотность моего письма, но я так рано покинула Россию, что не смогла никогда научиться правильно писать.

Всего доброго.

Искренне Ваша Ирина,

Королевна Греческая, Принцесса Датская.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 187 б-187 с. Подлинник. Автограф. Рукопись на бумаге с монограммой.

№ 19.

Письмо Греческой королевны и принцессы Датской Ирины председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпову о положении Православия на Ближнем Востоке (Антиохийской, Александрийской, Иерусалимской и Константинопольской Патриархий).

[8 июня 1945 г.][36]

Многоуважаемый господин Карпов,

Моя активная деятельность и борьба за Православие на Ближнем Востоке началась с вступлением России в войну, так как я считала, что мой долг, как и долг каждой русской женщины, — служить своей родине по мере моих сил. Я долго думала о том, что я одна, без русского представителя на Среднем Востоке, могу сделать, и потом решила, что географическое положение сегодняшней России не переменилось и Россия советская рано или поздно должна будет унаследовать дипломатические традиции царской России. Значит надо было хорошо присмотреться и ознакомиться с тем, что интересовало Россию и что она отстаивала на Среднем Востоке до 1917 г. и в чем еще русское влияние, хотя бы слабо, еще сегодня сказывается. Было очень нетрудно понять, что это было православие и, следовательно, я направила все свои усилия на воскрешение этого православия.

Чтобы дать Вам ясную картину о нынешнем положении Православной Церкви и о ее возможностях, надо начать с прошлого.

Когда сокрушился царский режим и Советы заняли власть, то коммунизм был по своему существу, своей пропаганде и действиям — антирелигиозным. Результатом этого явилось то, что все Церкви на Востоке, которые зависели материально или духовно от Патриархии Московской, остались совершенно отрезанными от источников не только своей духовной, материальной [жизни], но также и от центра своей политической поддержки, т.к. во время существования Оттоманской империи русские консулы официально защищали интересы Православия и отстаивали его права на Ближнем Востоке. Отчуждение СССР от Православия нанесло, конечно, последнему смертельный удар и за последние 20 лет Православная Церковь потеряла не только свою политическую мощь, но и большую часть своих материальных возможностей. Это больше всего, конечно, отразилось в Сирии, где б[ывшее] русское правительство официально финансировало больше 100 школ, в которых дети учились русскому языку и где, безусловно, у них зарождался большой интерес к России. С французским мандатом эти школы были переняты французским правительством, большая часть из них была передана иезуитам, ибо Французская республика, хотя и отделившая духовную власть от гражданской, все же всей своей внешней политикой открыто и официально поддерживала не только католицизм, но и иезуитов. Когда фашистская Италия примирилась с Ватиканом, то в этих школах началась под давлением Папы пропаганда и очень активная на фашистскую тему.

Православными школами осталась только школа Дамаска, которую Патриархия Антиохийская, лишившись субсидии России, могла поддерживать очень скудно, и еще 2–3 школы в стране. Детей учили Православию, но преподавания на русском языке уже не было, и дети ходили в эти школы только тогда, когда они не могли попасть в католические школы. Там православных детей переводили в католицизм и давали им материальное пособие, чего православные школы делать не могли. Православное население Сирии и Ливана очень бедно, и им было невозможно пренебрегать материальными преимуществами католических школ, дававших им первоклассное образование и предоставляющее им этим гораздо более светлые возможности будущего.

Патриарх Антиохийский Александр был всегда и остался верен России. Как Вы его знаете по его посещению в Москве, он был воспитан в Киевской Духовной Академии и, конечно, по своим симпатиям тянется больше к России, чем к какой-либо другой стране. Но его положение, как и положение всей Православной Церкви в Сирии и Ливане, было тяжелое.

Патриарх Антиохийский, конечно, большой русофил, но он человек не очень одаренный и слаб характером, материальное его положение было

очень сложное и отношения его с остальным духовенством были очень натянутые. Архиепископ Бейрутский Салибли[37], например, личность гораздо более властная, чем Патриарх Дамасский. Он принадлежит к роду Салибли, самому мощному православному роду Сирии, [он] не признавал авторитета Патриарха Антиохийского и с ним никаких отношений и общений не имел. Таким образом, мое двухмесячное пребывание в Сирии и Ливане в августе-сентябре 1942 г. прошло, главным образом, в старании примирить духовенство между собой и заставить их признать авторитет Патриарха Антиохийского, что мне и удалось после очень больших усилий. После этих примирений мне нужно было воскресить в духовенстве надежду и веру в Россию. В долгих личных беседах с Патриархом Александром Антиохийским и с архиепископом Бейрутским я им говорила, что православие в России снова возродится, что советское правительство рано или поздно с ним помирится, что русские священники своей патриотической работой снимут с православия клеймо реакционности. Уже в то время я говорила Патриарху Дамасскому, что он должен вновь надеяться на русскую помощь, и что его политика должна ориентироваться опять на Россию, что Россия сегодня волей или неволей должна будет унаследовать традициям внешней политики России Вчерашней. Он это прекрасно понял и начал свою деятельность в пользу России большим богослужением о победе Красной Армии и молитвами за солдат ее. На этом богослужении присутствовал мой муж, и я, и все православное население Дамаска.

Что касается Патриархии Иерусалимской, то здесь вопрос обстоит совершенно по-другому.

Братство Гроба Господня греческого ордена, основанное Святыми Константином и Еленой, было всегда в греческих руках, и греческие монахи всегда очень ревниво оберегали свои привилегии, и даже не допускали в греческую Духовную академию в Иерусалиме ни одного православного араба. Россия непосредственно эту Патриархию не поддерживала, но поддерживала ее косвенно, т.к. русские паломники оставляли десятки, сотни тысяч рублей на каждом паломничестве. С тех пор, как нет русских паломников, греческая Духовная академия закрылась, здания Патриархии разваливаются.

Русское влияние в Палестине шло по двум каналам: через Духовную Миссию[38], которая зависела от Патриархии Московской, и через Палестинское общество[39], имущество которого принадлежало, главным образом, семье Романовых или, вернее, было записано на их имя.

Сегодня положение в Палестине нижеследующее. Патриархия за годы отсутствия России из Православного мира, конечно, значительно потеряла свое влияние. Ранее, когда возникали какие-либо осложнения в православных делах, Патриарх просил посредничества русского консула, и двух слов русского представителя в Иерусалиме было достаточно, чтобы сгладить всякий конфликт с турецкими властями.

Греция слишком слабая маленькая страна и не в силах достаточно поддерживать Патриархию, и это привело к тому, что многие православные привилегии у Гроба Господня были переняты католиками. За это мы, православные, должны обвинять всецело англичан. В годы, предшествующие абиссинской войне, англичане старались всеми силами угодить итальянскому правительству, и у Гроба Господня эта политика сказалась в том, что каждый раз, как Ватикан, «переварив» свое предыдущее требование, ставил новое Патриарху Иерусалимскому, итальянское правительство, чтобы угодить Папе Римскому, просило англичан настоять на новых уступках у Патриарха. После ненужного и неорганизованного сопротивления, в конце концов, Патриарх всегда должен был уступить.

Положение самой Патриархии тоже очень сложное. Англичане, не предвидя возможности религиозного возрождения в России, всеми силами старались сыграть на зависти православных арабов к грекам и на их национальных привилегиях у Гроба Господня. Греки эти привилегии оберегают ревниво, и православных священников-арабов не допускают к Гробу Господню. Англичане рассудили, что им для их политики легче в будущем иметь дело с необразованными арабскими священниками, чем с греческими монахами, опирающимися на византийскую традицию и греческий фанатизм. Англия думала последовать русскому примеру в Сирии, когда царскому Генеральному Консулу удалось после долгих лет борьбы достигнуть, наконец, избрания на престол Патриархии Антиохийской арабского Патриарха взамен греческого. Английские интриги против Православной Греческой Патриархии могут сегодня быть использованы против англичан умными русскими священниками. Арабы будут приветствовать появление наших священников, у них будет впечатление, что они больше не находятся в руках бедных греческих монахов, которые их никуда не допускают, а материально ничего не дают. Ослабевшая Греческая Патриархия Иерусалима не в силах самостоятельно отстаивать права православия у Гроба Господня, она должна опираться материально или морально на одну из великих держав. Но не всегда известно, на какую державу, т.к. это обуславливается не Патриархом, а политикой правительства в Афинах, от которого Греческий Патриарх все-таки зависит. С арабским Патриархом в этом отношении вопрос обстоит проще. Надо будет знать, не переплачивает ли ему другая держава, и если дать ему больше выгод и удовлетворений, то ему будет совершенно все равно, будет ли это одна держава или другая. У арабов есть религия, но нет национального патриотизма.

Англичане тоже старались расколоть Православную Церковь, т.е. отделить восточных исторических Патриархов от России и, например, греческий министр в Каире Паппас открыто настаивал у Патриарха Александрийского на отказе ехать в Россию для избрания Патриарха Всея Руси. Я думаю, что ему бы это удалось, если бы Патриарх Антиохийский

не согласился бы ехать сразу же в Россию. В прошлом году летом в Иерусалим приехал архиепископ острова Самоса (Греция). Англичане ему заплатили, чтобы взбунтовать православных арабов против Патриарха Тимофея, так как они считали, что он под моим влиянием стал открыто искать сближения с Россией. Арабов взбунтовать не трудно. Они сразу перестарались и потребовали у него отчетов Патриархии, говоря, что и правда в настоящее время большая часть доходов Патриархии — арабского происхождения. Патриарх решил отречься. Только под сильным давлением моего мужа Патриарх Тимофей переменил свое решение.

Что же касается русского имущества и русских монастырей, то их взяли англичане. Начальником Духовной Миссии стал архиепископ Антоний, который всецело зависит от Анастасия. Он не признает до сих пор Патриарха Всея Руси и не признавал покойного Патриарха Сергия ранее. Об Антонии я не хочу распространяться, т.к. б[ывший] посланник Новиков был мною не только осведомлен, но он и лично сам видел положение дел и, наверное, сделал об этом доклад в Москву.

В Патриархии Александрийской положение совсем другое. Патриархия Александрийская очень независима и материально обеспечена, потому что греки Александрии самые богатые греки мира, и они очень щедро жертвуют Патриархии. В прошлом русское влияние на Патриархов Александрийских сказывалось лишь косвенно, а именно, только через посредство русских консулов, которые всегда в нужный момент отстаивали права Православия перед Турцией.

Что касается Патриархии Вселенской, Царьградской, о ее положении я непосредственно не осведомлена. Патриарха[40] самого я знаю, но он говорит только по-гречески, так что я с ним говорить не могла, а объясняться через переводчика мне было трудно. Кроме того, когда я была в Константинополе в 1940 г., Россия не была еще в войне. Но то, что я знаю по Константинополю и то, что меня просил передать Патриарх Вселенский, это то, что положение его очень тяжелое, что греческое правительство слишком бедно, чтобы его содержать, и пособия, даваемого ему, не хватает на жизнь и на содержание Патриархии, и что открыто вступить в сношения с Советами он не может, т.к. боится турок.

Выводы:

Что касается Патриархии Антиохийской, то я считаю, что это единственная Патриархия, которой нужно дать определенное и широкое денежное пособие. Но эта субсидия не должна идти на всякие фантазии Его Блаженства, а Его Блаженство должно представить русскому посланнику тов. Солоду совершенно определенный план с наименованием русских школ, с указанием, какую поддержку эти школы получали и какую практическую пользу это пособие принесет православию. Пособие должно быть узаконено, должно быть равномерным, достаточным и достойным России. Сумма

пособия, конечно, должна быть обсуждена между т. Солодом и Патриархом и Патриарх за это пособие должен обязаться открыть опять православные школы и ввести изучение русского языка. Что же касается русских церквей, то таких церквей есть только одна в Бейруте. В ней служит священник, который тоже не признает Патриарха Московского. Патриарх Антиохийский сказал, что он как Патриарх всего Востока и глава церкви закроет эту церковь и запретит священнику служить, если он будет продолжать не признавать авторитет Патриарха Всея Руси.

Я со своей стороны считаю, что эта мера слишком радикальна и преждевременна. Нужно прежде, чтобы Патриарх Всея Руси назначил бы своего представителя, священника, при Его Блаженстве Патриархе Антиохийском, который будет одновременно настоятелем русской церкви в Бейруте. Закрытие же этой церкви до приезда священника послужит тому, что сию же секунду вслед за закрытием католическая пропаганда использует это и скажет, что Патриарх был в России, что ему заплатили и что он закрыл церковь, а Россия, мол, и не подумает послать священника, так как священников в России больше нет.

Патриарху Иерусалимскому денежного пособия, конечно, давать не нужно, да он его никогда не примет. Ему нужна моральная поддержка и оказание всяческого внимания, почтения и уважения.

Но то, что Россия должна широко и щедро поддержать — это наши монастыри. Великий позор для победоносной России, если ее монашки будут продолжать голодать и протягивать руку на чужбине и обращаться за материальной помощью к английскому архиерею. Россия не должна забывать, что они на Святой Земле Палестины свято блюли русскую традицию и продолжали молиться на русском языке о России и ее детях. Когда вопрос русского имущества будет решен, то в распоряжении Русской Духовной Миссии будут большие суммы денег, и тогда русские монастыри смогут снова жить на собственные доходы. (Новиков справлялся о русском имуществе и должен был дать Вам о нем подробный доклад).

Я считаю крайне необходимым также и назначение Духовной Миссии при Патриархе Иерусалимском. Патриарх Тимофей при мне просил тов. Новикова передать Патриарху Всея Руси его желание этого назначения. Духовная Миссия в Палестине гораздо важнее, чем назначение генерального консула, потому что с назначением генерального консула в Иерусалиме начнется всяческая канитель с сионистами, а она на наше благо определенно послужить не сможет. Духовная Русская Миссия самая естественная вещь в Иерусалиме, центре Христианства. Эта Миссия должна состоять из достаточного количества священников, которые смогут заменять нынешних настоятелей в русских монастырях. Англичане не смогут отказать официальным священникам, представителям патриархии Московской, занять по праву и назначению принадлежащие им епархии. Это будет первый логический шаг, который,

мне кажется, сможет вызвать наименьшую реакцию со стороны англичан и послужит посредством передачи русского имущества России. Патриарх Иерусалимский сказал митрополиту Антонию, что если он будет продолжать не признавать авторитета Патриарха Всея Руси, то он запретит ему и священникам, настоятелям русских монастырей (которые также этот авторитет не признают), служить и закроет русские церкви. Это также, я думаю, даст самые плачевные результаты, т.к. монашки, которых в Палестине насчитываются около тысячи человек, останутся без богослужения и на них это произведет потрясающее впечатление.

Что касается Патриарха Александрийского, то вопрос с ним обстоит совсем по-другому. Патриарх Александрийский очень тщеславен. В настоящий момент он страшно польщен всеми почестями, оказанными ему в Москве, и все его мысли и стремления направлены к России. Но Патриарх Александрийский не дипломат и недостаточно дальновидный политик, и потому при нем Патриарх Всея Руси должен назначить священника, способного направить его энтузиазм в нужную сторону и укрощать иногда его порывы. Патриарх Александрийский то же самое вызвал здесь священника каирской русской церкви и сказал, что если он будет продолжать не признавать Патриарха Московского, то он закроет церковь и запретит ему служить, что, конечно, будет чревато плачевными последствиями.

Я считаю, что назначение Патриархом Всея Руси Духовной Миссии при Патриархии Царьградской преждевременно и что для этого нужна известная психологическая подготовка. Россия должна раньше настоять на передаче Храма Св. Софии для православного богослужения. Но передача этого Храма не должна произойти непосредственно из турецких рук Патриарху Вселенному. Она должна быть передана Патриарху Всея Руси, который сам ее передаст Патриарху Вселенному с заветом ему, чтобы Храм Святой Софии послужил бы централизацией возрождения православных церквей. Никто не сможет сблизить больше СССР с Грецией и с Православием, чем вновь открытие через русское посредство Храма Святой Софии для православного богослужения, и вместо щита будет наш крест на вратах Царьграда.

Кроме всего вышеизложенного, хочу Вас очень просить поддерживать дружественное расположение восточных Патриархов к России частыми обменами духовных миссий и дарами Патриарха Всея Руси.

Россия должна понять, что 20 лет она совершенно не интересовалась православием и что Православные Патриархи, приветствующие сейчас с большим восторгом сближение с Россией, все же еще опасаются и не уверены, не переменит ли после войны Советское Правительство своего отношения к Православной Церкви. Состоя блюстителями православных церквей, исторические Патриархи Востока боятся всецело встать на сторону России. Они боятся быть скомпрометированными в глазах англичан, и тем самым скомпрометировать интересы Православия в будущем.

Это моя точка зрения, и я хочу обратить на нее Ваше внимание и хочу, чтобы Вы поняли, что Москва должна предпринимать инициативу, быть гибкой в своих отношениях с Патриархами. Не следует обижаться на их недоверчивость и даже не показывать вида, что недоверчивость эта к нам существует. Никакой активной инициативы от Патриархов в течение ближайших 2–3 лет, по-моему, ожидать не следует. Потом они сами будут полны ей.

В заключении моего длинного к Вам послания хочу обратить Ваше внимание на то, что до сих пор я действовала совершенно самостоятельно и проявляла инициативу, которая, может быть, совершенно не согласовывалась с интересами Вашей внешней политики, и что я лично считаю, что такая инициатива может иногда не соответствовать политике Его Блаженства Патриарха Всея Руси и может быть весьма опасной.

Поэтому, если Вы разделяете мою точку зрения, здесь подробно изложенную, и найдете ее правильной, то прошу Вас мне об этом сообщить или же написать мне, в чем именно я ошибаюсь.

Я искренне надеюсь, что я смогу в самое ближайшее время с Вами встретиться, лично многие вопросы легче и подробнее обсуждаются.

Мне хотелось бы также лично испросить благословения Его Блаженства Патриарха Всея Руси и навестить сирот Сталинграда. Мой муж также хотел бы посетить русский Фронт Отечественной войны.

Надеюсь до скорого свидания. Всего доброго.

Искренне Ваша

Ирина
Королевна Греческая Принцесса Датская

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 189–211. Подлинник. Рукопись на бумаге с монограммой принца греческого Петра; там же. Д. 14. Л. 33–44. Копия. Машинопись.

[1] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13, 14, 64.

[2] Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах. М.: Политиздат, 1989. С. 189–201.

[3] См.: ru. knowledgr. com; www.myheritage.com; ru.rodovid.org; en.wikipedia.org; bonopartiste.liveyournal.com.

[4] Карпов Георгий Григорьевич (1898–1967), советский государственный деятель, председатель Совета по делам РПЦ при СНК-СМ СССР в 1943–1960 гг. С февраля 1918 г. служил на Балтийском флоте, с января 1920 г. член РКП(б). Поступил в Петроградский университет, но не закончил учебу. С июля 1922 г. на службе в органах госбезопасности. В 1922–1933 гг. помощник уполномоченного, уполномоченный, старший уполномоченный, оперуполномоченный, помощник начальника отделения Постоянного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе. В 1933–1935 гг. помощник начальника, зам. начальника УНКВД Карельской АССР. В 1935–1938 гг. помощник начальника отделения,

зам. начальника отделения, начальник отделения УГБ НКВД по Ленинградской обл. Капитан госбезопасности (март 1936 г.) В 1938–1939 гг. начальник Псковского окружного отдела НКВД. Был переведен в Москву для работы в центральном аппарате органов госбезопасности. В 1939–1941 гг. зам. начальника отделения, начальник отделения, зам. начальника отдела НКВД. Майор госбезопасности (май 1941 г.) В декабре 1941 г. назначен начальником 4-го отдела («по борьбе с церковной и сектантской контрреволюцией») Секретно-политического управления НКГБ. С мая 1943 г. начальник 5-го отдела («по борьбе с духовенством всех конфессий») 2-го управления НКГБ. Полковник госбезопасности (февраль 1943 г.) Занимался организацией встречи И.В. Сталина и наркома иностранных дел В.М. Молотова с Патриаршим Местоблюстителем митрополит *Сергием (Страгородским)*, митрополитом Алексием (Симанским) и митрополитом *Николаем (Ярушевичем)* 4 сентября 1943 г. Председатель Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР с сентября 1943 г. (сохранил пост начальника 5-го отдела НКГБ, с 1946 г. отдел «О» по «оперативной работе среди духовенства» МГБ). С 1945 г. под контролем Карпова находилась международная деятельность Русской Церкви — занимался организацией визитов делегаций Московского Патриархата в зарубежные страны, обсуждал с Патриархом Алексием I приоритеты внешнеполитических мероприятий Церкви, конкретные задачи, которые необходимо было решить во время визитов, согласовывал состав делегаций, кандидатуры их руководителей. Карпов внес значительный вклад в урегулирование взаимоотношений между СССР и новыми правительствами стран Восточной Европы, с одной стороны, и Болгарской, Румынской и Сербской Православными Церквами — с другой. Деятельность Карпова в это время получила высокую оценку советского руководства.

5 Эрнест Пети, глава французской военной миссии в СССР в 1942–1945 гг. Член Коммунистической партии Франции. В 1909 г. закончил с отличием военную школу Сен-Сир, а затем военную академию в Париже. Участник Первой мировой войны, попал в плен под Верденом, бежал из плена. Войну закончил в Германии в чине подполковника. После войны на дипломатической работе. В 1937–1940 гг. дивизионный генерал — глава военной миссии в Парагвае, где встречает известие о капитуляции Франции. Самостоятельно уезжает в Лондон к генералу де Голлю, который назначает его начальником Генерального Штаба «Свободной Франции». Был направлен в СССР в качестве главы военной миссии, для организации французских воинских частей в составе Красной Армии. После прибытия в СССР генерала армии Картру, генерал Пети вернулся во Францию.

6 **Патриарх Сергий (Страгородский** И.Н.; 1867–1944) — епископ Русской Православной Церкви (РПЦ). Богослов, автор богослужебных текстов и духовных стихов. С декабря 1925 г. до конца 1936 г. — заместитель Патриаршего Местоблюстителя, фактический руководитель РПЦ; с 1 января 1937 г. — Патриарший Местоблюститель, в связи с получением ложного извещения о смерти митрополита Петра. 22 июня 1941 г. митрополит Сергий, узнав о начале Великой Отечественной войны, написал послание к пастырям и верующим Русской Православной Церкви, благословив всех, кто решился отправиться на фронт. 26 июня 1941 г. в Богоявленском соборе митрополит Сергий отслужил молебен «О даровании победы». 4 сентября 1943 г. вместе с митрополитами Алек-

сием и Николаем был принят председателем СНК СССР И.В. Сталиным. Митрополиты по приглашению Сталина изложили свои пожелания, в числе которых было проведение Собора и избрание Патриарха. И.В. Сталин заверил, что Правительство СССР окажет всяческое содействие. 8 сентября 1943 г. в новом здании Патриархии в бывшей резиденции германского посла, в особняке по адресу Чистый переулок, дом 5 состоялся Собор епископов, который избрал Патриархом Московским и Всея Руси митрополита Сергия. 12 сентября 1943 г. состоялась интронизация новоизбранного Патриарха в кафедральном Богоявленском соборе, что в Елохове. Скончался 15 мая 1944 г. Погребен в подклете Никольского (северного) придела московского Богоявленского собора.

7 Приложение к письму отсутствует.

8 Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968) — советский и польский военачальник, дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Маршал Советского Союза и маршал Польши. Командовал Парадом Победы 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве. Один из крупнейших полководцев Второй мировой войны.

9 Миловский Михаил Павлович (1899–1966) — советский военачальник и историк, генерал-полковник (1960). Вступил в ряды Красной Армии в 1919 г. Воевал на Восточном, Финском и Западном фронтах. С 1941 г. — начальник Штаба тыла Красной Армии. В 1943 г. — генерал-лейтенант. В 1944 г. руководил доставкой продовольствия гражданскому населению, партизанам и армии Югославии. В 1946–1955 гг. — возглавлял Военную академию тыла и снабжения и Военно-транспортную академию. В 1955–1965 гг. возглавлял Военную академию тыла и транспорта.

10 **Молотов** В.М. (настоящая фамилия Скрябин; 1890–1986, Москва) — российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 гг., народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939–1949, 1953–1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг. Герой Социалистического Труда. Депутат Верховного Совета СССР I-IV созывов. В.М. Молотов активно поддерживал идею создания Государства Израиль, тогда как все остальные страны были против этого, в том числе США и Великобритания.

11 Роже Гарро — посол Франции в Советском союзе в годы Великой Отечественной войны (правительство генерала де-Голля).

12 Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич) (1892–1961) — митрополит Киевский и Галицкий, экзарх всея Украины. Образование получил в гимназиях в городах Ковно и Петербурге. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета, в 1910–1914 гг. учился в Петербургской Духовной академии. Пострижен в монашество в 1914 г. В течение двух месяцев находился на фронте. В 1915 г. окончил аспирантуру Петербургской духовной академии, получил звание магистра богословия. Преподавал в Петроградской духовной семинарии. В 1918 г. — настоятель Петропавловского собора в Петергофе, в 1919 г. возведен в сан архимандрита, назначен наместником Александро-Невской Лавры. В 1922 г. возведен в сан епископа Петергофского, викария Ленинградской епархии. В 1923 году осужден на три года ссылки. В 1935 г. — архиепископ Петергофский. С. 1936 г. управлял Новгородской и Псковской епархиями, с 1940 г. — архиепископ Волынский и Слуцкий. В марте 1941 г. возведен в сан митрополита, с июля 1941 г. —

митрополит Киевский и Галицкий. В 1942–1943 гг. — заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола Сергия. С января 1944 г. — митрополит Крутицкий, с марта 1947 г. — митрополит Крутицкий и Коломенский. Член Священного Синода. С 1960 г. — на покое. В «Справке о митрополите Николае», составленной в Совете по делам РПЦ при СНК СССР в 1944 г., отмечалось, что «Митрополит Николай Киевский и Галицкий, экзарх всея Украины является ближайшим помощником Патриарха Сергия. Во время двухлетнего пребывания митрополита Сергия в Ульяновске митрополит Николай находился все время в Москве и вел сношения с советским правительством по дела Церкви. Митрополит Николай был избран в Чрезвычайную правительственную комиссию по расследованию немецких зверств над русским населением и неоднократно посещал все места, освобожденные от немецких армий, и на местах опрашивал население и составлял акты о всех зверствах, учиненных врагами. Энергичный и деятельный митрополит Николай главным образом и провел всю подготовительную работу по восстановлению Патриаршества в Советской России и разработал все детали этого дела с советским правительством до возвращения митрополита Сергия в Москву, с приездом же последнего, приемом у И.В. Сталина и Архиерейским Собором — этот исторический шаг получил окончательное оформление» (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 73).

13 Слова, выделенные курсивом, вписаны в текст документа от руки.

14 Кавтарадзе Сергей Иванович (1885–1971) — советский дипломат. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1903 г. вступил в РСДРП и вел революционную работу в Тбилиси, Баку, Кутаиси и Петербурге. В 1913–1914 гг. Кавтарадзе был постоянным сотрудником газеты «Правда». После Великой Октябрьской социалистической революции он работал на Кавказе, в 1921–1922 гг. — председатель Совета Народных Комиссаров Грузии. В 1923–1924 гг. Кавтарадзе был советником полпредства в Турции. В 1941–1943 гг. он был зав. средневосточным отделом Народного комиссариата иностранных дел СССР, а в 1943–1945 гг. был заместителем народного комиссара иностранных дел СССР. В сентябре-октябре 1944 г. в качестве главы советской правительственной комиссии вел переговоры в Тегеране с правительством Саеда о предоставлении СССР концессии на разработку нефти в северных районах Ирана. С августа 1945 г. — посол СССР в Румынии.

15 Новиков Николай Васильевич (1903–1989) — советский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР. До 1917 г. окончил в Петрограде три класса городской школы и четыре класса городского училища. После демобилизации из Красной Армии в 1921 г. окончил еще вечернюю двухгодичную общеобразовательную школу для взрослых. В 1930-м г. окончил Ленинградский Восточный институт по специальности «востоковед-экономист». В течение пяти лет работал в учреждениях системы Наркомвнешторга в Москве и Таджикистане. Преподавал курс экономики Турции в Московском институте востоковедения им. Нариманова. В 1935 г. поступил в Институт красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики. После расформирования Института был направлен на работу в Народный комиссариат иностранных дел СССР. С 1938 г. — консультант Первого Восточного отдела НКИД СССР. В 1941–1943 гг. — заведующий четвертым Европейским отделом НКИД. В 1943–1944 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Египте. В эти же годы по совместительству являлся

Послом СССР в Югославии и Греции, правительства которых во время Второй мировой войны находились в Египте. В 1944 г. он принимал активное участие в установлении дипломатических отношений СССР с Ливаном и Сирией. С ноября 1944 г. — работал в США, с 1946 года — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в США. В 1947 году после ухода из МИД СССР занимался научной и литературной деятельностью. С 1950 г. — член Союза писателей СССР. Автор мемуаров, опубликованных в 1989 году: «Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах».

16 **Патриарх Христофор II** (1876–1967) — епископ Александрийской Православной Церкви, Папа и Патриарх Александрийский и всей Африки. В 1899 г. принял монашество и назначен секретарем Патриархии. В 1904 г. Александрийский Патриарх Фотий возвел его в сан иеромонаха. В 1906 г. становится протосинкеллом, а в 1908 г. возведен в сан митрополита. 30 декабря 1914 г. избран митрополитом Леонтопольским (Египет). 21 июня 1939 г. Христофор был избран Патриархом Александрийским и всей Африки. При Патриархе Христофоре II были восстановлены отношения между Московским и Александрийским Патриархатами. В январе 1945 г. присутствовал на Поместном Соборе Русской Православной Церкви. В 1955 г. Патриарх Христофор прибыл в СССР на торжества преподобного Сергия Радонежского. В мае 1958 г. Патриарх Христофор вновь посетил пределы Русской Церкви по случаю празднования 40-летия восстановления Патриаршества в РПЦ. В Москве он выразил благодарность Патриарху Алексию I за все, что Московская Церковь сделала и делает для Восточных Церквей. В ноябре 1960 г. Московский Патриарх Алексий I вторично прибыл в Египет. На торжественных богослужениях в кафедральном Соборе Святого Саввы присутствовали представители Коптской, Армянской, Католической и Реформатской Церквей.

17 Патриарх Антиохийский Александр III (1869–1958). Пострижен в монахи 12 мая 1886 г. и направлен в Халкинскую богословскую школу. В 1884 г. в сане иеродиакона возвратился в Сирию и шесть лет преподавал Закон Божий в школах Хомской (Эмесской) митрополии. Получил высшее образование в России. В 1900 г. Патриарх *Мелетий* II назначил его настоятелем Антиохийского подворья в Москве. В 1903 г. возведен в архимандриты и был избран митрополитом Тарсским и Аданским. Патриарх Антиохийский с 1931 г., занял дружественную позицию по отношению к РПЦ, осуждал обновленцев и живоцерковников. Патриарх Александр III приветствовал факт установления дипломатическх отношений между СССР, Ливаном и Сирией в 1943 г. После избрания Патриархом Московским и всея Руси *Сергия (Страгородского)* в Дамаске отслужили торжественные богослужения в знак братской солидарности с РПЦ. Тогда же Александр III пожертвовал 60 тыс. ливанских фунтов для воинов Советской Армии. Когда в 1944 г. в Бейрут прибыл полномочный посол СССР в Сирии и Ливане Д.С. Солод, между Александром III и советским дипломатом установились дружественные отношения. В январе 1945 г. Александр III присутствовал на интронизации Патриарха *Алексия I (Симанского)*. Антиохийская Церковь участвовала в торжествах по случаю 500-летия автокефалии РПЦ. В 1956 г. Патриарх вновь посетил Россию. В мае 1958 г. он последний раз был гостем Московской Патриархии на торжествах по случаю 40-летия восстановления Патриаршества в России в сопровождении митрополитов Епифания

Аккрского, Александра Хомского и Афанасия Хауранского. Вскоре после возвращения в Дамаск Патриарх Александр III скончался.

[18] Римский Папа — речь идет о римском папе **Пие XII** (1876- 1958) , Папа Римский с 2 марта 1939 по 9 октября 1958 г. Провозгласил догмат о Вознесении Девы Марии и символически посвятил мир Непорочному сердцу Марии в 1942 г. 18 октября 1967 г. папа Павел VI начал процесс беатификации Пия XII. Стал первым папой, избранным из государственных секретарей, начиная с Климента IX в 1667 г. В 1949 г. предал анафеме коммунистических лидеров Чехословакии. Пия XII называли «Папой Марии» — за его огромную приверженность Матери Божией, проявившуюся в объявленном им вероопределении относительно Ее Успения. Внёс значительный вклад в развитие католического социального учения. Папа Пий XII скончался в Риме, с его понтификатом заканчивается «*Эпоха Пиев*».

[19] **Елеонский Спасо**-Вознесенский монастырь — православный русский женский монастырь на вершине Елеонской горы в Иерусалиме (Восточном Иерусалиме). Находится в ведении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме РПЦЗ, которая здесь и расположена. Основан в непосредственной близости от *часовни Вознесения*. На территории монастыря находится место, где, согласно преданию, стояла Пресвятая Богородица во время Вознесения, а также место Первого и Второго обретения главы Иоанна Крестителя. Обширный участок недалеко от *часовни Вознесения Господня*, на южной вершине Елеонской горы, был приобретен в 1870 г. архимандритом Антонином (Капустиным), который предполагал основать здесь мужской монастырь. В 1905 г. при архимандрите Леониде (Сенцове) была основана женская «община со старшей сестрой во главе», состоявшая из 15 сестер. Святейший Синод РПЦ утвердил её указом от 15 декабря 1906 г. Община жила по правилам, принятым в Горненской общине. В 1907 г. здесь жило уже 70, а в 1914 г. — более 100 сестер. В 1917 г. часть зданий была занята английскими войсками, в другой части проживали сестры. В начале 1919 г., были возобновлены богослужения в соборе. В этот период община переходит в ведение Высшего Русского Церковного Управления за границей. В 1924 г. указом Митрополита Антония (Храповицкого) Елеонская община стала именоваться монастырем. В 1937 г. состоялось освящение трапезного храма во имя святого Филарета Милостивого. Основной проблемой Елеонской обители было привлечение достаточного количества сестер. В 1930 г. было около 300 сестер, затем их количество постепенно сокращалось, и в середине 1990-х годов в монастыре подвизалось около 50 монахинь и послушниц, а сам монастырь на тот момент был самым крупным в РПЦЗ.

[20] **Речь идет о Горнем** или **Горненском женском монастыре** — русском православном женском монастыре в честь Казанской иконы Божией Матери, находящемся в ведении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Расположен в Эйн-Кареме, в 7 км на юго-запад от старого города Иерусалима (Израиль). Название «Горненский» связано с тем, что монастырь находится в местности, которая в евангельские времена называлась нагорней (горней) страной, то есть находящейся на горах. В 1869 г. начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) принял решение выкупить участок с двумя домами и плантацией оливковых деревьев в 7 км к юго-западу от старого города Иерусалима близ селения Эйн-Карем, которое традиционно считается

местом рождения Иоанна Предтечи и встречи Девы Марии с праведной Елизаветой. Первый монастырский храм был освящен 14 февраля 1883 г. в честь Казанской иконы Божией Матери. Статус монастыря община монахинь получила от Святейшего Синода РПЦ в 1898 г., а в 1903 г. в обители открылись иконописная и золотошвейная мастерские, за счет которых монастырь сам себя кормил. К 1914 г. в монастыре находилось около 200 монахинь, которым по требованию оттоманских властей пришлось покинуть обитель и переехать в Александрию, откуда вернулись в 1918 г. в основательно поврежденный монастырь, который усилиями сестер был восстановлен. Из-за невозможности связи с Московским Патриархатом монастырь, как и вся Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, с 1920 г. перешли в подчинение Русской Православной Церкви Заграницей. В 1945 г., после визита в Святую Землю Святейшего Патриарха Алексия I, среди сестер монастыря возникло разделение по вопросу юрисдикции, появилась большая часть сторонниц перехода в юрисдикцию Московской Патриархии. Тогда Иерусалимская Патриархия предоставила в распоряжение этим сестрам греческий храм в Эйн-Кареме. После образования Государства Израиль в 1948 г., монастырь, как и здания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, был передан израильскими властями Московскому Патриархату. Монахини, не пожелавшие вернуться в юрисдикцию Московского Патриархата, перебрались в Англию, где основали Благовещенский монастырь в Лондоне. Пять монахинь переехали в Чили, где в 1958 г. архиепископом Леонтием был основан Успенский монастырь. С середины 1950-х гг. монастырь стал пополняться монахинями, приезжавшими из СССР. Продолжал оставаться одним из действующих монастырей РПЦ в течение всей последующей истории СССР, являясь единственным женским монастырём Московского Патриархата за пределами советских границ.

[21] Имеется в виду Антоний (Сенекевич, Синкевич Александр; 1903–1996) — архиепископ. С 1920 г. жил в Югославии. В 1926–1930 гг. учился в Белградском университете, на богословском факультете. В 1930 г. он был возведен в сан иеродиакона, в 1930 г. — в сан иеромонаха. В 1937–1951 гг. — архимандрит, начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В 1951 г. возведен в сан епископа Лос-Анджелесского. В 1961 г. возведен в сан архиепископа. С 1962 г. — архиепископ Лос-Анджелесский и Техасский. С 1971 года — архиепископ Лос-Анджелесский и Южно-Калифорнийский.

[22] Имеется в виду Египетский фонд помощи гражданскому населению СССР — организация, целью которой был сбор денежных средств, закупка медикаментов, одежды, продовольствия и направление собранных средств и вещей в распоряжение советских инстанций. Возглавляла фонд принцесса Греческая и Датская Ирина (Ирина Александровна Овчинникова). В деятельности Фонда принимал участие широкий круг лиц — видные государственные и общественные деятели, финансисты, коммерсанты, как египтяне, так и представители стран-союзников. Фонд действовал под покровительством египетского короля Фарука. Фонд был создан в 1944 г. В состав Фонда входил и представитель Советского государства — Посол СССР в Египте Н.В. Новиков. Подробнее см.: Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах. М.: Политиздат, 1989. Ч. II. На Ближнем Востоке. Глава 5. Принцесса Ирина и Египетский фонд помощи гражданскому населению СССР. С. 180–201.

[23] **Фарук** I (1920–1965) — король Египта и Судана в 1936–1952 гг. Фарук принадлежал к династии Мухаммеда Али и стал королем после смерти своего отца Ахмеда Фуада I. Свергнут в результате Июльской революции 1952 г., после отречения Фарука ему наследовал сын Ахмед Фуад II. Фарук был единственным сыном Ахмеда Фуада I от его второго брака. Фарук получил домашнее образование, а затем уехал обучаться в английской Королевской военной академии. В 1936 г. после смерти отца он вернулся в Египет, чтобы унаследовать престол. Первые полтора года правил Регентский совет, после коронации 29 июля 1937 г. Фарук получил в свои руки всю власть монарха. Сразу после начала самостоятельного правления Фарук вступил в противостояние с популярной и влиятельной националистической партией Вафд и ее лидером премьер-министром Мустафой ан-Наххасом. В декабре 1937 г. Фарук сместил ан-Наххаса и назначил новое правительство. В 1922 г. Египет получил независимость от Великобритании. К началу Второй мировой войны король и его премьер-министр Али Махир больше симпатизировали странам Оси. В 1942 г. британский посол Майлз Лэмпсон настоял, чтобы Фарук сместил прогермански настроенного премьер-министра Хуссейна Сирри-пашу и назначил правительство на основе «Вафд». Египет объявил войну странам Оси только в 1945 г. Все послевоенные годы правления недовольство королем росло и это привело к военному перевороту под руководством Мохаммеда Нагиба. Новым королем был провозглашен сын Фарука Ахмед Фуад II, через год монархия в Египте официально была упразднена. После переворота Фарук уехал в изгнание в Монако и принял подданство этой страны, хотя местом постоянного проживания избрал Рим. Фарук был похоронен в Каире в мечети ар-Рифаи.

[24] Самыловский Иван Васильевич (1905–1971) — советский дипломат и журналист, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Окончил Вологодскую губернскую школу советского и государственного строительства, а в 1932 г. — общественно-политический факультет Ленинградского Восточного института. В 1932–1933 гг. — сотрудник Консульства СССР в Кульдже (Китай), в 1933–1936 гг. — на научной работе. В 1936–1942 гг. — вице-консул, генеральный консул СССР в Кашгаре (Китай); в 1942–1944 гг. — советник Посольства СССР в Афганистане. В 1944–1947 гг. — зав. Ближневосточным отделом МИД СССР. В 1947–1948 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Афганистане. В 1948–1956 гг. — главный редактор радиовещания на страны Востока Комитета по радиовещанию при Совете Министров СССР. В 1957–1968 гг. — заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока и Африки Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР.

[25] Выделенные курсивом слова отмечены в тексте документа подчеркиванием.

[26] **Братство Святого Гроба Господня** (также **Святогробское братство**, **Хранители Святого Гроба**) — общество, объединяющее монашествующих Иерусалимской Православной Церкви. Резиденция братства, располагающаяся в монастыре святых Константина и Елены в старом городе Иерусалима. Главой братства является Патриарх Иерусалимский. Свою историю возводит к братству «Знамение» в Иерусалиме, которое было основано, как считается, в 313 г. (что соответствует Миланскому эдикту и легализации христианства в Римской империи). Древние рукописи подтверждают

существование Знаменского братства до посещения св. царицей Еленой Иерусалима в 326 г. Задачей этого монашеского братства было «служение паломникам, молитвы и в основном псалмопение в славной церкви Святой Гробницы». Братство «Знамения» получило поддержку императора и расширило свою деятельность за пределы Иерусалима на главные святые места Палестины. Братство неизменно сохраняло преимущественно греческий характер. Сейчас Хранители Святого Гроба управляются советом из 18 членов с председателем Иерусалимским Патриархом.

27 **Патриарх Тимофей** (1878–1955) — епископ Иерусалимской Православной Церкви, Патриарх Святого Града Иерусалима и всея Палестины. Родился на греческом острове Самос в семье священника. Получив среднее образование, он в сентябре 1898 г. отправился в Иерусалим и поступил в Патриаршую богословскую школу, которую успешно закончил в 1905 г. В марте 1906 г. принял монашеский постриг с именем Тимофей, а 10 апреля был официально принят в Братство Святого Гроба Господня. В 1907 г. назначается секретарем и управляющим журнала «Новый Сион», а с 1909 г. стал его главным редактором. Параллельно с этим Тимофей исполнял обязанности хранителя книг, секретаря Священного Синода и преподавателя в Центральном институте благородных девиц. 5 января 1914 г. рукоположен в сан иеромонаха, а 29 января возведен в сан архимандрита. В сентябре 1916 г. возглавляет патриаршую типографию, а в 1917 г. назначен секретарем Священного общества. В августе 1921 г. избирается архиепископом Иорданским. В 1935 г. избран Патриархом Иерусалимским, однако его законное утверждение и признание представителем Британского правительства произошло только 27 сентября 1939 г. За ним закрепилась слава искусного и способного Первоиерарха, неутомимого борца за права Святого Гроба, мудрого клирика и плодовитого церковного писателя. В 1942 г. Патриарх Тимофей заболел, скончался 31 декабря 1955 г.

28 Петр, принц Греческий и Датский (1908–1980) — военный деятель, ученый-антрополог, сын принца Греческого и Датского Георга и принцессы Джордж (урожд. принцессы Мари Бонапарт), единственной дочери французского ботаника Ролана Бонапарта. Внук Греческого короля Георга I, двоюродный брат Греческого короля Георга II. Родился в Париже в 1908 г., провел свое детство во Франции, окончил Парижский университет. В 1935–1936 гг. изучал антропологию в Лондонской школе экономики. Его учителя — антрополог польского происхождения Бронислав Малиновский и новозеландский этнолог Рэймонд Фирт. С 1936 г. — чиновник пехоты греческой армии. В сентябре 1937 г. предпринял путешествие в Азию (Пакистан, Британская Индия, Цейлон). В сентябре 1939 года женился на Ирине Александровне Овчинниковой, сопровождавшей его в путешествии на Восток. Свадьба состоялась в Датском консульстве в Мадрасе. В 1939 году супружеская пара вернулась в Европу. В связи с начавшейся Второй мировой войной и вторжением немецкой армии во Францию принц Петр с женой покинули страну (принц Петр перебрался в Италию, затем в Грецию, а Ирина Овчинникова — в Палестину). В 1941 году в связи с вторжением германских войск в Грецию принц переехал на остров Крит, а затем вместе с королевской семьей был эвакуирован в Египет — в Александрию. Изгнание греческой королевской семьи позволило принцу Петру воссоединиться с Ириной Овчинниковой в Палестине. 5 июня 1941 года состоялось их венчание в Иерусалиме. Супружеская пара

поселилась в Каире. Принц Петр принял участие в военных действиях на стороне союзников в освобождении Сицилии и Италии. После окончания Второй мировой войны принц Петр неоднократно участвовал в научных антропологических экспедициях (Индия, Тибет, Гималаи). В 1957 году принц Петр и Ирина Овчинникова вернулись в Европу, а затем переехали в Англию. Принц возобновил свои исследования в Лондонской школе экономики и в 1959 году получил степень доктора философии. Скончался в Лондоне 15 октября 1980 г. Похоронен в Дании на территории своего датского дворца Лилль Bernstorff.

29 Храм Рождества Христова в Вифлиеме — одна из старейших непрерывно действующих храмов в мире. Храм Рождества Христова — христианская церковь, построенная над пещерой (вертепом, гротом) Рождества предполагаемым местом рождения Иисуса Христа в Вифлееме. Первый храм над пещерой, которая почиталась верующими как место рождения Иисуса, был построен в 330-х гг. по указанию императора Константина Великого; освящение храма состоялось 31 мая 339 г. Современное здание Храма Рождества Христова является единственным христианским храмом в Палестине, сохранившимся в целости с домусульманского периода. Богослужения в Храме Рождества практически не прерывались с ранневизантийской эпохи. Храм Рождества Христова входит в число главных христианских храмов Святой Земли, наряду с храмами над Голгофой и Гробом Господним и храмом Вознесения на Елеонской горе. Базилика Рождества была заложена св. императрицей Еленой во время ее паломничества в Святую Землю в середине 330-х гг. После завоевания Палестины Османской империей права христиан на базилику Рождества ограничены не были. С разрешения властей храм неоднократно ремонтировали: в 1479 г. была положена свинцовая кровля, выполненная на деньги английского короля Эдуарда IV, в 1670–1671 гг. кровлю ремонтировали греки, также установившие в базилике новый иконостас (заменен на новый в 1764 г.). Землетрясение 1834 г. и пожар 1869 г. привели к повреждениям интерьера пещеры Рождества Христова и вызвали необходимость ремонтных работ. От российских Императоров Александра III и Николая II в храм неоднократно направлялись пожертвования (колокола, паникадила).

30 Ясли — одна из самых главных святынь христианства, находящаяся в Храме Рождества Христова в Вифлееме. Он воздвигнут он на месте рождения Спасителя. Во втором веке н.э. на месте рождения Христа был возведен храм, посвященный Адонису. Этот бог, наряду с Персефоной, считался олицетворением смены времен года. В 339 г. св. императрица Елена, мать императора Византии Константина Великого возвела на этом месте небольшую христианскую базилику. Первый храм сильно пострадал во времена самаритянского восстания. Восстановлен он был примерно в 550 г. императором Юлианом. В ходе реконструкции он был значительно расширен. Помимо этого, в нем был устроен так называемый Святой вертеп — спуск в саму пещеру. В 1717 г. то место, где родился Иисус, было отмечено 14-лучевой звездой, ставшей символом Вифлеема. Сверху нанесли надпись: «Здесь Дева Мария родила Христа». Изготовили его в Греции в XVIII в. Рядом расположен спуск в ясли, в которые Мария положила Спасителя после рождения. Во время вторжения персов (в XII в.) уцелел только этот небольшой храм. Паникадила были подарены храму русскими Императорами Александром III и Николаем II. Колокола в храме также российские.

[31] Пещера капли молока — *Молочная пещера* (**Млечный вертеп,** лат. Crypta lactea) — грот в Вифлееме. С IV в. является местом христианского паломничества как место, где, по преданию, после рождения Иисуса Христа жило Святое семейство, и Богородица уронила капли молока при кормлении Иисуса Христа. По преданию, именно здесь в пещере, скрывалось Святое семейство от воинов царя Ирода во время массового уничтожения младенцев. В этой пещере им пришлось прожить почти сорок дней. Однажды, когда Матерь Божия кормила грудью маленького Иисуса, несколько капель молока брызнули на большой камень. Темный камень сразу же весь стал молочно-белого цвета. И христиане, и мусульмане чрезвычайно почитают эти «капельки молока Богородицы» — частички белого пористого камня, и считают их чудотворными. На месте, где Богородица кормила Иисуса, установлена икона, на которой изображена сцена кормления («Кормилица»). На ней Младенца Христос, припал к материнской груди, обращенный лицом к молящимся. У этого образа, который почитается как чудотворный, женщины оставляют свои горячие молитвы в надежде на помощь Божией Матери. В этой пещере, удаленной от Пещеры Рождества примерно 200 м по прямой линии, Святое семейство готовилось к путешествию в Египет. Францисканцы, после приобретения вертепа в XIV в., с разрешения папы Григория XI в 1375 г., построили на этом месте храм с колокольней. В 1872 г. над вертепом, на месте бывшего византийского храма V в., от которого осталась лишь часть мозаичного пола, была сооружена католическая часовня.

[32] **Патриарх Алексий I (Симанский Сергей Владимирович**; 1877–1970) — епископ Русской Православной Церкви; Патриарх Московский и всея Руси с 4 февраля 1945 г. Богослов, педагог, кандидат юридических наук (1899), доктор богословия (1949). В 1900 г. поступил в Московскую Духовную академию, которую окончил в 1904 г. 9 февраля 1902 г. был пострижен в монашество; 17 марта того же года рукоположен во иеродиакона, 21 декабря 1903 г. — во иеромонаха. В 1904–1906 гг. — инспектор Псковской Духовной семинарии, одновременно преподавал Священное Писание Нового завета. С 1906 г. он рукоположен в сан архимандрита и назначен ректором Тульской Духовной семинарии. С 6 октября 1911 г. — ректор Новгородской Духовной семинарии и одновременно настоятель Антониева монастыря. После Октябрьской революции подвергался аресту в 1918 г. В ноябре 1920 г. он предстал перед судом по обвинению в самовольном освидетельствовании мощей святых накануне их вскрытия органами власти и был приговорен к заключению в лагерь сроком на 5 лет (освобожден по амнистии). 12 февраля 1921 г. приговорен к 3 годам заключения условно. 21 февраля 1921 г. назначен епископом Ямбургским, первым викарием Петроградской епархии. С 29 мая 1922 г. управляющий Петроградской епархией. В октябре 1922 г. он был арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности», осужден и в конце того же года сослан на три года в Казахстан; состоял в переписке с Патриархом Тихоном и митрополитом Сергием (Страгородским). С 1926 г. — временно управляющий Ленинградской и Новгородской епархиями. В 1927–1935 гг. — член Временного Патриаршего Священного Синода, с 19 мая 1932 г. — митрополит Старорусский. В августе 1933 г. назначен митрополитом Новгородским. С 5 октября 1933 г. — областной митрополит Ленинградский. Во время Великой Отечественной войны, в период блокады Ленинграда оставался в городе, совершал литургии и молебны, проповедовал, ободрял и утешал

верующих. В будние дни, часто без диакона, сам причащал и читал поминания. Постоянно обращался с патриотическими посланиями к своей пастве. 4 сентября 1943 г. он был вместе с митрополитами Сергием (Страгородским) и Николаем (Ярушевичем) на встрече с И.В. Сталиным в Кремле. 8 сентября 1943 г. участвовал в Соборе епископов, избравшем на Патриарший Престол митрополита Сергия. Владыка Алексий был постоянным членом образованного при Патриархе Сергии Священного Синода. 10 декабря 1943 г., ещё до освобождения Новгорода от оккупации, получил титул митрополита Ленинградского и Новгородского. С 15 мая 1944 г. — Патриарший Местоблюститель. 2 февраля 1945 г. избран Патриархом Московским и всея Руси.

33 Речь идет о **Патриархе Вениамине** (1871–1946) — епископе Константинопольской Православной Церкви, Патриархе Константинопольском с 18 февраля 1936 г. до своей кончины.

34 Собор Святой **Софии** — Премудрости Божией, *Святая София Константинопольская*, *Айя*-София — бывший патриарший православный собор, впоследствии — мечеть, ныне — музей; всемирно известный памятник византийского зодчества, символ «золотого века» Византии. Официальное название памятника на сегодняшний день — Музей Айя-София (тур. Ayasofya Müzesi). Во времена Византийской империи собор находился в самом центре Константинополя рядом с императорским дворцом. В 1453 г. после захвата города османами Софийский собор был обращен в мечеть, а в 1935 г. он приобрел статус музея. Более тысячи лет Софийский собор в Константинополе оставался самым большим храмом в христианском мире — вплоть до постройки собора Святого Петра в Риме. Построен по повелению византийского императора Юстиниана I. Уже с момента постройки за собором закрепилось название «великий». Для совершения богослужений в соборе имелась многочисленная драгоценная утварь. В ночь с 28 на 29 мая 1453 г. в соборе Святой Софии состоялось последнее в его истории христианское богослужение. 29 мая 1453 г. храм был захвачен турками-османами. По описанию историка Дуки, они разломали запертые ворота храма и, вооруженные мечами, ворвались внутрь, грабя драгоценное убранство: «в одну минуту разрубили святые иконы, похитив с них украшения… а также одежды святой трапезы… Драгоценные и священные сосуды священного сосудохранилища, золотые и серебряные и из другого вещества приготовленные, в один момент всё унесли». Находившиеся в храме молящиеся были убиты, и, по сохранившемуся преданию, их кровь достигла уровня, обозначенного ныне на одной из колонн красной полосой. 30 мая 1453 г. султан Мехмед II, завоевавший Константинополь, вступил в собор Святой Софии, который был обращен в мечеть. К собору пристроили четыре минарета, и собор превратился в мечеть Айя-София. Большинство фресок и мозаик остались невредимыми, как полагают некоторые исследователи, именно благодаря тому, что в течение нескольких веков были замазаны штукатуркой. До середины XIX в. никаких реставрационных работ в храме не производилось. В 1847 г. султан Абдул-Меджид I поручил архитекторам Гаспаре и Джузеппе Фоссати провести реставрацию Айя-Софии, которой угрожала опасность обрушения. Реставрационные работы продолжались два года. В 1935 г., согласно декрету правительства Турции, подписанному Кемалем Ататюрком, Айя-София стала музеем, а с фресок и мозаик были счищены скрывавшие их слои штукатурки.

35 **Щиборин Алексей Дмитриевич** (1912–1988) — советский дипломат, Чрезвычайный и полномочный посол. На дипломатической работе с 1939 г. В 1939–1941 гг. — сотрудник

центрального аппарата НКИД СССР. В 1941–1943 гг. — второй, затем первый секретарь посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне. В 1944 году — советник посольства СССР при Союзных правительствах в Лондоне; с 16 ноября 1944 по 7 февраля 1950 г. — Чрезвычайный и Полномочный посланник СССР в Египте; 1948–1953 гг. — заместитель заведующего Отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР; 1953–1954 годах — советник-посланник посольства СССР в Индии; с 5 июня 1954 по 9 июня 1959 г. — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Бирме; 1959–1962 гг. — заместитель заведующего Отделом стран Ближнего Востока МИД СССР; 1962–1968 гг. — заведующий Отделом стран Ближнего Востока МИД СССР; с 2 января 1969 г. по 14 декабря 1973 г. — Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Эфиопии. В 1974–1979 гг. — на ответственной работе в центральном аппарате МИД СССР.

36 Письмо датируется по сопроводительному письму НКИД СССР Г.Г. Карпову. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 186.

37 **Митрополит Гавриил Салиби** (1881–1977), митрополит Бейрутский (Антиохийская Православная Церковь). Начальное образование получил в родном селении, среднее — в местном американском колледже. В 1892 г. принял монашество и поступил в Бейрутскую Духовную семинарию. С 1898 г. чтец, затем личный секретарь Бейрутского митрополит Гавриила (Шатилы). В 1907 г. хиротонисал во диакона, через два года возведен в сан архидиакона. Был назначен ответственным по связям с правительственными и др. организациями, во время отсутствия правящего архиерея возглавлял финансовый комитет и ведал делами митрополии. В 1918 г., после иерейской хиротонии, возведен в сан архимандрита. В 1926 г. в Дамаске рукоположен во епископа в помощь митрополиту Бейрутскому, с 1936 г. митрополит Бейрутский. За время управления Бейрутской епархией проявил себя как опытный администратор, восстановил старые и открыл новые правосл. школы, поддерживал дружественные отношения с представителями др. конфессий и мусульманами в Ливане. Салиби поддерживал тесные связи с РПЦ. Он принимал в Бейруте Патриархов Московских и всея Руси *Алексия I* (1945, 1960 гг.) и *Пимена* (1972 г.) во время их путешествий по Ближнему Востоку. Было учреждено подворье Московского Патриархата при Благовещенском храме (1946), на средства РПЦ построен госпиталь во имя Георгия Победоносца (1-й камень заложил Патриарх Алексий I в 1960 г.), переданный в дар Бейрутской митрополии. По приглашению Московской Патриархии И. трижды посещал СССР: в 1947, 1956 гг. (во главе делегации Антиохийской Православной Церкви) и 1962 г.; побывал в Москве, ТСЛ, Ленинграде, Киеве, Одессе.

38 Ру**сская Духовная Миссия в Иерусалиме** — представительство Русской Православной Церкви в Иерусалиме и Святой Земле, созданное по инициативе МИД Российской Империи в 1847 г. В 1838 г. камергер императорского двора Андрей Муравьёв, посетивший Палестину, чтобы изучить состояние политической и церковной жизни в Святой Земле и содействовать укреплению позиции России на Ближнем Востоке, поднял вопрос о необходимости учреждения в Иерусалиме Духовной миссии. По мысли Муравьёва, влияние России в этом регионе должно было выразиться, в частности, в особом покровительстве российского Императора над святыми местами, особенно над храмом Гроба Господня, гробницей Богородицы в Гефсимании и местом Рождества Христова в Вифлееме; а русский

архимандрит в Палестине «мог бы иметь благотворное влияние на ...единоверцев и распространять среди них свет и нужные познания». 11 (23) февраля 1847 г. была учреждена Русская Духовная Миссия в Иерусалиме — для содействия укреплению Православия на Святой Земле, поддержания братских отношений с Иерусалимской Православной Церковью, а также для поддержки русских паломников. Первым начальником миссии был утверждён 31 июля архимандрит Порфирий (Успенский). Здание Русской Духовной Миссии в Иерусалиме было построено усилиями Палестинского комитета в период с 1860 по 1864 гг. Внутри здания Миссии 28 июня 1864 г. при архимандрите Леониде был освящен первый русский храм в Святой Земле во имя св. муч. Царицы Александры. Наибольшего расцвета своей деятельности Русская Духовная Миссия в Иерусалиме получила в период, когда её начальником был архимандрит Антонин (Капустин) (5 июня 1869–24 марта 1894). При нем были приобретены многочисленные участки, на которых впоследствии возникли русские храмы и монастыри в Святой Земле. К началу Первой мировой войны РДМ владела 37 участками, восемью храммаи и несколькими часовнями, двумя женскими монастырями, пятью больницами, семью гостиницами для паломников и почти 100 школами. В 1914 г. Первая мировая война вынудила начальника и сотрудников миссии переехать в Александрию. В 1919 г., по занятии Палестины Великобританией, русские монахи вернулись в Иерусалим во главе уже с иеромонахом Мелетием (Розовом). Связь России с Палестиной была прервана, и с 1920 г. миссия вошла в ведение Временного Высшего Церковного Управления Заграницей. Миссия оказалась лишена защиты какого-либо государства, исчезло большинство прежних источников материальной помощи. С установлением власти Британского мандата большая часть опустевшего Русского подворья была занята гражданскими учреждениями — там разместились полицейский участок, тюрьма, американское отделение Красного Креста, а затем верховный суд. Многие постройки Миссии оказались повреждены и запущены. В послереволюционное время «Русскую Палестину» населяли в основном те несколько сот паломников, которые были задержаны войной 1914 г., а также служащие Императорского Православного Палестинского Общества и монахини русских монастырей, находившихся под наблюдением русского зарубежного Синода. Большую помощь в поддержании миссии оказал архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский), направленный в Святую Землю РПЗЦ. В первую очередь, было получено признание прав Миссии со стороны британских властей, восстановлена правильная монашеская жизнь. Владыка привел в порядок имущественные дела РДМ путем сдачи в аренду некоторых участков и возведения нескольких построек с помощью займов. Была открыта Гефсиманская обитель, основана Вифанская школа, приобретён участок у реки Иордан. Период новых потрясений и переустройств в жизни последовал после Второй мировой войны. В мае-июне 1945 г. Святую Землю посетил Патриарх Московский Алексий I. Образованное в 1948 г. Государство Израиль вернуло Московскому Патриархату те храмы и монастыри, которые оказались на его территории. При этом русская собственность, оказавшаяся на территории Транс-Иордании, осталась в ведении Русской Зарубежной Церкви. Первым начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме от РПЦ был назначен архимандрит Леонид (Лобачёв). Несмотря на многие трудности, и в том числе те, что были связаны с тем, советское правительство продало большую часть объектов Русской Палестины Госу-

дарству Израиль, жизнь Миссии продолжалась. Совершались богослужения, воздвигались новые храмы. В 1962 г. на русском участке на берегу Галилейского озера был построен храм во имя святой Марии Магдалины. В 1987 г. в Горненском монастыре было завершено строительство пещерного храма в честь Иоанна Предтечи. Визит Патриарха Алексия II в Святую Землю в апреле 1991 г. положил начало активному возрождению паломничества среди православных христиан из России, с Украины, из Белоруссии, а также других стран ближнего и дальнего зарубежья.

39 **Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО)** – международная общественная, научная и гуманитарная организация, созданная в России в 1882 г., уставными задачами которой являются содействие православному паломничеству на Святую Землю, научное палестиноведение, востоковедение и гуманитарное сотрудничество с народами Ближнего Востока.

Предшественниками Палестинского Общества были Палестинский комитет, основанный в 1859 г., и Палестинская комиссия, в которую он был преобразован в 1864 г. Основано 21 мая 1882 г., как *Православное Палестинское Общество*. В 1889 г. получило почетное наименование *Императорское*. После 1917 г. Общество вынужденно разделилось на две независимые организации — российскую и зарубежную. В 1918 г. оставшаяся в России часть общества была переименована в *Российское палестинское общество*при Академии наук; 22 мая 1992 года было восстановлено историческое название — *Императорское Православное Палестинское Общество*. С 2007 года председателем Императорского Православного Палестинского Общества является Сергей Вадимович Степашин. После начала Первой мировой войны турецкие власти в декабре 1914 г. реквизировали имущество ИППО, закрыли храмы и выслали членов Общества и духовенство из Иерусалима. 18 марта 1917 г., после Февральской революции, Совет Общества принял решение именоваться *Православным Палестинским Обществом (ППО)*. 26 марта 1917 г. подала в отставку Великая Княгиня Елизавета Федоровна, возглавлявшая Общество после гибели мужа, Великого Князя Сергия Александровича (1905 г.). 9 апреля 1917 г. на общем собрании Председателем Общества был избран князь А.А. Ширинский-Шихматов. После Октябрьской революции, в 1918 г., та часть Общества, которая осталась в России, была преобразована в *Российское Палестинское Общество (РПО)* при Академии наук и возглавляется старейшим членом Общества В. В. Латышевым. Зарубежная часть ППО продолжила самостоятельную деятельность. Таким образом Общество оказалось вынужденно разделённым на две независимые организации.

40 Имеется в виду Вениамин (Псомас Кириаку) (1871–1946), епископ Константинопольской Православной Церкви, Патриарх Константинопольский и Вселенский (с 18 февраля 1936 г. до своей кончины 19 октября 1946 г.) В 1891 году окончил Духовную академию в Халки, до 1899 г. был учителем в греческом городе Магнезия. 30 января 1912 года в Патриаршем храме Святого Георгия на Фанаре хиротонисан во епископа Родосского с возведением в сан митрополита. В 1914–1925 гг. — митрополит Филиполя, в 1925–1933 гг. — митрополит Никейский, с 1933 г. — митрополит Гераклийский. С 1936 года — митрополит Константинопольский, избран Патриархом Вселенским. В его Патриаршество, 12 апреля 1937 года, была признана автокефалия Албанской Церкви, а 22 февраля 1945 года — Болгарской Церкви.

Описание путешествия в Палестину пермского крестьянина И.Н. Бушуева 1858 г.*

И.А. Поляков,
М.А. Смирнова

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся многочисленные документы, связанные с историей русского присутствия на Святой Земле. Значительную часть из них составляют описания паломнических путешествий. В 2019 г. при разборе фонда А.П. Серебренникова (ОР РНБ. Ф. 692) авторами данной статьи был обнаружен неизвестный до настоящего времени текст «Описания» поездки в Иерусалим крестьянина Ивана Николаевича Бушуева (1815–1888), совершенной им в 1859 г.

В метрической книге Богоявленской церкви содержится запись о рождении Ивана Николаевича Бушуева в Нижнем Чусовом городке Пермской губернии 9 ноября 1815 г.[1] Эти сведения подтверждаются материалами из «Церковно-приходской летописи» Богоявленской церкви, собранными священником П.П. Серебренниковым[2]. В ней же приведена биография крестьянина и указана дата смерти — 17 сентября 1888 г.[3]

«Описание святых Палестин и святого града Иерусалима» И.Н. Бушуева сохранилось в тетради, которая на сегодняшний день хранится в фонде А.П. Серебренникова в Отделе рукописей РНБ[4]. Интересен и необычен путь поступления рукописи в библиотеку. В 1945–1953 гг. в Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки поступили материалы архива педагога, музейного деятеля Александра Павловича Серебренникова (1880–1940-е). Вместе с его личными и служебными документами, работами и материалами к ним, в архиве сохранились документы родственников: родителей, деда и двоюродного деда. Члены семьи Серебренниковых: отец Павел Петрович, дед Петр Павлович и двоюродный дед Алексей Павлович на протяжении XIX — начала XX вв. были священниками разных приходов в Пермском крае[5].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41009

Есть основания предполагать, что И.Н. Бушуев состоял в дальнем родстве с Серебренниковыми. Об этом свидетельствует переписка некоего Александра Бушуева с Петром Серебренниковым — в письмах А. Бушуев называет Петра и Алексея Серебренниковых своими братьями[6]. В конце жизни И.Н. Бушуева Павел Серебренников был его духовным отцом. Возможно, тетрадь была передана кому-то из Серебренниковых для подготовки «Описания» к публикации. Об этом свидетельствуют как текстологические наблюдения над рукописью, так и последние абзацы текста, в которых автор обращается к читателям.

Имя И.Н. Бушуева сохранилось в памяти жителей Чусовских городков. В молодости он занимался торговлей съестными припасами, хлебопашеством и пчеловодством, а после совершения паломничества посвятил свою жизнь устройству странноприимного дома. Согласно сведениям современников, в 1854 г. он серьезно заболел. Во время болезни он дал обет — сразу после выздоровления отправиться к святым мощам праведника Симеона Верхотурского[7]. Сведения об этом были зафиксированы П.П. Серебренниковым в «Церковно-приходской летописи»[8]. Судя по записям, материалы о Бушуеве были подготовлены Серебренниковым в 1889 г. по просьбе управляющего Добрянским заводом П.И. Сюзева. Последний организовал при заводе музей, в котором, по мысли создателя, «собирается все, что относится до истории Строгановых»[9]. Вероятнее всего, поиск и подготовка информации о паломничестве И.Н. Бушуева были частью этой работы. Об этом свидетельствует письмо Сюзева к Серебренникову с просьбой дать сведения о биографии крестьянина и об устройстве странноприимного дома по его инициативе[10]. Среди материалов сохранился записанный со слов Бушуева рассказ о его трудах по устройству странноприимного дома и черновик завещания, составленного в 1886 г.[11]

Автор летописи приводит слова самого И.Н. Бушуева: «В 1854 году меня заболела правая нога, сделалась сильная ломота в ней, вследствие чего нога была недвижима, так что я не мог ходить и слег в постель. Обращался я к лекарям много раз за помощию, жившим в с. Верх. Городках, пользы мне от них не было. Наконец мне пришла мысль дать обещание сходить в Верхотурье поклониться мощам св. прав. Симеона, да и к тому родители мои ранее давали обещание свозить меня к мощам Симеона Праведнаго, но почему-то откладывали»[12]. После того, как крестьянин дал обет, нога его стала лучше и постепенно он смог ходить без помощи костылей. Благополучно вернувшись из паломничества, И.Н. Бушуев дал обет установить в своем селе обычай ежегодного празднования дня перенесения мощей Симеона Верхотурского. Благодаря его стараниям и не без определенных препятствий со стороны приходских властей, с 1854 г. каждый год 12 сентября в Нижне-Чусовских городках в память святого совершался крестный ход. По сообщениям Пермских епархиальных ведомостей, в этот день собиралось от 600 до двух тысяч человек (в зависимости от погоды)[13].

Сам И.Н. Бушуев отметил в предисловии к описанию паломничества в Палестину, что в 1857 г. дал обет посетить святые места Верхотурья. После совершения путешествия «на возвратном пути из Верхатурья поселилась мысль в мою голову, и я объят был каким-то особенным желанием и ревностию видеть гроба Спасителя нашего Иисуса Христа и поклониться всем местам палестинским»[14]. По-видимому, это паломничество подтолкнуло его к мысли совершить поездку на Святую Землю, и в 1858 г. он отправился паломником в Иерусалим к гробу Господню.

В материалах к «Церковно-приходской летописи» записан рассказ Бушуева: «В 1858 году я отправился в Иерусалим, в пути был восемь месяцев. По приходе моем я попросил местный причт к себе в дом с иконами и отслужил благодарный молебен по случаю благополучного возвращения домой. Из Иерусалима я принес флаги от Гроба Господня, а также нес священный огонь от Гроба Господня, но в Саратове он у меня погас, я возвращался обратно в те места, где оставлял огонь, но он весь погас и только горел, как ему передали, всего три дня. Турецкий паспорт я принес с собой, он сейчас у меня хранится»[15]. Эти сведения полностью совпадают с приведенными в самом «Описании». Вернувшись домой, И.Н. Бушуев на свои средства и пожертвования отремонтировал и надстроил бывший дом Строгановых, который с 1859 г. используется как дом для ночлега и приюта странников[16]. Повторная перестройка дома завершилась незадолго до смерти Бушуева, в 1884–1885 гг., причем для ее осуществления ему пришлось обратиться за финансовой помощью к графу А.С. Строганову, княгине Е.Х. Абамелек-Лазаревой и к благотворительным обществам[17].

По воспоминаниям современников, «во время пребывания богомольцев Ив. Ник. заботился, чтобы они не были голодными, поил чаем, кормил обедом, ужином, давал и хлеба на дорогу. Через реку он нанимал от себя перевозчика, которому сам платил, а от богомольцев брать ему не велел»[18].

По-видимому, Бушуев был впечатлен увиденными на Святой Земле традициями гостеприимного приема православных паломников и постарался перенести их на свою малую родину. «Церковно-приходская летопись» содержит даже упоминание случая, когда в 1881 г. Бушуев был посажен на полтора месяца в острог за несогласованный сбор средств и продуктов в пользу нуждающихся богомольцев[19]. «Сердечный привет, ласковое слово, готовый спокойный ночлег, обильная пища — вот чем привлекал, чем встречал и провожал покойный Иван Николаевич каждого странника»[20].

Текст памятника содержит подробное описание маршрута путешествия по дням. Все паломничество заняло 8 месяцев. Путь крестьянина пролегал через Пермь, Казань, Москву и Киев. Из Одессы пароходом вместе с другими «поклонниками» И.Н. Бушуев отплыл в Константинополь. В Палестине паломники посетили Рамлу, Хеврон, Вифлием, Самарию, Севастию, Назарет, Кану Галилейскую, побывали на р. Иордан.

Записи И.Н. Бушуева о посещении святых мест достаточно краткие и носят скорее информативный, нежели эмоциональный характер. Они, преимущественно, содержат дату посещения, описание пути, обстоятельства приема группы паломников и совершенные на месте богослужения. В некоторых случаях автор приводит библейские сюжеты, связанные с посещаемой святыней. Исключение составляет подробнейшее, на несколько листов, описание сошествия благодатного огня в Храме Гроба Господня на пасху 1859 г. Автором также дано описание плана Храма Гроба Господня, однако сам план к рукописи не приложен[21].

Обратное путешествие пролегало отчасти тем же маршрутом: Яффа-Бейрут-Триполи-Александретта-Мерсин-Константинополь. Прибыв в Одессу, путешественники получили назад российские паспорта. Путь на малую родину проходил для И. Н. Бушуева через Крым, где он посетил Евпаторию, Севастополь, Ялту, Феодосию и Керчь, а затем отправился домой по маршруту: Бердянск-Мариуполь-Ейск-Таганрог-Ростов-Новочеркасск-Дубовка-Царицын-Камышин-Саратов-Хвалынск-Симбирск-Казань-Елабуга-Пермь.

Интересно сопоставить сведения из описания И.Н. Бушуева с близкими по времени путешествиями на Святую Землю. Пожалуй, наиболее подходящим для этого памятником является «Книга странствий в Иерусалим и гору Афонскую» иеромонаха Иеронима (Суханова)[22]. Безусловно, описание Иеронима (Суханова) гораздо более обстоятельное и подробное, рукопись содержит сотни зарисовок, сделанных автором во время паломнической поездки. Однако обоих авторов сближает то, что они находились в Иерусалиме одновременно, посещали одни и те же места и были свидетелями одних и тех же событий.

Иероним (Суханов) отправился в Константинополь на пароходе из Одессы 13 сентября 1858 г., а И.Н. Бушуев — 24 января 1859 г. 13 сентября иеромонах в группе из 60 паломников отправился из Яффы верхом в Иерусалим. 8 октября Иероним достиг Иерусалима, И.Н. Бушуев прибыл туда уже в начале марта 1859 г.

Оба паломника встретили Пасху 11 апреля 1859 г. в Иерусалиме и присутствовали на пасхальных богослужениях в Храме Гроба Господня — оба стояли в алтаре. Сравнивая описания пасхальной службы у обоих авторов, отметим, что рассказ И.Н. Бушуева более эмоционален и подробен. В отличие от Иеронима (Суханова) он, по-видимому, не был знаком с традициями и ходом службы в Храме Гроба Господня. По сведениям Иеронима, всего на богослужении было до десяти тысяч человек, «одних русских до 700»[23]. Такие же цифры — десять тысяч молящихся — приводит и Бушуев[24].

Крестьянин Бушуев, как и многие паломники, пустился из Иерусалима в обратный путь вскоре после пасхи, 16 апреля. Иероним задержался в Иерусалиме дольше и был свидетелем визита Великого Князя Константина Николаевича и отправился назад только 11 мая.

«Описание святых Палестин и святого града Иерусалима» сохранилось в рукописи в единственном списке. В конце XIX в. оно было подготовлено к публикации, но в печать не вышло. Текст памятника записан в тетрадку, состоящую из 16 листов с обложкой. Рукопись была сильно повреждена грызунами — по верхнему и нижнему полям первых десяти листов присутствуют значительные утраты бумаги. Помимо этого, сама тетрадка сильно загрязнена — её не раз заливали водой, присутствуют пятна чернил и жира, пробы пера, многие слова затерлись и выцвели. На сегодняшний момент фактические состояние рукописи не позволяет воспроизвести ряд частей текста.

«Описание» написано каллиграфическим курсивом одной манеры, принадлежащем, на наш взгляд, профессиональному писцу. В тексте рукописи присутствует незначительная правка, выполненная тем же почерком. Первый и последний листы памятника представляют собой обложку, на которой сделана запись «Ивана Николаевича Бушуева». Позднее к ней была сделана архивная (?) приписка карандашом: «крестьянина Н. Городка, странствующего в Иерусалим».

После л. 3 в рукопись вложен разворот ещё одного тетрадного листа — черновика (совр. л. 4 и 5), выполненного другим почерком, с многочисленными смысловыми вставками и исправлениями. К нему подшито два небольших листочка (л. 4а, 4б) бумаги, содержащих вставки в текст черновика. Есть основания предположить, что черновые записи и их правка принадлежат Петру Павловичу Серебренникову — об этом свидетельствует сравнение почерка с его дневником 1859 г.[25] По-видимому, он записывал текст И.Н. Бушуева на слух. До поступления на хранение в Отдел рукописей РНБ черновик, по-видимому, не был вложен в основную рукопись, однако хранился рядом. На это указывают несколько иные по форме следы повреждения бумаги грызунами, а также внешнее состояние одного из листов (л. 4), серьезно выгоревшего на солнце. Значительная загрязненность черновика и утраты бумаги не позволяют восстановить все пометы и приписки к тексту, однако благодаря его сохранившимся местам, нам удается воспроизвести текст основной рукописи, утраченный на поврежденных листах. В целом, обе части архивного дела нуждаются в серьезной реставрации.

Для изучения процесса создания памятника необходимо обратиться к сравнению текста сохранившейся части черновика и окончательной редакции. Важно отметить, что писцом текста черновика (предположительно, П.П. Серебренниковым) в нем были произведены многочисленные правки и сделаны пометы, отсылающие к крупным вставкам текста на полях тетради или же на отдельных листах (л. 4а, 4б). Правки делались в несколько этапов, разными чернилами и перьями (на наш взгляд, выделяется, как минимум 3 типа правок). Часто уже исправленные фрагменты

текста вновь зачеркивались и над строками добавлялись новые варианты.

По этой причине для исследования истории создания памятника необходимо провести текстологическое сравнение текста черновика, сделанных в нем исправлений и финальной редакции.

Проведенный анализ нескольких пластов текста черновика показал следующее. Создавая текст «Описания», крестьянин Иван Николаевич Бушуев последовательно вспоминал происходившие с ним события и свои впечатления. Вероятнее всего, он мог опираться на несохранившиеся до нашего времени собственные дневниковые записи или, что более вероятно, приходо-расходную книгу, так как в тексте довольно часто фигурируют точные даты и цены на продукты. Возможно также, что сохранившийся в фонде черновик не был первым, а до него существовал ещё один более ранний вариант памятника. В любом случае, И.Н. Бушуев записывал свои приключения последовательно, приводил прямую речь практически дословно и часто не использовал указательные местоимения, что нередко затрудняет понимание текста. Анализ помет над строкой, соответствующих второму этапу правки, отражает сразу несколько особенностей. Во-первых, Бушуев в некоторых местах корректирует текст и меняет слова в предложениях для упрощения чтения памятника. Более того, работая над стилем «Описания», автор детальнее вспоминал все обстоятельства путешествия. В результате этой работы, он добавил в текст не только мелкие подробности, но и целые эпизоды, а также исправил возникшие ошибки. Творческий подход И.Н. Бушуева к написанию и редактированию текста особенно хорошо отражается в ряде примеров, приведенных нами в *Таблице 1*.

Таблица 1. Первоначальный текст черновика и внесенные в него исправления[26]

Первоначальный текст черновика	Текст черновика с внесенными И.Н. Бушуевым правками
Тут удостоился я быть **в собственном доме** моего владельца графа Строганова, но к нещастию моему в это время не было его дома и со всем семейством, который уезжал в Санкт-Петербург.	Тут удостоился я быть **во всех комнатах собственного дома** моего владельца **Сергия (Александровича — *зачеркнуто)* Григорьевича** графа Строганова, но к нещастию моему в это время не было его дома и со всем семейством, **я бы не приминул заявиться и к нему лично,** который уезжал в Санкт-Петербург.
... происхождении и даже о начальствующих над нами, напр.: **кем зовут, величают и фамилию нашего** главноуправляющ**его.**	... **о** происхождении и даже о начальствующих над нами, напр.: **«Кто у вас главноуправляющий».**

После сего я отправился в Подольский монастырь, из коего по случаю праздника Богояв. Господня был крестный ход на Иордан самим митрополитом... .	После сего я отправился в **трапезу велик. Варвары, потом ходил в** Подольский монастырь, из коего по случаю праздника Богояв. Господня был крестный ход на Иордан **для осв. воды** самим митрополитом... .
... у патриарха главного Кирила **Иерусалимского**, который проживает в Цареграде. Он принял нас благосклонно и всех благословил.	... у патриарха главного Кирила **Константинопольского,** который проживает в **самом** Царьграде. Он принял нас, **посадим на места, угостив кофием, отправил посылку с нами в Иерусалим** и всех благословил.
... ходили кругом церкви с иконами и со свещами.	... ходили кругом церкви с иконами, со свещами **и вербами.**
2-е число марта отправились в Иерусалиме на лошадях с платою по 1 р. 50 коп. серебро с каждаго человека, инаго сообщения пути никакого нет.	2-е число марта отправились в Иерусалиме **с провожатым, данным от самого консула** на лошадях**, а иные на лошаках,** с платою по 1 р. 50 коп. серебро с каждаго человека, инаго сообщения пути никакого нет, **потому что почва земли самая каменистая.**

Большинство внесенных в черновик исправлений попало в текст «Описания», однако, как показало текстологическое сравнение, между черновиком и окончательной версией памятника существовала ещё одна черновая редакция, не дошедшая до настоящего времени. В тексте основной рукописи текст был лучше откорректирован, тщательнее вычитан и, вероятнее всего, подготовлен для последующей публикации. В *Таблице 2* нами приведен ряд разночтений, подтверждающих высказанные выводы.

Таблица 2. Сравнение текста черновика с исправлениями и окончательной редакции памятника[27]

Текст черновика с внесенными изменениями	Текст окончательной редакции «Памятника»
В **13** число отправился через город Пермь.	В **14** число отправился через город Пермь.
Тут удостоился я быть **во всех комнатах собственного дома** моего владельца **Сергия (Александровича —** *зачеркнуто)* **Григорьевича** графа Строганова, но к нещастию**моему** в это время не было его дома и со всем семейством, **я бы не приминул заявиться и к нему лично, который уезжал в Санкт-Петербург.**	В Москве удостоился я быть **во всех комнатах собственнаго дома** моего владельца **Сергия Григорьевича** Строганова, но к несчастию в это время не было его дома и со всем семейством. **Я бы не приминул заявиться к нему лично, поездка его была в Санкт-Петербург.**

Того же дня после обеда я **отправился** в кельи самого митрополита для принятия от него благословения на предстоящий мне путь, и, **действительно** ...	Того же дня после обеда я **ходил** в кельи самого митрополита для принятия от него благословения на предстоящий мне путь, и, **к сердечному удовольствию,** ...
После сего спросил **меня** о моем состоянии и разузнал, что **при мне состоит в наличности денег только** не более 100 руб. серебр. Он пожалел о этом и сказал, **что этого очень мало и недостаточно.** Подумав немного, пошел и вынес мне три золотых по 3 р. серебр.	После сего спросил о моем состоянии и разузнал, что **состоит при мне всех денег** не более 100 руб. серебр. Он пожалел об этом и сказал: **«что очень мало этого и недостаточно на таковый путь».** Потом, подумав немного, пошел и вынес мне три золотых по 3 руб. серебр.

Проведенное текстологическое исследование показало, что работа над памятником велась в несколько этапов. Имеющаяся перед нами рукопись — это готовый к публикации текст, переписанная неустановленным лицом. В её основе лежит несколько черновых редакций памятника, созданных И.Н. Бушуевым при участии, предположительно, П.П. Серебренникова. Сохранившийся отрывок черновика достаточно хорошо отражает один из этапов творческой работы автора. Таким образом, «Описание святых Палестин и святого града Иерусалима» не только предоставляет исследователями новые сведения о путешествиях русских паломников на Святую Землю, но также само по себе является важным памятником мемуарной литературы.

* * *

Публикация текста «Описания» основано на принципах современной археографии в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Для упрощения работы исследователей все общеизвестные сокращения раскрываются в тексте (напр. св. — святой, о. — отец, руб. — рублей, коп. — копеек и т.д.). Как уже упоминалось выше, часть листов рукописи достаточно сильно повреждена, в результате чего имеются значительные утраты текста. В случае, где это представляется возможным, пропущенные фрагменты восстанавливаются нами по тексту черновика или по нашим предположениям и приводятся в издании в квадратных скобках. В ситуации, где текст памятника окончательно утерян, в издании следует троеточие в квадратных скобках.

Публикация текста

(л. 1) **Ивана Никола[евича] Бушуева**[28] //

(л. 2) **Описание святых палестин [...] святаго града Иеруса[лима] поклонником Пермской губерн[ии] [кресть]янином г. графини Строгано[вой] [...] Нижне-Чусовскаго городка Иоанн[ом] [...] Бушуевым в 1859 г[оду].**

Из детства моего будучи не с[амого] крепк[ого] телосложения и слабаго здоровья, постоянно чувствовал боль в голове, расслабление во всех членах и ломату в ногах. В 1857-м году я положил обеща[ние] сходить пешком в город Верхотурье, от места жительства моего в разстоянии не более 300 верст, для поклонения мощам святаго праведна Семиона Верхотурскаго чудотворца, куда я и отправился в числе нескольких человек таковых же поклонников обоего пола. И при помощи Божией мы скоро достигли желаемаго града и в во время пути я почти не почувствовал усталости. Мы пришли в церковь святителя Николая Чудотворца, отслужили молебен с акафистом пред мощами святаго [правед]наго Семиона. Я, многогрешный, удостои[лся] [при]ложиться к мощам св[ятого] праведника, где пробыл четыре дня. Между тем: сходил в село Меркушино, отстоящее от города Верхотурья в 50-ти верстах, где обре[тены] были нетленные мощи святаго правед[-наго], над могилою коего складена каменная // (л. 2 об.) [...] отслужили панихиду, тут я [...] земли[29] и воды истекающей [...] Семиона на благословение в дом[...] [о]братно в город Верхотурье, снова [...] и ещё удостоился приложиться [...] праведника, получил от лампады [...] по поручению приходских священно[служителей] купил списанный акафист святому Пр[...] Семиону для пополнение службы угоднику [...] [п]разденства, отправляемаго при нашей церкви 14-го сентября и особеннаго поминовения усопших в тот же день за ранней литургией и общей панихидой, по особо на то учрежденному синодику, в которой всякий год записывается не менее 150 статей разнаго сословия народа. В память угодника Семиона при нашей церкви написана икона во весь рост с чудотворениями его. На возвратном пути из Верхатурья поселилась мысль в мою голову, и я объят был каким-то особенным желанием и ревностию видеть гроб Спасителя нашего Иисуса Христа и поклониться всем местам палестинским.

По возвращении домой я нимало не медля [об]ъявил свое желание сельскому начальству, [кот]орое донесло Главному Ильинскому правлению, куда я был потребован для личнаго объяснения, и мне наше доброе начальство не отказало в уволь[н]ении, и в тот же час сделано было донесение в [Гу]бернское правление о выдаче мне трехгодичнаго [пас]порта. //

(л. 3) Пермское гражданское Пра[вление] [...] всех нужным сведений, в 12-е чис[ло] [...] выдало мне заграничный паспорт [...] Божия и своих духовных отцов, [...] доме своем молебен в путь [...] сопровождении моей жены и малолет[них] [...] родных и знакомых, простясь [с ними, просил я] всех их не забывать меня в молебнах к Господу.

В 14-е[30] число отправился чрез город Пермь пешком, таким образом достиг города Казани, оттуда отправился в Москву, где встретился неожиданно с своими знакомыми, которых просил я, что при случае известить моих родных о прибытии моем в Москву, от коих узнал я после, что они действительно извещены были о моем прибытии. В Москве удостоился я быть во всех комнатах собственнаго дома моего владельца графа Сергия Григорьевича Строганова, но, к сожалению, в это время не было его дома и со всем семейством. Я бы не преминул заявиться и к нему лично, поездка его была в С.-Петербург. После сего я был в церкви Иоанна Великаго, где удостоился поклониться и приложиться к частицам[31] мощей многих святых, верою и благочестием просиявших во всей Европе, сохраняющихся при оной церкви в особо богато устроенных киотах или ковчегах.

Отсюда я отправился в богоспасаемый град Киев, куда я прибыл 5-го числа генваря поутру, остановился в кельях Киевской Лавры, был в трапезе. Трехкратно удостоился быть в пещерах и видеть мощи всех киевских // (л. 3 об.) [угодников и чудотворцев, и ко] всем Бог сподобил меня, [грешного, прило]житься. При отправке моей из [дома по поручению] местнаго священника, моего ду[ховного отца] разузнать: с каким перстосложе[нием почивают] мощи в Киеве святого Спиридона [Просфорника]? И я, грешный, удостоился видеть [сам лично], что персты его сложены во имя святой Троицы, по православному. О чем я и писал из Одессы своим домашним, чтоб известить о сем моего духовного отца. После сего я отправился в трапезу святой великомученицы Варвары, потом ходил в Подольский монастырь, из коего по случаю праздника Богоявления Господня был крестный ход на Иордан для освещения воды самим митрополитом Киевским в сопровождении всего киевского духовенства. Того же дня после обеда я ходил в келью самаго митрополита для принятия от него благословления на предстоящий мне путь и к сердечному удовольствию удостоился принять его архипастырское благословение, который, благословив меня, приказал сождать немного. Мало погодя прислал мне чрез иеромонаха просфору особенной величины и 60 копеек серебряных денег.

На другой день после сего я отправился в Одессу, куда шел пешком и ехал на волах. При помощи Божией я пришел в Одессу 16-го января 1859 года. По приезде на другой день я заявился к гражданскому губернатору, его сиятельству графу Александру Григорьевичу Строганову, родному брату моего владельца Сергия Григорьевича // (л. 6) Строганова, что ныне военный [московский генерал]-губернатор. Его сиятельство при[нял меня благосклон]

но и ласково, распросил подробно [о моем житель]стве, о происхождении и даже о на[чальствующих] над нами, например: «Кто у вас главноуправляющий». Я отвечал ему, как знаю. После сего спросил о моем состоянии и разузнал, что состоит при мне всех денег не более 100 рублей серебром. Он пожалел об этом и сказал, что очень мало этого и недостаточно на таковый путь. Потом, подумав немного, пошел и вынес мне три золотых по 3 рубля серебром. За что я поклонился ему до земли и благодарил душевно. Потом проводил меня, приказывая зайдти к себе в обратный путь.

В Одессе взяли от нас российские паспорты и выдали нам новые, с приложением печати, на иностранном языке. В Константинополь я отправился Черным морем на параходе 24-го января в 4 часа пополудни, с платою по 20 рубле] серебром с каждаго человека. Не добегая Константинополя, остановились мы в проливе во ожидании дневного света. В Константинополь прибежали 24 часа поутру[32]. 27-го ходили своим караваном, состоящим из 21 человека, в церковь Иоанна Златоустаго, были нас также человек до 10-и у главнаго Константинопольскаго патриарха Кирилла, который проживает в самом Царьграде. Он принял нас милостивно, посадил на места, угостил кофием, отправил посылку с нами в Иерусалим, [...] // (л. 6 об.) [...] для нашивки риз или чего другого [и всех] нас благословил на путь. По[том были] во Влахернском храме Божией [Матери, име]ли счастие пить тут воду, которая протекает источником в самой церкви. Оттуда наняли мы вожатаго за 50 копеек серебром к живоносному источнику. В этом храме есть колодезь, огражденный мраморным камнем. В одну сторону сажень, а в другую полтары сажени, глубиною этот колодец три четверти и на дне видны две живые небольшие рыбки, и якобы эти рыбки живут в нем с того времени, когда Царьград взят был турками. Растоянием сие место от Царяграда в 8-ми верстах. Всего прожили мы в Царьграде четыре дня.

Отправшись из Константинополя на параходе Средиземным морем, 31-го числа января прибежали в город Смирну, пробыли в нем три дни. 2-го февраля в день Сретения Господня ходили мы к литургии в греческую церковь, но только служба совершалась на греческом языке, для нас совершенно не понятном, ходили во время службы кругом церкви с иконами, свечами и вербами. Верба их ни сколь ни похожа на нашу российскую вербу. Того же дня отправились на своем параходе и 3-го числа прибежали в город Хиос. 4-го числа — в Родос, в нем стояли 5-ть часов, оттуда опять побежали в Средиземное море, 6-го числа прибежали в местечко, // (л. 7) называемое Смирна, на пути вид[ели мы остров Кипр], на котором делается лучшее [красное вино]градное вино. На этом самом [острове Лазарь] после воскрешения своего был архиереем. 7-го [числа] прибежали в Александрет, где стояли целый день. 8-го числа пробежали мимо селения Латоки, случилась сильная погода, ветер дул с западной стороны, море волновалось самой большой волной и учинилась сильная зыбь. Параход наш не в состоянии

был противиться ярящим волнам, чуть нас совершенно не залило водою, в проводы на палубах вода не убиралась. До того нас накачало, что на всякого вышла тошнота и рвота и, наконец, были в отчаянии и только ожидали чем кончится, но я по милости Божией пробыл без рвоты, быть может, потому, что на путь этот я запасся небольшим количеством русского вина, и в подобном случае выпивал по маленькой рюмочке. Наконец, ветер потих, море укротилось и параход наш снова принял силу и мы прибежали в селение Триполь. Из Триполя прибежали в город Бирють 9-го числа по вечеру[33], где и ночевали. 10-го числа прибежали в местечко Кайфу, оттуда побежали в Яффу, случилось опять сильная погода, так нигде нельзя было остановиться на якорь, почему прибежали в море по-за остраву Кипру и ходили по морю три дня. 13-го числа прибежали опять в Александрет, где пересадили нас всех на французской пароход, на нем стояли // (л. 7 об.) [два дня]. 15-го числа отправились и 17-го числа [прибежали] в Бирють, где стояли за [погодой до_24]-го числа. Между тем, надобно заме[ти]ть, что эти бусормане, нехристи, черезвычайно притесняли нас в покупке съестных припасов, принуждая покупать оныя дорогою ценою, например: за копеечной калач платить им по 3 копейки серебром. Тут неподалеку от нас прибежал и остановился русский параход, потом сделан был приказ капитаном нашего парахода, чтоб всем русским пересесть на русской параход, отстоящий от французскаго парахода саженях в 30-ти или немногим более. Почему мы тотчас наняли прилучившуюся тут лодку и со всем пересели в оную, человек нас до 10-ти только. Подъезжает к русскому параходу и между тем нас не принимают, а приказывают, чтоб мы отправились в город Бирють к нашему консулу, куда мы и должны были следовать, невзирая на то, что уже находились в крайней опасности, потому что лодка наша была и мала и грузна, но море волновалось опять большой волной, а идти по морю предстояло до берегу не менее 200 сажен. Когда мы плыли вдали от берега, то опасности было менее, чем у самаго берега, потому что вдали волны хотя и были довольно высокие, но пологие, а у самаго берега высокие и крутые, коими не доезжая до берегу нашу малую лодку мгновенно заплеснуло // (л. 8) водою, и в минуту мы очути[лись до колен] в воде. Вторым валом, пос[ле]дующим за первым, нас совершенно залило, и после 3-го вала мы уже были все в воде, но к счастию мы не заметили да и заметить было невозможно, как прибежали на помощь к нам турки и арабы человек до шести, ухватили нашу лодку за нос и край оной. И после ушедшаго вала мы находились в безпамятстве на крепкой земле берега, все до костей промокшие и весь фураж замочившие. Очувствовавшись, мы благодарили своих избавителей и одарили их деньгами. Да спасет их Господь и самих от подобных несчастий. В Бирюте заявились мы к консулу, который лично русскому капитану парохода приказал принять всех русских на его параход, а греки тут остались многие, потому что пароход был в полном грузу

от посажиров. Того же дня мы отправились в Яффу и благополучно достигли своего пристанища в 28-е число. В Яффе остановились мы на подворье близь греческаго монастыря, где приняли нас ласково и отвели комнаты для помещения нашего весьма достатачныя. Потом ходили мы к литургие в греческую церковь, которая, как и в городе Смирне, совершалась на греческом языке, и мы равно и тут ничего не поняли. По окончании службы с дозволения духовенства местнаго, бывший с нами спутником отец Амвросий, имевший с собою крест и св[ященное] Евангелие, // (л. 8 об.) од[елся в свя]щенныя ризы. При пособии других духовных [л]иц, тоже бывших с нами, начали петь святителю и Чудотворцу Николаю молебен на русском языке, чему много обрадовался и народ тутошний, хотя уже и выходивший из церкви. Но когда узнали о намерении, то многие воротились обратно и слушали пение молебна со вниманием.

После сего обратились все мы к консулу, который получил от всех нас паспорты, учинил на оных на греческом языке надписи с приложением консульской печати, выдал оныя обратно, только вытребовал на обратный путь до Одессы тоже по 20 рублей серебром. Вышедши от консула, пошли мы в сады их полюбоваться природою климата, всюду видны были зеленеющиеся разнородныя деревья, прекрасныя цветы, и разныя плодатворныя фруктовыя деревья, коих кисти[34] рделись, преклоняя ветви почти до самой земли, но только другие были еще не совсем зрелые. Преимущественно, пред всеми в большом множестве видны были спеющие лимоны и апельсины, за лучший десяток лимонов платили мы по 5 копеек серебром, а за апельсины еще дешевле.

2-го марта отправились мы в Иерусалим с провожатым, данным от самого консула, по нашему наречию казаком, а по-ихнему — кавасом, верхами на лошадях, а иные — // (л. 9) на лошаках — с платою [по 1 рублю 50 копеек] серебром с человека, иного сообщения пути никакого [нет], потому что почва земли самая каменистая. Того же дня приехали в местечко, именуемое Рамля[35], сходили в церковь великомученика Георгия, в коей видели чудотворный каменный столп, который якобы приложен был царяградской вдавой, бедной женщиной, но за бедностию ея оный и на карабль не был принят, а опущен в море самим победоносцем Георгием, а между тем этот же самый столп изволением божием оказался в этой церкви и сохраняется по днесь в великом почтении у народа.

3-го числа, наконец, Господь сподобил нас узреть и Святый град Иерусалим — тогда сердце наше возрадовашеся радостию велию зело. Доехали в Иерусалиме до Греческаго монастыря, где живет сам Патриарх Иерусалимской. Лишь только появились близь монастыря, то встретили нас радушно, и тотчас отвели комнаты — русским особые и грекам особые же. Немного погодя принесли на подносе изюму и после того подавали всем по чашке кофе, потом пошли к вечерне в греческий храм. После вечерни повестили

всех на трапезу, за коей подавали по чайной чашке вина виноградnаго, на столе подавали кушанья три блюда: суп из овощей огородных с приправой, второе из круп, а третье из маслин белых, хлеб подавали и черный, и белый, и благодарение Богу мы насытились с преизбытком!//

(л. 9 об.) Утро[м отп]равились к утрени, где посадили нас в [особой] комнате, каждаго на особо устроенные для сего лавки, приказали разуться и омывали по колен ноги водою с мылом, при пении какого-то ирмоса на греческом языке. После отирали палотенцем, а в заключение омывающей целовал одну ногу у каждаго поклонника по порядку, впрочем, кроме женщин. После сего служили утреню и также были у литургии. По окончании оной пришли в свои отведенныя квартиры, где снова подавали по чашке кофе, потом пригласили нас обедать, и на стол подаваемы были те же кушанья, какие подаваемы были вечером накануне, просили нас и вином виноградным, и горьким и сладким по чайной чашке. Вечером отправились мы на ночеву в храм ко Гробу Господню, в нем слушали всенощну и раннюю литургию, как и во вчерашний день на русском языке. По окончании службы прикладывались с великим страхом и благоговением прежде к камню, отваленному от Гроба Господня, потом и самому святому Гробу Господа нашего Иисуса, который обложен желтою с красна мраморною крышею, которая заметно, что составлена из двух посредине стычных того же цвета плит. Потом повели нас обозреть все святые места, заключающиеся в самом храме Живоноснаго воскресения Христова, (на что в конце прилагаю при сем план самого храма)[36]. //

(л. 10) 1. Именуемые святые врата, в которые народ входит и исходит. 2. Место турецкой стражи. 3. Снятие со креста и помазание Спасителя. 4. Гроб Мельхиседека. 5. Придел Предтечи Иоанна. 6. Место, где стояла Владычица во время помазания тела Иисусова. 7. Гробы Иосифа и Никодима. 8. Место патриаршеское. 9. Жертвенник главнаго алтаря. 10. Престол того же алтаря. 11. Место патриаршее в святом алтаре. 12. Место, где господь явился Марие Магдалине в виде вертоградаря. 13. Место, где стояла Мария Магдалина. 14. Часть столпа, к которому Спаситель был привязан во время страданий. 15. Место, где узнан крест Христов. 16. Узы Христовы. 17. Придел Богородицы. 18. Придел Логгина Сотника. 19. Придел разделения риз Господних. 20. Придел поругания и наложения терноваго венца на Спасителя. 21. Под стену церкви вниз 49-ть ступеней, при подошве коей придел Святой Елены. 22. Тут же придел благоразумнаго разбойника. 23. Лестница еще вниз на 13 ступеней, где место обретения честнаго креста Господня. Потом вышли опять в церковь, из которой лестница вверх на Голгофу. 24 и 25. На том же положении земли церковь Святой Елены. И во всех приделах сих совершается служба по временам, или же по желанию усердствующих.

Кроме того в том же храме есть до семи олтарей и часовен иных вероисповеданий и даже более. //

(л. 10 об.) Церковь самая занимает пространства в длину до 70 сажен и немногим менее в ширину. Кумпол над Гробом Господним поддерживается 18 колоннами, и над главною церковию поддерживается свод особыми столбами.

В 9-е число марта пошли в Гевсиманию, на пути видели ворота, в которые въезжал Спаситель в град Иерусалим, теперь они закладены. Не доходя до Гевсимании, видели место, где было убиение архидиакона Стефана, потом спустились в пещеру, где церковь и гробница Божией Матери. Тут же гробы Иакима и Анны, Иосифа Обручника и Стефана Архидиакона. Отсюда вошли в пещеру, где служат католики, в ней особеннаго мы ничего не заметили. Потом отправились своим караваном к Гевсиманскому саду, где Спаситель молился пред своим страданием и смертию. Сад этот огражден высокою каменною стеною, но в нею безденежно не впущают. Неподалеку от сего есть местечко, с котораго будто бы смотрела Матерь Божия на все страдания Сына Божия. Тоже неподалеку от сего места показывали то место, где апостолы лежали и спали во время молитвы Спасителя. После сего мы пошли на Малую Галилейскую гору, где Господь по воскресении явился ученикам своим. //

(л. 11) От сего пошли мы на Елеонскую гору, с которой Господь вознесся на небо. Тут еще пещера Святой Пелагии. Отсюда пошли ко гробу Захарии и прочих и пришли в село Скудельничье, где купель Силоамская, вниз под гору до нея много ступень высланных камнем, в ней и по днесь вода, где мы все купались. Неподалеку показывали место, где сидел слепорожденный и просил у Господа прозрения, когда Спаситель брением[37] от плюновения помазал очи его, и сказал: «Иди в купель Силоамскую, умойся и увидишь». Слепорожденный так сделал и узрел. Отсюда отправились мы на Сионскую гору, на пути видели в больших камнях обитающих жителей, у коих пробиты сквозь камень и окна, и двери. На горе неподалеку от жителей видели гроб пророка Исаии, над ним стоит древнее наклоное дерево, для подкрепления опасности от падения подкладены под оное каменья, на этом самом дереве якобы распилен был пророк Исаия. Оттуда на горе видна церковь преподобнаго Онуфрия, которая от времени уже разрушилась. Достигли и горы Сионской, пошли к дому Каифы, близь которого стоит огромный каменный же дом, где была Тайная вечерь, в коей беседовали 12 апостолов. Тут с горы Галилейской в Иерусалимской крепости видна пространная площадь, на средине площади стоит великолепный храм царя Соломона, в нем святая святых. //

(л. 11 об.) С одного боку ко храму пристроена церковь Введения во храм Божией Матери. Только в храмы, как в тот, так и в другой никого не пускают, приставлена большая стража, таковая же стража и в Дом Давидов. Потом отправились мы к дубу Мамврийскому, где Авраам угощал трех странников. На пути видели монастырь Святого пророка Ильи. Пришли в Георгиевской монастырь, в коем хранятся цепи, которыми когда-то закован был великомученик Георгий и конь его, в этом храме путешествующий

вместе с нами отец Амвросий и другие духовные отслужили вечерню, где все и ночевали. Поутру поехали на лошадях верхами, в полдень приехали к дубу Мамврийскому, отслужили под деревом молебен, и после того сделали отдохновение. Я от дуба этаго отрезал три сука толщиною в палец, и во благословение принес домой. Отсюда отправились мы в город Хеврон, где похоронены Авраам, Исаак и Иаков, тут ночевали, потом отправились к прудам и к Дому царя Соломона, от прудов пришли в Вифлеем, где родился Спаситель наш. Оттуда заходили на то место, где пастухи пасли стада свои и слышали от ангелов глас с небеси о рождении Спасителя. Близь этого места видели пещеру в виде церкви.

20-го марта, отправились мы на лошаках, иначе никак не возможно, разве пешком или водою, но последнее и далеко, и весьма дорого, приезжали в село именуемое Рамы. Из Рамов вышло множество жителей, чтобы посмотреть на нас, и духовные // (л. 12) по просьбе нашей тотчас отперли церковь, и с путешествующим с нами отцом Стефаном начали петь молебен Пресвятой Богородице с акафистом, по окончании молебна дозволили нам и ночевать в церкви.

21-го числа приехали мы в город Самарию, где был прежде царствующий град Самарянский, в издоле горы колодезь, в нем множество мелких живых рыбок, на этом самом колодце изволил Спаситель разговаривать с самарянынеей, где мы и ночевали — кто в монастырских кельях, а другие в церкви.

22-го числа. Отправились и того же дня приехали в город Севастию, к дому царя Ирода, были и в темнице, где усечена глава Иоанна Предтечи.

23-го. Отправились в Назарет, на пути видели горы Фавор и Ермон; пришли, а другие приехали в Назарет к ночи, для всех поклонников отвели кельи и угостили ужином. А Владыко Кирилл Иерусалимской, русской, отправлен вслед за нами водою и в полночь прибыл в Назарет. Встретили его все тамошнее и наше духовенство с огнем, фонарями, пушечной пальбой, а на мечете плашками[38]. 24-го числа были в церкви, где служат франки. Тут видели жилище Пресвятыя Владычицы, где благовестил ей Архангел Гавриил зачатие Сына Божия. Тут же была и самая трапеза ея. Неподалеку от того видели место, где Иосиф занимался плотничеством и другими работами.

25-го марта, в Назарете в греческой церкви служил литургию сам Высокопреосвещенный Кирилл на русском и греческом языках // (л. 12 об.) таким образом: один диакон первую ектению сказывал на русском языке, а другой вторую — на греческом. Народу было множество, по окончании сам Владыко раздавал антидор, где и я удостоился получить. Литургию пели на обеих клиросах: на одном по-русски, на другом по-гречески, после службы угостили нас обедом в трапезе.

После обеда ходили мы на гору, где Спаситель искушаем был сатаною, и были там же в той пещере, где Спаситель молился, где и по сие время значатся престол и другие признаки обиталища.

26-го. Отправились в Кану Галилейскую, приехали ко храму, в коем стоят два сосуда мраморныя, в них Господь претворил воду в вино. Также были и на том месте, где Спаситель пятию хлебами насытил пять тысяч народа, где сослужили мы молебен и потом отправились к Тивириадскому морю. Тут превысокая гора, при подошве горы бьет много ключей горячей воды, над коими складен преогромный каменный дом, в нем две мраморные ванны, одна из них в диаметре не менее трех сажен. В ваннах по охлаждении воды мы все купались многократно.

27-го. На Тивериадском море Высокопреосвященный Кирилл изволил сам служить молебен и освящать воду в море...

28-го числа ездили мы на реку Иордан, где выпала она из Тевириадского моря. Тут служил молебен и освящал воду бывший с нами отец Стефан, по освещении воды все купались в ней. //

(л. 13) Я отсюда принес воды домой и вырезал несколько тростей и шестиков для ношения пред иконами флагов Иерусалимских.

29-го. Отправил[ис]ь на Фаворскую гору, где Спаситель преобразился, тут тоже вечером служили всенощну, а утром — молебен.

30-го числа отправились обратно в Иерусалим в числе 150 человек поклонников. 3-го числа апреля по обозрении святых мест снова приехали в град Иерусалим.

10-го числа опять из Иерусалима поехали верхами на лошадях на реку Иордан, где Спаситель наш крестился, куда приехали на солносходе. Оправившись после столь труднаго пути, бывшие с нами отцы освятили воду в р. Иордане, и все купались в ней. Потом поехали обратно, на пути заходили на то место, где Спаситель молился 40 дней и 40 нощей. Прежде сего был тут монастырь, но ныне оный разрушился.

10-го числа с реки Иордана обратились во Иерусалим в великую пятницу.

11-го числа. В великую субботу в 2 часа пополудни я многогрешный удостоился получить снишедший с небеси на Гроб Господень огонь благодатный. Вся церковь Воскресения Христова и все ярусы ея наполнены были народом, ожидающим благодатнаго огня, я успел занять место в главном алтаре и старался сколь возможно усмотреть все происходящее. Огонь был весь прекращен во всей церкви, кроме часовни (в боку) церкви, принадлежащей франкам. //

(л. 13 об.) В это время по-нашему бы должна существовать глухая тишина, но здесь совершенно напротив: арабы кричали во весь рот и делали разныя кривлянья и рукоплескания, я не понимал, к чему это относилось. В 2 часа ровно Мелетий патриарх Греческий облачился в полное белое облачение в главном олтаре, и с ним 12-ть священников и два диакона — все в белых ризах — пошли с иконами к часовне Гроба Господня, обошли оную с 6-ю хоругвями и всеми иконами, с пением на греческом языке «Воскресение твое, Христе Спасе...» обошли кругом три раза. В это время

часовня ко Гробу Господню была заперта и запечатана турками и армянами, которые после сего разоблачивши и обыскав всего Мелетия патриарха, сняв даже и рясу, оставили в одном только белом подряснике. Потом распечатали часовню, отперли дверь и впустили в оную одного (митрополита) Мелетия, а диакон остался вне часовни, а прочие священники ушли с иконами в главный алтарь. Не прошло и пяти минут после возвращения священников, как арабы снова закричали более и сильнее прежняго, в церкви застучали в доски и забряцали в железки, особо на то утроенные вместо колокольнаго звона, заиграли в органы, потому что колоколов у них вовсе нет. Внезапно выбегает диакон от часовни Гроба Господня, неся пред собою благодатный огонь в железном фонаре, спешно пробирается сквозь народ к главному алтарю и предает оный ожидавшим тут архиереям и всему священному собору, и от них уже получают // (л. 14) и все прочие. И в одну минуту осветился весь храм страшным и ужасным пламенем благодатнаго огня. Потому что от каждаго поклонника было загатовлено прежде по два и по три пука, содержащих в себе по 33 восковых свечи. По большому стечению народа, в церкви коего было, как я узнал после, не менее 10 000 человек, и действительно огонь так в руках разгорелся, что страшно и опасно было стоять в церкви[39]. И вдруг учинился шум: «Тушите, тушите, тушите огонь». И огонь был прекращен особо приготовленной на это хлопчатой бумагой, и в это самое время представилась картина дивноразительная: из часовни от Гроба Господня выходит патриарх Мелетий в белом подряснике с распущенными белыми как лунь волосами, держа в обеих руках по пуку зазженых свеч, быстро несется по церкви, проходит народом и стремится в главный алтарь. Арабы стараются всеми мерами как будто схватить его, кричат, бьют в ладони, но маститый старец, нимало не останавливаясь, в минуту влетел в святой алтарь и стал на свое место, где диакон стоял с первым огнем. Потом начали получать из рук Преосвященнейшаго снова благодатный огонь и снова освятился весь храм Божественным огнем. После сего мало-помалу начал прекращаться огонь и все присутствовавшие начали выходить из церкви, тем и кончилось. //

(л. 14 об.) Я же многогрешный пожелал взять этого благодатного огня в свое отечество, который получил из рук самого Преосвещеннейшаго, спешил с оным на квартиру сколь возможно скорее, дабы возжечь лампы в фонаре, на то заблаговременно устроенном, с коим я после и последовал в свое отечество. Несколько погодя, подкрепив себя пищею, мы все отправились в церковь Воскресения Христова, где провели всю ночь без сна. Не могу определить времени, во сколько часов начали бить в доску пред утреней и после того, немного погодя, заиграли на органе и вскоре за сим началась утреня.

Сам патриарх Кирилл Константинопольский, прибывший в град Иерусалиме на святую Пасху, облачился во всепресветлейший сан. Также и Мелетий Иерусалимский, и владыка Кирилл Российский и прочие числом семь,

а чернаго и белаго духовенства, одетаго в одинаковое облачение, было насчитано мною только на одной стороне стоящих более семидесяти седми человек, кроме того протодиакон и пять диаконов. Но всех же в подробности перечесть было невозможно за теснотою стоящаго в церкви народа, потом с крестами, хоругвями и святыми иконами обошли кругом главной греческой церкви и самую часовню Гроба Господня с пением на греческом языке «Воскресение твое, Христе Спасе!» Когда обошли всю церковь, и патриарх Кирилл остановился перед Гробом Господнем и запел по-гречески: // (л. 15) «Христос воскресе из мертвых!» Это мы поняли чрез повертывание хоругвей, о чем предуведомлены были мы предварительно. Мало погодя, возвратились все в главный алтарь, и последовало продолжение утрени, за коей, наверное, пет был и этот тропарь: «Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша к тебе яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословящия Христа во веки». По окончании утрени и самая литургия совершена была без расхода. После литургии патриархи Кирилл Константинопольский, Мелетий Иерусалимский и Кирилл российской епископ и прочие архиереи, а быть может, и архимандриты, коих числом, как и выше сказано, седмь человек, вышли из святого алтаря и каждый нес в руках или крест напрестольный, или священное Евангелие и возсели все на одном поставленном для того на амвоне перед[40] образом Спасителя богато убранном диване. И все люди, бывшие в церкви, приходили без всякаго замешательства и прикладывались к держащим ими святым крестам и Евангелиям, но уста не целовали по обычаю нашему, а только каждый отходил с поклоном и после сего выходили из церкви и шли каждый в свой дом или свою квартиру.

Но в самую же Святую Пасху служба в прочих церквах Иерусалима нигде не совершалась, а во второй день служба была уже совершена и самые двери церковные, как в храм Воскресения Христова, так и в других церквах не запирались во // (л. 15 об.) всю Светлую седмицу, а в иное время двери церковные всегда бывают заперты, особенно в храме Воскресения Христова и самые ключи бывают у стражей турецких.

В четверг Светлой недели, т. е. накануне моего отбытия в свое отечество, я взял фонарь с благодатным огнем и ходил к Патриарху Мелетию для принятия благословения на обратный путь, который удостоил меня своим благословением и подарил из рук своих два крашеных яичка, за что я поклонился ему до земли.

16-го числа апреля, в пятницу Светлой недели мы помолились Господу, благодарили искренно, что Господь удостоил нас грешных видеть Гроб Христа Спасителя и поклониться всем святым местам, отправились обратно из Иерусалима. Я нес с собою фонарь с благодатным огнем. На другой день прибыли в Яффу, где прожили в ожидании парохода до 22 дня. Того же дня отправились на пароходе в Кайфу в числе 60 поклонников, куда прибыли на другой день. Того же дня отправились и 24-го числа прибыли в город

Бирють, из Бирютя прибежали в город Триполь. Из Триполя 26-го числа прибежали в Александрет, оттуда — в Мерсин, из Мерсина — в Недос. На пути видели на море архипелаг — три острова, на одном из островов видна была церковь, где жил в заточении Иоанн Богослов. //

(л. 16) От сего места все следовали Черным морем по 35-ти верст в час при благополучной погоде. Наконец, прибежали в Константинополь, тут пробыли мы три дня и отправились из онаго в Николаев день, т. е. 9-го маия.

11-го числа прибежали в г. Одессу, теперь благодарение господу, опять достигли своей границы и родной земли. В Одессе я первою обязанностию счел явиться к Преосвященнейшему Владыке, но только не застал его дома, который уезжал по обозрении епархии. Эконом Архиерейскаго дома принял меня как нельзя лучше, угостил чаем и поставил для меня трапезу, потом получил от меня с душевным радушием огня благодатного, чему последовали и прочие сожители монастыря его.

После того я явился к своему благодетелю графу Строганову, который, увидав меня, дивился скорому моему возвращению. Между тем я доложил ему, что имею при себе благодатный огонь, он просил меня сообщить ему огня. Я с удовольствием исполнил его желание, и тотчас же огонь засветился на лампаде пред святыми его иконами. Потом я поднес его сиятельству вынятую в Иерусалиме заздравную просфору, которую он удостоил принять от меня и благодарил за оную, а вдобавок подарил меня тремя рублями.

В Одессе нам выдали российские паспорта обратно, а иностранные взяли к себе, но я по особой просьбе удержал оный при себе и принес домой. //

(л. 16 об.) Всего в Одессе мы прожили до 14-го числа, отправились из оной и 15-го числа, прибежали в г. Лабаторию[41]. Того же дня отправились в разрушенный Севастополь и действительно разрушенный, куда ни посмотришь — везде видны следы разрушения развалившихся зданий, всюду видны груды валяющихся ядер, картечь и обломков бомб, мы и ночевали в нем. Поутру отслужили панихиду о всех воинах, за веру и отечество на брани убиенных.

16-го числа из Севастополя отправились на параходе, прибежали в город Альту[42], из Альты — в г. Федосиев, из Федосиева — в Керчь. Тут пересели на другой пароход и отправились Азовским морем. 20-го числа прибежали в г. Брянск[43], из Брянска — в г. Мариуполь, из Мариуполя — в г. Ейск, из Ейска — в гор. Таганрог, из Таганрога — в г. Ростов, из Ростова отправились пешком. 26-го пришли в Новочеркаск, оттуда до Дубовки шли пешком и ехали на волах больше до 500 верст. Июня 7-го числа прибыли в г. Дубовку, из Дубовки вниз по р. Волге — в г. Царицын, из Царицына отправились на пароходе 11-го числа, прибежали в г. Камышин, из Камышина — в г. Саратов. В Саратове постиг меня гнев Божий. То ли волею Божиею или попущением злаго человека сверх всякаго чаяния погас у меня в фонаре огонь благодатный, за которым я после сего возвращался назад за 200 верст, но к несчастию не мог отыскать его нигде, // (л. 17) хотя и давал оный во время пути на многие руки, но нигде

огонь этот не существовал более трех суток, как я узнал после. Видно так богу изволившу! После розыскания огня снова возвратился я в Саратов с унылою и преисполненною скорби душою.

26-го июня из Саратова я отправился на пароходе и 26-го же прибежали в г. Хвалынск, из Хвалынска 29 прибежали в Самарскую губернию. 1-го числа июля прибежали в Симбирск, а 4-го прибежали на устье реки Камы и того же дня прибыли в г. Казань, из Казани на пароходе отправились вверх по р. Каме. 10-го числа прибыли в Елабугу, из Елабуги прибежали 17-го числа в г. Пермь, где я увиделся с своими приятелями и знакомыми, и своими иерусалимскими гостинцами поделился с ними[44] сколько мог. Но много жалел, что преосвященнейшаго Неофита в это время не было дома, который уезжал по обозрении епархии. Но во всяком случае не премину заявиться к Владыке, как для принятия благословения, так и для испрошения (благословения) разрешения на употребление вещей, принесенных мною из града Иерусалима. У коего я и в передний путь был за благословением и получил от него на дорогу денег.

Из города Перми я отправился 18 числа, а домой, благодарение богу, прибыл 19 числа в 3 часа пополудни. Не дошед домой при колокольном звоне, сложил с плеч своих ношу, удостоился // (л. 17 об.) в числе прочих богомольцев встретить при крестном ходе святые иконы, приносимыя всякий год из приходских часовен накануне дня святого пророка Илии, где помолившись пришли со святыми иконами в церковь, в коей выслушали вечерню. И после того я был встречен и приветствован своими друзьями и знакомыми с душевным радушием и слезами радости на глазах, как у меня самаго, так и у всех окружающих меня.

На другой день моего приезда я просил своих духовных отцов в дом со святыми иконами и отслужил благодарный Господу Богу молебен с коленопреклонением и, слава Создателю, совершилось мое желание! Но об одном паче всего скорблю и сердечно сожалею, что не удостоился многогрешный донести благодатного огня в свою родину — видно Богу так изволившу!

После сего к вам, любезные читатели, обращаюсь и прошу вас всепокорно не взыскать на мне, что ежели я чего и допустил, быть может, не совсем согласно с описаниями других поклонников, то это потому, что я человек совсем малограмотный и путешествие мое к святым местам было еще в первый раз. К тому же оное продолжалось только девять месяцев, и в такое короткое время я не мог ничего хорошо высмотреть, а другого даже и сам не понял или наведен был другими, мало понимающими. // (л. 18) Сверх того, я не знал, где и к какому предмету следовало обратиться прежде всего, в тех местах, где я был нарочно и заходил мимоходом. А все слышанное от других и виденное самим лично, передаю вам с тем, чтобы описание мое доставило вам удовольствие во спасение душ ваших.

Аминь.

Черновая часть

(л. 5) [зна]комых, простясь с ними, просил[45] всех их не забывать меня в молитвах ко Господу. В 13 число отправился через город Пермь пеш[46]. // (л. 4а) Достиг г. Казани, откуда отправился я [в] Москву, где встретился неожиданно со своими знакомыми[47], которых просил я, чтоб при случае известить моих родных о прибытии моем в Москву, от коих узнал я после, что они действительно извещены были о моем прибытии. Тут удостоился я быть во[48]собственнаго дома моего владельца[49] графа Строганова, но к нещастию моему в это время не было его дома и со всем семейством,[50] который уезжал в Санкт-Петербург. После сего был я в церкви Иоанн-Великого, где удостоился поклониться и приложиться к частицам[51] многих святых, верою и благочестием просиявших во всей Европе, сохраняющихся при оной церкви в особо устроенных киотех. Отсюда я отправился в богоспасаемый град Киев, куда и прибыл 5 числа генваря поутру, остановился[52] в трапезе[53].Трократно удостоился[54] видеть мощи всех киевских угодников и чудотворцев, и ко всем Бог сподобил меня, грешнаго, // (л. 4а об.) приложиться. По поручению[55] при отправке моей из дому местнаго священника моего духовнаго отца разузнать: с каким перстосложением почивают мощи[56] святого Спиридона Просфорника? И я удостоился видеть сам лично, что персты его сложены во имя святой Троицы по православному, о чем я и писал из Одессы своим домашним, чтобы известить о сем моего отца духовнаго. После сего я отправился[57] в Подольский монастырь, из коего по случаю праздника Богоявления Господня был крестный ход на Иордан[58] самим митрополитом киевским в сопровождении всего киевского[59] духовенства. Того же дня после обеда я отправился в кельи[60] митрополита для принятия от него благословения на предстоящей мне путь, и действительно удостоился принять его архипастырское благословение,[61] благословив меня, приказал сождать несколько, мало погодя прислал мне чрез иеромонаха просфору особенной величины и 60 копеек серебряных денег. На другой день после его я отправился в Одессу, куда шел пешком и ехал[62] на волах[63]. // (л. 5) При помощи Божией я пришел в Одессу 16 генваря 1859 года[64]. // (л. 4б)[65] На другой день моего приезда в Одессу заявился я к[66] губернатору его сиятельству графу Александру Григорьевичу Строганову, родному брату моего владельца Сергия Григорьевича Строганова, что ныне московский генерал-губернатор. Его сиятельство принял меня благосклонно и ласково, распросил подробно о моем жительстве, [67]о происхождении и даже о начальствующих над нами, например[68] кто у вас[69] главноуправляющий. Я отвечал ему, как знал[70]. После сего спросил меня о моем состоянии и разузнал, что при мне состоит в наличности денег только не более 100 рублей серебром. Он пожалел о этом // (л. 4б об.) и сказал, что этого очень мало и недостаточно.[71]пошел и вынес мне три золотых по 3 рубля серебром, за что я поклонился ему до земли и благодарил душевно, [72]потом проводил меня, приказывая зайдти к себе в обратный путь. //

(л. 5) Из Одессы[73] на пароходе[74] я отправился[75] 24 генваря в 4 часа по полудни[76]. [77] прибежали 26 числа по утру[78]. 27 ходили со своим кораваном, состоящим из 21 человека обоего пола, в церковь Иоанна Златоустаго, были также[79] и у патриарха главного[80]Кирила Константинопольского[81], который проживает[82]Цареграде. Он принял нас[83] и всех благословил. Потом были во Влахерн[84] Божией матери, имели счастие пить[85] воду[86]. Оттуда наняли вожатаго за 50 копеек серебром к живоносному источнику. В этом храме коледезь огражден мраморным камнем, в одну сторону сажень, а в другую — полторы, глубина воды в нем три четверти и в том[87] колодце видны[88] две живыя рыбки, и якобы эти рыбки живут в нем от того времени, когда Царьград взят был турками. Растоянием сие место от Царяграда в 8 верстах. Прожили мы в Цареграде всего 4 дни. 31 генваря прибежали на пароходе в город Смирну, стояли в нем 3 дня. 2 дня февраля в день Сретения Господня ходили мы к литургие в греческую церковь, служба была довольно хорошая, но только на греческом языке,[89] для нас совершенно непонятна, ходили кругом церкви с иконами[90], со свещами[91]. 3 числа прибежали в Хиос. 4 числа прибежали в город Родос, стояли в нем [...], оттуда побежали[92] в Средиземное море. //

(л. 5 об.) 6 числа прибежали в местечко Мирсину, на пути видели мы остров Кипр, на котором делается лучшаго сорта красное виноградное вино, [93] где Лазарь после воскресения своего был архиереем. 7 числа прибежали в местечькоАлександрет, где стояли один день. 8 числа пробежали мимо селения Латохи и того же числа прибежали в селение Триполь.

9 числа поутру прибежали в город Бирють, где и ночевали.

10 числа в полдень прибежали в местечко Кайфу, оттуда побежали в Явфу. Случалась сильная погода, нельзя было даже[94] и остановиться[95], почему пробежали в море по-за острову Кипру и ходили по морю три дни. 13 числа прибежали опять в Александрет. Тут пересадили нас на французской пароход, на коем стояли два дни. 15 отправились. Прибежали 17 опять в Бирють, где стояли за погодой до 24. Между тем,[96] надобно заметить, что эти бусурмане нехристи чрезвычайно притесняли нас в покупке съестных припасов, заставляя покупать оные у них на параходе дорогою ценою. Например за 1 копеечный калач плотить им по 3 копейки. [97] Потом[98] на руской пароход, называемый Александром[99].

В Явфе остановились мы на подворье близ монастыря, где приняли нас ласково, отвели комнаты для помещения нашего весьма достаточные. Потом ходили мы к литургие в греческую церковь, которая, к сожалению, совершалась на греческом языке[100], и мы ничего понять не могли. По окончании [... литу]ргии с дозволения местнаго[101] духовенства, оделся в свящ[енические] ... нами спутником священник отец Амвросий[102] и другие духовные // (л. 4) лица отслужили молебен на руском языке, чему много обрадовался народ тутошний, хотя уже и выходивший из церкви,

но узнавший о новом намерении нашем, многие воротились обратно и слушали пение молебна с вниманием. После сего обратились мы все к консулу, который получил от нас паспорты, учинил на оных надпись с приложением консульской печати, выдал[103] обратно, только вытребовал от всех и на обратный путь до Одессы[104] по 20 рублей серебром. Вышедши от консула, пошли мы в сады их полюбоваться природою[105] , всюду видны были зеленеющиеся разнородные деревья и цветы и разныя плодотворныя фрукты[106], но только[107] еще не совсем зрелыя, преимущественно[108] видны были спеющие лимоны и апильсины, за лучший десяток лимонов плотили мы по 5 копеек, а апильсины ещё и дешевлее.

2-е числа марта мы отправились в Иерусалим[109] верхом на лошадях,[110] с платою по 1 рублю 50 копеек серебром с каждого человека, инаго сообщения пути никакого нет[111]. Того же дня приехали в местечко, именуемое Рамы, сходили к вечерне в церковь великомученика Георгия, в коей видели чудотворный столп, который[112] приложен был цареградской вдовой, женщиной беднаго состояния, почему оный не был принят и на корабль, а опущен в море самим Победоносцем Георгием, а между тем этот же самый столп изволением Божьим оказался в этой церкви и сохраняется[113] в великом почтении[114].

3-го числа, наконец, Господь сподобил нас узреть и святой град Иерусалим,[115] сердце наше возрадовашеся радостию велию зело. Доехали до греческаго монастыря, где живет[116] патриарх[117] Иерусалимский,[118] отвели в комнату, особую руским поклонником, прине[сли закуску] на подносе изюму, и после того подали по ча[шке ...] // (л. 4 об.) сахару[119], пошли к вечерне в[120] храм, после вечерни повестили[121] всех нас на трапезу, за коей подносили[122] по чашке чайной[123] вина виограднаго. Подавали за ужином[124] три блюда, два состоящие из круп, а третие — из маслин, с белым хлебом, и благодарение Богу мы насытились с преизбытком.

[125] Утром на другой день отправились к утренне перед обедом, где посадили нас каждого на особо устроенные[126] для сего лавки, приказали разуться и омыли по колен ноги у каждого по порядку водою с мылом, отерли оныя полотенцем и в заключение омывающий целовал[127] одну ногу[128], впрочем умовение ног производилось только с одним мужеским полом[129]. После сего слушали утренню и также были у литургии. По окончанию службы пришли в свои отведенные квартиры[130], навещены были на трапезу обедать, и почти те же кушанья подавали на стол, какия были подаваны и вечером[131]. Вечером на ночеву отправились во храм ко гробу Господню,[132] слушали всенощну и раннюю литургию, после коей прикладывались[133].

В 9 число марта пошли[134] в Гевсиманию. На пути видели ворота, в которые Спаситель въезжал на осляти во град Иерусалим, но теперь они заложены[135]. [136] не доходя, видели[137] убиение архидиакона Стефана, потом спущались в пещеру, где церковь и гробница Божией матери, тут же гробы Иоакима и Анны, Иосифа Обручника и святаго Стефана Архидиакона.

Отсюда вошли в пещеру, где служат католики, в ней особеннаго ничего не видели. Потом отправились со своим карованом в[138] сад, где молился Спаситель перед своим страданием и смертью. [Сад э]тот огражден каменной стеной[139]. Неподалеку от сего места [... ма]терь Божия сидела и смотрела на все[140] страд[ала ... с]воего и Бога нашего.

1 Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 37. Оп. 1. Д.35б. Л. 219 об. (Метрическая книга Вознесенской церкви. 1815 г.) Опубликовано: https://pokolenia.permkrai.ru/records/view/201671.

2 ОР РНБ. Ф. 692. Д. 61. Л. 30.

3 Там же. Л. 29.

4 ОР РНБ. Ф. 692. Д. 135.

5 Справочная книга всех окончивших курс Пермской духовной семинарии / Сост. *И. Шестаков*. Пермь, 1900. С. 23, 32, 38.

6 ОР РНБ. Ф. 692. Д. 104.

7 Новикова Н. Н. Из истории православных церквей Чусовского района // Пятые районные краеведческие Киреевские чтения. Сост. Л. К. Колосова. Горнозаводск, 2005. С. 30.

8 ОР РНБ. Ф. 692. Д. 61.

9 Там же. Л. 28б.

10 Там же. Л. 28а-28б об.

11 Там же. Л. 31–32, 42–42 об.

12 Там же. Л. 26 об.-27.

13 Попов В. Прошлое и настоящее села Нижне-Чусовских городков, Пермского уезда, по поводу освящения 13 сентября 1892 г. придела во имя св. праведного Симеона, Верхотурского чудотворца: Отд. отт. из Пермских епархиальных ведомостей. Пермь, 1893. С. 4.

14 ОР РНБ. Ф. 692. Д. 135. Л. 1 об.

15 ОР РНБ. Ф. 692. Д. 61. Л. 28.

16 Новикова Н.Н. Из истории православных церквей Чусовского района. С. 31; Быль Чусовских Городков. Под ред. А.И. Воробьева. Екатеринбург, 2000. С. 124.

17 ОР РНБ. Ф. 692. Д. 61. Л. 29; Шерстобитов И.Д. Исторический очерк села Нижне-Чусовских городков. // Пермские губернские ведомости. 1865. 30 июля. № 31. С. 127.

18 ОР РНБ. Ф. 692. Д. 61. Л. 29 об.

19 Там же.

20 Попов В. Прошлое и настоящее села Нижне-Чусовских городков. С. 4.

21 ОР РНБ. Ф. 692. Д. 135. Л. 10.

22 Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в 1858 и 1859 гг. в Иерусалим и гору Афонскую. М., 2014. (Рукопись: НИОР РГБ. Ф. 218. Д. 925.2).

23 Книга странствий ... Иеронима (Суханова). С. 100.

24 ОР РНБ. Ф. 692. Д. 135. Л. 14.

[25] ОР РНБ. Ф. 692. Д. 100.

[26] В таблице жирным шрифтом выделены разночтения. В скобках указываются слова, внесенные И.Н. Бушуевым в текст в виде правок, но впоследствии вычеркнутые.

[27] В таблице жирным шрифтом выделены разночтения. В скобках указываются слова, внесенные И.Н. Бушуевым в текст в виде правок, но впоследствии вычеркнутые.

[28] В ркп. по нижнему полю подпись карандашом: крестьянина Н. городка, странствовавшего в Иерусалим.

[29] В ркп. далее: и воды, зачеркнуто.

[30] В черновике ркп.: В 13 число.

[31] В ркп. написано над строкой.

[32] В черновике ркп.: 26 числа поутру.

[33] В черновике ркп.: поутру.

[34] В ркп. далее зачеркнуто слово, нрзб.

[35] В черновике ркп.: Рамы. Имеется в виду: Рамла.

[36] План к ркп. не приложен.

[37] Брение из плюновения. Для исцеления слепого Господь, по слову Евангелия, плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением его глаза. Интересно, что славянское «брение» не переведено на русский словом «грязь», оставлено «брением».

[38] Имеется в виду: флажками(?)

[39] В ркп. далее несколько слов зачеркнуто, нрзб.

[40] В ркп. написано над строкой, первоначально: месте, зачеркнуто.

[41] Имеется в виду: Евпаторию.

[42] Имеется в виду: Ялту.

[43] Имеется в виду: Бердянск.

[44] В ркп. ними вписано над строкой.

[45] В ркп. далее над строкой: я.

[46] В ркп. далее следует знак вставки, отсылающий к тексту на л. 4а).

[47] В ркп. далее над строкой: откуда я домой, зачеркнуто.

[48] В ркп. далее над строкой: всех комнатах.

[49] В ркп. далее над строкой: Сергия (Александровича — зачеркнуто) Григорьевича.

[50] В ркп. далее над строкой: конечно, я бы не приминул заявиться и к нему лично.

[51] В ркп. далее над строкой: мощей.

[52] В ркп. далее над строкой: в келье Киевской Лавры, был и.

[53] В ркп. далее: святыя великомученицы Варвары, зачеркнуто.

[54] В ркп. далее над строкой: быть в пещерах и.

[55] В ркп. над строкой цифрами указан правильный порядок слов: При отправке моей из дому по поручению местнаго священника моего духовнаго отца.

[56] В ркп. далее над строкой: в Киеве.

[57] В ркп. далее над строкой: в трапезу великомученицы Варвары, потом ходил.

[58] В ркп. далее над строкой: для освящ[ения] воды.

[59] В ркп. написано над строкой, первоначально: градского, зачеркнуто.

[60] В ркп. далее над строкой: самого.

[61] в ркп. далее над строкой: который.
[62] В ркп. далее над строкой: более.
[63] В ркп. написано над строкой, первоначально: лошадях, зачеркнуто.
[64] В ркп. далее знак вставки, текст которой находится на л. 4б-4б об.
[65] В ркп. на л. 4б об. присутствует следующая вставка: В Одессе взяли от нас (российские — в ркп. над строкой) паспорты и выдали нам новые с приложением (консульское — над строкой) печатей.
[66] В ркп. далее над строкой: гражданскому.
[67] В ркп. далее: и, зачеркнуто.
[68] В ркп. далее: как зовут, величают и фамилию нашего, зачеркнуто.
[69] В ркп. написано над строкой.
[70] В ркп. написано над строкой, первоначально: следует, зачеркнуто.
[71] В ркп. далее над строкой: Подумав немного.
[72] В ркп. далее: а, зачеркнуто.
[73] В ркп. далее над строкой: в Константинополь.
[74] В ркп. далее над строкой: в Явфу, зачеркнуто.
[75] В ркп. далее над строкой: морем.
[76] В ркп. далее над строкой: С платою по 20 рублей серебром с каждого человека.
[77] В ркп. далее: в Константинополь, зачеркнуто.
[78] В ркп. далее над строкой: Не добегая до Константинополя (далее со знаком вставки на л. 4б об.) в проливе остановились (мы со своим пароходом — в ркп. над строкой) в ожидании дневного света.
[79] В ркп. далее над строкой: нас человек до 10-ти.
[80] В ркп. над строкой цифрами указан правильный порядок слов: и у главного патриарха Кирилла.
[81] В ркп. написано над строкой, первоначально: Иерусалимского, зачеркнуто.
[82] В ркп. далее: в, зачеркнуто. Далее над строкой: в самом.
[83] В ркп. далее: благосклонно, зачеркнуто. Далее коричневыми чернилами над строкой: посадив на места, угостив кофием, отправил посылку с нами в Иерусалим.
[84] В ркп. далее над строкой: ском храме.
[85] В ркп. далее над строкой: тут.
[86] В ркп. далее: влахерницу, зачернкуто. В ркп. далее над строкой: которая протекает источником в самой церкви.
[87] В ркп. первоначально: этом, зачеркнуто.
[88] В ркп. далее: были, зачеркнуто.
[89] В ркп. далее: но, зачеркнуто. Над строкой: а.
[90] В ркп. далее: и, зачеркнуто.
[91] В ркп. далее над строкой: и вербами.
[92] В ркп. далее над строкой: на пароходе.
[93] В ркп. далее над строкой: и.
[94] В ркп. далее над строкой: нигде.
[95] В ркп. далее над строкой: на якорь.

[96] В ркп. далее: пересадили, зачеркнуто.

[97] В ркп. далее над строкой: тут неподалеку от нас прибежал русский параход.

[98] В ркп. далее: пересадили нас, зачеркнуто. Далее над строкой: здан был приказ капитаном парохода, чтоб.

[99] В ркп. далее: на коем прибежали мы 28 числа в Яффу, зачеркнуто. Далее над строкой: отстоющий от французского парохода саженях в 30. Мы тотчас наняли лодку и со всем в нее пересели, человек нас до 10. [...]хода принять нас всех руских на его пароход, и мы отправились вниз, достигли Явфы.

[100] В ркп. далее над строкой: Так, яко как и в городе Смирне.

[101] В ркп. далее: причта, зачеркнуто.

[102] В ркп. написано под строкой, первоначально: имярек, зачеркнуто.

[103] В ркп. далее над строкой: оные нам.

[104] В ркп. далее над строкой: тоже.

[105] В ркп. далее над строкой: климата.

[106] В ркп. далее над строкой: фруктовыя деревья, коих кисти. Далее знак вставки, текст вставки находится в конце предложения: рделись, преклоняя ветви (оных — зачеркнуто) почти до самой земли.

[107] В ркп. далее над строкой: другие.

[108] В ркп. далее над строкой: в большем множестве.

[109] В ркп. далее над строкой: с провожатым, данным от самого консула, кавасом.

[110] В ркп. далее над строкой: а иные на лошаках.

[111] В ркп. далее над строкой: потому что почва земли самая каменистая.

[112] В ркп. далее над строкой: якобы.

[113] В ркп. далее над строкой: по днесь.

[114] В ркп. далее над строкой: у народа.

[115] В ркп. далее над строкой: возревши оный.

[116] В ркп. далее над строкой: сам.

[117] В ркп. далее над строкой: Российской, зачеркнуто.

[118] В ркп. далее над строкой: заявились в монастырь, где (тотчас — зачеркнуто) встретили нас радушно и тотчас.

[119] В ркп. первоначально: сахаром. Далее над строкой: потом.

[120] В ркп. далее над строкой: греческий.

[121] В ркп. написано над строкой, первоначально: позваны, зачеркнуто.

[122] В ркп. написано над строкой, первоначально: подавали, зачеркнуто.

[123] В ркп. над строкой цифрами указан правильный порядок слов: чайной чашке вина.

[124] В ркп. далее над строкой: на стол.

[125] В ркп. первоначально: Утром (перед обедом на другой день — написано над строкой) же снова опять подавали по чашке кофию, после сего, зачеркнуто.

[126] В ркп. первоначально: изготовленные.

[127] В ркп. далее: одну ногу, зачеркнуто.

[128] В ркп. над словом знак вставки.

[129] В ркп. над словом знак вставки.

130 В ркп. далее над строкой: где снова подавали кофею по чашке, и вскоре (потом снова — зачеркнуто) после сего.

131 В ркп. далее над строкой: и тоже подавали виноградное вино и горькою и сладкаго по [чашке].

132 В ркп. далее над строкой: в нем.

133 В ркп. далее: к 40 святому (мощам — над строкой другими чернилами), все зачеркнуто. Далее со знаком вставки на левом поле: [...] страхом и благоговением, прежде всего к камню, отваленному от г. (Господня — зачеркнуто), потом к св. [...] из желтого и красна мрамора, верхняя крыша (первоначально, крышка), заметно, что составлена из двух стычных плит [...] вст святыя места храма Воскресения Христова, в коем [нрзб.].

134 В ркп. написано над строкой, далее: ходили, зачеркнуто.

135 В ркп. далее: потом пошли в Гефсиманию, зачеркнуто.

136 В ркп. далее над строкой: До Гефсимании.

137 В ркп. далее над строкой: место, где было.

138 В ркп. далее над строкой: Гевсиманский.

139 В ркп. далее над строкой: но в него даром не впущают.

140 В ркп. далее: эти чудеса, зачеркнуто.

Неизвестные письма равноапостольного Николая Японского к архимандриту Антонину (Капустину)*

И.Ю. Смирнова

Для изучения истории российского политического и церковного присутствия на Ближнем Востоке в XIX в. необходимо обращение не только к официальной дипломатической корреспонденции, но и к таким документальным свидетельствам как дневники, письма и воспоминания представителей Русской Церкви и дипломатии, деятельность которых не только определяла конфессионально-дипломатическую ситуацию в свое время, но и заложила серьезный фундамент для будущих поколений. В этой связи неоспоримую ценность имеет эпистолярное наследие архимандрита Антонина (Капустина), еще далеко не полностью известное и изученное.

Публикуемые ниже неизвестные письма святителя Николая Японского к начальнику РДМ в Иерусалиме архимандриту Антонину (Капустину), недавно обнаруженные автором в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины (Ф. XIII. Ед. хр. 1625, 1626), а также дневниковые записи этих выдающихся церковных дипломатов позволяют говорить о существовании тесных связей между двумя Русскими Духовными Миссиями, Японской и Иерусалимской, а также о том, что в период написания этих писем, то есть в конце 1870-х — начале 1880-х гг., обе Миссии, несмотря на свою специфику и удаленность друг от друга, имели схожие проблемы и тенденции развития.

Письма и дневники святителя Николая Японского к архимандриту Антонину свидетельствуют о взаимном уважении и расположении этих выдающихся церковных дипломатов, возникшем уже при первом знакомстве в 1870 г., когда архимандрит Николай (Касаткин), начальник новосозданной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-09-41010.

Японской Духовной Миссии, посетил Иерусалим на обратном пути в Японию, используя морской путь через только что открытый Суэцкий канал. Позже архимандрит Николай особо отмечал «радушие прекрасного кружка русских» и отзывался об отце Антонине не иначе как о человеке «почтеннейшем и добродетельнейшем»[1].

Члены русской колонии в Святом Граде были, в свою очередь, рады обществу молодого миссионера, «украсившего», по словам Антонина, рождественские богослужения в Миссии[2]. В декабрьских записях Антонина за 1870 г. неоднократно упоминаются «долгие и поучительные беседы» с отцом Николаем, однако об их содержании, к большому сожалению, можно только догадываться[3]. Некоторой подсказкой к тому, чему были посвящены беседы двух знаменитых пастырей-миссионеров, могут служить публикуемые ниже письма, написанные епископом Николаем осенью 1880 г., на пути в Японию после вторичного посещения им России и возведения его в сан епископа.

Из первого письма, написанного «на пути из Александрии в Порт Саид» 21 сентября 1880 г., видно, что святитель Николай планировал вторичное посещение Иерусалима. «Пламенно желал я побывать опять в Иерусалиме, — говорится в письме, — поклониться Св. Гробу Господню и поговорить с Вами!»[4] Он даже взял в Москве, у брата о. Антонина протоиерея Платона Ивановича Капустина, посылочку с тем, чтобы передать ее при встрече о. Антонину, однако планам этим не суждено было сбыться — по словам святителя, он «так запоздал в Японию, что совесть не позволила еще продолжить на две недели отсутствие оттуда»[5]. Несмотря на надежду преосвященного Николая «еще раз увидеться с о. Антонином»[6], новой возможности не представилось. О чем святитель хотел поговорить с о. Антонином, из первого письма, к сожалению, не ясно.

Второе письмо было написано месяц спустя, 19 октября 1880 г., уже из Сингапура. Поводом к его написанию послужила оплошность преосвященного Николая, который, передавая посылку в Иерусалим, забыл отправить с ней сопроводительное письмо о. Платона Капустина, что было воспринято им как «указание — не прерывать письменного братского общения» с отцом Антонином[7]. Второе, можно сказать, случайное письмо преосвященного Николая оказалось несколько более информативным и живым. Здесь также затронута тема иерусалимских бесед: «Помню я Ваши благоразумные совет и предостережения *кое о чем*, и *кое в чем* они служат краеугольным камнем моих правил и поступков»[8].

Другим сюжетом, отразившимся в письме, была ситуация в Иерусалиме, а именно — кризис РДМ в Иерусалиме, от разрешения которого зависела не только дальнейшая судьба Миссии и лично отца Антонина, но и будущее русского присутствия, а в целом — и судьба православия в Святой Земле. Святитель Николай пишет: «Меня чрезвычайно занимает: уладилось ли все

в Иерусалиме... Вполне ли отстояли Вы дело Миссии, а с ним и дело всей Арабской Православной Церкви? Ужели в самом деле Греческой Патриархии в Иерусалиме совершенно все равно — будет ли Православие между арабами или нет?» Как замечает святитель Николай, «все это — жгучие вопросы для всякого заграничного миссионера, далеко он или близко от Иерусалима»[9].

Представляется крайне важным выяснить, какие «советы и предостережения» отца Антонина оказались настолько актуальными для главы Японского Миссии, что послужили «краеугольным камнем его правил и поступков», в чем заключался «кризис Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и что объединяло представителей Русской Православной Церкви в разных частях света. Для того, чтобы понять, в каких условиях им приходилось работать этим видным церковным дипломатам, необходимо прояснить и «расшифровать» отмеченные недоговоренности их писем и дневников.

Прежде всего постараемся понять, что общего было между двумя духовными миссиями — Японской и Иерусалимской, которые были учреждены с разными целями и действовали в различных условиях?

Иерусалимская Миссия была учреждена в 1847 г. по инициативе Министерства иностранных дел отнюдь не как «миссионерская», а в качестве церковного представительства Святейшего Синода к Иерусалимскому Патриархату. Однако ее члены были приписаны к МИДу, содержание получали от МИДа и фактически выполняли функции церковно-дипломатического учреждения. Но в 1863 г., после открытия в 1858 г. российского консульства в Иерусалиме и его нестроений с Миссией, Миссия была понижена в статусе и переведена под управление Синода.

При этом, если для Св. Синода и Иерусалимской Миссии она всегда оставалась церковным представительством Синода перед Иерусалимским Патриархатом, то сотрудники дипломатического ведомства были с этим категорически не согласны, утверждая, что «начальник Духовной Миссии не имеет характера представителя Русской Церкви в Иерусалиме»[10], а единственным официальным представителем России в Иерусалиме является российский консул. Подобные расхождения в представлениях о функциях Миссии служили почвой для частых трений и даже серьезных конфликтов между представителями двух ведомств.

При учреждении в 1870 г. Японской Духовной Миссии перед ней были поставлены преимущественно миссионерские задачи. Но субординация двух представительств была отражена в инструкциях — если в первоначальном варианте синодальный инструкции было сказано, что Духовная Миссия «состоит в полном заведывании и распоряжении Святейшего Синода» (§ 1)[11], то позже МИД внес свои коррективы, отметив, что при этом «Духовная Миссия, учрежденная правительством ... будет состоять

под покровительством русского представителя в Японии»[12]. То есть, учитывая иерусалимский опыт, МИД строго соблюдал приоритет дипломатического учреждения над духовным.

Таким образом, для начальников обеих Миссий существовала необходимость выстраивать конструктивные отношения с консулами, что порой бывало нелегко в силу их принадлежности к разным ведомствам и даже сословиям и, соответственно, те и другие могли иметь разные, а порой и симметрично противоположные взгляды на церковные дела. Учитывая, что в Иерусалиме вопрос отношений между РДМ и консульством стоял крайне остро, можно допустить, что этот вопрос мог также быть предметом «предостережений» о. Антонина при встрече с о. Николаем в декабре 1870 г.

Второй предполагаемой темой бесед и «предупреждений» о. Антонина был прозелитизм инославных миссионеров, в том числе среди православных. Обе Миссии действовали бок о бок с инославными миссионерами, известными своей ревностью к делу проповеди и численно значительно превосходившими миссионеров православных. В Святой Земле, Латинский Патриарх Валерга, прибывший в Иерусалим в 1846 г., был воодушевлен идеей «сделать Иерусалим латинским». К концу столетия речь шла уже не только о Святом Граде, а о Ближнем Востоке в целом — так называемое *духовное завоевание Востока*, по мнению стратегов миссионерской политики Римского престола, «составляло предприятие более обширное и прекрасное, чем древние крестовые походы». Аналогичная политика проводилась католиками и на Дальнем Востоке. Так французские миссионеры в Китае своей главной целью называли «обращение в католицизм самого богдыхана»[13].

Великобритания в Святой Земле и на Дальнем Востоке (как и во многих других регионах) проводила целенаправленную наступательную политику, — «создание английской нации посредством перемены религии жителей»[14] в целях усиления британского влияния. Таким, образом конечной целью великих держав было достижение политического влияния. И здесь нельзя не сказать о следующей общей черте Российских Духовных Миссий — их политическом значении.

Когда в 1878 г. был поднят вопрос об отозвании РДМ из Иерусалима, в ее защиту выступили видные государственные деятели, подчеркивая политическую важность духовного представительства на Востоке. Так, в ноябре 1878 г. К. П. Победоносцев писал в Министерство иностранных дел: «Русское влияние на Востоке зависит преимущественно от духовной нашей связи по вере с местным населением, и потому дело здравой политики — дорожить всем тем, что способствует к укреплению этой связи, а Русская Миссия в Иерусалиме, бесспорно, этому способствует». «Это особенно важно, — отмечал будущий обер-прокурор Св. Синода, — ввиду

усилившейся в тех местах католической и протестантской пропаганды, стремящейся всеми способами отвлечь туземное население от православия и от России»[15].

Но аналогичная ситуация наблюдалась и в Японии, а потому и Японская Духовная Миссия, несмотря на ее преимущественно миссионерский характер, также имела важное политическое значение. В частности, в дневнике святителя Николая упоминается о том, что «Петр Андреевич Гильтебрандт, редактор «Древней и новой России» заказал написать о политической важности Миссии в Японии и обещал помочь со статьей»[16].

И действительно, Гильтебрандт написал обширное предисловие к статье святителя Николая, где называл «христианское просвещение Японии» «великим делом»: «Дело это, важное само по себе, — писал он, — имеет для России еще и политическое значение». Отмечая активность инославных миссий, он писал: «Будущее нашего Тихо-Океанского прибрежья много зависит от дружеских связей с Японией, и для нас не может быть безразлично»[17].

Гильтебрандт отмечает (вероятно, со слов Николая Японского) типичные приемы инославных миссионеров, которые, из опасения успехов православной миссии встали на путь интриг и фальсификаций: «Англичане, имеющие несколько своих газет в Японии, идут дальше — систематически и ежедневно клевещут на Россию, распуская разные сплетни и небылицы и запугивая нами японцев». Он привел и тот факт, что «англичане, чтобы запугать японское правительство, сильно преувеличивают число православных, насчитывая их в одном Токио, в столице, 20 000 человек (на самом деле только 1000)»[18].

Чтобы помочь святителю Николаю и поддержать Японскую Миссию, Гильтенбрандт стремился привлечь к ней внимание влиятельных и финансовых кругов Петербурга, убеждая, что деятельность Миссии напрямую касается «высших государственных интересов, интересов будущего, и в будущем не замедлит воздать сторицей как в области чисто-духовной, так и политической»[19].

О том же прямым текстом говорится и в статье самого святителя: «Духовная миссия, преследующая и обязанная преследовать только духовные, а никак не мирские цели, имеет, тем не менее, и важное политическое значение», он считал большим благом для Японии принятие православия — «это несомненно закрепит самую прочную связь между двумя народами, и даст им возможность многие и многие века идти рука об руку во взаимной дружбе, всегда взаимно помогая и охраняя друг друга»[20].

Не может не удивлять тот факт, что вопрос о политическом значении как Иерусалимской, так и Японской Миссий возник фактически синхронно — в сентябре 1879 г. Гильтебрандт заказывает «политическую» статью Николаю Японскому, и одновременно имеет место активная переписка

по поводу необходимости сохранения Иерусалимской РДМ ввиду ее политической значимости для русского влияния на Православном Востоке. В этой связи уместно остановиться на том обстоятельстве, что для обеих Миссий это время (то есть период с 1878 по 1880 год, когда были написаны письма Николая Японского к архимандриту Антонину) было периодом серьезного кризиса, так как решался вопрос об их существовании (к сожалению, это так же было общей чертой обеих Миссий и объединяло их начальников).

Проблемы Японской Миссии были связаны с крайней нехваткой миссионеров и материальных средств, когда возникла огромная задолженность в японском банке. Грозила перспектива прекращения проповеди, закрытия училищ, роспуска учеников и проповедников. Святителя Николая (тогда еще в сане архимандрита) мучил вопрос о дальнейшей судьбе Миссии («что меня ожидает, — писал он митрополиту Исидору, — и что ожидает Японскую Миссию и Церковь?»[21]).

В то же самое время, в конце 1878 г., перед перспективой закрытия оказалась и РДМ в Иерусалиме. Так называемое «дело архимандрита Антонина» возникло в результате очередного обострения межведомственного конфликта между начальником РДМ и российским консулом в Иерусалиме Иларионовым. Одной из главных его причин было недовольство консула независимым положением Миссии. Он утверждал, что в Иерусалиме так называемая «Миссия» не является и не может быть «миссионерской», что она не способна противодействовать инославному прозелитизму среди православных в Палестине. Но, главное, консулу не нравилось, что у него не оказалось возможности осуществлять какой-либо контроль над недвижимой собственностью Миссии в Святой Земле, приобретенной отцом Антонином на частные пожертвования.

Все это заставило консула внушить руководству МИД, что Иерусалимская Миссия как особое (то есть самостоятельное) учреждение не приносит абсолютно никакой пользы, а лишь служит источником вечных проблем и нестроений, а потому ее следует закрыть, оставив взамен лишь церковь при консульстве.

Проект Иларионова был поддержан послом в Константинополе и управляющим Палестинской Комиссей, которые предложили — «для правильного течения дела» — «усилить влияние консульства» с переименованием его в генеральное консульство и подчинив ему церковь при консульстве. 13 марта 1880 г. эти предложения «удостоились Высочайшего одобрения»[22].

И тем не менее, несмотря на последовавшее «Высочайшее одобрение», началась борьба за сохранение РДМ в Иерусалиме, главными деятелями которой явились В. Н. Хитрово, граф Е. В. Путятин и сам архимандрит Антонин. Вопрос о предполагавшемся, а вернее, практически

совершившемся, закрытии Миссии был доведен до сведения императрицы Марии Александровны. В письме к императрице граф Путятин прямо писал, что вопрос об удалении Духовной Миссии из Иерусалима продиктован «нашей дипломацией, к сожалению, мало принимающей во внимание важность религиозных вопросов»[23]. Адмирал дал блестящую характеристику архимандриту Антонину как человека выдающихся нравственных и дипломатических качеств, доказывая, что при отозвании его крайне тяжело будет найти ему достойную замену и что это «разрушительно подействует на окончательное устройство поклоннических приютов в Палестине»[24].

Понимая, что Мария Александровна, постоянная благодетельница Иерусалимской Духовной Миссии и русских учреждений, является последней надеждой для русского присутствия в Святой Земле и лично для Антонина, Путятин писал уже тяжело больной императрице, что лишь от «ее воззрения будет зависеть то, какое направление примет духовное благоустройство в Святой Земле»[25]. И надежда эта оправдала себя в полной мере.

Как позже отметил В. Н. Хитрово, «низведение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме на степень домового священника при русском консуле не удалось лишь случайно, благодаря заступничеству умирающей тогда покойной государыни императрицы»[26].

Собственно этот сюжет и составляет основной контекст писем святителя Николая, проникнутых искренним сочувствием к архимандриту Антонину: «Ваши письма в Петербург в прошлую зиму полны были такой горечи и скорби, что грустно вспомнить»[27]. Из них, как и из дневниковых записей святителя Николая Японского можно видеть, что «дело архимандрита Антонина» неоднократно служило предметом бесед святителя в Петербурге и Москве. Так, после встречи с Путятиным в столице он записал: «Граф зашел ко мне, обещал все содействие; но у него на руках теперь еще дело об Иерусалимской миссии. Что за возмутительное! Хотят закрыть духовную миссию, — чем в корень было бы подрезано все Православие в Палестине. Авось, граф отстоит ее»[28].

И дневниковые записи, и письма святителя свидетельствуют о глубоком понимании и причастности святителя Николая к общему с отцом Антонином делу заграничного духовного присутствия Православной России в мире. Таким образом, новые находки в киевском Институте рукописей позволяют нам лучше понять реальные условия, в которых приходилось действовать (а порой и бороться за сохранение вверенных им Миссий) нашим церковным дипломатам.

Приложение.
Письма архимандрита Николая (Касаткина) к архимандриту Антонину (Капустину).

1.
Письмо епископа Николая (Касаткина) к архимандриту Антонину (Капустину). 21 сентября 1880 г. Порт-Саид[29]

Высокоуважаемый о. Антонин!

Пламенно желал я побывать опять в Иерусалиме, поклониться Св. Гробу Господню и поговорить с Вами![30] Но так запоздал в Японию, что совесть не позволила еще продолжить на две недели отсутствие оттуда. Издали кланяюсь Св[ятой] Земле и шлю сердечный привет Вам, усердно прося помолиться у Гроба Господня, чтобы Господь поскорее просветил язычников светом Евангелия!

Виделся в Москве с Вашим братом, почтеннейшим о. протоиереем Платоном Ивановичем Капустиным[31], получил от него пожертвований для [Японской Духовной] Миссии, много говорили о Вас, при чем мне крайне захотелось видеться с Вами и я почти дал слово снова побыть в Иерусалиме, а о. протоиерей предложил маленькую посылочку для Вас. Посылочку эту препровождаю чрез капитана парохода «Нахимов», предлагавшего ее в Яффу для пересылки в Иерусалим.

Дай Господи еще раз увидеться с Вами на сем свете. Кое-какие советы Ваши глубоко запали мне в душу, и я [сыновне] следую им и благодарю Вас за них. Дай Бог Вам беспечально продолжать Ваше многолюбезное всем истинным христианам служение!

Почтительнейшему Василию Федоровичу Кожевникову[32] и его супруге прошу сказать мой искреннейший привет.

Моему духовному отцу — отцу Вениамину[33] — земно кланяюсь и прошу его святых молитв. Всем у Вас сущих также поклон мой и (Л. 2.) просьба молиться у Гроба Господня о просвещении язычников.

Когда будете писать отцу протоиерею [Платону] в Москву, будьте добры известить его, что посылка получена Вами (что будет получена — я не имею причин сомневаться) и поклониться низенько от меня.

Искреннейше и смиреннейше прошу Ваших святых молитв на Святейшем во всем святом месте.

Глубоко уважающий Вас и душевно преданный Начальник Японской Духовной Миссии

Епископ Николай.
21 сент[ября] 1880,
На пути из Александрии в Порт Саид.

Помета около кляксы: P. S. Прошу извинения! Качает и неудобно писать и сохранять чистоту.

Ф. XIII. Ед. хр. 1625. Л. 1–2об.

2.
Письмо епископа Николая (Касаткина) к архимандриту Антонину (Капустину). Сингапур, 19 октября 1880 г.[34]

Ваше Высокопреподобие
Высокочтимый отец Антонин!

Простите, ради Господа, мою оплошность: отправляя тогда из Александрии посылочку, которую Вы, вероятно, благополучно и давно уже получили, я забыл отправить сопровождавшее ее письмо отца протоиерея Платона Ивановича. Этот новый необходимый повод писать к Вам я принимаю за указание — не прерывать письменного братского общения с Вами, если Вы будете ласковы поддержать его. Нам всегда, мне думается, найдется кое-что сообщить друг другу, кое о чем посоветоваться (т. е. мне собственно попросить Ваших советов, п[отому] ч[то] мне никогда не сделаться таким опытным, как Вы), кое о чем вместе порадоваться или иногда посетовать.

Вот и теперь меня чрезвычайно занимает: уладилось ли все в Иерусалиме с приездом туда Вас[илия] Фед[оровича] Кожевникова, как Вы ожидали того, судя по письмам Вашим к нему в Петербург. Вполне ли отстояли Вы дело Миссии, а с ним и дело всей Арабской Православной Церкви? Ужели в самом деле Греческой Патриархии в Иерусалиме совершенно все равно — будет ли Православие между арабами или нет?

Все это — жгучие вопросы для всякого заграничного миссионера, далеко он или близко от Иерусалима. Помню я Ваши благоразумные совет и предостережения кое о чем, и кое в чем они служат краеугольным камнем моих правил и поступков. Но Вы-то сами — ужели никогда не воспользуетесь Вашею драгоценною опытностию вполне и совершенно свободно ко благу Церкви? Ваши письма в Петербург в прошлую зиму полны были такой горечи и скорби, что грустно вспомнить. Будьте добры, если найдете немножко расположения и минуту досуга, известить о себе хоть в очень коротких строках.

Адрес весьма несложный:
Tokio, Japan.
Right Rev[d] Nicolai,
Chief of the Russian Ecclesiastical Mission
Care of the Russian Imperial Legation.

Василию Федоровичу и его супруге прошу засвидетельствовать глубокое почтение мое. У о. Вениамина прошу отеческих молитв и низко кланяюсь ему. Когда будете писать о. протоиерею, брату Вашему, не забудьте прибавить от меня поклон и благодарность за всю его доброту к Миссии Японской, искренне преданный Вам

Епископ Николай.

Ф. XIII. Ед. хр. 1626. Л. 1–2об.

1 Дневники святителя Николая Японского. Т. 1. Ч. 7. Запись от 1 января 1872 г. // https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Japonskij/dnevniki/7.

2 Дневник архимандрита Антонина (Капустина). Запись от 31 декабря 1870 г.: «Неутомимый гость отправился в Горнюю, а Якуб в дольнюю, се есть на базар закупать всячество для завтрашнего вечера. День прошел в суете. Всенощную украсил собой о. Николай. Вечером долгие беседы с ним».

3 См., например: Бесстремянная Г. . Альфа и Омега. № 48. 2007. С. 334–335.

4 Письмо епископа Николая (Касаткина) к архимандриту Антонину (Капустину). 21 сентября 1880 г. Порт-Саид // Институт Рукописей Национальной Библиотеки Украины им В.И. Вернадского (далее — ИР НБУ). Ф. XIII. Ед. хр. 1625. Л. 1.

5 Там же. Л. 1.

6 Там же. Л. 1об.

7 Письмо епископа Николая (Касаткина) к архимандриту Антонину (Капустину). Сингапур, 19 октября 1880 г. // Там же. Ед. хр. 1626. Л. 1об.

8 Там же. Л. 2.

9 Там же.

10 Копия секретного отношения и. д. товарища министра иностранных дел к обер-прокурору Св. Синода. Санкт-Петербург, 30 июня 1865 г. // ИР НБУ. Ф. XIII. Д. 228. Л. 17.

11 Проект инструкции Российской Духовной Миссии в Японии. 19 июля 1870 г. // Собрание трудов равноапостольного Николая Японского. М., 2018. Т. 1. С. 133.

12 Там же.

13 [*Игнатьев Н. П.*] Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент генерал-адъютантом Н. П. Игнатьевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. СПб., 1895. С. 290.

14 Цит. по: *Барталь И.* Иерусалим в конце османской эпохи: между обновлением и застоем // Иерусалим в веках. Ч. 9. Иерусалим, 1998. С. 41.

15 Письмо К. П. Победоносцева к товарищу министра иностранных дел. С.-Петербург, 3 ноября 1879 г. // Россия в Святой Земле. М., 2017. Т. 2. С. 448–449.

16 Запись от 14 сентября 1879 г. // Дневник святого Николая Японского. СПб., 2004. Т. 1. С. 82.

17 *Гильтебрандт П. А.* Предисловие к статье архимандрита Николая (Касаткина) «Япония и Россия» // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 11. С. 211.

18 Там же. С. 217.

[19] Там же.

[20] Николай (Касаткин), архимандрит. Япония и Россия // Там же. С. 229.

[21] Письмо архимандрита Николая (Касаткина) к Исидору, митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому. Токио, 3 августа 1879 г. // Собрание трудов равноапостольного Николая Японского. М., 2018. Т. 1. С. 351.

[22] Памятная записка по вопросу об упразднении Духовной Миссии в Иерусалиме. С.-Петербург. Без даты и подписи (после 13 марта 1879 г.) // Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 442–443.

[23] Письмо адмирала графа Е. В. Путятина к императрице Марии Александровне. С.-Петербург. 1 июля 1879 г. // Россия в Святой Земле. М., 2017. Т. 2. С. 446–447.

[24] Там же. С. 447.

[25] Там же.

[26] Записка В. Н. Хитрово о Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. С.-Петербург, б.д. [начало 1881 г.] // Там же. С. 474.

[27] Письмо епископа Николая (Касаткина) к архимандриту Антонину (Капустину). Сингапур, 19 октября 1880 г. // ИР НБУ. Ф. XIII. Ед. хр. 1626. Л. 2об.

[28] Дневники святителя Николая Японского. Т. 1. Ч. 8. Запись от 16 сентября 1879 г. // https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Japonskij/dnevniki/8.

[29] Отметка архимандрита Антонина: *Получено: Иерусалим, 24 сентября 1880 г.*

[30] Первая и единственная поездка архимандрита Николая (Касаткина) в Святую Землю состоялась в конце 1870 г.

[31] Капустин Платон Иванович (1815–8.12.1890), протоиерей. Сын священника с. Батурино Шадринского уезда Пермской губернии Ивана Леонтьевича Капустина, брат начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1865–1894 гг. архимандрита Антонина (Капустина. 1817–1894). Окончил Тобольскую духовную семинарию (1836) и Московскую духовную академию (вторым по списку магистром XII-го курса) (1840). По окончании академии назначен профессором в Тобольскую семинарию; с марта 1842 г. — бакалавр философских наук, затем профессор философии, «через два года перешел на кафедру физико-математических наук, к которым питал особенную любовь»; профессор математики и физики МДА. Был женат (с 1850, по другим данным — с 1845 г.) на двоюродной племяннице митрополита Московского Филарета (Дроздова) Марии Яковлевне, дочери двоюродного брата святителя Филарета Якова Васильевича Борисоглебского (в семинарии принял фамилию Платонов как стипендиат митрополита Платона (Левшина). В 1850 г. был рукоположен митрополитом Филаретом (Дроздовым) во священника к церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Бутырках. В 1881–1884 гг. был гласным Московской Государственной Думы. С марта 1886 г. до кончины состоял в сане протоиерея настоятелем церкви св. апостолов Петра и Павла на Басманной ул. Похоронен у алтаря церкви Живоначальной Троицы на Пятницком кладбище.

[32] Кожевников Василий Федорович (1829–1885), дипломат. Сын почетного гражданина; окончил Харьковский университет (1852), с 1852 г. служил в канцеляриях черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернаторов; в 1853–1857 гг. на службе в канцелярии товарища петербургского губернского прокурора, с 1859 г. — в министер-

стве иностранных дел; последовательно занимал должности вице-консула в Фиуме (с 1860 г.), консула в Тернове (1863), консула в Иерусалиме (1866), генконсула в Рущуке (1876), генконсула в Иерусалиме (1880–1885). Агент Российского общества пароходства и торговли (1867–1876). Женат на Любови Емельяновне, урожд. Полынцевой.

[33] Игумен Вениамин (Лукьянов Василий Иванович; 1815–1897), участник Крымской войны (духовник Крестовоздвиженской общины сестер милосердия), с 1846 г. жил в Иерусалиме. С 1870 г. член РДМ. В 1887 г. на собственные и собранные средства создал подворье в Иерусалиме, известное как «Вениаминовское»; в 1891 г. передал его в дар Императорскому Православному Палестинскому Обществу» (см.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Составление, подготовка текста, вступительная статья, комментарии и общая редакция Н.Н. Лисового. М.: Индрик, 2017. Т. 2. С. 565).

[34] Отметка архимандрита Антонина: Получено: Иерусалим, 25 ноября 1880 г.

«Повесть к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» — Малоизвестное описание Святой Земли XVII в.: исследование и текст*

И. В. Федорова

> «Напоминание Святого Духа», о котором говорил Спаситель, состоит не в протокольных подробностях изображения городов и храмов, а в том, что подробности эти передаются духу читателя воздействием благодати Божией».
>
> *Н. Н. Лисовой*[1]

Памятники переводной паломнической литературы Московской Руси хорошо известны науке и являются частью истории отечественной средневековой литературы. Большинство русских переводов описаний Святой Земли, выполненных в форме путеводителя, введены в научный оборот еще в XIX в. и тогда же были опубликованы. Исключение составляют два произведения, сохранившиеся в рукописных списках второй половины XVII–XVIII столетий и до сих пор известные только по заглавиям: их тексты не изучены и не опубликованы. Это памятники, принадлежащие греческой и латинской традициям описания Палестины, — «Повесть к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» и «Топография Палестины» Анзельма Поляка (Краковского).

Настоящая статья посвящена литературной истории русского перевода «Повести к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» и содержит публикацию текста.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-41003 «Святая Земля в малоизвестных паломнических сочинениях XVII–XVIII в. (исследование и тексты)».

* * *

Впервые на памятник под заглавием «Повесть к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» (далее — Повесть) обратил внимание А. С. Норов, работая с одной из рукописей Публичной библиотеки. С этой рукописи специально для библиотеки исследователя была сделана копия.[2] В. Н. Хитрово, опираясь на сообщение А. С. Норова о находке неизвестного описания Палестины, предпринял поиски рукописи, но не нашел ее и предположил, что под указанным заглавием мог сохраниться «вариант путешествия Коробейникова».[3] Немецкий славист К. Зееманн указал три списка Повести: ГИМ, собр. Уварова, № 840-4°, РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 225, РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1535.[4] Сравнительно недавно Н. В. Савельевой был введен в научный оборот еще один список Повести — ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Пинежское собр., № 307.[5] К этим спискам следует добавить еще два — РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1538 и РГАДА, ф. 188 (Рукописное собр. ЦГАДА), № 1347.[6]

Таким образом, сегодня Повесть известна в шести списках последней трети XVII–XVIII в. — ГИМ, собр. Уварова, № 840-4° (далее — *Уваров. 840*),[7] ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Пинежское собр., № 307 (далее — *Пинежский 307*),[8] РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 225 (далее — *ОИДР-225*),[9] РГАДА, ф. 188 (Рукописное собр. ЦГАДА), № 1347 (далее — *РГАДА-1347*),[10] РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1535 и № 1538 (далее — *Погодин. 1535*[11] и *Погодин. 1538*[12]). Сопоставление текста списков убеждает в том, что они сохранили один перевод Повести с греческого оригинала, точно назвать который пока не удается. Между списками есть текстуальные расхождения, позволяющие условно объединить их в две группы. Первая группа — списки *ОИДР-225*, *Пинежский 307*, *Погодин. 1538* и *Уваров. 840* текстуально близки друг другу, поэтому по «старшему» списку будем называть их группой списка *Погодин. 1538*. Список *Погодин. 1535* имеет ряд индивидуальных чтений, на этом основании отнесем его ко второй группе. Для наглядности сопоставим список *Погодин. 1535* со списком *Погодин. 1538*:

Погодин. 1538	Погодин. 1535
1)… всякъ, иже хощет знати о святѣм *гробе и о мѣсте иерусалимском*, идѣже хождаше Господь нашъ Исусъ Христосъ… (Л. 1)	1)…всякъ, иже хощет знати о святѣм *градѣ Иерусалимѣ и окрестных мѣстех его*, идѣже хождаше Господь нашъ Исусъ Христосъ… (Л. 53)
2) …и святии апостоли и пророки, *и прочии святии*… (Л. 1 об.)	2)…и святии апостоли и пророцы…(Там же)
3) «В дому Давидовѣ страх великъ, и индѣ страшная совершаются». (Л. 2)	3) «В дому Давидовѣ страх великъ, *и тамо бо престолу поставлену,* индѣ*же написано*, страшная совершается». (Там же)

4) И тамо *престолъ, или* сѣдалище патриаршее. (Л. 5 об.)	4) И тамо седалище патриаршеское. (Л. 54 об.)
5) Есть же тамо *забой*, иже *в них* забили, *бияху* ноги Христовы. (Л. 6)	5) Есть же тамо *клада*, иже забиваху ноги Христовы… (Там же)
6) …церквица вѣры *италийской, сирѣчь* латынской. (Л. 6 об.)	6) …церквица, вѣра же латынская…(Там же)
7) …слышатъ стукъ *и звук*… (Там же)	7) … слышатъ стукъ… (Там же)
8) И позади святаго олтаря *есть мѣсто, идѣже* раздѣлиша ризы Господу… (Л. 7)	8) И позади святаго олтаря ту раздѣлиша ризы Господни… (Там же)
9) …и тамо стѣнное писмо прекрасно *мусиями, сирѣчь камешками стеклянными*...(Л. 7–7 об.)	9) …и тамо стенное писмо прекрасно *мусиею исписано.* (Л. 55)
10) …горят кандил осмь и никогда угашают ихъ, *но безпрестани* день и нощъ, *масла прибавливают и горятъ неугасающе.* (Л. 8 об.)	10) …горят осмь кандил никогда же *не* угашают, горят день и нощъ. (Там же)
11) Инии же врата двои[13] *храма* на полуденную страну, имать же храмъ той столповъ мраморных шесть и *порфирных* три, *сирѣч* багряных. (Л. 9–9 об.)	11) Ини же двои врата на полуденную страну, имать же храмъ той столповъ мраморных шесть, бѣгряных три. (Л. 55 об.)
12) В той же странѣ, на запад Святаго Гроба, монастырей 16: 1-й — монастырь святаго Иоанна Предтечи, *2-й* — святаго Георгия, *3-й* — святаго Димитрия, *4-й* — святаго Николы, *5-й* — святыя Феклы, *6-й* — святыя Анны, *7-й* — святаго Евфимия, *8-й* — святыя Екатерины, *9-й* — архаггела Михаила, 10-й — Иоанна Богослова, *11-й — Василия Великаго, 12-й* — Стефана Первомученика. В тѣх 12-ти монастырѣх христиане служат и донынѣ, а у иныхъ еретики. (Л. 10 об. – 11)	12) В той же странѣ, на запад Святаго Гроба, 16 монастырей: первый — монастырь святаго Иоанна Предтечи, *потом* святаго Георгия, святаго Димитрия, святаго Николы, святыя Феклы, святыя Анны, святаго Евфимия, святыя Екатерины, архаггела Михаила, десятой — Иоанна Богослова, *святаго* Первомученика Стефана, *святаго Иякова, брата Божия.* В тѣх 12-ти монастырѣх христиане служат и донынѣ, а у иныхъ еретики. (Л. 56)
13) Писанъ же стѣнным писмом весь храм *той* мусиями, *извнутрь и извнѣ.* (Л. 13)	13) Писанъ же стѣннымъ писмом весь храмъ и мусиею. (Л. 56 об.)
14) …дворъ Пилатов и судище, *сирѣчь приказ,* идѣже судили Христа. (Л. 13 об.)	14) …двор Пилатов и судище, идѣже судили Христа. (Л. 57)
15) …Овчая купѣль, глаголема еврейски Вифезда, *а по-гречески — колимвифтра.* (Там же)	15) …Овчая купѣль, глаголема еврѣйски Вифезда. (Там же)
16) Тамо же, *близ его,* ровъ… (Л. 14)	16) Тамо же ровъ… (Там же)
17) И *оттуду мало* домъ Иоанна Богослова… (Л. 14 об.)	17) И *недалѣче ту* домъ Иоанна Богослова… (Там же)

18) …*храмъ*, его же созда Соломон, нарицаемый *Иагиа* Сионъ. (Там же)	18) …*церковь*, его же созда Соломон, нарицаемый *Святый* Сионъ. (Там же)
19) …есть и Гепсимании, идѣже гроб пречистой Богородицы. *И тамо храм Успения пресвятыя Богородицы*. (Л. 17)	19) … есть и Гепсимани, идѣже гроб пречистой Богородицы. (Л. 58)
20) …18 кандил, неугасающих *день и нощь*. (Там же)	20) …18 кандилъ неугасающих. (Там же)[14]
21) …на камени *стопа* Христовы *ноги*, иже напечатася… (Л. 18 об.)	21) …на камени *стопы* Христовы, иже напечатася… (Л. 58 об.)
22) …и оттуду *идет* дорога во Иерихон *на восток* и на Иорданъ. (Л. 20 об.)	22) …и оттуду дорога во Ерихон и на Иорданъ. (Л. 59)
23) …постился *Владыка* Христосъ, *избавитель мира*, 40 дни. (Л. 21)	23) …постился *Исусъ* Христосъ четыренадѣсять днЬй *и четыренадѣсять нощей*. (Там же)
24) ...*сотвори же* тамо *преподобная* постяшись лѣт 47. (Л. 22)	24) И постися тамо 47 лѣтъ. (Л. 59 об.)
25) …и верху *покрова древянаго* покровено свинцом. (Л. 24 об.)	25) …и сверхъ *досковъ* покрыто свинцом. (Л. 60 об.)
26) …монастырь Воздвижение честнаго Креста, строение иверскаго царя *Гургура, сирѣчь* грузинскаго. (Л. 28–28 об.)	26) …монастырь Воздвижение честнаго Креста, строение иверское царя грузинскаго. (Л. 61 об.)

Примеры, на наш взгляд, показательны, но некоторые требуют дополнительного комментария. Так, в списке монастырей (пример № 12) в *Погодин. 1535* назван монастырь «святаго Иякова, брата Божия», отсутствующий в *Погодин. 1538*. Сразу оговоримся, что подобные перечни иерусалимских храмов в греческой традиции становятся «общим» местом для проскинитариев, начиная с XV в., но отличаются вариативностью. Так, церковь Иакова, брата Господня указана в перечне храмов, читающемся в «Поклонении святого града Иерусалима» и через его текст вошла в Хождения Василия Познякова и Трифона Коробейникова (XVI в.).[15] Церковь «Святаго Иакова Богобрата» называет и Проскинитарий Арсенния Каллуди,[16] в котором также указан храм «Небоявленнаго Василия»,[17] в списке *Погодин. 1538* обозначенный как монастырь «Василия Великого», но отсутствующий в *Погодин. 1535*.[18] Поэтому можно полагать, что в архетипе перевода Повести были указаны оба храма — и Василия Великого, и Иакова, брата Господня.[19] А вот церковь Стефана Первомученника, которую называют все списки нашего памятника, в перечне иерусалимских храмов известные на Руси переводы проскинитариев

не учитывают, хотя базилика св. Стефана — крупнейший иерусалимский храм ранневизантийской эпохи — была заложена еще в нач. V в. имп. Евдокией к северу от Дамасских ворот Старого города.[20] Поэтому можно думать, что храм св. Стефана в перечне иерусалимских обителей читался в греческом оригинале нашей Повести.

Вторичность текста *Погодин. 1535*, на наш взгляд, демонстрирует пример № 22: в этом чтении список *Погодин. 1538* точно определяет положение Иерихона относительно Вифании («*на восток*»), о чем сообщают и другие путеводители по Палестине,[21] а в *Погодин. 1535* эта подробность отсутствует. Архетипным чтением следует считать имя грузинского царя «*Гургур*» (пример № 26): так в списке *Погодин. 1538* назван царь Дадиан, строитель монастыря Честного Креста.[22] Такую подробность не знает корпус греческих проскинитариев и русских «хождений», поэтому трудно представить другой источник, которым мог воспользоваться переводчик, кроме текста оригинала. Обратим внимание и на разночтение № 21, где речь идет о стопе Спасителя — камне, расположенном в полу часовни Вознесения на Елеонской горе, с выемкой в форме отпечатка человеческой ступни, почитаемой в традиции как место, с которого вознесся Спаситель. В списке *Погодин. 1538* речь идет об этой выемке («на камени *стопа* Христовы *ноги*»), тогда как в *Погодин. 1535* сказано «на камени *стопы* Христовы». Действительно, еще игумен Даниил в нач. XII в. на елеонском камне видел две выемки, но позже мусульмане вырезали один отпечаток и поместили его в мечеть Ель-Акса,[23] о чем находим сообщение и в проскинитарии нач. XVII в.[24] Однако в нашем случае мы склонны думать, что в списке *Погодин. 1535* допущена описка.

О вторичности текста списка *Погодин. 1535* к списку *Погодин. 1538* свидетельствует и то, что пояснения к греческим словам, помещенные в списке *Погодин. 1538* на поле, в *Погодин. 1535* уже интерполированы в текст:

Погодин. 1538	Погодин. 1535
И есть ревенник* праведнаго Иякова. И от того низши ко Иерусалиму есть Силоамъ колимвифтра.** (Л. 16) **В ркп. на поле* кладезь. ***В ркп. на поле* купѣль.	И есть кладесь-*ровенникъ* праведного Иякова. И от того низши ко Иерусалиму есть Силоамъ, колимвифтра-*купель*. (Л. 57 об.)

Интересный пример в передаче списками текста Повести представляет цитата-компиляция стихов Евангелия от Матфея (23: 37–38, 24: 2). Ср.:

Погодин. 1538	Погодин. 1535
«Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки *и камениемъ побивый посланныя к тебѣ*! Се, оставляется *дом* ваш пустъ, и не останет камень на камени, дондеже не разорится». (Л. 18)	«Иерусалимѣ, Иерусалимѣ, се пророки твоя избивша *и олтари твоя разкопаша*! И се *пославъ к вамъ и град* вашъ оставляется пуст, *иже хощуся душу мою изятию*. И не останѣтся камень на камѣни, дондѣже не разорится». (Л. 58–58 об.)

Если в списке *Погодин. 1538* повествование следует за евангельским текстом, то в списке *Погодин. 1535* цитата распространена стихами Третьей книги Царств (19:10; 14). Однако какой список в этом чтении точнее отразил архетип, пока сказать трудно: оба варианта кажутся равнозначными.[25] Так же трудно решить, как в архетипе начиналась Повесть (пример № 1): в греческой традиции обращение к слушателям или читателям путеводителя имели вариативные начала, схожие с чтениями обоих списков нашей Повести.[26]

Помимо приведенных текстуальных расхождений списков, между ними существуют еще и мелкие разночтения. Так, если в списке *Погодин. 1538* числительные переданы цифирью, то в *Погодин. 1535* числительными: «кандил неугасающих 48» (*Погодин. 1538*, л. 3 об.) — «четыредѣсять осмь» (*Погодин. 1535*, л. 53 об.); «вжигают кандилъ 16» (л. 4) — «кандилъ шестьнадесять» (л. 54); «на 12 столпах желѣзныхъ» — «на двунадесять столпѣх...» (л. 54) и др. Единичные случаи дают обратную картину: в списке *Погодин. 1538* читаем «вжигают четыре кандила» (л. 6 об.), а в *Погодин. 1535* — «вжигают 4 канъдила» (л. 54 об.); «низходитъ тридесять ступеней вдоль» (л. 7) — «сходит 30 ступеней» (л. 55). Отметим и синонимичные чтения списков: «в пору» (*Погодин. 1538*, л. 4 об.) — «во время» (*Погодин. 1535*, л. 54); «во одѣянии» (л. 12) — «во одѣждѣ» (л. 56 об.); «зданиемъ» (л. 28 об.) — «строениемъ» (л. 61 об.), «окрестъ» (л. 28 об.) — «около» (л. 61 об.); «от Иерусалима *пути долгота* 3 дни» (л. 27 об.) — «от Иерусалима *ходу* три дни» (л. 61 об.).

Таким образом, можно думать, что список *Погодин. 1535* и группа списков *Погодин. 1538*, *Пинежский 307*, *Уваров. 840* и *ОИДР-225* восходили к архетипу перевода Повести с греческого языка, который в процессе его бытования в древнерусской книжности претерпел незначительные изменения, направленные на его адаптирование к русской почве. Это видно и на тексте списков *ОИДР-225*, *Пинежский 307* и *Уваров. 840*. Хотя принципиальных текстуальных расхождений между ними не выявлено, однако у каждого списка есть индивидуальные чтения, обнаруживаемые при их сравнении со старшим списком группы *Погодин. 1538*.

К индивидуальным чтениям списка *Уваров. 840* отнесем пропуски в описании Сионской горницы как места, где на апостолов сошел Святой Дух

(Деян. 2:1–4): в списке *Уваров. 840* на л. 116 пропущено чтение «В том же дому сниде Духъ Святый на святыя апостолы» и сообщение «тамо есть темница Христова», характерные для текста *Погодин. 1538* (л. 15–15 об.). Вторичность списка *Уваров. 840* к тексту *Погодин. 1538* демонстрирует еще один пропуск:

Погодин. 1538	Уваров. 840
Имат же и ограду *окрестъ превелию, и во единой странѣ тоя ограды*, на востокъ, четверобашенной город… (Л. 13)	Имат же и ограду на востокъ четверобашенной город… (Л. 115 об. – 116)

Сопоставление списков *Погодин. 1538* со списком *Пинежский 307* обнаруживает их буквальное совпадение, а это позволяет предположить, что последний был либо непосредственно переписан с *Погодин. 1538*, либо с его копии, учитывая временную дистанцию между списками.

Для пары списков *Погодин. 1538* и *ОИДР-225* можно предположить либо аналогичный характер взаимоотношений, либо возвести оба списка к общему протографу. Текстуально списки расходятся незначительно. Показательны маргинальные чтения списка *Погодин. 1538*, которые текст списка *ОИДР-225* либо не учитывает, как в случае с пояснением «верста» к «миле» (см. л. 378–378 об.), дважды читающимся в *Погодин. 1538* на поле лл. 16 об. и 18, и пояснение «купѣль» к слову «колимвифтра», пропущенное в *ОИДР-225*. Показательны для взаимоотношения списков и другие маргинальные чтения списка *Погодин. 1538*:

Погодин. 1538	ОИДР-225
…нарицаемый *Иагиа** Сионъ... (Л. 14 об.)	…нарицаемый *Святый* Сионъ… (Л. 377 об.)
…есть Силоамъ, колимвифтра,** та же и село Скуделниче… (Л. 16)	…есть Силоам, колимвифтра, та же и село Скуделниче… (Л. 378)
…и есть ревенник*** праведнаго Иякова… (Там же)	…и есть кладесь — равенникъ праведнаго Иакова… (Там же)
* *В ркп. на поле* Святый ** *В ркп. на поле* купѣль *** *В ркп. на поле* кладезь	

Различаются списки использованием словоформ: «порфирных три» (*Погодин. 1538*, л. 9 об.) — «порфировы три» (*ОИДР-225*, л. 376 об.). В списке *ОИДР-225* встречаются описки: «пол » (л. 377 об.) вместо «подале»,

как в *Погодин. 1538* (л. 14 об.), инверсионное построение фразы: «Гепсимания же *отстоит от святаго Гроба...*» (*Погодин. 1538*, л. 18) — «Гепсимания же *от святаго же отстоит Гроба*» (*ОИДР-225*, л. 378 об.). Спорадически в списке *ОИДР-225* используются арабские цифры вместо цифири или числительных (см. л. 379–380), однако переписчику не всегда удавалось в таких чтениях правильно передать протограф, что наглядно видно на следующем примере. В списке *Погодин. 1538* сказано, что в прежние времена в Иерусалиме было «всѣх монастырей и церквей *триста шездесят пять*» (л. 11 об.), а в списке *ОИДР-225* указано фантастических «30065» храмов (л. 377), хотя природа ошибки прозрачна: переписчик буквально «перевел» числительные на арабские цифры.[27] Попутно заметим, что в списке *ОИДР-225* цифры в основном переданы числительными, а не цифирью, как в *Погодин. 1538*.

В замене цифири на числительные список *ОИДР-225* обнаруживает близость к списку *Погодин. 1535*, при этом другие индивидуальные чтения этого списка *ОИДР-225* не повторяет. Этот список расходится и с индивидуальными чтениями списка *Уваров. 840*, поэтому прямой текстуальной связи между *Уваров. 840* и *ОИДР-225* не прослеживается. Однако рассматриваемые кодексы — *Уваров. 840*, *ОИДР-225, Погодин. 1535* — близки составом статей,[28] что предполагает наличие между ними опосредованной связи.[29] На материале других памятников, читающихся в наших рукописях и еще в двух кодексах — РНБ, Софийское собр., № 1521 и РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1553 [30] — того же состава, но без нашей Повести, исследователи возводят сборники к одному протографу.[31] Учитывая этот момент, не будет преувеличением сказать, что бытование в книжности русского перевода «Повести к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» во многом связано с историей составления и редактирования тематического сборника — «Странника»,[32] в составе которого сохранилось большинство известных сегодня списков памятника. Сложность исследования этого типа сборника заключается в том, что невозможно ограничиться рассмотрением только формальных критериев (состав и композиция статей в рукописях), а необходимо учитывать особенности текста каждого произведения из сборника и соотносить с его рукописной традицией. К примеру, Хождение игумена Даниила к нач. XVII в., с которым Н. А. Макаров и Н. А. Охотина-Линд связывают формирование нашего тематического кодекса, имело уже богатую рукописную традицию. В наш «Странник» попала версия текста, появление которой относится к нач. XV в., известная в науке как Вторая редакция.[33] В то время как небольшая повесть «О церкви Великого Василия на Белоозере и о лавре», по мнению ее исследователей, была создана не ранее нач. XVII в., и все известные списки этого памятника читаются в составе сборников «Странник».[34]

Н. И. Серебрянский, изучая «Повесть о Псково-Печерском монастыре», обратил внимание на то, что в кодексе *Погодин. 1553* помещен особый вид текста этого произведения, «переходный» от «начальной редакции летописи к подробной».[35] Была редакция создана специально для сборника «Странник» или его составитель воспользовался уже готовым текстом памятника — вопрос открытый. «Переходный» текст произведения под заглавием «Пов сть о начал Печерскаго монастыря, предл жащаго близъ Ливонские земли» передают рукописи *Софийский 1521*, *Уваров. 840*, *ОИДР-225*. Под тем же заглавием Повесть включена и в сборник *Погодин. 1535*, но в нем переписана только начальная часть произведения.[36] Уже этот пример позволяет предположить, что при копировании сборника изменениям могли подвергаться не только его состав и композиция, но и тексты памятников. Аналогичную ситуацию мы наблюдали и на примере другой статьи нашего тематического сборника, «Повести о святой горе Синайской», изученной нами ранее, а также в случае с «Повестью к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах»: как мы показали ранее, ее текст в рукописи *Погодин. 1535* имеет ряд вторичных чтений по отношению к группе списка *Погодин. 1538*. В этой связи отметим еще один момент.

Несмотря на то что в передаче текста Повести списки *Погодин. 1535* и *ОИДР-225* не обнаруживают прямой связи, по составу и композиции входящих в эти рукописи статей они наиболее близки друг другу: в обоих сборниках русские переводы греческих проскинитариев по Палестине и Синаю — статьи «Повесть к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» и «Повесть о святой горе Синайской» — читаются в начале кодекса,[37] за ними следуют две статьи, называемые в науке «Жартами о Льве Премудром».[38] Последний памятник тиражирования в русской книжности не получил: кроме названных сборников, он входит в состав еще двух рукописей нашего «Странника» — *Погодин. 1538* и сборник второй четверти XVIII в. *РГАДА-1347*. Если сборник *Погодин. 1538* в своем нынешнем виде представляет лишь фрагмент некогда обширной рукописи, извлеченной из нее П. М. Строевым, состав которой, можно думать, был близок кодексам *Погодин. 1535* и *ОИДР-225*,[39] то сборник *РГАДА-1347* настолько схож с кодексом *ОИДР-225*, что можно предположить у них общий антиграф. В пользу этого говорит следующий факт.

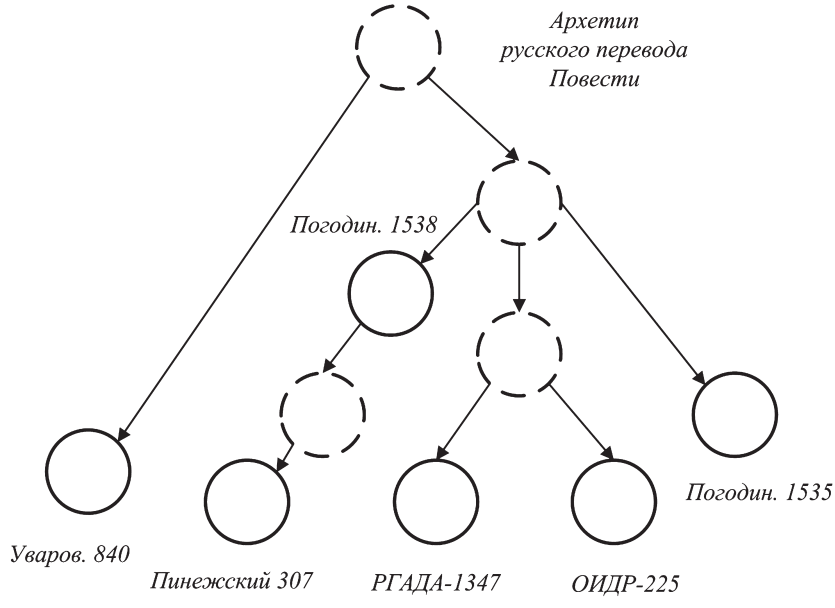
Оба сборника по составу обширнее, чем *Погодин. 1535*, *Погодин. 1552*, *Софийский 1521* и *Уваров. 840*. Помимо «устойчивого состава» статей в *РГАДА-1347* и *ОИДР-225* читаются и другие произведения, «обрамляющие» тематическую подборку «Странника». Обнаруживая сходство в составе этих дополнительных статей, рукописи расходятся в их композиции, ср.:

РГАДА-1347	ОИДР-225
1. Летописец келейный Димитрия Ростовского. (Л. 3–354) 2. *Статьи, образующие сборник «Странник». (Л. 355–444)* 3. Космография. (Л. 444–459 об.) 4. Наставление иноку. (Л. 460–466) 5. «О стоянии в церкви». (Л. 466–467 об., *предположительно, фрагмент из Хождения игумена Даниила*) 6. Сказание об Иерусалиме. (Л. 468–470 об., *фрагмент из Хождения игумена Даниила (?)*) 7. Поучение о втором пришествии и страшном суде. (Л. 471–478) 8. Похвала иконе Владимирской Богоматери. (Л. 478–482 об.) 9. Слово с толкованием Евангелия от Матфея, главы 15. (Л. 483–487 об.) 10. Указ царя Алексея Михайловича о мостовых и перевозных пошлинах. Копия. (Л. 487–488) 11. 1690 г. марта 17. Духовная грамота патриарха Иоакима. (Л. 499 об. – 500) 12. Надгробные стихи патриарху Иоакиму. (Л. 500–500 об.) 13. Послание патриарха Адриана.[40] (Л. 581–588 об.)	1. Список с уставной грамоты царя Алексея Михайловича в 1654 году. (Л. 1) 2. Глас последний, или завет святопочившаго о Господе патриарха Иоакима; писано 1690 году, марта 17 дня. (Л. 2) 3. Летописец Димитрия Ростовского. (Л. 9–306 об.) 4. *Статьи, образующие сборник «Странник». (Л. 307–407 об.)* 5. Книга глаголемая Космография, сложена от древних философов, преведена с римского языка. (Л. 408) 6. Об иночестве. (Без заглавия, л. 422) 7. Сказание о Иерусалиме граде и о церкве. (Л. 430, *фрагмент из Хождения игумена Даниила*) 8. Поучение на преславный и торжественный день проповеди Господни Евангелия, о страшном втором Христовом пришествии на землю судити живых и мертвых и воздати комуждо по делом его, зело душеполезно. (Л. 433) 9. Похвала пресвятой Богородице чудотворного ея образа Владимерской. (Л. 440) 10. Окончание духовного завещания патриарха Иоакима. (Л. 449) 11. Послание окружное патриарха Адриана. (Л. 456)

Как видно, «Список с уставной грамоты царя Алексея Михайловича» открывает рукопись *ОИДР-225*, в *РГАДА-1347* он читается в финальной части кодекса (№ 10), а завершающая его статья, названная в описании «Надгробные стихи патриарху Иоакиму» (№ 12), вероятно, есть часть текста, которая в *ОИДР-225* озаглавлена «Окончание духовного завещания патриарха Иоакима» (№ 10), а его начало составляет вторую статью этого кодекса.[41] Решать сейчас, какой из кодексов точнее отразил композицию и состав антиграфа, нет возможности, т. к. познакомиться с рукописью *РГАДА-1347* de visu нам не удалось: о сборнике мы узнали, когда настоящая статья была уже готова, поэтому мы не смогли изучить текст «Повести к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» в составе этого кодекса. В наших рассуждениях мы опираемся на машинописную опись рукописного собрания ЦГАДА,[42] поэтому выводы носят предварительный характер. Но именно «устойчивый состав» статей, организующих рассматриваемые сборники, позволяет не только ввести в научный оборот еще один список Повести, но и предположить, какое место он занимает среди изученных списков.

На наш взгляд, рукописи *ОИДР-225*, *Погодин. 1535* и *РГАДА-1347* образуют одну ветвь развития сборника типа «Странник» (гипотетически сюда же можно отнести несохранившийся сборник, из которого был извлечен *Погодин. 1538*).[43] Присутствие в их составе «Жарт о Льве Премудром» позволяет предположить для них общий протограф, который на одном из этапов его бытования в XVIII в. был дополнен статьями, тематически со «Странником» не связанными (кодексы *ОИДР-225* и *РГАДА-1347*), но демонстрирующими интерес составителя к духовно-полемической литературе и личностям московских патриархов Иоакима и Адриана.

Учитывая текстуальные особенности списков Повести и состав сборников, в которых они читаются, рукописную традицию произведения можно представить стеммой:



* * *

Подводя итоги изучения рукописной традиции «Повести к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах», нужно подчеркнуть, что развитой литературной истории текст памятника не имел, значительная часть его бытования в русской книжности последней четверти XVII–XVIII столетий была связана с историей тематического сборника «Странник». Так же очевидно, что известные сегодня списки Повести не отражают реального количества копий произведения, появившихся в обозначенные хронологические рамки, что может свидетельствовать об его актуальности для читателей и книжников. Причины

востребованности памятника на русской почве стоит искать в особенностях формы и содержания Повести, изучение которых станет возможным благодаря публикации ее текста.

В *Приложении* текст «Повести к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» публикуется по списку РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1538. При публикации текста титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку, единичные вставки отмечены курсивом, знаки препинания расставлены в соответствии с современной нормой.

1 *Лисовой Н. Н.* Откровение Святой Земли: Путеводитель. М., 2012. С. 5.

2 Об этом известно из каталога библиотеки А. С. Норова: Библиотека Авраама Сергеевича Норова. СПб., 1868. Ч. 1. С. 198, № 397. Однако в настоящее время в собрании А. С. Норова (РГБ, ф. 201) этой рукописной копии не значится.

3 *Хитрово В. Н.* Палестина и Синай. Библиографический указатель русских книг и статей о святых местах Востока, преимущественно палестинских и синайских. СПб., 1876. Стб. 12. В связи с упоминанием Хождения Трифона Коробейникова обратим внимание на один из его списков, имеющих своеобразное добавление к началу описания Иерусалима, перекликающееся с названием нашей Повести: «...повесть творимъ *на пользу прочитающимъ и преписующимъся*» (См: Хождение Трифона Коробейникова / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1888. С. 8, примеч. 3. **(**Православный Палестинский сборник. Вып. 27. Далее — ППС). Курсив в тексте мой. — *И. Ф.* **)**.

4 *Seemann K.-D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur. (Theorie und Geschichte der Literaturen und der sch nen Kunste). M nchen, 1976. S. 459.

5 Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX вв.: Опыт исследования. Источники / Сост. Н. В. Савельева. СПб., 2003. Т. 1. С. 339.

6 *Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья // Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори: Сб. статей. М., 2000. С. 197.

7 Рукопись кон. XVII — нач. XVIII в., 4°. Филиграни — 1) Герб Амстердама, типа: Дианова, № 154 (1685 г.); 2) Рожок, типа: Дианова-Костюхина (1980 г.), № 1159–1160 (1693–1696 гг.) М. А. Веневитинов датировал рукопись XVIII столетием, см.: *Веневитинов М. А.* Уваровские списки Даниилова хождения // Древности. Труды Императорского Московского Археологического общества. 1887. Т. 12. С. 3. Подробно рукопись описана: Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова / Сост. архим. Леонид (Кавелин). М., 1894. Ч. 3. С. 317–319.

8 Рукопись втор. четв. XVIII в., 8°, 277 л. Филиграни — Герб Амстердама (несколько типов) и «Pro Patria»: знаки видны фрагментарно, чередуются на листах рукописи. Подробное описание кодекса см.: Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX вв. С. 338–339.

[9] Сборник втор. пол. XVIII в., in folio, 464 л. Филигрань — вензель и прямые литеры «АГ», типа: Лихачев, № 3566–3570 (1762–1764 гг.). Описание рукописи см.: *Строев П. М.* Библиотека Императорского Общества истории и древностей российских. М., 1845. С. 107–108; *Федорова И. В.* «Повесть о святой горе Синайской» — малоизвестный памятник восточнославянской паломнической литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 62. С. 467, примеч. 84 (далее — ТОДРЛ).

[10] Сборник втор. четв. XVIII в., in folio. Рукопись описана: РГАДА, ф. 188 (Рукописное собрание Центрального государственного архива древних актов). Оп. 1. Ч. 2. С. 460–463. (Машинопись).

[11] Сборник середины XVIII в., 4 , 114 л. Филигрань — «Pro Patria», типа: Участкина, № 685 (1747 г.) и Клепиков, № 1093 (1742 г.). Рукопись описана: *Федорова И. В.* «Повесть о святой горе Синайской»... С. 467, примеч. 84.

[12] Сборник последней трети XVII в., 8 , 45 л. Филигрань — герб «7 провинций» просматривается слабо, типа: Дианова-Костюхина, № 870 (1660–1666 гг.).

[13] Здесь и далее при сопоставлении списков подчеркиванием отмечаем инверсионное построение словосочетания или фразы.

[14] Аналогичный пропуск списка *Погодин. 1535* и в описании церкви Вознесения на Елеонской горе (л. 58 об.), где, согласно списку *Погодин. 1538*, «Верху же стопы оной пресвятой 14 кандил неугасающих *день и нощъ*» (л. 18 об.).

[15] Об этом см.: *Голубцова М. А.* К вопросу об источниках древнерусских хождений во св. землю. «Поклоненье св. града Иерусалима» 1531 г. // ЧОИДР. М., 1911. Кн. 4. С. 43–44, 62–63.

[16] Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима на греческом языке написал Критянин иеромонах Арсений Каллуда и напечатал в Венеции в 1679 году, с греческого на славянский диалект перевел Чудовской монах Евфимий в 1686 году / Под ред. архим. Леонида (Кавелина) // Памятники древней письменности. СПб., 1883. Вып. 46. С. 33.

[17] Там же.

[18] Указание на монастырь Василия Великого находим и в других греческих путеводителях. См., к примеру, «Проскинитарий с Богом святым и описание святого места святейшаго града Иерусалима и прочих святых мест»: Три греческие безымянные проскинитария XVI в. / Под ред. А. И. Пападопуло-Керамевса, пред. Г. С. Дестуниса. СПб., 1896. С. 49. (ППС. Вып. 46).

[19] Подробнее об этих иерусалимских обителях см.: *Лисовой Н. Н.* Откровение Святой Земли. С. 20–21, 164.

[20] *Беляев Л. А., Попов И. Н., Тарханова С. В.* Иерусалим. Храмы и археологические памятники ранневизантийской эпохи // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21. С. 416.

[21] Ср., к примеру, с русским переводом Проскинитария Арсения Каллуди: «Путь, ведущий къ Иордану начинается отъ Вифании *на востоки*, иже есть ко Иерихону путь» (Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима на греческом языке написал Критянин иеромонах Арсений Каллуда... С. 52. Курсив в тексте мой. — *И. Ф.*).

[22] Историю монастыря см.: *Лисовой Н. Н.* Откровение Святой Земли. С. 165–167.

[23] На эту особенность повествования русского паломника XII в. в свое время обратил внимание архим. Леонид (Кавелин), см.: Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 1873. С. 261–262.

[24] «На камне остался отпечатленным след святой Его ноги, и именно Его стопа, и исходит сильное благоухание. Некоторые говорят, что была еще одна стопа, но что франки в давнее время ее отсекли и взяли» (Проскинитарий по Иерусалиму и прочим святым местам безымянного между 1608–1634 гг. / Пред. А. И. Пападопуло-Керамевса, пер. Г. С. Дестуниса. СПб., 1900. С. 61. (ППС. Вып. 53).

[25] Рассмотренная цитата нечасто встречается в греческой традиции описания Святой Земли. Сходство в ее передаче со списком *Погодин. 1538* обнаруживает греческий путеводитель XVI в. под названием «Проскинитарий с Богом Святым и описание святого места святейшего града Иерусалима и прочих святых мест». Ср. с его переводом на русский язык XIX в.: «Иерусалиме, Иерусалиме, избивающий пророков и камением побивающий посланных; аминь, аминь, глаголю вам: се оставляется дом ваш пусть и не останется камня на камне» (Три греческие безымянные проскинитария XVI века. С. 51). Аналогичная цитата приведена еще в одном описании Палестины, «О святом граде Иерусалиме и всех местностях Земли Обетованной» (Восемь греческих описаний св. места XIV, XV и XVI вв. / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевс, пер. П. В. Безобразова. СПб., 1903. С. 169. (ППС. Вып. 56)).

[26] Ср., к примеру, с началом русского перевода «Поклонения святаго града Иерусалима»: «Сие поклоненье святаго града Иерусалима, гд ходил Господь наш Исуъ Христосъ съ святыми апостолы и пресвятая Богородица. За тое и мы даем вам въ узнание, колико есть м ста святаа поклонная въ Иерусалим и въ окрестных м ст х и великия церкви, гд есть Гроб Господа нашего Исуса Христа» (*Голубцова М. А.* К вопросу об источниках древнерусских хождений во св. землю. С. 51). Или «Проскинитарий с Богом святым»: «Так как ты по благому своему произволению настойчиво расспрашивал о святом месте Иерусалима, где ходили Господь наш Иисус Христос и пречистая его Матерь, пресвятая Богородица, и святые апостолы и пророки и преподобные и прочие святые, то вот я с Богом и начинаю свое повествование. Послушайте, братья возлюбленные, о святом граде Иерусалиме...» (Три греческие безымянные проскинитария XVI века. С. 41).

[27] Сообщение о 365 храмах, существовавших в «древние времена» в Иерусалиме, является «общим» местом для греческих путеводителей, содержательное ядро которых сформировалось к XV в. См., к примеру: Проскинитарий по Иерусалиму и прочим святым местам безымянного между 1608–1634 гг. С. 57. Или описание под названием «Безымянный о местах иерусалимских» (*Голубцова М. А.* К вопросу об источниках древнерусских хождений во св. землю. С. 67).

[28] Постатейное описание рукописей см.: *Рузский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII века // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 3. С. 105–106, 108–109, 119–120.

[29] На этот момент уже не раз обращали внимание в науке: *Веневитинов М. А.* Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст. // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1884. Вып. 7. С. 82. *Охотина Н. А.* Сказание о Соловецком монастыре // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3, ч. 3. С. 448; *Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 197–198; *Федорова И. В.*

«Повесть о святой горе Синайской» — малоизвестный памятник восточнославянской паломнической литературы. С. 446–467.

[30] Далее — *Софийский 1521* и *Погодин. 1553*: обе рукописи датируются XVII в. Сборники описаны: *Рузский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила... С. 82–84.

[31] Об этом см.: *Охотина Н. А.* Сказание о Соловецком монастыре. С. 448, *Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 197.

[32] Условное обозначение сборников «странником» заимствовано с наклейки, помещенной на верхней крышке переплета рукописи *Софийская 1521*. На наш взгляд, ее мог использовать составитель или, скорее, библиотекарь Кирилло-Белозерского монастыря, книжному собранию которого одно время принадлежал кодекс. Вероятно, книжник воспользовался заглавием Хождения игумена Даниила — памятника, с которого начинаются рассматриваемые рукописи: «Книга *Странникъ*, хожение игумена Данила. Сказание о свят мъ граде Иерусалиме и еже окрестъ Иерусалима, о честных м стехъ и церквах святых» (*Софийский 1521*, л. 1. Курсив в тексте мой. — *И. Ф.*). Можно даже предположить, что, называя рукопись «странником», книжник таким образом подчеркнул присутствие в ней именно Хождения игумена Даниила, т. к. другие сборники схожего состава такого названия не имеют. Учитывая особенности содержания статей наших кодексов, посвященных описанию Христианского Востока, истории реликвий и монастырей Русской земли, некоторые исследователи рассматривают их как «сборники устойчивого состава историко-церковного содержания» (*Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 197). В машинописном описании кодекса *РГАДА-1347* он обозначен как «энциклопедический сборник». П. М. Строев, поменяв рукописи *Погодин. 1553* переплет, назвал ее «сборником историческим» (л. I).

[33] Подробнее см.: *Федорова И. В.* «Хождение» игумена Даниила в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря (так называемые полные редакции памятника) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 345–346. Аналогичная ситуация и со «Сказанием о Тихвинской иконе Богоматери»: в наши сборники включена редакция *Г*, созданная в кон. XVI в. (*Кириллин В. М.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007. С. 103). Из наших «Странников» исследователю были известны рукописи *Погодин. 1553* и Р*ГАДА-1347* (Там же. С. 154, 157). Обращение к другим кодексам показало, что они передают тот же текст памятника. Попутно обратим внимание на то, что другая редакция этого Сказания, названная исследователем *Е*, также читается в тематических сборниках XVII в., в составе которых включены статьи «О церкви Софии Премудрости Божией в Великом Новеграде», «Повесть о Псково-Печерском монастыре», «Повесть о Ватопедском монастыре», характерные и для тематической подборки нашего «Странника» (Там же. С. 118–124). И хотя генетической связи с нашим «Странником» эти сборники не имеют, они свидетельствуют об актуальности для книжной культуры XVII–XVIII в. такого типа тематических подборок и сборников.

[34] Во всяком случае, такой вывод следует из исследования Н. А. Макарова и Н. А. Охотиной-Линд и приведенных шифров рукописей с этим памятником (*Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А.* Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья. С. 197).

[35] *Серебрянский Н. И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества. М., 1908. С. 61. Рассуждая об особенностях этого «переходного» текста «Повести о Псково-Печерском монастыре», исследователь обозначил его адресата: «... видно, во-первых, что список этот был сделан для человека, не бывшего лично в монастыре, и, во-вторых, что сообщения о Печерском монастыре в повести Корнилия не совсем удовлетворяли читателей» (Там же. С. 60). Отметим, что аналогичный текст памятника читается уже в хронологически старшем сборнике из числа рассматриваемых «Странников», оставшимся неизвестным Н. И. Серебрянскому, в *Софийском 1521*.

[36] До слов «...и вземше же, его погребоша в нов мъ гроб , на том же м сте, ид же лежал [преже] в пещере, яже и донын стоит» (л. 77 об. – 78). Пропуск восстановлен по списку *Погодин. 1553*, л. 167 об.

[37] В сборнике *Уваров. 840* это последние две статьи (*Рузский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила... С. 106).

[38] Об этом см.: *Дробленкова Н. Ф.* Повесть о царе Льве Премудром // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Ч. 3, вып. 3. С. 227. В рассматриваемых сборниках эти статьи названы «Пов сть о правой руц , еже сотвори премудрый царь Левъ астромийскою хитростью» и «Пов сть о томъ же Льв » (*Погодин. 1535*, л. 72 об. – 74 об.; *ОИДР-225*, л. 386 об. – 387).

[39] Подробнее об этом см.: *Федорова И. В.* «Повесть о святой горе Синайской»... С. 467. Вероятно, что и антиграф рукописи *Пинежская 307* был близок составу рассматриваемых сборников: к доводам в пользу этого, приведенным нами ранее (Там же), добавим еще один аргумент. Заглавию «Повести к пользе слышащим и прочитающим о святом граде Иерусалиме и о окрестных его местах» в пинежской рукописи предшествует отсылка «Ис книги Странника, глава 57» (л. 77), хотя сплошная нумерация статей в этом сборнике отсутствует. Следовательно, она была заимствована из антиграфа, в составе которого Повесть была указана как 57-я глава. Заметим, что и в сборнике *Погодин. 1535* наша Повесть отмечена 57-й главой после 56-и глав Хождения игумена Даниила, которые в этом кодексе пронумерованы и учтены в оглавлении рукописи (л. 1–2 об.). Этот факт свидетельствует в пользу нашего предположения о том, что антиграф списка *Пинежский 307* мог быть близок составу рукописей *Погодин. 1535* и *1538*, *ОИДР-225*.

[40] Под этим названием, вероятно, было переписано увещание патриарха к пастве, которым он дополнил свое послание в связи с возведением на патриарший престол. Подробнее см.: *Белякова Е. В.* Адриан, патриарх Московский и всея Руси // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 312.

[41] Эти две статьи извлечены из Жития патриарха Иоакима, составленного на рубеже XVII–XVIII в. Подробнее см.: *Каган М. Д.* Житие Иоакима патриарха // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 351–355. Списки

завещания Иоакима, записки о его погребении и «Стихов надгробных», по наблюдению исследователей, распространялись независимо от текста самого Жития (Там же. С. 355), что подтверждают и наши сборники. Публикацию текстов см.: Житие и завещание святейшаго патриарха Иоакима / Подготовка и изд. Н. Барсукова // Памятники древней письменности. М., 1879. Вып. 47. С. 102–146.

42 РГАДА, ф. 188 (Рукописное собрание Центрального государственного архива древних актов). Оп. 1. Ч. 2. С. 460–463.

43 Известными сегодня рукописями типа «Странник» бытование этого тематического сборника в книжности не ограничилось. Более того, можно говорить, что сборник копировался не только в полном объеме, но и частично. В пользу чего свидетельствует старообрядческая рукопись кон. XVIII — нач. XIX в. РНБ, Q.XVII.203, в которую вошло несколько статей из рассмотренной тематической подборки: Хождение игумена Даниила, «Повесть о святой горе Синайской», «О аспиде змии», «Сказание о Египте» старца Синайской горы Григория, «Сведения о том, сколько в 1524 году было христианских церквей в Константинополе...», «О церкви св. великомученика Димитрия в Солуне», «Рассказ о святогорских монастырях» архимандрита Феофана (описание рукописи см.: *Бычков И. А.* Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1893. Вып. 2. С. 292–293). Утверждать, что эти статьи были переписаны со сборника типа «Странник», позволяют особенности текста Хождения игумена Даниила. Так, еще М. А. Веневитиновым было отмечено у списков этого Хождения в составе рассмотренных сборников общее ошибочное чтение (*Веневитинов М. А.* Уваровские списки Даниилова хождения. С. 3) в описании монастыря Честного Креста, который есть «*мати вс мъ церквамъ, сия бо церковь первая создана во Иерусалим по распятии Христов* » (*ОИДР-225*, л. 361; *Погодин. 1535*, л. 32; *Погодин. 1553*, л. 83 об.; *Софийский 1521*, л. 109 об.; *Уваров. 840*, л. 36). Аналогичное чтение имеет текст Хождения игумена Даниила и в рукописи РНБ,Q.XVII.203 (л. 130 об.) От себя добавим еще одно ошибочное чтение в тексте Хождения игумена Даниила в этих списках: вместо указания на принадлежность иерусалимского монастыря Честного Креста грузинам («И то есть монастырь *ив рьский*»), в рассматриваемых списках сказано, что это «есть *женский* моностырь (*ОИДР-225*, л. 361; *Погодин. 1535*, л. 32; *Погодин. 1553*, л. 84; *Софийский 1521*, л. 110, *Уваров. 840*, л. 36; *Q.XVII.203*, л. 130 об.), хотя монастырь Креста исторически является мужской обителью. Об этом см.: *Лисовой Н. Н.* Откровение Святой Земли. С. 165–167.

Приложение

Повѣсть к ползѣ слышащимъ и прочитающим о святѣм градѣ Иерусалимѣ и о окрестных его мѣстехъ

Понеже благимъ изволением и желаниемъ всякъ, иже хощет знати о святѣм Гробе и о мѣсте иерусалимском, идѣже хождаше Господь нашъ Исусъ Христосъ и всепречистая его мати, пресвятая Богородица, //(л. 1 об.) и святии апостоли и пророки, и прочии святии, послушайте, возлюбленная братия, о святѣм градѣ Иерусалимѣ и сыскание о Святая Святых, о Гепсимании, о горѣ Елеонстѣй, о Юдоли Плачевной.*

Тамо есть во Юдоли башня велия зѣло царя Давида, идѣже состави Псалтирь. О той же башни и творец каноном //(л. 2) написа: «В дому Давидовѣ страх великъ, и индѣ страшная совершаются».* О той же башне: ибо от нея будетъ излиятися огненая рѣка–мучение, иже за сие глаголется Юдоль Плачевная.*

Посреди же града Иерусалима есть пресвѣтлый храмъ Христа Бога нашего Воскресения, в нем же и животворящий гробъ. //(л. 2 об.) Храм же той зданиемъ круголъ, имѣет двѣ главы, и едина глава не покровена. Есть же и колоколня прекрасная, покровена со святым храмомъ свинцом. Видит же ся издалеча приходящимъ во Иерусалимъ. Внутрь же храма суть столпов сто. И стѣнное писмо написано мусиями, низу же святый гробъ, //(л. 3) и окрестъ гроба сводовъ осмь и столпов шестьнадесять, и низу помостъ, и тамо столповъ осмь великих. И окрестъ здания камениемъ мраморным окладено. Посреди же храма, наверху, глава едина не покровена, от которые исходит огнь в Великую Суботу на гроб Господень.* О ней же выше рѣхомъ. //(л. 3 об.) А гробъ Господень из мраморнаго камени, и вжигают кандил неугасающих 48, елицы покланяются гробу Господню, и толико тѣсно мѣсто, идѣже гробъ, яко по седми человѣкъ вмѣщается кланятися. И извнѣ гроба, на помостѣ, есть камень, идѣже сѣдяше аггелъ и мироносицы плакали. И рече им аггелъ: //(л. 4) «Что ищете Живаго с мертвыми? Воста, нѣсть здѣ».* Се же мѣсто, идѣже положиша его, вжигают и тамо кандилъ с маслом древяным пять, и окресть гроба Господня вжигают кандилъ 16. И позади гроба Господня есть церковь малая, и тамо служат проклятии копти, еретики.* И наверху гроба Господня кивотъ //(л. 4 об.) созданъ круголъ, на 12 столпах желѣзныхъ, и покровенъ свинцом.* И писмом стѣннымъ написана икона Воскресение Господа нашего Исуса Христа,* и тамо вжигают масляных кандилъ осмь. Оттуду исходитъ свѣтлость огненая в пору вечернюю в видѣнии голубя, от тоя главы непокровенной. //(л. 5) Вторая же глава над соборной церковию, и служат в ней православнии християне, а в иных церквах, иже окрестъ соборной церкви, в предѣлах еретики — армени, ияковити и индияны, несторияны и многих вѣръ.

И в соборной церкви, идѣже амбонъ, написан Пупъ земли — средина всей вселеннѣй* и ту вжигают паникадило и с свѣщами многими. //(л. 5 об.) А над тѣмъ амбономъ четыре столпы мраморные, и верхъ здѣланъ прекрасный, и писано в немъ мусиями «С нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покаряйтеся, яко с нами Богъ!».* И внутрь олтаря 12 столповъ, и сверху четыре кандила масляные. И тамо престолъ, или сѣдалище патриарше.* //(л. 6) Пред святою же трапезою горят кандилъ масленых 30. И святая трапеза имеѣт над собою сѣнь на четырех столпах. Покровена свинцом. И позади святаго олтаря есть темница, идѣже Христосъ сѣдѣлъ,* отстоит от святаго олтаря 15 ступеней. Есть же тамо забой, иже в них забили, бияху, ноги Христовы.* //(л. 6 об.) Ту вжигают четыре кандила. И пред тѣмъ есть гробѣ, идѣже ковали гвоздие и распяли Христа на крестѣ. И ту напреди предѣлъ — церквица вѣры италийской, сирѣчь латынской. И на помостѣ камень бѣлый круглый и посреди имѣетъ диру. И прикладывают человѣцы уши свои, и слышат стукъ и звук, //(л. 7) яко бы кузнецом ковати.* И позади святаго олтаря есть мѣсто, идѣже раздѣлиша ризы Господу, якоже глаголет пророкъ: «Раздѣлиша ризы моя себѣ и одежди моей меташа жребия».* На лѣвой же странѣ святаго гроба, к части святаго олтаря, восходитъ ступеней в вышину 15, и входитъ на Голгофу,* и тамо стѣнное //(л. 7 об.) писмо прекрасно мусиями, сирѣчь камешками стекляными. Позади же Голгофы низходитъ тридесять ступеней вдоль, и есть храмъ святыя Елены,* имѣетъ четыре столпы мраморныя, и в двух держат воду зиму и лѣто. И тамо святаго Иякова, брата Божия, престолъ. И оттуду вдоль дванадесять //(л. 8) ступеней есть печера, идѣже обрѣтеся крестъ Господень.* Его же обрѣте святая Елена, заметанаго, имѣетъ престолъ и службу и кандилъ масленых, свѣтится четыре. И пред святым гробом, на крае вратъ, есть мѣсто, идѣже повили Христа плащаницею Никодимъ со Иосифомъ.* И то мѣсто свинцом покровено и мрамором //(л. 8 об.) выслано. И сверху горят кандил осмь и никогда угашают ихъ, но безпрестани день и нощъ, масла прибавливают и горятъ неугасающе. Тамо же имать и столпов великих мраморных четыре.

Есть же и сводов во храмѣ тридесять, врат же трои: едины на западъ, в ня же вниде преподобная Мария, и хотяше //(л. 9) внити во храм, и возбранися ей от аггела входъ во храмъ. И над враты есть написанное Пресвятая Богородица, егда явися преподобной Марии Египетской, иже и рече ей: «Аще Иорданъ прейдеши, хощеши обрѣсти упокоение».* Инии же врата двои храма на полуденную страну, имать же храмъ той столповъ мраморных шесть //(л. 9 об.) и порфирных три, сирѣч багряных. Врата же всѣ рѣзью премудрою устроени. В том же храмѣ кивот прекрасный от камени, и писан мусиями. Тамо сѣдяше царь и судяше. И предобрый дворъ Святаго Гроба есть весь мраморомъ исполнен и обложен всюду. На том же мѣсте мертвый //(л. 10) воскресе, егда обрѣтеся крестъ Господень.* Тамо

же три церкви — святое Воскресение Христово, и Святых сорока мученикъ, и святаго Иякова, брата Божия, и мироносицъ.* Тамо видѣ и Магдалыни Мария Христа по воскресении и мнѣла, яко вертоградарь есть, и рече: «Господи, гдѣ еси тѣло Исуса моего положилъ?». И Господь рече к ней: «Мария, не прикасайся мнѣ, //(л. 10 об.) се бо восхожу ко Отцу моему».* Оттуду и свышши есть патриарший дворъ, и от патриарша двора вышши монастырь Богородицы Одигитрия, честных инокинь. На том мѣсте стояше Пресвятая Богородица и зряше Сына своего на крестѣ, и рыдаше.* Отстоит же от Святаго Гроба едина стадия.

В той же странѣ, на запад Святаго Гроба, монастырей 16: //(л. 11) 1-й — монастырь святаго Иоанна Предтечи, 2-й — святаго Георгия, 3-й — святаго Димитрия, 4-й — святаго Николы, 5-й — святыя Феклы, 6-й — святыя Анны, 7-й — святаго Евфимия, 8-й — святыя Екатерины, 9-й — архаггела Михаила, 10-й — Иоанна Богослова, 11-й — Василия Великаго, 12-й — Стефана Первомученика. В тѣх 12-ти монастырѣх христиане служат и донынѣ, а у иныхъ — еретики. //(л 11 об.)

Во времена же православных царей греческих было во Иерусалимѣ всѣх монастырей и церквей триста шездесят пять, и нынѣ, кроме вышереченныхъ, всѣ за еретиками. На восток же Святаго Гроба, посреди Иерусалима, яко четыре стадии от Святаго Гроба, храмъ Святая Святых и святилище, идѣже учаше Христосъ.* Тамо заклали //(л. 12) Захарию, отца Предтечева.* В том же и старецъ Симеон восприятъ на обьятии Спаса Христа.* В том же храмѣ есть посреди камень круглой, Богомъ повѣшенный: яко егда внидет кто от християн, и абие камень начнетъ колебатися, и по сему знамению познавают турки, яко християнин пришелъ во храмъ, аще будет и во одѣянии //(л. 12 об.) турскомъ. И бываетъ в той часъ обыскъ всѣм, и аще обрящутъ христианина, принуждают его в свою вѣру. Аще не восхощетъ повинутися имъ, то огнемъ сожигают, аще же ли ни то вѣру ихъ приемлет страха ради, и по сихъ, избѣгши от Святая Святых, и повѣдает православным, и паки христианин бывает. //(л. 13) И сего ради *от* камени мнози пострадаша. Храм же той круглый, яко же и Воскресение Христа, Бога нашего. Точию едину главу имѣет свинцом покровенну. Писанъ же стѣнным писмом весь храм той мусиями, извнутрь и извнѣ. Имат же и ограду окрестъ превелию, и во единой странѣ тоя ограды, на востокъ, четверобашенной город, //(л. 13 об.) идѣже вниде Христосъ с ваиями и вѣтми.* И есть городъ той затворен даже и донынѣ.*

Тамо же, близ того города, дворъ Пилатов и судище, сирѣчь приказ, идѣже судили Христа.* Тамо же, нижайши от двора, Овчая купѣль, глаголема еврейски Вифезда, а по-гречески — колимвифтра*. Имать же и храм //(л. 14) близу ея.* Отстоит же от Святаго Гроба стадии три. Тамо же близу дом Иоакимов и Аннин, матери Богородицы.* Тамо же, близ его, ровъ, идѣже ввергоша евреи Иеремию.* Отстоитъ от Святаго Гроба стадии четыре. Сии монастыри суть, иже обрѣтаются внутрь Иерусалима.

Извнѣ же града, стадии четыре от святаго Иерусалима и от Святаго Гроба, //(л. 14 об.) на полдень есть домъ Давидовъ* превелий, идѣже сѣдяше, тамо хощет быти и страшный суд Христовъ. И оттуду мало есть монастырь Иякова, брата Божия,* служат в нем армени. И оттуду мало домъ Иоанна Богослова и паки подале мало храмъ, его же созда Соломон, нарицаемый Иагиа* Сионъ. И в томъ //(л. 15) святомъ Сионѣ есть домъ пресвятыя Богородицы и святаго Иоанна Богослова.* Тамо прият Иоан Богородицу восвояси, яко же глаголетъ евангелистъ: «Жено, се сынъ твой».* И во святомъ Сионѣ, в храмѣ Богородичном, бысть Вечеря Тайная и умовение. В том же дому сниде Духъ Святый на святыя апостолы.* В том же дому и пресвятая Богородица преставилась от сея жизни в небесная селения.* //(л. 15 об.) В той же дом собрашася апостоли от всея вселенныя, на облацѣх носими. И погребоша пречистое и святое ея тѣло в Гепсимани веси.*

И тамо есть темница Христова. Тамо есть и гроб пророков Давида и Соломона, и старца Симеона, и первомученика Стефана.* Тамо же суть и ина многая чюдеса. Отстоит же от святаго Сиона и от Гроба Господня стадий десять //(л. 16) и нижайше, и есть ревенник** праведнаго Иякова.* И от того низши ко Иерусалиму есть Силоамъ колимвифтра.***** Та же и село Скуделниче в погребание страннымъ,* идѣже погребаются монаси от Святаго Гроба и всякии приходящии христиане с ыных земель на поклонение. И егда приставится кто от тѣх, тамо погребают. Отстоит же от Иерусалима //(л. 16 об.) милия.****** Такожде и Силоамская купѣль — милия едина, и повышше Силоамския купѣли, стадии четыре на гору, есть гроб Ияковль, брата Божия, его же низринуша июдеи от крыла церковнаго.* На восток же Святаго Гроба, внѣ града Иерусалима, есть и Гепсимании, идѣже гроб пречистой Богородицы. И тамо храм Успения пресвятыя Богородицы.* //(л. 17)

В том же храмѣ прекрасныя врата имать же столповъ осмь мраморных. И низходно ступеней вниз 48, и обрящеши храм, и внутрь его святый гроб пресвятыя Богородицы: мраморной бѣлый, дѣлом благолѣпный. Над тѣмъ гробомъ 18 кандил, неугасающих день и нощь. Там же есть врата затворены, от них же хощет изыти огненная //(л. 17 об.) река. Близ же того есть пещера, идѣже бѣ Христосъ со апостолы сокровен,* и в ту нощъ бѣ в вертоградѣ, моляся.* И Июда предатель приведе сонмище июдейское, и поимаша Христа, и отведоша архиереомъ. Тамо отрѣза Петръ ухо Малху.* И подалѣ от того мѣста, идѣже сѣдяше Христосъ и зряй на Иерусалим, //(л. 18) глаголя: «Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и камениемъ побивый посланныя к тебѣ! Се, оставляется дом ваш пустъ. и не останет камень на камени, дондеже не разорится».*

---

* *В ркп. на поле* святый.
** *В ркп. на поле* кладезь.
*** *В ркп. на поле* купѣль.
**** *В ркп. на поле* верста.

Гепсимании же отстоит от Святаго Гроба стадий* десять, и верху Гепсимани есть гора Елеонская, отнюду же вознесеся Христосъ на небеса.* И имать //(л. 18 об.) храмъ прекрасный, и внутрь его есть киот благолѣпный, и имать столпов мраморных 15. А посреди того киота на камени стопа Христовы ноги, иже напечатася тогда в часъ вознесения, еже на небеса.* Верху же стопы оной пресвятой 14 кандил, неугасающих день и нощъ. И оттуду, низходяй долу //(л. 19) тридесять ступеней, есть гроб святыя Пелагии, и убыло гроба от здания полторы стопы человѣчи. И аще кто внидет тамо, приапнет ногами и не изыдет оттуду, дондеже не исповѣсть вся согрѣшения своя, яже сотворил, и по исповѣдании паки свобождается и идет аможе хощет.* Горят же и тамо три кандила неугасающихъ, //(л. 19 об.) ту же и кѣлия, идѣже постилась святая Пелагия. И от того мѣста двѣ стадии до Галилии, в ней же брак бысть, юже наричют Кана Галилѣйская, сирѣчь деревня. Тамо сотвори Христосъ чюдо: воду в вино претвори.* Ту бѣ церковь велия, а нынѣ пала. И на горѣ же Елеонстѣй преже сѣдяше Мелхиседекъ. //(л. 20)

Отстоит же гора Елеонская от Иерусалима милия едина. И на восток горы Елеонской вдоль есть Вифания, тамо гробъ святаго Лазаря, мраморный бѣлый.* И близ гроба на камени, егда сѣдяше Христосъ от путнаго шествия,* и край того гроба внутрь пещеры. Инъ гроб Марфы и Марии, сестръ Лазаревыхъ.* Отстоит же Вифания //(л. 20 об.) от Святаго Гроба двѣ мили, и оттуду идет дорога во Иерихон* на восток и на Иорданъ.* И посреди дороги есть источник святыхъ апостолъ. И оттуду мало подалѣ монастырь великаго Евфимия,* на горѣ высоко. Отстоит же от Ерусалима 15 верстъ. И вниз горы монастырь пресвятыя Богородицы, тамо видѣ Исусъ Наввин //(л. 21) архаггела Михаила, иже и рече: «Нашъ ли еси, или от сопостат наших?».* Там же, во Иерихонѣ, сланыя воды, ихъ же преложил в сладость пророкъ Елисей.* Там же подалѣ Иерихона есть гора высока, идѣже постился Владыка Христосъ, избавитель мира, 40 дни.* Отстоит же от Иерусалима 20 верстъ.

От тое же горы вдоль к пустыни есть монастырь //(л. 21 об.) святаго Иоанна Предтечи. Тамо же под монастырем Иордан рѣка, идѣже крестися Господь нашъ Исусъ Христосъ.* Тамо же на струях Иорданских видѣв Иоанъ Духа Святаго.* Есть же и пещера на оной странѣ Иордана, идѣже живяше Иоанъ.* Тамо же взятся Илия пророкъ огненною колесницею.* Отстоит же Иордан река от Иерусалима //(л. 22) милии 30. За Иорданом же есть гора высока. Тамо прииде Моисей и моляшеся ко Иерусалиму. На том же мѣсте и гроб его.* И подалѣ того, ко внутреннѣй пустыни, есть гроб преподобныя Марии Египетской,* сотвори же тамо преподобная постяшись лѣт 47. Отстоит же от Иерусалима пути долгота дний 20. И надесно

* *В ркп. на поле* верста.

Иордана есть //(л. 22 об.) Содомъ и Гоморъ.* Тамо же и море Мертвое, и мѣсто Лотово.* В том же море внутрь Содом и Гоморъ и мучение вѣчное. Видят же ся и донынѣ из моря полатные верхи Содомские, отстоит же от Иерусалима 30 верстъ. Тамо же и монастырь святаго Герасима, идеже служаше имъ лев.*

И на горѣ ко Иерусалиму, между холмами, //(л. 23) есть лавра святаго Савы Освященнаго. Тамо же во обители и гроб его.* Монастырь же той на безводном мѣсте. И под монастырем есть источник водный, его же молитвами и слезами святый Сава изведе.* Храм же его о единой главѣ, писан же внутрь лазорью.* Тамо же и келия святаго Иоанна Дамаскина. В ней же, сѣдящи, и Октоих написа* и иная //(л. 23 об.) Божественная писания. Во время же и лѣта святаго Савы бѣяху инок 14000. Отстоит же от Иерусалима монастырь милий 12. Восходящи же во Иерусалим, есть верху горы монастырь святаго Феодосия, общежителнаго.* Отстоит же от Иеросалима милий 8. На той же горѣ монастырь святаго пророка Илии.* И оттуду к Вифлиему на пути есть церковь о единой главѣ, //(л. 24) идѣже спаше Илия, егда прииде к нему аггелъ Господень и рече: «Востани, яжь и пий, яко далече путь от тебе».* И тамо есть поток, идѣже приведе Иосифъ пресвятую Богородицу да тайно отпустит ю. И прииде аггелъ и рече Иосифу: «Не бойся пояти Марию, жену твою».* Оттуду грядый во святый град Вифлиемъ. Посреди пути есть гроб Рахилин, и на нем //(л. 24 об.) кивот каменный.* И от того близ Вифлием.*

В Вифлиеме же храм велий зѣло* и долгий, каменный, покровен досками древяными, и верху покрова древянаго покровено свинцом. Писмо же стѣнное мусиями позлащенными украшен, и внутрь церкви 50 столпов мраморныхъ, и помостъ мраморный бѣл, аки снѣг. //(л. 25) И на десной странѣ храма крестилница от камении багряных, прекрасна зѣло. Ошуюю же олтаря долу низходит 14 ступеней, и обрящеши пещеру, идѣже родися Господь наш, Исусъ Христос. Рождение же на восток, ясли же на запад. В той же пещере горят 10 кандил неугасающих, а окладена та пещера внутрь юду мрамором. Имать же //(л. 25 об.) и двои врата мѣдные, и на десную страну олтаря горѣ ступеней 15, и внидешъ во храм святаго Георгия.* И позади олтаря стадии двѣ есть мѣсто пастырей, имѣяше и храм прекрасный.* Нынѣ же падеся.

Отстоит же святый Вифлием от Иерусалима милий 6, оттуду же верста едина, на равнинѣ дом Евфрафа.* И созади всего //(л. 26) есть храм святаго Георгия. Суть же и вериги, иже его вязаху.* Отстоит же от Иерусалима милий 8. Мѣсто же Авраамово, земля и Мамврий на западъ. Тамо же и мѣсто, идѣже сотвори Авраам страннолюбие живоначалной Троицы.* Ту и гроб его,* отстоит же от Иерусалима милий 30, и тамо видѣвъ пресвятую Троицу очима видно. И оттуду милий 30 есть обитель //(л. 26 об.) святаго Харитона.*

Тивириадское же море, идѣже ловяху апостоли, отстоит от Иерусалима путьшествия три дни. Тамо ихъ обрѣте Христос, ловящих рыбы, и рече имъ: «Придита, и послѣдуйта ми, и сотворю вы ловцы человѣком».* В той же странѣ и Горняя, идѣже пресвятая Богородица прииде и целова Елисавефь.* И верху есть камень, иже //(л. 27) разсѣдеся и скры Предтечю и с материю его, егда бѣжа от лица Иродова. И на том мѣсте храм.* И оттолѣ стадия иный храм, идѣже родися Предтеча.* От Иерусалима милии двѣ. И оттуду надесно есть монастырь Честнаго Креста,* ограда же велия зданием, аки град преукрашен. Внутрь же церковь соборная превелия о единой главѣ, писмо стѣнное мусиею позлащенною, //(л. 27 об.) врата же ограды желѣзная, и тамо горят кандила неугасающия. Отстоит же от Иерусалима милия едина. Есть же и инъ монастырь ближайши того стадиею, святаго Павилы. И от того монастыря на большом пути есть камень, идѣже седѣла Пресвятая Богородица и поклоняшеся святому древу и Иерусалиму.

Фаворская же гора* отстоит //(л. 28) от Иерусалима пути долгота 3 дни. На ней же преобразися Христосъ. И оттуду, идущи путемъ ко Иерусалиму, есть крестъ каменный мрамору бѣлого, зѣлною хитростию изваянъ и позлащен. Стоит же на высоком мѣсте и видится отдалеча путшественником. И от креста стадия на равнинѣ монастырь Воздвижение честнаго Креста, строение //(л. 28 об.) иверскаго царя Гургура, сирѣчь грузинскаго.* Той же монастырь всѣх монастырей, иже во Иерусалимѣ, болии есть каменным зданиемъ. Имѣет же внутрь монастыря келий 350. Отстоитъ же от Иерусалима двѣ мѣли.

Иерусалим же величеством окрестъ обхода пять верстъ. Сия же вся святая и пречюдная здания, иже суть даже и донынѣ, //(л. 29) ихъ же бытие написахом, сотвори блаженная Елена в память возлюбленному сыну своему Константину, царю равноапостольному. И в память ея взят же убо честный и животворящий крестъ и с божественными гвоздии и принесе я в Констянтинъ град.* Сия знамения и чюдеса, яже суть во святѣм градѣ Иерусалимѣ благодатию //(л. 29 об.) Христа Бога нашего и молитвами пресвятыя Богородицы соблюдаются в славу и в похвалу христоименитому роду. Ему же слава во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Комментарии

Л. 1 об.

**...сыскание о Святая Святых, о Гепсимании, о горѣ Елеонстѣй, о Юдоли Плачевной.* — Святая Святых — первый Иерусалимский храм, воздвигнутый царем Соломоном на Храмовой горе, на его месте мусульманами был воздвигнут Купол Скалы. Гефсимания — местность у подножия западного склона Елеонской горы, где, согласно Евангелиям, молился перед арестом, был предан и взят под стражу Иисус Христос (Мф. 26: 36–57, Мк 14: 32–53, Лк. 22: 39–53, Ин. 18: 1–13); здесь же находится гробница Богородицы. Елеонская (Масличная) гора — святое место для христиан, расположена на восточной стороне Кедронской долины, с ней связан целый ряд библейских событий: вознесение Иисуса Христа (Деян. 1), здесь же была произнесена Елеонская проповедь (Мф. 24, Мр. 13, Лк. 21). Юдолью Плача названа Кедронская долина, с которой, по христианской эсхатологии, связано представление о Страшном Суде, во время которого Бог будет судить всех людей.

Л. 2

**...башня велия зѣло царя Давида, идЪже състави Псалтирь. О той же башни и творец каноном написа: «В дому Давидовѣ страх великъ, и индѣ страшная совершаются».* — Башня (цитадель) царя Давида — фортификационное укрепление, расположенное вблизи Яффских ворот Иерусалима. Автор приводит парафраз из Псалтыри (121: 5): «Там стоят престолы суда, престолы дома Давидова». Толкование этого места находим в Хождении Василия Познякова: «О томъ дому рече Божественное Писание: “В дому Давидове страхъ великъ, ту бо престоломъ поставленнымъ судятся всяка плѣмена земная и языцы”. А нынѣ в томъ дому несть страха. Нам же вопросившим о томъ дому и Божественномъ Писании патриарха иерусалимскаго Софрония. Патриархъ же намъ отвѣща: “Егда будетъ пришествие Сына Человеческаго судити живым и мертвымъ, тогда в томъ дому все Божественное Писание совершится”» (Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи / Подгот. текста, пер. и ком. О. А. Белобровой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т.10. С. 80, 82).

**...будетъ излиятися огненая рЪка–мучение, иже за сие глаголется Юдоль Плачевная.* — См. комментарий к л. 1 об.

**...пресвѣтлый храмъ Христа Бога нашего Воскресения...* — Иерусалимский храм Гроба Господня, или Воскресения Христова, главная святыня христиан всех конфессий. В Повести автор называет его еще и храмом Святого Гроба.

Л. 3

**...исходит огнь в Великую Суботу на гроб Господень.* — Имеется в виду чудо схождения Благодатного огня на гроб Господень. Церковная церемония схождения Благодатного огня начинается за сутки до православной Пасхи, в Великую

Субботу — субботу Страстной седмицы, посвященную воспоминанию о пребывании Иисуса Христа во гробе и сошествии во ад.

Л. 4

**И извнѣ гроба, на помостѣ, есть камень, идѣже сѣдяше аггелъ и мироносицы плакали... «Что ищете Живаго с мертвыми? Воста, нѣсть здѣ».* — Речь идет о входном помещении в Кувуклию, так называемом приделе Ангела. На этом месте, согласно Евангелию, на камне сидел Ангел, возвестивший женам-мироносицам Воскресение Христа (Мф. 28: 2–6).

**...позади гроба Господня есть церковь малая, и тамо служат прокляти коптии, еретики.* — Коптский придел — небольшая часовня, пристроенная к Кувуклии с запада.

Л. 4 об.

**И наверху гроба Господня кивотъ созданъ круголъ, на 12 столпах желѣзныхъ, и покровенъ свинцом.* — Речь идет о Кувуклии — небольшой купольной часовне, расположенной в центре ротонды храма Гроба Господня. Кувуклия заключает в себе гроб Господень и придел Ангела.

**И писмом стѣннымъ написана икона Воскресение Господа нашего Исуса Христа...* — Речь идет об иконе Воскресения, находящейся в пещере Гроба Господня.

Л. 5

**И в соборной церкви, идѣже амбонъ, написан Пупъ земли — средина всей вселеннѣй...* — Имеется в виду Кафоликон (храм Воскресения Господня): так называют «срединный» объем комплекса храма Гроба Господня. Под куполом Кафоликона находится место, называемое «мезомфалос», — Пуп земли, символизирующий христианский центр земли (Пс. 73: 12).

Л. 5 об.

**«С нами Богъ! Разумѣйте, языцы, и покаряйтеся, яко с нами Богъ!».* — Цитата из Книги пророка Исайи (8: 9–10). Эту цитату, выполненную мозаикой, при описании храма Гроба Господня отмечают и другие проскинитарии: «...кругом же алтаря изображено буквами: С нами Бог: разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог!" и оно так же мозаикой» (Три греческие безымянные проскинитария XVI века. С. 44).

**И тамо престолъ, или сѣдалище патриарше.* — Кафоликон является кафедральным собором Иерусалимского патриархата, поэтому в его восточной части расположен престол патриарха Иерусалимского.

Л. 6

**...есть темница, идѣже Христосъ сѣдѣлъ...* — В пространстве храма Гроба Господня это место называют «часовней Уз», или «темницей Христовой»: согласно

преданию, здесь Иисус Христос с двумя разбойниками должен был провести время, пока на Голгофе палачи готовили орудия казни.

**Есть же тамо забой, иже в них забили, бияху, ноги Христовы.* — Перед входом в часовню Уз, под престолом, находится каменная плита с двумя отверстиями для ног, куда сажали приговоренных.

Л. 7

**...на помостѣ камень бѣлый... слышат стукъ и звук, яко бы кузнецом ковати.* — Легенда о кузнеце или цыгане, который ковал гвозди для распятия Спасителя, получила широкое распространение в мировом фольклоре, однако в паломнических описаниях русских богомольцев и в путеводителях греческой традиции она приводится редко. Для сравнения приведем эту легенду из «Проскинитария, содержавшего все чудесные знамения, явленные Спасителем нашим во святом городе Иерусалиме, и описание местностей», как и наша Повесть, называющего местом заточения кузнеца храм Гроба Господня: «Круглая мраморная плита, и там посредине сделано отверстие, и весь круг там заштукатурен. Некоторые говорят, что там был замуравлен несчастный и проклятый кузнец, там сделал он гвозди, которыми пригвоздили Создателя, Иисуса и Бога моего. Кто приложит ухо, слышит там голос неясный и нераздельный, и вдруг звук пропадает» (Восемь греческих описаний св. места XIV, XV и XVI вв. С. 200).

**...есть мѣсто, идѣже раздѣлиша ризы Господу... «Раздѣлиша ризы моя себѣ и одежди моей меташа жребия».* — Капелла Деления одежд обозначает в храме Гроба Господня место, где, согласно Евангелиям (Мф. 27: 35; Мк. 15: 24; Лк. 23: 34, Ин. 19: 23–24), распявшие Христа римские солдаты разделили его одежды.

**Голгофа* — небольшая скала, на которой был распят Иисус Христос (Ин. 19: 17–18).

Л. 7 об.

**...храмъ святыя Елены...* — Имеется в виду подземная церковь св. Елены, где, по преданию, сидела царица, наблюдая за раскапыванием святого креста.

Л. 8

**...есть печера, идѣже обрѣтеся крестъ Господень...* — Из церкви св. Елены вниз ведет лестница к католической церкви Обретения Креста, где, согласно преданию, царица Елена обнаружила крест Христа, гвозди и кресты двух разбойников.

**...есть мѣсто, идѣже повили Христа плащаницею Никодимъ со Иосифомъ.* — Камень миропамазания находится в центральном притворе храма Гроба Господня. По христианскому преданию, на него было положено тело Иисуса Христа после снятия с креста. На нем Иосиф и Никодим подготовили тело Господа к погребению (Ин. 19: 38–42).

Л. 9

**...в ня же вниде преподобная Мария. И хотяше внити во храм, и возбранися ей от аггела входъ во храмъ... и рече ей: «Аще Иорданъ прейдеши, хощеши обрѣсти упокоение».* — Описан греческий параклис во имя Марии Египетской. Согласно Житию святой, ее не впустила в храм Гроба Господня сила Святого Духа. Здесь же от иконы Богородицы Иерусалимской она получила наставления о спасении.

Л. 10

**На том же мѣсте мертвый воскресе, егда обрѣтеся крестъ Господень.* — Согласно преданию, от соприкосновения с крестом, найденным императрицей Еленой, воскрес умерший, которого несли на погребение.

**Тамо же три церкви — святое Воскресение Христово, и Святых сорока мученикъ, и святаго Иякова, брата Божия, и мироносицъ.* — Речь идет о храмах, расположенных на площади перед входом в храм Гроба Господня (Воскресения): церковь Сорока севастийских мучеников, являющаяся усыпальницей Иерусалимских патриархов; слева от нее церковь Жен-мироносиц. В западной части двора, слева от церкви Жен-мироносиц, находится церковь св. Иакова, брата Господня.

**Тамо видѣ и Магдалыни Мария Христа по воскресении и мнѣла, яко вертоградарь есть... «Мария, не прикасайся мнѣ, се бо восхожу ко Отцу моему».* — Посреди церкви Жен-мироносиц находится небольшой мраморный киворий, которым отмечено место явления воскресшего Христа Марии Магдалине, которого она приняла за садовника (Ин.20: 14–17).

Л. 10 об.

**На том мѣсте стояше пресвятая Богородица и зряше Сына своего на крестѣ, и рыдаше.* — Вероятно, речь идет о католическом алтаре Stabat Mater.

Л. 11 об.

**...храмъ Святая Святых и святилище, идѣже учаше Христосъ.* — См. коммент. к л. 1 об.

Л. 12

**Тамо заклали Захарию, отца Предтечева.* — Согласно преданию, когда Елизавета с младенцем Иоанном скрылась в пустыне от воинов Ирода, ее супруг Захария служил в храме. После того, как он отказался указать место, куда бежали жена с сыном, Захария был убит воинами прямо в святилище.

**В том же и старецъ Симеон восприятъ на обьятии Спаса Христа.* — В Евангелии от Луки (2: 22–40) рассказано о том, как на 40-й день после рождения младенца Иисуса Мария и Иосиф принесли его в храм Иерусалимский, где младенца принял на руки старец Симеон, которому было предсказано, что он не умрет,

пока не увидит Сына Божия. В память об этом событии установлен праздник Сретения Господня (2 / 15 февраля).

Л. 13 об.

* *...идѣже вниде Христосъ с ваиями и вѣтми.* — Речь идет о Золотых воротах иерусалимской городской стены, через которые Спаситель на белой ослице въехал в город, радостно встречаемый народом. В память об этом евангельском событии (Мф. 21: 1–9, Мк. 11, Лк. 19, Ин. 12) установлен праздник Вход Господень в Иерусалим.

**И есть городъ той затворен даже и донынѣ.* — Согласно легенде, в середине XV в. турки, боясь исполнения пророчества о том, что через Золотые ворота в город войдет Мессия, замуровали ворота и устроили перед ними мусульманское кладбище. Подробнее об этом см.: *Лисовой Н. Н.* Откровение Святой Земли. С. 17.

**Тамо же, близ того города, дворъ Пилатов и судище, сирѣчь приказ, идѣже судили Христа.* — Двор Понтия Пилата, или Лифостротон — резиденция римского наместника Понтия Пилата, во дворе которой Иисус Христос был приговорен к смертной казни (Мф. 27: 22–23; Мк. 15: 1–15, Лк. 23: 13–25, Ин. 18: 28, 19: 16).

**...Овчая купѣль, глаголема еврейски Вифезда, а по-гречески — колимвифтра.* — Вифезда, купель в Иерусалиме, она же Овчая. Находилась у Овечьих ворот иерусалимской городской стены, где, согласно Евангелию (Ин. 5: 1–16), Иисус Христос исцелил расслабленного.

Л. 14

**Имать же и храм близу ея.* — Вероятно, речь идет о базилике св. Анны.

**...дом Иоакимов и Аннин, матери Богородицы.* — Имеется в виду церковь Рождества Богородицы, поставленная на месте дома праведных Иоакима и Анны, родителей Богородицы.

**...ровъ, идѣже ввергоша евреи Иеремию.* — Речь идет о ветхозаветных событиях: иудейские старейшины, разгневавшись на предсказания пророка Иеремии, бросили его в зловонный ров, где он едва не умер.

Л. 14 об.

**...есть домъ Давидовъ...* — Башня (цитадель) царя Давида, фортификационное укрепление, расположенное вблизи Яффских ворот Иерусалима.

**И оттуду мало есть монастырь Иякова, брата Божия...* — См. коммент. к л. 10.

Л. 15

**...домъ Иоанна Богослова... И в томъ святомъ Сионѣ есть домъ пресвятыя Богородицы и святаго Иоанна Богослова.* — Речь идет о базилике Святой Сион, воздвигнутой на месте дома апостола Иоанна Богослова, где закончила свой земной путь Богоматерь.

**«Жено, се сынъ твой».* — Цитата из Евангелия от Иоанна (19: 26).

**И во святомъ Сионѣ, в храмѣ Богородичном, бысть Вечеря Тайная и умовение. В том же дому сниде Духъ Святый на святыя апостолы.* — Горница Тайной Вечери, или Сионская горница — место, где совершилась Тайная Вечеря, на которой Иисус Христос омыл ноги двенадцати апостолам (Ин. 13:4–11) и установил таинство Евхаристии (Мф. 26:26–29). С этим местом на горе Сион евангельская традиция связывает целый ряд событий, в том числе — схождение Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы (Деян. 2:1–4).

**В том же дому и пресвятая Богородица преставилась от сея жизни в небесная селения.* — Речь идет о доме Иоанна Богослова на Сионе, см. выше.

Л. 15 об.

**И погребоша пречистое и святое ея тѣло в Гепсимани веси.* — Гефсимания —местность, расположенная у подножия западного склона Елеонской горы, где любил уединяться Христос. В Гефсимании находится православная церковь Успения с гробницей Богородицы. По преданию, здесь также находятся гробницы ее родителей, Иоакима и Анны, и Иосифа Обручника.

**Тамо есть и гроб пророков Давида и Соломона, и старца Симеона, и первомученика Стефана.* — Согласно традиции, в скалах Сиона находились гробницы Давида (3Цар. 2:10) и других царей (Соломона и его потомков). Место точного захоронения Стефана Первомученика до сих пор не установлено. Согласно преданиям, царицей Евдокией недалеко от Львиных ворот, в Кедронской долине, была возведена базилика св. Стефана, но долго она не простояла.

Л. 16

**...и есть ревенник праведнаго Иякова.* — Колодец в Наблусе, по преданию, высечен в скале праведным Иаковом, сыном Исаака. С ним традиция связывает евангельский рассказ о встрече Спасителя с женщиной-самарянкой (Ин. 4: 4).

**И от того низши ко Иерусалиму есть Силоамъ колимвифтра.* — Имеется в виду Силоамская купель, вода которой считалась целительной. Согласно евангельскому повествованию, здесь произошло чудо исцеления Спасителем слепца (Ин. 9: 1–7).

**...село Скуделниче в погребание страннымъ...*– Согласно Новому Завету (Мф. 27: 7), на деньги, полученные Иудой от первосвященников за предательство Христа, была куплена земля у горшечника для погребения странников. Поэтому это место называют Акелдама, Земля Крови, или Земля горшечника. Вплоть до XIX в. здесь хоронили странников.

Л. 16 об.

**...гроб Ияковль, брата Божия, его же низринуша июдеи от крыла церковнаго.* — Очевидно, речь идет о церкви св. Иакова, брата Господня, см. коммент.

к л. 10. Здесь же автор вспоминает сообщение Жития о мученической кончине апостола Иакова, когда книжники и фарисеи столкнули его с крыла Соломонова храма, а потом добили камнями.

**...есть и Гепсимании, идѣже гроб пречистой Богородицы. И тамо храм Успения пресвятыя Богородицы.* — См. комментарий к л. 15.

Л. 17 об.

**...есть пещера, идѣже бѣ Христосъ со апостолы сокровен...* — Очевидно, имеется в виду Апостольская пещера у Елеонской горы (Мф. 26: 40–42; Мк. 14: 37–42; Лк. 22: 45–47).

**...и в ту нощъ бѣ в вертоградѣ, моляся.* — Речь идет о Гефсиманском саде, месте последней молитвы Спасителя (Мф. 26: 39; Мк. 14: 35; Лк. 22: 41–42).

**Тамо отрѣза Петръ ухо Малху.* — В Евангелиях (Мф. 26: 51–54; Мк. 14: 47; Лк. 22: 49–51) рассказано, что во время ареста Спасителя апостол Петр отсек мечом ухо рабу первосвященника. В Евангелии от Иоанна раб назван по имени — Малх (Ин. 18: 10–11).

Л. 18

**И подалѣ от того мѣста, идѣже сѣдяше Христосъ и зряй на Иерусалим, глаголя: «Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и камениемъ побивый посланныя к тебѣ! ...дондеже не разорится».* — Речь идет о пророчестве Иисуса Христа об Иерусалиме (Мф.: 23: 37–38, 24: 2). В наше время это место отмечено церковью «Плач Господень».

**...есть гора Елеонская, отнюду же вознесеся Христосъ на небеса.* — Елеонская гора, или Масличная находится на востоке Иерусалима. С Елеонской горы Спаситель вознесся на небо (Лк. 24. 50–51; Деян. 1. 9–12).

Л. 18 об.

**...храмъ прекрасный... на камени стопа Христовы ноги, иже напечатася тогда в часъ вознесения, еже на небеса.* — Часовня Вознесения на Елеонской горе отмечает место, с которого Иисус вознесся на небо. Главной святыней часовни является камень, на котором отобразился отпечаток стопы вознесшегося Спасителя.

Л. 19

**...есть гроб святыя Пелагии... и по исповѣдании паки свобождается и идет аможе хощет.* — Византийская святая Пелагия (Елеонская, Палестинская) под видом инока поселилась на Елеонской горе, где жила до кончины в строгом воздержании и молитве. Монастырь прп. Пелагии расположен напротив часовни Вознесения. У ее гроба паломники эпохи Средневековья совершали обряд покаяния, о чем известно из греческих путеводителей и древнерусских «хождений».

Л. 19 об.

**И от того мѣста двѣ стадии до Галилии, в ней же брак бысть... Тамо сотвори Христосъ чюдо: воду в вино претвори.* — Галилея — историческая область Северной Палестины, с которой связано много евангельских событий. Так, с Канной Галилейской Писание связывает первое чудо, совершенное Спасителем: претворение воды в вино во время брачного пира (Ин. 2: 1–11).

**И на горѣ же Елеонстѣй преже сѣдяше Мелхиседекъ.* — Апокрифы о Мелхиседеке, бытовавшие в древнерусской книжности, называют разные места, где от своего отца — царя язычника Мелхила — прятался Мелхиседек: Фавор, Кармилская гора, Галилея. В Хождении игумена Даниила (нач. XII в.) рассказано о пещере Мелхиседека на Фаворе. Вероятно, наша Повесть отразила один из вариантов апокрифической легенды.

Л. 20

**...Вифания, тамо гробъ святаго Лазаря, мраморный, бѣлый.* — В Вифании, селении около Елеонской горы, был дом Лазаря, друга и ученика Иисуса Христа. Евангелие рассказывает о том, как на четвертый день после кончины Лазаря Христос воскресил его из мертвых (Ин. 11: 1–46). Над гробницей Лазаря, расположенной в скальной пещере, была возведена церковь Воскресения.

**И близ гроба на камени, егда сѣдяше Христосъ от путнаго шествия...* — Имеется в виду место встречи Марфы и Марии, сестер Лазаря, с Христом (Ин. 11: 20–27, 30–32), отмеченное камнем.

**Инъ гроб Марфы и Марии, сестръ Лазаревыхъ.* — О месте и времени упокоения праведных Марфы и Марии сведений нет. Очевидно, в этом сообщении текста отразилась местная традиция почитания сестер Лазаря Четвородневного, бывших свидетельницами чуда его воскресения.

Л. 20 об.

**Иерихон* — город в Иудейской пустыне.

**Иордан* — река на Ближнем Востоке.

**...монастырь великаго Евфимия...* — Лавра святого Евфимия расположена на западном берегу реки Иордан.

Л. 21

**...тамо видѣ Исусъ Наввин архаггела Михаила, иже и рече: «Нашъ ли еси, или от сопостат наших?».* — Книга Иисуса Навина (5: 13–15) повествует о явлении ему вождя воинства Господня.

**...во Иерихонѣ, сланыя воды, ихъ же преложил в сладость пророкъ Елисей.* — В Библии рассказано (4 Цар. 2: 19–22), что жители Иерихона пожаловались пророку Елисею на плохую воду и бесплодную землю, тот бросил в источник соли и сотворил воду здоровой.

**...есть гора высока, идѣже постился Владыка Христосъ, избавитель мира, 40 дни.* — Гора Искушения (Квадрантена) — место, на котором, согласно евангельскому рассказу (Мф. 4: 1–11), Спаситель провел в посте и молитве сорок дней, искушаемый дьяволом.

Л. 21 об.

**...есть монастырь святаго Иоанна Предтечи. Тамо же под монастырем Иордан рѣка, идѣже крестися Господь нашъ Исусъ Христосъ.* — Монастырь во имя св. Иоанна Предтечи был воздвигнут на восточном берегу реки Иордан, недалеко от места, почитавшегося как место крещения Господня.

**Тамо же на струях Иорданских видѣв Иоанъ Духа Святаго.* — Имеется в виду рассказ Евангелия от Матфея (3: 13–17).

**Есть же и пещера на оной странѣ Иордана, идѣже живяше Иоанъ.* — Речь идет о монастыре Иоанна Предтечи (подробнее об этом см. выше). В ранние годы распространения христианства сохранялась и пещера, где, по преданию, жил святой.

**Тамо же взятся Илия пророкъ огненною колесницею.* — Очевидно, подразумевается монастырь пророка Илии, расположенный на пути из Иерусалима в Вифлеем. Согласно ветхозаветному повествованию, пророк Илия был вознесен живым на небо за особую праведность перед Богом (4 Цар. 2: 11).

Л. 22

**За Иорданом же есть гора высока... На том же мѣсте и гроб его.* — Речь идет о горе Нево. Согласно ветхозаветному повествованию, Моисей «погребен на долине в земле Моавитской против Беф-Фегора, и никто не знает погребения его даже до сего дня» (Втор. 34:6).

**...есть гроб преподобныя Марии Египетской.* — Согласно Житию Марии Египетской, преподобная провела 47 лет в покаянии и посте в пустыне, где ее тело было погребено в песках аввой Зосимой.

Л. 22 об.

**...есть Содомъ и Гоморъ.* — Содом и Гоморра — библейские города, расположенные в районе Мертвого моря, были уничтожены Богом за грехи их жителей (Быт. 19:24–28).

**Тамо же и море Мертвое, и мѣсто Лотово.* — Мертвое море, или Содомское —бессточное соленое озеро, известное с библейских времен. Под «местом Лотовым», возможно, повествователь понимает пещеру, где, согласно библейскому повествованию, Лот жил с дочерьми после бегства из Содома (Быт. 19:30–38).

**...монастырь святаго Герасима, идеже служаше имъ лев.* — Мужской монастырь Герасима Иорданского, находящийся на западном берегу реки Иордан. В Житии святого Герасима рассказано о том, как он спас льва, вытащив из его лапы занозу, за что тот предано служил ему. Этот житийный сюжет хорошо

известен не только средневековой книжности, но и положен в основу многочисленных изображений святого, у ног которого лежит лев.

Л. 23

**...есть лавра святаго Савы Освященнаго. Тамо же во обители и гроб его.* — Православный мужской монастырь, находящийся на западном берегу реки Иордан, основан в V прп. Саввой Освященным. На территории монастыря находится часовня-усыпальница его основателя, Саввы Освященного.

**И под монастырем есть источник водный, его же молитвами и слезами святый Сава изведе.* — Имеется в виду источник, который забил по молитве прп. Саввы .

**Храм же его о единой главѣ, писан же внутрь лазорью.* — Речь идет о главном храме лавры, соборе Благовещения Пресвятой Богородицы.

**Тамо же и келия святаго Иоанна Дамаскина. В ней же, сѣдящи, и Октоих написа...* — Святой Иоанн Дамаскин принял монашеский постриг в лавре Саввы Освященного и прожил в ней около 50 лет. Сохранилась пещера, где он жил, и его гробница. Иоанн Дамаскин является автором целого ряда духовных сочинений, среди которых и богослужебная книга Октоих.

Л. 23 об.

**...монастырь святаго Феодосия, общежителнаго.* — Монастырь Феодосия Великого — первый в Палестине общежительный монастырь, основан в V в.

**...монастырь святаго пророка Илии.* — О монастыре пророка Илии см. комментарий к л. 21 об.

Л. 24

**...есть церковь о единой главѣ, идѣже спаше Илия, егда прииде к нему аггелъ Господень и рече: «Востани, яжь и пий, яко далече путь от тебе».* — Речь идет о монастыре пророка Илии (см. выше), расположенном на том месте, где, по преданию, пророку, скрывшемуся в пустыне от Иезавели, являлся ангел (3 Цар 19. 4–8).

**И тамо есть поток, идѣже приведе Иосифъ пресвятую Богородицу... «Не бойся пояти Марию, жену твою».* — Автор Повести отсылает к Евангелию от Матфея, где рассказано о том, что Иосиф, узнав о беременности Марии, был «смущен», но по своей праведности готов был с ней расстаться без огласки. Явившийся Иосифу во сне ангел возвестил, что ожидаемый Марией младенец от Духа Святого (Мф. 1: 18–19, 20–23).

Л. 24 об.

**...посреди пути есть гроб Рахилин, и на нем кивот каменный.* — Гробница Рахили находится севернее Вифлеема на месте, где, согласно традиции, была погребена праматерь Рахиль (Быт. 35: 19).

**Вифлеем* — город на западном берегу реки Иордан, священное для христиан место, где, согласно Евангелию, родился Спаситель (Мф. 2:1–11, Лк. 2:4–7).

**В Вифлиеме же храм велий зѣло...* — Базилика Рождества Христова в Вифлееме возведена царицей Еленой в 323 г. над пещерой, где, согласно традиции, родился Христос и был положен в ясли (Лк. 2: 6–7).

Л. 25 об.

**...и внидешъ во храм святаго Георгия.* — Имеется в виду придел святого Георгия Победоносца в базилике Рождества Христова.

**...есть мѣсто пастырей, имѣяше и храм прекрасный.* — Речь идет о престоле, посвященном святым волхвам: считается, что в этом месте они сошли с коней перед тем, как войти в пещеру и поклониться младенцу Христу.

**...на равнинѣ дом Евфрафа.* — Евфрафа — в древние времена так назывался Вифлеем и вся Вифлеемская земля (Мих. 5: 2), а также это имя родоначальника жителей этого города, отсюда и «дом Евфратов» (Руф. 1: 2; 1 Цар. 17: 12).

Л. 26

**...есть храм святаго Георгия. Суть же и вериги, иже его вязаху.* — Имеется в виду монастырь Георгия Победоносца, расположенный в поселении Бейт-Джала, находящемся между Вифлеемом и Хевроном. Главная реликвия храма — вериги святого, от которых получали исцеление бесноватые.

**Тамо же и мѣсто, идѣже сотвори Авраам страннолюбие живоначалной Троицы.* — Речь идет о Мамврийском дубе в Хевроне, или Дубе Авраама, под которым, согласно Писанию, Авраам принимал трех ангелов (Быт. 18: 1–4).

**Ту и гроб его...* — Пещера Патриархов — склеп в древней части Хеврона, в котором, согласно Библии (Быт. 23; 49: 29–32; 50: 13), похоронены праотцы Авраам, Исаак и Иаков и их жены Сарра, Ревекка и Лия.

**...обитель святаго Харитона.* — Монастырь прп. Харитона (Фаранская лавра) в Иудейской пустыни основан в 330 г. на месте пещеры, где, по преданию, спасался святой Харитон.

Л. 26 об.

**Тивириадское же море, идѣже ловяху апостоли... обрѣте Христос, ловящих рыбы, и рече имъ: «Придита, и послѣдуйта ми, и сотворю вы ловцы человѣком».* — Тивериадское озеро (Галилейское море или Геннисаретское озеро) — пресноводное озеро, на берегах которого Христос совершил некоторые из своих чудес. Автор Повести вспоминает евангельский рассказ, согласно которому Спаситель, проходя близ моря Галилейского, увидел братьев Петра и Андрея, закидывавших сети в море, и призвал их на апостольское служение (Мф. 4: 18–20).

**В той же странѣ и Горняя, идѣже пресвятая Богородица прииде и целова Елисавефь.* — Встреча девы Марии и ее двоюродной сестры Елизаветы произошла

«во граде Иудине» и описана в Евангелии от Луки (Лк. 1: 41–45). На месте встречи основан Горненский женский монастырь.

Л. 27

*...*есть камень, иже разсѣдеся и скры Предтечю и с материю его, егда бѣжа от лица Иродова. И на том мѣсте храм.* — Речь идет о небольшом храме в местечке Эйн Карем, воздвигнутом рядом с пещерой, где, как рассказано в апокрифическом Первоевангелии Иакова, скрывалась праведная Елизавета с младенцем Иоанном от воинов царя Ирода.

**И оттолѣ стадия иный храм, идѣже родися Предтеча.* — Речь идет о доме Захарии, отца Иоанна Предтечи. В настоящее время на этом месте возведен католический монастырь.

**...есть монастырь Честнаго Креста...* — Мужской монастырь, расположенный на месте, где, по преданию, произрастало древо Креста.

Л. 27 об.

**Фаворская гора* — гора Фавор расположена недалеко от Назарета, христианское предание называет ее местом Преображения Спасителя (Мф. 17: 1–2; Мр. 9: 2–3; Лк. 9: 28–29).

Л. 28 об.

**...строение иверскаго царя Гургура, сирѣчь грузинскаго.* — Очевидно, речь идет о грузинском царе Дадине (греч. Татиан): согласно грузинской традиции, в V в. над корнем священного дерева он построил монастырь Честного Креста.

Л. 29

**...сотвори блаженная Елена в память возлюбленному сыну своему Константину...и принесе я в Констянтинъ град.* — Равноапостольная царица Елена, мать римского императора Константина I, прославилась проведенными ею раскопками в Иерусалиме, благодаря которым были обретены гроб Господень, животворящий Крест, реликвии Страстей.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

Паломнические путешествия иеродиакона Дамаскина, инока Московского Чудова монастыря, на Святую Гору Афон в конце XVII в. и в Соловецкий Преображенский монастырь в начале XVIII в.

С.Ю. Житенёв

В самом конце XVII в. иеродиакон Дамаскин[1], инок Московского Чудова монастыря совершил паломническое путешествие на Святую Гору Афон, где провёл тринадцать месяцев, посетил все афонские обители и поклонился их святыням. Отец Дамаскин прибыл на Афон в 1698 г., обошёл святогорские монастыри, скиты, трапезы, храмы и пещеры, описав их и составив рисунки к ним. В афонских монастырях он изучил греческий язык и мог на нём не только говорить, но и писать. К сожалению, его афонские тетради, в которых он описал своё паломническое путешествие на Афон и сами святогорские монастыри, с его рисунками были утеряны[2], по свидетельству архимандрита Леонида (Кавелина)[3]. По дороге на Святую гору Афон, по мнению архимандрита Леонида, иеродиакон Дамаскин посетил Киев и, соответственно, поклонился его святым местам.

По возвращении из паломнического путешествия в Московское царство, он по благословению Новгородского и Великолуцкого митрополита Иова[4] посетил Соловецкий монастырь. Возвратившись обратно в Москву, в Чудов монастырь, Дамаскин в 1701–1703 гг. написал необычную для русской паломнической литературы работу «Сравненіе святой Афонской горы съ Соловецкимъ монастырёмъ, и лѣсъ на оной», в которой в сопоставительной форме отразил свои богомольные путешествия на Афон и Соловки.

В Московском царстве в XVII в. среди православного народа, в том числе и священства, бытовало представление о том, что «Соловецкой монастырь во многихъ вещехъ подобится первому монастырю святогорскому Лавр »[5]. Так как очень не многие русские люди в то время могли посетить Афон, то представление о нём было основано на устных рассказах и чтении

хождений паломников. Поэтому уподобление Соловецких островов Афонскому полуострову было основано на формальном подходе, весьма далёком от реального положения дел. Более того, существовало стремление называть Соловки «Северным Афоном». Иеродиакон Дамаскин сделал в своём литературном труде определённый и обоснованный вывод из сравнительного анализа о том, что Соловки и Афон совершенно не похожи друг на друга и по природным условиям, и по традициям монашеской жизни. Тем самым он смело и честно выступил против сложившегося в русском обществе того времени мнения о подобии Соловецкого монастыря и монашеской республики на Афоне.

Особенность литературного труда иеродиакона Дамаскина заключалась в том, что он не просто описывал святые места Афона, как это было обычно принято в древнерусской паломнической литературе, а обобщённо рассказывал о них с элементами анализа, необходимыми для сравнения с Соловецким монастырём. Он выделил одиннадцать разделов, по которым сравнивал святогорские монастыри на полуострове Афон в Греции и Преображенскую обитель на Соловецком архипелаге в России. И, таким образом, по этим разделам представил жизнь монашеских обителей на Афоне и Соловках.

В первом разделе иеродиакон Дамаскин указал, что размеры Соловецкого острова значительно меньше, чем полуострова Афон. Во втором — он, естественно, отметил, что на Афоне находятся двадцать монастырей, а на Соловках — только одна обитель. В третьем разделе он описал высоту и географические особенности горы Афонской, обратив особое внимание на то, что Афон находится под покровительством Пресвятой Богородицы. «Въ Афонской же гор есть высочайшее м сто самый святый верхъ Афона (толико высокъ, яко съ него за пятьсотъ вёрстъ Царь-град вид ть бываетъ), стоитъ выше облаковъ, на нём же н которіи благоговѣ ніи отцы пустынницы вид ша стоящу Пресвятую Богородицу, и покровомъ ризы своея всю Афонскую гору ос нящу»[6].

В четвёртом разделе иеродиакон Дамаскин отметил, что на Афоне находится большое количество монахов-пустынников и затворников, которые проживают уединённо или небольшими группами, которые собираются на богослужения в определённом храме, а также для исповеди. «В Афонской же гор толико много пустынниковъ, яко и перечести ихъ невозможно за множествомъ. Келейное строеніе тамо всё каменное, и у всякого пустынника своя церковь, живутъ же не вс по единому, но у иныхъ церквей есть брата по два и по три. Между же сими пустынниками обр таются и иные кр пкожители затворники въ разс линахъ каменныхъ, въ пещерахъ и в столп хъ высокихъ жительствущіе, ко инымъ и восхода н сть, иныхъ же никто не знаетъ гд живутъ, кром служащихъ имъ братіи. Между же ими есть славные и тщательные и кр пкожительные духовники, у которыхъ т пустынники испов дываются и сов сть свою очищаютъ»[7].

В пятом разделе иеродиакон Дамаскин особо выделил то, что в тот период кроме монастырей и келий различных типов на Афоне было «четыре скита великих». К слову сказать, в настоящее время на Афоне официально существуют пятнадцать монашеских скитов. Он упомянул скит во имя святой Анны, в соборном храме которого находились честные мощи святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы. Этот скит один из самых старых и больших на Афоне, основанный в середине XVI в. и принадлежавший Великой Лавре преподобного Афанасия Афонского. Ещё он написал о малом ските, посвящённом святой Анне, и также находившемся в ведении Великой Лавры. Дамаскин указал на то, что в обоих скитах насчитывается около шестидесяти келий, расположенных по склонам горы Афонской. Третий скит он назвал «Карес», то есть Карея (Кариес), которая на самом деле была и остаётся столицей монашеской республики на Афоне. Карея — место заседания Священного Кинота и административный центр Святой Горы, где находятся представительства 19 афонских монастырей, в которых живут епистаты, заседающие в Киноте. Монастырь Кутлумуш не имеет своего представительства, так как он расположен на небольшом расстоянии от Кареи. Так как в Карее есть подворья и кельи большинства святогорских обителей, видимо, поэтому Дамаскин и принял её за скит. Святыня Кареи — древний Протатский храм Успения Божией Матери, где хранится чудотворная икона «Достойно есть». Также в Карее в древней келье святителя Саввы Сербского «Типикарнице» находится особо почитаемая чудотворная икона Богородицы «Млекопитательница». Четвёртым он указал скит святого Димитрия, который является одним из самых древнейших на Афоне и находится недалеко от монастыря Ватопед, но принадлежал в то время обители святого Павла. Дамаскин указал, что в скиту находится тридцать келий, заселенные монахами, которые «преподобно и праведно и свято живутъ яко Ангели Божіи въ земном семъ раю, Божію волю творятъ, по скитскому обычаю, а не по монастырскому»[8].

В шестом разделе иеродиакон Дамаскин обратил внимание на то, что афонские монахи в отличие от соловецких иноков не уделяют много внимания ловле рыбы в море, так как рыбная пища не занимает большого места на трапезе в святогорских обителях.

В седьмом разделе иеродиакон Дамаскин как самовидец, проживший более года на Афоне, сделал подробный обзор монашеских пищевых традиций в святогорских обителях. «Въ Афонской же гор пища: хл бъ пшеничной, а ржанова тамо отнюдь не знаютъ, пироговъ тамо никакихъ не д лаютъ... Рыбы тамо любятъ больше пряженые[9] и печёные, нежели варёные... Капусту тамъ весь кочанъ варять съ масломъ и ядять, изимая вилками. Салата тамо похвальная ядь и лёгкая, ретку[10] любять ясти, свекольное листвие[11] ум ють варити съ масломъ, и з ло хорошу въ томъ ядь себ обрт аютъ, иная трава есть у нихъ подходитъ на нашъ борщъ, изъ него же стержня израстаютъ шишки великія[12],

сихъ собравъ въ горшекъ съ масломъ древянымъ[13] варятъ и преславную сотворяютъ ядь. Есть и иные н колики травы, иные садовые, иные и самородные, которыя такожде варятъ и едятъ съ великою охотою. Масло тамо древяное св жее, вс хъ нашихъ маслъ превосходящее. Повседневная пища у нихъ ягоды масличные солёные, вм сто нашихъ гороховъ бобы, фасуля, ревитъ и сочевица[14]. Грибовъ тамо и губъ[15] никакихъ не ядятъ, а вм сто ихъ на постные дни обр таютъ себе пищу от чрепокожныхъ[16], ихъ же роди мнози суть извлекаютъ изъ моря и ядятъ, овіи варятъ, иніи пригутъ, и иные же и сырые ядятъ, яко изъ ахино икра и прочая. Чрепокожныхъ родове сіи суть: стридія[17], мидія, ахино, каравидесъ[18] — по нашему раки, другие каравидесъ, фтаподи[19], каламари[20], супя, пине, петалиды[21], солимы, и хухли: сіи есть чрепнокожныя нами не знаемыя, к сему же и гнушаемыя отъ нев дения, но тамо издревле отъ вс хъ челов къ и гр шныхъ и святыхъ приятыя и ядомыя безъ всякаго сумненія: которая пищи въ устав объявлены и названы чрепокожными. Питіе же во Святой гор вино церковное, кром же сего вода, а квасовъ тамо никакихъ отнюдь не д лаютъ. И вино и воду не такъ равно вси піютъ, но растворяютъ вино водою по своей мысли, яко же кто хощетъ: такожде и воду уксусомъ состроивъ піютъ. Предъ кушаньемъ же потчуютъ гостей, и сами ради гостя пяютъ по чарке водки изъ гор лки состроеной»[22].

В восьмом разделе иеродиакон Дамаскин описал и перечислил фрукты, которые произрастают на Афоне, но не растут в Московском царстве, а тем более, на Соловецких островах. Он описал различные сорта винограда, которые растут на Святой Горе Афон, а также другие фрукты, которые он по русской средневековой традиции называл «овощами». «Тамо же обр таются овощіе, лимоны, помаранцы[23], магдалы, шафтала[24], зердала[25], ройда, кидони[26], сливы красные, сливы б лые, дамаскино, смоквы[27], керась[28], козельчикъ, сикоморія[29], яблока, дули[30], и иные яблока растутъ гроздами, кумарья[31] вато, кастаня, ор хи большия, ор хи меньшія, и прочие»[32].

Девятый раздел иеродиакон Дамаскин посвятил описанию огородов и овощей на них растущих, а также хлебных злаков, которые выращивали для себя афонские монахи. «На Святой же гор гобина[33] сія родится: капуста, салата, прасъ, лукъ, чеснокъ, огурцы большіе по полуаршину[34], арбузы, тыквы, какъ и у насъ, другіе тыквы долгіе по аршину, третіе тыквы сулейные, четвёртые тыквы съ пережимкою, пятые репейчатые, шестые тыквы фляжные, дыни какъ и у насъ, другіе дыни круглые какъ арбузы и пёстрые, свекла, паклиджанъ бобы, перец сербской, ретка, петрушка, икропъ и иные н колики, ихъ же имянъ не упомню. Но и по всей Святой гор обр тается много нашихъ огородныхъ овощей и хл бныхъ потребъ, в первыхъ рожь самородная, пшеница самородная, ячмень, ярица, овёсъ, самородные. А гороху толико много везд , что мощно челов ку про себя въ годъ набрати, такъ же и чеснокъ везд обрт ается и лукъ, и капуста, и макъ и иные дикіе обаче ядомыя травы, ими же н когда питахуся древніи святіи отцы пустынницы»[35].

Десятый раздел иеродиакон Дамаскин посвятил вопросам водоснабжения афонских обителей, скитов и келий. Он написал о том, что с горы Афон текут небольшие реки, а также из скал бьют источники, превращаясь в ручьи, воду от которых иноки подводят к своим кельям и хозяйственным постройкам. Одиннадцатый раздел в литературном труде иеродиакона Дамаскина самый большой и посвящён деревьям, растущим на Афоне. Этот раздел выделен в отдельную главу под названием «Л с на Святой гор ». В этой главе описаны пятьдесят шесть видов различных деревьев, а также дано некоторое представление о хозяйственной деятельности святогорских монахов. Мы выделим только те из них, которые связаны с хозяйственной деятельностью иноков, а также с приёмом богомольцев.

При описании чинара, т.е. платана иеродиакон Дамаскин заметил, что афонские иноки используют это лиственное дерево, которое в изобилии растёт на Святой горе, для строительства мостов и «на дрова пос каютъ его». Также для отопления насельники святогорских монастырей использовали в те времена дерево дафин, т.е. лавр. Кедр, бук и сосна используются на Афоне для строительных и ремонтных целей. А из сосны монахи брали смолу, которую использовали для светильников. Плоды каштанов святогорские старцы использовали для еды: «Сей плодъ святогорцы едятъ мнози съ охотою пекутъ на углiи, инiи же варятъ въ вод »[36]. Также каштановое дерево они использовали для изготовления икон. Плодами лимонного дерева афонские монахи пользовались по праздникам и угощали «гостей, приезжих богомольцев». Из плодов померанцевого дерева (горького апельсина) иноки отжимали сок, цедру сушили на зиму, настаивали настойки, а из молодых засушенных померанцев делали чётки. В пищу монахами широко употреблялись садовые, миндальные и грецкие орехи, а также маслины, которые во множестве растут на Афоне. Монастыри Афона вели торговлю орехами, маслинами и маслом с жителями соседних греческих областей и купцами из Сербии и Болгарии, которые специально прибывали для этого на Святую гору.

Сбор маслин и производство оливкового масла было и до настоящего времени остаётся важнейшим деланием на Святой горе. Из масличного дерева также делаются различные изделия, в первую очередь, чётки и крестики. «Но и самое древо есть въ почтенiи, пачеже во Иерусалим , точатъ изъ него чотки и распосылаютъ во всю вселенную»[37]. Во множестве растёт на Афоне виноград, который святогорские монахи собирают и делают из него вино и водку для себя и богомольцев. Также в тех местах растёт гранат и черешня, плоды которых иноки собирают и едят. Из персиковых косточек иноки делали пуговицы для одежды, а из земляничного дерева было налажено массовое производство резных ложек, которые хорошо продавались и приносили немалый доход афонским обителям. На Афоне растут дубы, из которых монахи делали бочки, а также «на всякие нужды употребляютъ».

Заканчивая сравнение Афонской горы и Соловецких островов, иеродиакон Дамаскин сделал следующий пространный вывод: «Въ Афонской бо гор совершенное есть монашество, корень же и источникъ нашего благочестія, и аще кому хот ти о в р научитися, тамо обрящет премногія и предивныя книги писанныя на хартіяхъ древнія, овіи писаны черниломъ, овіи же и златомъ единымъ, яко же азъ самъ вид хъ подаяніе царско древнихъ благочестивыхъ царей евангелія, псалтири и уставы церковныя во всякой целости, правила церковныя и иныя различныя премудрыя и пренуждныя книги, въ нихъ же лежитъ благочестивое нашея в ры законоположеніе ц ло и невредимо, яко же из начала, тако и нын : и жители тамошніе не страждутъ въ в р изм ненія никоего же, яко же изъ начала содержали тако и нын , всё по единому чину совершается у нихъ божественное п ние, яко же въ церквахъ тако и въ келіяхъ, и житія и чина и всего устроенія монашескаго, тамо есть совершенное преданіе и старчество, и не возможно есть уподобити Соловецкаго острова не токмо всей Святой гор , но ниже единому малому скитскому пребыванію Святогорскому, и по елико скитское житіев Святогорское превосходитъ Соловецкаго, — потолику и обители Святогорстіи обитель Соловецкую церковнымъ чиномъ, и житіемъ монашескимъ, в д ніемъ, что есть монашество, и красотою м ста, и благодатію, отнюду же и нарицается отъ вс хъ периволь панагіи, сир чь: садъ Пресвятыя Богородицы, на него же всегда зритъ Пресвятая Богородица и снабд ваетъ и хранитъ отъ всякихъ б дъ, ц лъ и нерушимъ садъ свой, его же насади сама ещё суще во плоти»[38]. Таким образом, иеродиакон Дамаскин в своём сравнении Афонских обителей и Соловецкого монастыря решительно отдал предпочтение Святой горе, основываясь, в том числе и на том, что Афон является земным уделом Пресвятой Богородицы.

По возвращении из паломнического путешествия на Святую Гору Афон в Московское царство, иеродиакон Дамаскин написал свои путевые заметки в форме воспоминаний, уместившихся в нескольких тетрадях, в которых изложил описание святогорских монастырей и снабдил их своими рисунками. В 1701–1703 гг. Дамаскин перевёл с греческого языка паломнический труд доктора Иоанна Комнина[39] «Описаніе Святыя Горы Афона»[40]. По мнению архимандрита Леонида (Кавелина), этот текст перевода труда доктора Иоанна Комнина стал причиной путешествия иеродиакона Дамаскина в Соловецкую обитель. «Съ достаточною в роятностію можно полагать, что поднесеніе іеродіакономъ Дамаскинымъ тетрадей своего перевода «Описанія Святогорских монастырей» митрополиту Іову, съ рисунками оныхъ, и подало мысль сему любознательному святителю поручить тому же Дамаскину, какъ челов ку письменному и лично знакомому съ Афонскою горою (гд онъ прожилъ тринадцать м сяцевъ), пос тить Соловецкій монастырь, слывшій въ мн ніяхъ русскихъ людей за «С верный Афон», и высказать письменно своё мн ніе о его сходств или несходств св. Афонскою горою»[41].

Итак, учёный иеродиакон Дамаскин получил от владыки Иова, митрополита Новгородского и Великолуцкого, благословение не просто совершить богомольное путешествие в Соловецкую обитель, но написать литературный труд, в котором сравнить её с монастырями на Афоне. Для выполнения этого митрополичьего поручения иеродиакон Дамаскин, посетил Соловецкий монастырь, где поклонился святыням обители, обошёл все скиты и познакомился с монашеской жизнью. Точного времени паломнического путешествия Дамаскина на Соловецкие острова мы не знаем. Однако нет оснований не согласиться с мнением архимандрита Леонида (Кавелина), что его паломничество произошло в период между 1701–1703 гг. Возвратившись обратно в Москву, в Чудов монастырь, иеродиакон Дамаскин написал, вероятно, в 1703 г., как уже отмечалось выше, необычный по тем временам литературный труд «Сравненіе святой Афонской горы съ Соловецкимъ монастырёмъ, и лс ъ на оной», в которой в сопоставительной форме отразил свои паломнические путешествия на Афон и Соловки.

Для более целостного представления о монашеской жизни Соловецкой обители автор настоящей статьи искусственно разделил описание Афона и Соловков иеродиакона Дамаскина и выделил наиболее характерные и интересные фрагменты его сравнительного рассказа о повседневном быте насельников русского северного монастыря. Это особенно важно, учитывая, что именно в тот период было совершено первое массовое паломничество русских воинов, военачальников и государственных деятелей во главе с Царём Петром I Алексеевичем[42] в Соловецкий монастырь во время военного похода на Русский Север, а оттуда в Прибалтику, закончившегося основанием города Санкт-Петербурга, будущей столицы Российской Империи.

В первом разделе иеродиакон Дамаскин указал, что размеры Соловецкого острова значительно меньше, чем полуострова Афон. Во втором — он, естественно, отметил, что на Афоне находятся двадцать монастырей, а на Соловках — только одна монашеская обитель. В третьем разделе иеродиакон заметил, что на Соловецком архипелаге нет гор, с которых можно было бы осмотреть все острова, а есть толь холмы. В четвёртом разделе он написал о том, что среди соловецких монахов мало пустынножителей, кроме одного, который обретался в Савватиевой пустыне. В пятом разделе Дамаскин описал иноческий скит на острове Анзер, «въ нёмъ же церковь каменная и 17 келей братскихъ кругъ церкви въ близости, яко мн тися монастырю тутъ быти, а не скиту: всё бо видится тамо по монастырскому обычаю, а не по скитскому, и въ близости другъ ко другу живутъ, и въ церковь ходятъ вс по вся дни ко всякому церковному правилу, и благов ст извонъ всё по монастырскому чину бываетъ и часы на колокольн , и строитель, который управляетъ всё братство. И сіе м сто у насъ есть славное и дивное, отъ міра вельми удалённое и безпопечительное о вн шнихъ»[43].

Завершая описание скита Соловецкой обители на острове Анзер, иеродиакон Дамаскин замечает, что другого такого пустынного места во всей России не найти. Также он обращает внимание читателя на то, что Анзерский скит единственный «обр тается близъ Соловецкаго монастыря».

В шестом и седьмом разделе Дамаскин описал гастрономические традиции монахов Соловецкой обители. Основой монастырской пищи на Соловках были дары Белого моря, «з ло тучныя и жирныя» рыбы: палтус, сёмга, сиг, сельдь, треска, камбала, ряпус[44], навага, щука и другие. «Въ Соловецкомъ монастыр пища бываетъ въ трапез : хл б ржаной, другой хл б ржаной же ситнойю. Кулибаки пшеничные съ рыбою, икра семежья[45], икра сиговая, икра сельденая, икра рапусья, визига, и рыбы вышеписанныхъ, также шти[46], ботв нье[47], грибы, каша съ жиромъ рыбнымъ, губы волженицы, питіе квасъ, иногда тойже квасъ мёдомъ подсыченъ бываетъ, и сице въ Соловкахъ»[48].

В восьмом и девятом разделе иеродиакон Дамаскин описал растения, которые растут на Соловецких островах. Он подробно перечислил ягоды, произрастающие на архипелаге: малина, морошка, смородина красная и чёрная, черника, голубика, вороника[49], брусника, клюква, команица[50], черёмуха, рябина, костяника, толокнянка[51], шиповник. Все эти ягоды собирали и заготовляли на зиму иноки обители. На огородах в те времена соловецкие монахи выращивали: капусту, свеклу, морковь, редьку, хрен, репу, лук, чеснок и огурцы. В десятом и одиннадцатом разделах он указал на множество озёр и густых лесов, в которых растут: сосна, ель, берёза, ольха, ива, рябина, черёмуха и другие.

Итак, в начале XVIII в. иеродиакон Дамаскин, инок Московского Чудова монастыря, по благословению митрополита Иова, совершил паломничество в Соловецкий Преображенский монастырь, которое описал в оригинальном по жанру литературном труде «Сравненіе святой Афонской горы съ Соловецкимъ монастырёмъ, и л съ на оной». Тем самым, он выполнил просьбу владыки Иова. Это замечательное во всех отношениях аналитическое произведение русского учёного монаха дошло до нашего времени в двух списках XVIII в. К сожалению, жизнь иеродиакона Дамаскина после 1706 г. нам неизвестна, кроме того, что скончался он в Москве, в Чудовом монастыре.

Труд иеродиакона Дамаскина представляет собой переходную форму от древнерусских хождений к литературе путевых очерков, дневников и воспоминаний паломников Нового времени, а также научных описаний путешествий и экспедиций, которые создавали наши отечественные учёные, совмещавшие исследования с поклонением святыням Вселенского Православия. В своём произведении Дамаскин представил обыденную жизнь монахов на Афоне и Соловках, их повседневный труд и бытовые подробности, которые русские писатели-паломники почти не указывали в своих хождениях, потому что были сосредоточены на описании святынь,

находящихся в обителях. При этом, справедливости ради, необходимо отметить, что иеродиакон Дамаскин в своём описании, и Афона, и Соловков, с большим духовным трепетом и почтением доносит до читателя сведения о святынях, которые там расположены.

Иеродиакон Дамаскин, безусловно, представляет собой тип истинно русского православную паломника, замечательного писателя, книжного человека, склонного к исследовательской деятельности, весьма образованного для своего времени и скромного звания, честного и прямым здравым смыслом, непритворно смиренного и благочестивого.

[1] Дамаскин (†после 1706), иеродиакон Чудова монастыря в Московском Кремле, русский паломник, переводчик, писатель и полемист. Биографические сведения о нём очень скудны. В начале 80-х гг. XVII в. он был мирянином, а в 1691 г. в Чудовом монастыре был уже монахом строгой жизни, проводившим время в чтении и писании книг. В 1698 г. он совершил паломничество на Афон, вернувшись в Московское царство, он посетил Соловки. Возвратившись обратно в Москву, Дамаскин в 1701–1703 гг. написал работу «Сравнение святой Афонской горы с Соловецким монастырём, и лес на оной». Тогда же он возымел намерение удалиться для постоянного проживания на Афон, но втянулся в богословскую полемику с архимандритом Гавриилом (Домецким) по поводу спора о времени пресуществления святых даров и выхода в свет книги «Остен». Дамаскин написал в 1704 г. книгу: «Сто пять ответов Домецкому», которую послал Новгородскому митрополиту Иову. Владыка написал ему два письма, в которых поручил Дамаскину написать ещё одну книгу против Домецкого. Дамаскин исполнил волю владыки и написал книгу «Грешных спасение». Книги достигли цели: Домецкий был ниспровергнут и бежал в Киев. Жизнь иеродиакона Дамаскина после 1706 г. нам неизвестна, кроме того, что скончался он в Чудовом монастыре.

[2] Леонид (Кавелин), архимандрит. Вступительная статья. // Афонская гора и Соловецкій монастырь. Труды чудовскаго іеродаікона Дамаскина (1701–1706). Сообщилъ нам стникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры архимандритъ Леонидъ. СПб., 1883. С. IV.

[3] Леонид (Кавелин) (1822–1891), архимандрит, наместник Троице-Сергиевой Лавры, в миру Лев Александрович, паломник, духовный писатель, историк, археограф, славист, библиограф, переводчик, духовный писатель и поэт. Он родился в Смоленской губернии, в 1835–1840 гг. обучался в 1-м Московском кадетском корпусе, был выпущен офицером лейб-гвардии Волынского полка, где прослужил 12 лет. В 1852 г. он оставил армию и стал послушником в Оптиной Пустыни, был духовным чадом преподобного Макария Оптинского (†1860). В 1857 г. он был пострижен в Оптиной пустыне в иночество с именем Леонид. В 1857–1859 гг. он был членом, а с 1863 г. — начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В 1865 г. он был переведён настоятелем посольского храма в Константинополь. В 1863 г. его избрали членом-корреспондентом Императорской археографической комиссии. В 1867 г. он сопровождал Великого Князя Алексея Александровича в его паломнической поездке на Афон. В том же году он был

избран действительным членом Императорского Московского общества истории и древностей российских. С 1869 г. архимандрит Леонид был назначен наместником Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. В 1877 г. — наместником Троице-Сергиевой Лавры. В 1881 г. он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук. В 1882 г. архимандрит Леонид стал почётным членом Императорского Православного Палестинского Общества. Архимандрит Леонид — автор многих научных и церковно-исторических трудов. Он скончался и погребён в Троице-Сергиевой Лавре.

4 Иов (†1716), митрополит Новгородский и Великолуцкий в 1697–1716 гг., известный деятель Русской Православной Церкви. Год его рождения неизвестен, происходил из духовного звания, родился в с. Катунках, Балахнинского уезда, Нижегородской губернии. В молодых летах он постригся в монахи в Троице-Сергиевом монастыре, где приобрёл начитанность, какою отличался впоследствии. В 1690–1694 гг. он был архимандритом Высоко-Петровского монастыря в Москве, а в 1694–1697 гг. архимандритом Троице-Сергиевого монастыря. В июне 1697 г. Патриарх Адриан посвятил его в сан митрополита Новгородского. В 1699 г. он перенес в Софийский собор Новгорода мощи первого новгородского епископа св. Иоанна Корсунянина. В 1706 г. он испросил у Царя Петра I Алексеевича разрешение на освобождение братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, с участием которых учредил в Новгороде два училища: греко-латинское и славянское. С помощью учеников, получивших образование в этих школах, он впоследствии открыл в своей епархии ещё 14 школ. Особенно замечательным делом Иова являлось учреждение в 1706 г. в Новгороде трёх больниц и первого в России дома для воспитания сирот-младенцев. В 1704 г. он освятил первый в Петербурге храм во имя святых апостолов Петра и Павла в крепости, получившей то же название. Митрополит Иов пользовался большим расположением и уважением Царя Петра I и его ближайших сотрудников.

5 Дамаскин, иеродиакон. Сравненіе святой Афонской горы съ Соловецкимъ монастырёмъ, и лс ъ на оной. Сочиненіе чудовскаго іеродіакона Дамаскина (1701–1703). // Афонская гора и Соловецкій монастырь. Труды чудовскаго іеродіакона Дамаскина (1701–1706). Сообщилъ нам стникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры архимандритъ Леонидъ. СПб., 1883. С. 67.

6 Дамаскин, иеродиакон. Там же. С. 68.

7 Дамаскин, иеродиакон. Там же.

8 Дамаскин, иеродиакон. Там же. С. 70.

9 Пряженые (древнерус.), жареные. Пряжение, один из древнерусских видов обжарки пищи в большом количестве прокалённого масла.

10 Ретка, имеется в виду редька.

11 Свекольное листвие, имеется в виду мангольд, двухлетнее травянистое растение, семейства амарантовых, подвид свеклы, распространён в Средиземноморье.

12 Шишки великия, имеются в виду артишоки, растение семейства астровых, фиолетово-бордового цвета.

13 Древяное масло, имеется в виду оливковое масло.

14 Фасуля, ревитъ и сочевица, имеются в виду фасоль, ревень и чечевица.

[15] Губы (древнерус.), съедобные грибы, растущие на деревьях. Губы ломать — идти по грибы. См. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А-З. М., 1995. С. 404.

[16] Чрепокожные (древнерус.), панцырные моллюски.

[17] Стридии (лат.), двухстворчатые морские моллюски.

[18] Каравидесъ (греч.), креветки.

[19] Фтаподи (греч.), осьминоги.

[20] Каламари (греч), кальмары.

[21] Петалиды, морские ракушки, которые едят сырыми.

[22] Дамаскин, иеродиакон. Там же. С. 71–72.

[23] Помаранцы, имеется в виду померанец (лат.), вечнозелёное древесное растение с приятным ароматом, род цитрусовых, семейство рутовых.

[24] Шафтала (тюрк.), персик.

[25] Зердала (тюрк.), абрикос.

[26] Кидони (греч.), айва.

[27] Смоква (греч.), инжир.

[28] Керась (греч.), черешня.

[29] Сикомория, имеется в виду сикимора (лат.), семейство тутовых, род фикусов, родственник инжира.

[30] Дули (древнерус.), груши, с перехватом по середине.

[31] Кумарья (греч.), плоды земляничного дерева, из него готовят ципуро — греческий самогон.

[32] Дамаскин, иеродиакон. Там же. С. 72.

[33] Гобина (древнерус.), довольство, обилие, бытовое богатство, благостное множество.

[34] Полуаршин, соответствовал 36 см в конце XVII — начале XVIII вв.

[35] Дамаскин, иеродиакон. Там же. С. 73.

[36] Дамаскин, иеродиакон. Там же. С. 76.

[37] Там же. С. 79.

[38] Дамаскин, иеродиакон. Там же. С. 91–92.

[39] Комнин Иоанн (†1719), греческий врач, православный паломник, писатель, из аристократического рода, происходившего из византийской императорской династии. Он родился и жил в Константинополе, образование получил в Италии, где изучал медицину и философию. В Бухаресте он был назначен главным врачом при дворе господаря и воеводы Угровлахии И.К. Вассаравы. В 1700 г. он совершил паломническое путешествие в Иерусалим, Синай и Афон, которое описал в «Проскинитарии или Описании Св. Горы Афон», изданной в 1701 г. в Бухаресте господарем Иоанном Вассаравой. В 1710 г. он принял монашеский постриг. Автор «Указателя Творений св. Иоанна Златоуста».

[40] Комнин Иоанн. Проскинитарій или Описаніе Святыя Горы Афона. Сочиненіе доктора Іоанна Комнина. Напечатанъ въ Букареште въ 1701 году. Перевёлъ съ греческаго діалекта на славянскій языкъ чудовский іеродіаконъ Дамаскинъ. 1701–1703.

[41] Леонид (Кавелин), архимандрит. Вступительная статья. // Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иеродиакона Дамаскина (1701–1706). Сообщил наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрит Леонид (Кавелин). СПб., 1883. С. VIII.

[42] Пётр I Алексеевич Великий (1672–1725), русский Царь в 1682–1721 гг., Всероссийский Император в 1721–1725 гг., из династии Романовых, сын Царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной. В 1682 г. венчался на царство совместно с братом Иваном при регентстве своей старшей сестры царевны Софьи Алексеевны. В 1689 г. он отстранил от власти свою сестру и стал править формально совместно с братом Иваном Алексеевичем, после смерти, которого в 1696 г. стал самодержцем. Первый из русских государей совершил паломнические путешествия в Соловецкий монастырь. Он провёл крупные реформы практически во всех сферах государственного управления, изменившие жизнь России. В 1721 г., после победы в Северной войне над шведами, провозгласил себя Императором России. Всю жизнь он, непрерывно передвигаясь по России, неоднократно посещал русские святые места, в том числе и с паломническими целями.

[43] Дамаскин, иеродиакон. Там же. С. 69.

[44] Ряпус (рипус), рыба семейства лососёвых: крупный подвид европейской ряпушки.

[45] Икра семежья, имеется в виду икра сёмужья, т.е. икра рыбы сёмги.

[46] Шти, имеется в виду щи, русское горячее или холодное первое блюдо.

[47] Ботвинья, холодный суп в традиционной русской кухне. Одно из самых парадных блюд в классическом русском кулинарном репертуаре, с обязательным использованием рыбы и/или раков и хлебного кваса. Помимо свекольной ботвы, в ботвиньях могут присутствовать свежие огурцы, щавель, шпинат, крапива. Нарезанная вместе с молодыми корнеплодами ботва припускается в небольшом количестве воды и доливается квасом. Туда же добавляется мелко нарезанные огурцы и зелень. Рыба (осётр, севрюга, лосось или мясо раков, крабов или креветок) в ботвиньи присутствует либо в самом блюде, отдельно отваренная и нарезанная тонкими ломтиками, либо подаётся отдельно на тарелочке, с хреном. К ботвинье в жаркое время года подаётся отдельно колотый лёд, чтобы его подкладывать в тарелку. В случае, если ботвинья готовится без дорогой рыбы, то она называется неполной.

[48] Дамаскин, иеродиакон. Там же. С. 70–71.

[49] Вороника, плод чёрного цвета одноименного вечнозелёного кустарника. На Русском Севере традиционно из ягод вороники делали противоцинготные отвары и домашнее вино. В пищу употребляли в свежем и мочёном виде.

[50] Команица, каманица, каменица, куманика, народное название разных ягод, в то числе: разных сортов малины, ежевики, морошки, костяники и т.д. См. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XIV. СПб., 1895. С. 148.

[51] Толокнянка, ярко-красный плод кустарника из семейства Вересковых.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

«Труженик русской богословской науки»[1]: о научно-просветительском подвиге архимандрита Иннокентия (Просвирнина). К 80-летию со дня рождения

Г.В. Аксенова

«...нельзя строить свою жизнь на основании, которого не ведаешь».
Архимандрит Иннокентий (Просвирнин)

«Промысл Божий строит мир».
Из надгробного слова архимандрита Платона (Игумнова)

Историку-богослову, археографу и источниковеду, издателю и педагогу, заместителю Председателя издательского отдела Московского Патриархата, архимандриту Иннокентию (Просвирнину) (1940–1994), много потрудившемуся на ниве православного просветительства и церковной науки, в 2020 году должно было исполниться 80 лет. Его служение было скоротечным. Он ушел из жизни в возрасте 54 лет, но успел оставить большое научное, педагогическое и богословское наследие. «Видный ученый-просветитель Новейшего времени»[2], «подвижник отечественного просвещения»[3], он «был настоящим монахом-подвижником», «строгим к себе и снисходительным к другим», имевший «свою особую мировоззренческую концепцию, свой взгляд на историю, ибо он верил в то, что Промысл Божий строит мир...»[4]. Ныне живущему поколению он оставил доброе напутствие, поставив задачу — «обобщать наследие отцов».

Сохранившееся после его кончины в Архиве Московской Духовной академии «Личное дело»[5] и переданный на хранение в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (около 4 000 единиц)[6], — все эти материалы позволяют объективно и наиболее полно раскрыть не только масштаб личности, но и понять масштаб церковно-научной деятельности, которая вполне сопоставима с трудами таких великих церковных ученых как митрополит

Евгений (Болховитинов), митрополит Иннокентий (Вениаминов), архимандрит Леонид (Кавелин), епископ Порфирий (Успенский).

Дела и научное церковно-богословское наследие архимандрита Иннокентия были высоко оценены в статьях ученых историков, славистов, источниковедов, архивистов, представителей Русской Православной Церкви: С.О. Шмидта, А.А. Турилова, Н.Н. Лисового, иеромонаха Сергия (Данкова), архиепископа Алексия (Фролова), священника Дмитрия Сафонова, О.В. Курочкиной, В.П. Овсянникова, О.Л. Соломиной, Н.Д. Зольниковой, Г.В. Аксёновой, вышедших после его кончины[7]. Научное наследие архимандрита Иннокентия представлено в увидевших свет в конце XX — нач. XXI в. сборниках его трудов и сборников воспоминаний и в научном обзоре его архива,[8].

Архимандрит Иннокентий родился 5 мая 1940 г. в Омске в трудовой верующей православной семье Ивана Демьяновича и Марии Михайловны (урожд. Карповой) Просвирниных. Был крещен 14 мая того же года в Омском кафедральном соборе. С этим собором связано и начало его церковного служения: он был алтарником, затем иподьяконом. Перед поступлением в семинарию более полугода он служил штатным иподьяконом в Иркутском кафедральном Знаменском соборе[9]. В 1958 г. началось обучение в Московской Духовной Семинарии, прерванное службой в рядах Советской Армии в зенитных войсках (Бакинский военный округ — приборист, стрелок — в/ч 33253, в/ч 53719, вв/ч 9392)[10].

После демобилизации в декабре 1962 г., удостоенный знака «отличник ВВС», Анатолий Иванович продолжил духовное образование, а по окончании семинарии в 1964 г. поступил в Московскую Духовную академию[11]. В 1968 г. блестяще защитил диссертацию на тему «Введенская Оптина Пустынь в истории русского монашества» и степень кандидата богословия.

В годы учебы в семинарии и академии сформировался круг его научных интересов: агиография, история монашества и монашеского служения, миссионерство, библеистика и древнерусская книжная традиция, источниковедения и историография. Объясняя необходимость обращения к историческим источникам и изучения истории науки, архимандрит Иннокентий писал: «...я не нашел ни одной проблемы, которая бы не была решена в прошлом. Причем решена людьми высокой культуры, людьми высокообразованными, с хорошим знанием истории и языков».

По окончании Академии А.И. Просвирнина оставили в Московских Духовных школах преподавателем истории Русской Православной Церкви[12]. Сохранившиеся в архивах документы и материалы позволяют охарактеризовать его педагогический талант и охарактеризовать его деятельность на педагогическом поприще. Например, «Тематический план на 1975/76 учебный год по истории Русской Православной Церкви в 4 классе МДС (1700–1917–1970)[13]», в котором раскрываются особенности

комплексного подхода к изучению Синодального периода Русской Церкви, указывается роль письменных источников, дается понимание значения знания историографии, овладения методологией исследования и изучения персоналий.

Во введении к программе архимандрит Иннокентий отмечал: «За время обучения предполагается воспринять ту духовную культуру, в сфере которой только и возможно унаследовать духовный опыт отцов вместе с научным потенциалом их знаний»[14]. Рассуждая о методологии и методах исследования, он отмечал: «Согласие во внутренней духовной мелодике, гармонии и ритме сохраняется силой веры, силой Благодати Божией и, наконец, волей самого человека. Ибо, как предупреждает великий отец и учитель Церкви святитель Афанасий Александрийский: «Бог не спасает нас без нас» — идет ли речь о процессе получения элементарного образования, или высшего Богословского знания»[15]. Огромное внимание в преподавании предметов отец Иннокентий уделял культуре речи, языку вообще и профессиональному языку, в частности, говоря: «Обязательно надо условиться о языке, на котором будет излагаться содержание той или иной темы. Язык, как и мышление, может быть историческим, литургическим, каноническим, аскетическим, религиозно-философским или богословским»[16].

Практический многолетний опыт работы о. Иннокентия с письменными и печатными источниками, знание архивного дела позволили предложить руководству Московской духовной академии ввести новый источниковедческий курс и начал его чтение с пробной лекции «О методах источниковедческой работы»[17].

О педагогическом таланте архимандрита Иннокентия (Просвирнина) также свидетельствуют успехи выпускников Духовной академии, защитивших под его руководством кандидатские диссертации: «Епархии Русской Православной Церкви и выдающиеся иерархи домонгольского периода (А. Мельничук, 1979 г.), Описание архива Алтайской Духовной Миссии (протоиерей Борис Пивоваров, 1987 г.), «Обзор фонда Казанской Духовной Академии (протоиерей Павел Павлов), «Скитский устав» (иеромонах Феодосий (Коротков)), «Русские исследователи Синая» (иеромонах Исайа (Белов), 1988 г.).

Еще в годы учебы в Семинарии, а точнее в 1963 г., Анатолий Просвирнин стал иподьяконом владыки Питирима (Нечаева) и начал, получив от духовного наставника последнего Оптинского старца схиархимандрита Севастиана (Фомина)[18] благословение работать в редакции «Журнала Московской Патриархии».

Церковно-издательскому и христианско-просветительскому делу архимандрит Иннокентий отдал 30 лет, сначала заведуя отделами проповеди и богословия «Журнала Московской Патриархии», затем войдя в состав редколлегии ежегодного сборника «Богословские труды» и заняв

1985 28 марта СИБАЛ Ленинград Шмидт-Просвирнин-Матеич

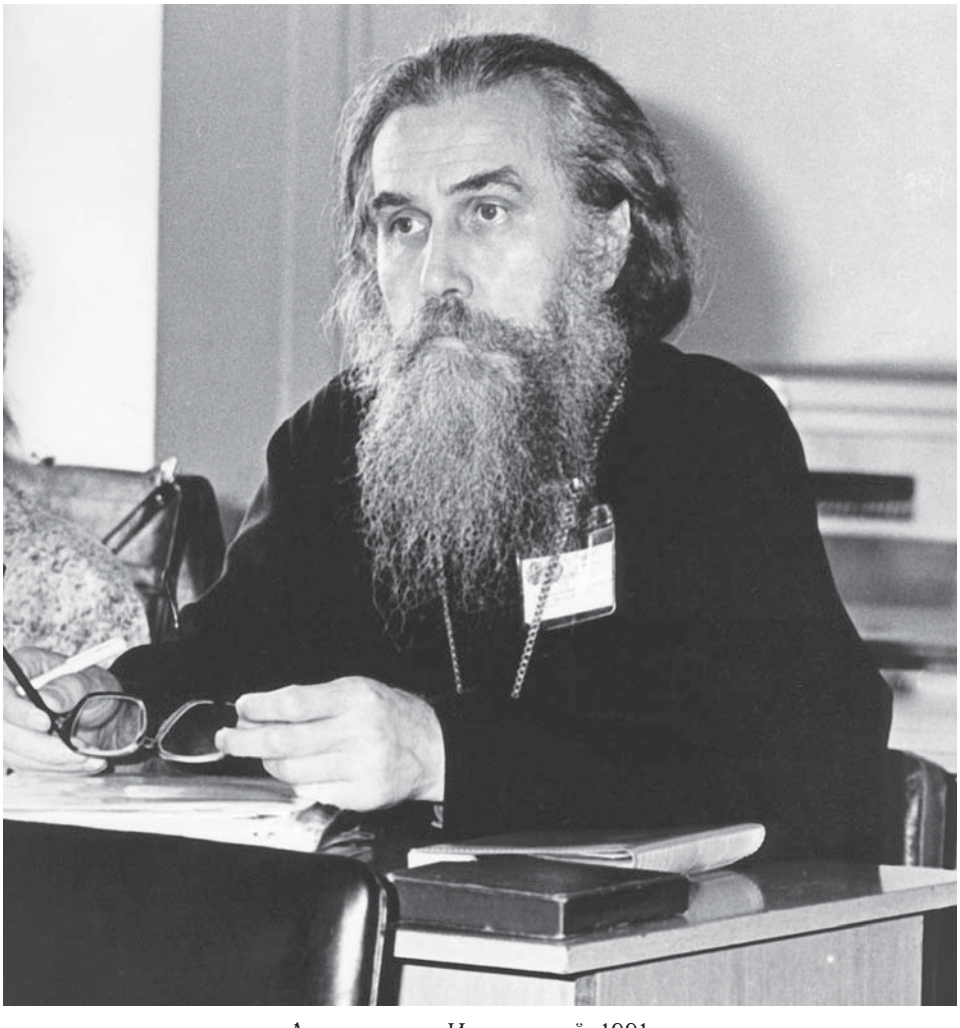
Анатолий с отцом. 1950-е гг.

должность заместителя главного редактора по научной работе. На страницах главных периодических изданий Русской Православной Церкви, начиная с середины 1960-х гг., архимандрит Иннокентий опубликовал целый ряд важнейших статей, связанных с вопросами русской святости, прославлением ревнителей христианского благочестия и развитием церковной науки: о равноапостольной великой княгине Ольге[19], святом благоверном князе Александре Невском[20] и преподобном Сергии Радонежском[21], о преподобных Савве Звенигородском, Ферапонте Белозерском и Можайском и Александре Свирском[22], о святителях Софронии Иркутском, Иоанне Тобольском и Дмитрии Ростовском[23], о схиархимандрите Паисии Величковском[24], о епископе Порфирии (Успенском)[25] и священнике Павле Флоренском[26], преподобном Амвросии (Гренкове) и епископе Виссарионе (Нечаеве)[27].

Архимандрит Иннокентий участвовал в работе над многими важнейшими изданиями Московского Патриархата: Библия (изд. 1969 г.), Новый Завет (изд. 1976 г.), «Настольная книга священнослужителя» (1977–1988), Триодь, Октоих (изд. 1981 г.), Ирмологий (изд. 1983 г.), богато иллюстрированная книга-альбом «Троице-Сергиева Лавра»(1985)[28], содержащая не только подробную историю созидания главной духовной обители России, но и данные об Академии и Семинарии, Церковно-археологическом кабинете и библиографическое приложение.

В составе творческой группы архимандрит Иннокентий работал над подготовкой к изданию и над изданием богослужебных Миней (1978–1989), которые по праву можно назвать делом всей его жизни. За образец он взял «Месяцеслов святых, всей русской церковью или местно чтимых и указатель праздности в честь икон Божией матери и святых угодников божиих в нашем отечестве» архиепископа Казанского и Свияжского Димитрия (Самбикина)[29], известного деятеля Русской Православной Церкви второй половины XIX века, агиолога-агиографа, библиографа и просветителя. Изучая наследие архиепископа Димитрия, отец Иннокентий кропотливо и внимательно исследовал его труды. Результатом стала большая статья, раскрывающая вклад этого удивительного церковного деятеля и ученого в формировании литургики и богословия Синодального периода истории Русской Православной Церкви и подводящий своеобразный итог работе над изданием новых Миней[30]. По инициативе отца Иннокентия, согласно сложившейся отечественной церковной традиции, были вновь включены многие службы русским святым. Вся многотрудная работа над написанием служб выполнялась самим архимандритом[31].

Архимандрит Иннокентий разработал проекты таких изданий как «Миссионерское служение Русской Православной Церкви» и «Сибирский Церковный вестник». Он инициировал работу группы ученых-архивистов над многотомной серией под названием «История Русской Православной



Архимандрит Иннокентий. 1991 г.

Церкви в документах архивов России (аннотированный справочник-указатель)»[32], говоря о составлении этого уникального справочника как о «собирании осколков разбитого корабля».

Среди нереализованных издательских проектов остались история Оптиной Пустыни, к которой архимандрит обратился еще в 1967 г., начиная с подготовки кандидатской диссертации в Московской Духовной Академии, и не оставил до своей кончины. В ряду его творческих планов было издание писем старцев (подготовку к реализации этой идеи он начал с микрофиширования материалов архива Оптиной пустыни (ОР РГБ. Ф. 214) и создания резервного фонда).

Отец Иннокентий много лет собирал материалы о вкладе Русской Православной Церкви в победу над фашизмом. О работе над этим важным и актуальным проектом свидетельствует один из сохранившихся документов — «О работе над темой «Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне»[33].

Архимандрит Иннокентий инициировал монументальный проект «Русская Библия», который начался в Издательском отделе Московского патриархата и завершился уже в основанном им издательстве Московского Новоспасского монастыря.

О работе, продолжавшейся около 20 лет,. архимандрит Иннокентий писал в 1990 г. Святейшему Патриарху Алексию следующее: «В 1967–1968 годах при подготовке известного издания Библии (М., 1968), а затем издания к 100-летию перевода Библии на русский язык (М., 1976), которые легли в основу последующих изданий 1979, 1983 и 1988 гг. родился новый Библейский проект издания иллюстрированной Русской Библии, в основу которого положена первая русская Библия 1499 года (общеславянская). Комиссия по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси одобрила издание Геннадиевской Библии в 1986 году. С того времени, после успешных переговоров на уровне Министерств и ведомств началась фотосъемка Библии 1499 года и всех доступных иллюстрированных Библейских книг в основных книгохранилищах страны. Фотосъемка проводилась собственными силами. Следуя по стопам Просветителей славян и учитывая их катехизический опыт, реализация Библейского проекта началась с подготовки к изданию Четвероевангелия (том 7) и Апостола с Апокалипсисом (том 8)»[34].

Для представления будущего издания в 1988 г. был подготовлен рекламный буклет, в котором архимандрит Иннокентий, говоря о специфике и структуре проекта, писал: «Основу издания составляет знаменитая Геннадиевская Библия, созданная в 1499 году в Новгороде ученой дружиной под руководством святителя Геннадия, архиепископа Новгородского (ум. 1505 г.). Древний текст сопровождается синодальным русским переводом. <...> Создание полного свода Русской Библии в XV веке было обусловлено ростом международного значения Русской Церкви в связи с падением Византии, а также обострением борьбы с нецерковным еретическим вторжением в русскую жизнь. Геннадиевская Библия является величайшим историческим, лингвистическим и художественным памятником русской культуры и всего славянского мира. Она легла в основу первой русской печатной Библии 1581 года, в ряду 118 печатных изданий Библии, осуществленных с тех пор Русской Православной Церковью. Настоящее издание Библии представляет собой первоочередную научную и нравственную задачу. ... Издание хорошо иллюстрировано. Зрительный образ Русской Библии составляют миниатюры лучших русских лицевых рукописей,

которые вобрали в себя многовековой духовный и эстетический опыт православного народа. Нередко миниатюры являются незаменимым источником для иконографии и искусствоведения, истории текста, истории бытовых и археологических реалий жизни предшествующих поколений наших соотечественников, способствуют пониманию духа времени...»[35].

Архимандрит Иннокентий представил свой монументальный проект и на конференции «Славянская Библия, ее история и вопросы изучения» (1990 г.). В произнесенном докладе он подчеркнул, что «многотомным изданием Русская Библия создан новый тип издания иллюстрированной Библии — создан образ Русской Библии через основные рукописи русской рукописной традиции. Ряд уникальных лицевых и нелицевых рукописей, включенных в наше издание, поможет современным текстологам провести необходимую работу с точки зрения истории Библии на Руси и с точки зрения развития русского языка, а также даст возможность представить художественный образ Русской Книги»[36].

Протоиерей Борис Пивоваров, раскрывая значение реализации издания первых томов «Русской Библии», в книге «Православная культура России» отметил: «В настоящее время некоторые части текста Геннадиевской Библии (Новый Завет, Псалтирь, предисловия, оглавление) можно видеть благодаря прекрасному изданию «Русская Библия» ... Автором и воплотителем в жизнь этого уникального в истории русской книжности и отечественной культуры проекта стал архимандрит Иннокентий Просвирнин (1940–1994), выдающийся русский археограф XX столетия»[37].

Архимандрит Иннокентий был историком Церкви в лучшем смысле этого слова. Он воспринял идею русской святости, идею особого значения святых в истории Церкви. Вслед за великими учеными: митрополитом Московским Макарием (Булгаковым), архиепископом Черниговским Филаретом (Гумилевским), историком В.О. Ключевским — он в своих лекциях не уставал говорить, что «история Церкви — это история ее святых»[38]. Вот почему на протяжении 30 лет (в 1960-е — 1980-е гг.), занимаясь в библиотеках, музеях и архивах отец Иннокентий составлял картотеку русских святых, занося в нее сведения о найденных рукописных и печатных материалах с указанием фондов библиотек и архивохранилищ. Общий объем имеющегося справочного библиографического и биобиблиографического материала на сегодняшний день составляет более 4 000 карточек[39].

По итогам архивных и библиографических поисков были написаны и опубликованы на страницах «Журнала Московской патриархии» агиографические статьи о святом мученике Трифоне, о равноапостольной великой княгине Ольге; о святом благоверном великом князе Московском Даниле; о святителе Московском митрополите Киевском Петре, о «хранителе Церкви Русской» преподобном Сергии Радонежском, о преподобных Савве Звенигородском, Ферапонте Белозерском Можайском и Александре Свирском, Московском чудотворце о святом блаженном Василии.

Как уроженец Сибири, взращенный в традициях духовного служения на земле омской и иркутской, в своих трудах и заботах он часто обращался к безграничной духовной истории этого великого края Земли Русской. В нескольких статьях отца Иннокентия освящалась деятельность митрополита Тобольскому и всея России чудотворца святителя Иоанна. Имеется материал о епископе Иркутском, всея Сибири чудотворце святителе Софронии. В центре его внимания были вопросы истории Сибирского книгопечатания, церковного краеведения, влияние и взаимодействие культур в сохранении Севера России. Впервые была поднята проблема использования «духовного потенциала отечественной истории в решении современных проблем сохранения заповедных территорий»[40].

Отдельным исследовательским направлением научно-церковных изысканий отца Иннокентия стали вопросы, связанные с жизнью и историей служения святителя Иннокентия (Вениаминова), чье имя он принял в монашеском постриге[41].

В 1975 г. в «Журнале Московской Патриархии» в его «Богословском отделе» впервые за весь период Советской власти была осуществлена публикация текста Беседы Высокопреосвященного Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского «Указание пути в Царствие Небесное»[42]. Отец Иннокентий назвал этот труд святителя «хорошим учебником благочестия для будущих пастырей в первых классах семинарии», в котором «откристаллизовался большой пастырский опыт»[43]. По инициативе архимандрита Иннокентия его ученик протоиерей Борис Пивоваров подготовил к публикации в «Журнале Московской Патриархии» труд Вл. Фиалкина, «Святитель Иннокентий, Митрополит Московский, и его миссионерская деятельность»[44].

В 1979 г. к 100-летию со дня преставления святителя Иннокентия, митрополита Московского, архимандрит Иннокентий выступил на юбилейной конференции с докладом «Пастырей путевождь»[45].

Архимандрит Иннокентий, постоянно обращаясь к наследию святителя Московского Иннокентия, говорил о его актуальности. Он считал, что святительское служение митрополита в настоящее время учит той самоотверженности, составляющей основу пастырства и всех богословских наук. Святитель Иннокентий, по оценке архимандрита Иннокентия, стал «покровителем и путевождем пастырства». Его служение имело «не только церковно-историческое», но и великое «государственное значение»[46], соразмеримое разве только с деяниями преподобного Сергия Радонежского. «Насколько решающими были благословение и молитвы Преподобного Сергия, вдохновившие Димитрия Донского на победу в Куликовской битве (в 1380 году), настолько же решающим было участие Святителя Иннокентия Вениаминова в Амурской экспедиции и заключении Айгунского договора (передававшего в наши руки весь Амурский и Уссурийский край),

а также — в решении судьбы Камчатки, а значит, и всего Тихоокеанского побережья (в 1855 году): он благословил смелые шаги Н.Н. Муравьева-Амурского», — отмечал архимандрит Иннокентий в своем докладе[47].

Произнесенный юбилейный доклад свидетельствует о блестящем знании историографии вопроса и наследия Святителя Иннокентия. Были найдены малоизвестные публикации и источники среди которых труд протоиерея Прокопия Громова[48] и статья академика А.П. Окладникова[49]. Для создания объективного образа одного из крупнейших церковных и государственных деятелей XIX в. архимандрит Иннокентий привлек такие малоизвестные (в 1970-е гг.) источники как свидетельство писателя Ивана Гончарова, назвавшего святителя Иннокентия «величавым колоссальным патриотом»[50] и мнение митрополита Московского Филарета, узревшего в святителе «что-то Апостольское»[51].

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин), радея о сохранении исторической памяти и памятников, связанных с жизнью митрополита Иннокентия (Вениаминова), обратил внимание на необходимость восстановления его дома в селе Анга и выступил с инициативой создания мемориала[52]. Он приложил немало усилий к восстановлению храма Ильи Пророка в Черкизове, связанного с московским периодом служения митрополита Иннокентия (Вениаминова). В 1988 г. на страницах журнала «Архитектура и строительство Москвы» опубликовал «небольшую по объему, но очень важную статью “Подворье Московских митрополитов в Черкизове”»[53].

Все приведенные выше факты подтверждают справедливость выводов Н.Е. Шафажинской, что «архимандрит Иннокентий (Просвирнин) базировался в своих научных трудах на идее русской святости и особого значения святых в истории Русской»[54].

Архимандрит Иннокентий, как член Археографической комиссии РАН, Международного фонда славянской письменности и культуры, как активный участник Международного центра информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья (СИБАЛ), как участник Международных съездов славистов (София и Братислава), Международного конгресса византинистов (Москва, 1991 г.) и Международного семинара «Проблемы изучения и издания памятников славяно-русской письменности» (Свердловск), как заведующий отделом проповеди и богословия «Журнала Московской Патриархии», как заместитель главного редактора по научной работе ежегодного сборника «Богословские труды», как создатель «Музея Библии», как основатель Международного Волоколамского краеведческого общества на базе Иосифо-Волоколамского монастыря, уделявший пристальное внимание письменным источникам, начальной истории христианства и агиографии, активно сотрудничал с Императорским Православным Палестинским Обществом, принимал участия во многих важнейших мероприятиях, инициируемых ИППО. Одним из собеседников отца

Иннокентия был член РПО (с 1992 г. — ИППО), внештатный сотрудник Издательского отдела Московской Патриархии Н.Н. Лисовой.

В архиве отца Иннокентия отложился небольшой комплекс источников, позволяющих понять степень его участия в деятельности РПО (ИППО). Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что уже к 1982 году — времени празднования 100-летия Палестинского Общества у отца архимандрита сложились деловые и научные контакты как с членами Общества, так и с организацией в целом. Архимандрита Иннокентия приглашали на торжественные мероприятия, посвященные юбилейным торжествам, обращались за консультациями по вопросам жизни и деятельности таких представителей Русской Православной Церкви как епископ Порфирий (Успенский), архимандрит Антонин (Капустин), архимандрит Леонид (Кавелин), священник Павел Флоренский, патриарх Сергий (Страгородский). Архимандрит Иннокентий принимал участие в конференциях и семинарах, организованных совместно Российским Православным Обществом и Дипломатической Академией МИД СССР. В фонде также сохранились фотографии, свидетельствующие об соработничестве отца Иннокентия и Православного Палестинского Общества[55].

Архимандрит Иннокентий скончался 12 июля 1994 г., в день памяти святых апостолов Петра и Павла. Его отпевание 14 июля совершил наместник монастыря архимандрит Алексий (Фролов)56 в Спасо-Преображенском соборе обители. Проститься с почившим в обитель прибыл ее Священноархимандрит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Во время отпевания в алтаре молился Высокопреосвященный митрополит Питирим (Нечаев).

На кончину архимандрита Иннокентия отозвались средства массовой информации и научные академические издания. Некрологи опубликовали «Московский церковный вестник», «Православная Москва», «Журнал Московской Патриархии», «Отечественные архивы», «Археографический ежегодник»[57]. Прощальное слово, подписанное учеными — членами Православного Палестинского общества — было опубликовано в «Руси державной». В нем, в частности, отмечалось: «Четверть века дружбы и сотрудничества, самые наполненные годы и лучшие минуты духовного общения связаны для многих из нас с этим ярко талантливым, творческим и прямым — по судьбе и по складу — человеком. <...> Молитвенник и бессребреник, вдохновенный и трудолюбивый, лично перелопативший десятки архивов и библиотечных древлехранилищ, человек глубокой интуиции и огромного духовного влияния на окружающих, он как будто был создан для самых смелых и неподъемных научных проектов.

Экспедиция на Афон и «Музей Библии» в Волоколамске, лучший альбом-монография о Троице-Сергиевой лавре, многотомная «Настольная книга» и 12 книг служебных Миней, факсимильные, с научным сопровождением издания Остромирова и Мстиславова евангелий... Наконец,

«Библейский проект» — уникальный замысел десятитомного издания Геннадиевской Библии... <...> Кто потрудился больше?

И при этом отец Иннокентий был — и пребудет — трагической фигурой в истории современной Русской Церкви. При перечисленных (и неисчислимых) трудах — 30 без малого лет работы в Издательском отделе Московской Патриархии — он вынужден был уйти оттуда год назад. В никуда, в смерть. Он уже 10 лет как уволен из преподавателей Духовной Академии и отчислен от братства Лавры. Прошлогодним великими постом (1999 г. — *Г.А.*) неизвестные едва не убили его, избив до полусмерти, в Волоколамском монастыре. И скончался «на покое», за штатом... Такое впечатление, что все, за что ни брался покойный, — все оборачивалось против него. И никому ничего было не нужно. И ни слова благодарности. И никакой поддержки.

Инокам-подвижникам во все времена нелегко. Но до какой степени?

...Он умер легкой, блаженной смертью. В праздник Первоверховных Петра и Павла, поднимаясь утром по ступенькам, вдруг почувствовал себя плохо — и в десять минут скончался. Видевшие его в последние дни говорят, он был спокойным и просветленным. Отовсюду изгнанный, чуть ли не всюду персона «нон грата», — может быть, Бог лишь так, в унижении и немилосердии светских и духовных лиц и властей, дает обрести последнюю благодатную свободу?»[58].

В 1887 г. в собрании Творений Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского был опубликован отрывок из посвященного ему стихотворения. Там есть такие строки:

«...Ты твердо шел путем из терний
В своих Апостольских трудах,
И засиял Свет Невечерний
На Алеутских островах...»[59].

Сияние этим «невечерним Светом» и «тихое делание» — это те удивительные качества, которые раскрывают суть служения святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского. Анатолий Иванович Просвирнин, видный церковный и общественный деятель последней трети XX века, во время монашеского пострига нареченный именем Иннокентий в честь святителя Иннокентия (Вениаминова), много потрудился на церковно-просветительском поприще, стремясь в своем служении следовать примеру святителя Иннокентия.

Архимандрит Иннокентий часто повторял: «Я — лопата в руках Божиих. Все, что я делаю — только с помощью Божией». Эта фраза относит нас к произнесенным выдающимся церковным и государственным деятелем, богословом и миссионером святителем Иннокентием (Вениаминовым) в день его вступления на Московскую кафедру словам: «...Пусть будет со мною, что угодно Господу... Твой есть аз, Твой и хочу быть всегда и везде; твори со мною, что Тебе угодно и в сей жизни, и в будущей; да буду я и здесь простое орудие в руках Твоих»[60].

Приложение 1

Научные труды архимандрита Иннокентия (А.И. Просвирнина)

В разделе III архива архимандрита Иннокентия (А.И. Просвирнина) содержатся материалы, представляющие собой разнообразные творческие рукописи фондообразователя. Это, прежде всего, статьи, доклады, тезисы, заметки, авторские издательские проекты и материалы к работе. Именно в этом разделе можно найти текст доклада, произнесенный архимандритом на конференции, посвященной проблемам изучения, реставрации и музеефикации архитектурного ансамбля Иосифо-Волоцкого монастыря. Главный акцент в докладе архимандрит Иннокентий сделал на создании копийного резервного (страхового) фонда рукописей (микрофильмов и микрофиш), принадлежавших Иосифо-Волоцкому монастырю. Наличие подобного фонда также могло сделать более доступным материалы этого фонда для ученых и для всех тех, кто интересуется русской историей.

Просвирнин А.И.,
старший научный редактор
Издательского отдела Московского Патриархата,
доцент МДА,
руководитель научно-издательской группы
1-й Афонской экспедиции

Выступление на конференции «Архитектурный ансамбль Иосифо-Волоцкого монастыря. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации»[61]

Л. 2 (с. 40)

Я благодарю, прежде всего, устроителей за приглашение на конференцию.

Отдавая дань памяти профессора А.В. Горского, хочется вспомнить 1859-й год, когда этот знаменитый ученый предпринял грандиозное мероприятие по сохранению собрания рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря и введению их в научный оборот.

Поскольку данная конференция ставит научно-практические цели, у меня есть информация такого рода:

1. Для правильной научной организации дела[62] в 1985-м году с использованием фотоматериалов не состоявшейся 2-й Афонской экспедиции (о ней

могли некоторые коллеги слышать на последних Тихомировских чтениях) были отсняты все десять томов Лицевого Летописного Свода на цветную пленку и размножены для БАН СССР, ГПБ и ГИМ. Учитывая этот опыт, было бы своевременно, при сложившейся ситуации, музею Иосифо-Волоколамский монастырь запросить из страхового фонда ГИМа ту часть Епархиального собрания, в состав которой входят источники Иосифо-Волоколамского монастыря и о котором вчера поведала Л.М. Костюхина.

Рукописи Иосифо-Волоколамского монастыря, которые вывез А.В. Горский в 1859-м году и которые ныне хранятся в Отделе рукописей ГБЛ, также требуют дублирования из состава охранного (страхового) фонда в единый банк информации монастыря, поскольку он и на сегодня является одним из культурно-исторических центров.

Это совершенно реально провести средствами современной оргтехники

Л. 2 об. (с. 41)
(на цветной кинонегатив «Кодак», который остался от неосуществленной Афонской экспедиции, и который мы могли бы подарить монастырю в собственность, а также посредством более емкой покадровой съемки рукописей на 16-миллимитровую цветную пленку «Кодак» с магнитной звуковой дорожкой, на которой целесообразно сразу вести кодирование — с последующим копированием на видеозапись). В результате на обычной бытовой приставке к бытовому телевизору — с соответствующей доработкой для покадрового просмотра это может быть доступно для каждого научного зала и тем более для Иосифо-Волоколамского монастыря, которому принадлежали когда-то рукописи.

На одну 30-метровую катушку (диаметром около 10 см) входит 3600 разворотов или 7200 страниц. На видеокассету (4-часовую) входит 360 000 страниц. Расход финансовый небольшой во всех вариантах съемки.

А.В. Горский не вывез 20 рукописей, принадлежащих Иосифо-Волоколамскому монастырю. И вот, обследуя в 1968 году библиотеку Музея им. Андрея Рублева, я обнаружил, мне кажется, автограф Иосифа Волоколамского (рукопись XV в.) — «Лествица» игумена Синайской Горы, которая в конце XIV — в XV вв. была наиболее популярна в составе чтений основных культурно-исторических центров России.

Был бы смысл поставить вопрос если не о возвращении в Иосифо-Волоколамский монастырь этой рукописи, которая там бездействует, то, по крайней мере, о ее копировании в ряду других источников и литературы.

То есть, состав библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря может быть средствами современной оргтехники восстановлен уже сейчас на этой земле.

2. Второй вопрос. В контексте имеющейся негативной информации мне хотелось бы сказать об уничтожении в «макулатурных компаниях» так называемого «поповского балласта», как говорят некоторые резвые труженики этих

«компаний». Уничтожаются уникальные научные исследования. Например, материалы Тобольской духовной семинарии в Тобольском архиве (кроме материалов историка Сибири протоиерея Александра Сулоцкого, который работал, кстати, на уровне Александра Васильевича Горского, как источниковед, археограф и историк, включая историю и археологию Палестины).

Известно мне из прежних лет, когда я начинал свою деятельность

Л. 3 (с. 42)
в Иркутске, следующее: работница архива принесла части рукописи, вынутые из мусорной корзинки, — автографы Иннокентия Кульчицкого, просветителя бурят и создателя монголо-русской школы в Иркутске. Известно уничтожение печатных книг XVIII века во дворе Сарапульского архива в 1973 году, когда С.М. Орешников вернулся из одной из проверок и мне в ужасе сообщил об этом.

Теперь, я полагаю, в свете современной ситуации, когда создан Советский фонд культуры, казалось, было бы своевременно поставить вопрос о взаимодействии с русской православной церковью — и в плане консультативном, и в плане организационном. В частности, к нам обратились с просьбой из Греции, со Святой Горы Афон, монахи Русского Пантелеймонова монастыря открыть Афонское подворье в СССР. Этот вопрос решается в компетентных инстанциях при посредстве Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

Вероятно, было бы своевременно использовать сложившуюся ситуацию в связи с освоением ансамбля Иосифо-Волоколамского монастыря. Это было бы престижно в научном плане, т.к. Афон сегодня является живым музеем Византии, и наша совместная первая Афонская экспедиция с представителями Академии наук СССР и Министерства культуры СССР в 1983-м году достаточно обоснованно показала значение источников Афона. Наша информация опубликована в Вестнике Академии наук и ряде других изданий. Сигурд Оттович Шмидт, председатель Археографической комиссии СССР, обещал дать расширенную информацию в Археографическом ежегоднике, и собственно сам фонд «Афон», созданный в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР, говорит сам за себя. Он доступен и показывает очень многое во взаимодействии культур.

Возвращаясь к вопросам изучения, реставрации и музеефикации памятника, которому посвящена данная научно-практическая конференция, мне представляется реальным (подчеркиваю еще раз) средствами современной оргтехники организация дела. То есть создать в монастыре единый банк данных, который мог бы служить не только для ученых нашей страны, но и тех (а их немало), кто интересуется Иосифо-Волоколамским монастырем за рубежом (например, проф. В.Г. Лилиенфельд, проф. Г. Шульц (ФРГ), проф. В. Федер (Голландия), проф. протоиерей Матей Матеич (США), описывающий со своим сыномПредрагом Матеичем

Л. 3 об. (с. 43)
рукописи Афона[63], а также других славистов разных стран).

Я против предпринимательства в науке! Между тем, существует Соглашение между Католическом институтом в Ниймегене (Голландия), а конкретно — В. Федером и Болгарской Академией наук, заключенное в 1984 году на несколько лет в целях изучения и издания в виде микрофишей древних славянских памятников. В Приложении к этому Соглашению указаны 21 рукопись ГПБ (в наст. время — РНБ), 20 рукописей БАН СССР, 21 рукопись ГБЛ (в наст. время — РГБ) и только по одной рукописи из Болгарии и Голландии.

Единый информационный банк данных Иосифо-Волоколамского монастыря мог бы перекрыть подобное предпринимательство по отношению к собранию памятников письменности этого культурно-исторического центра и способствовать созданию своего валютного фонда, если он так необходим (?!).

В связи с вопросами музеефикации, которые здесь поднимались, немаловажно обратить внимание на такую историческую личность, как преподобный Максим Грек. Сохранилось много ценных рукописей, принадлежащих ему. Было бы уместно организовать соответствующую экспозицию в Германовской (Богословской) башне, где они создавались, т.к. интерес к этой личности в грекоязычном мире все более возрастает.

Приложение 2

В 1982 г. Издательский отдел Московского Патриархата обратился в дирекцию Библиотеки Академии наук СССР с просьбой передать библиотеку Императорского Православного Палестинского Общества в фонды Справочно-библиографического отдела нашего Издательства. Решением этого вопроса, а также формированием списка необходимых Издательскому отделу книг и других изданий занимался архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин). Часть библиотеки Палестинского Общества вошла в состав вышеуказанного Справочно-библиографического отдела фундаментального церковно-научного и издательского центра, который разместили в Водяной башне Троице-Сергиевой Лавры. В 1992 г., после отчисления архимандрита из братства Троице-Сергиевой Лавры, библиотека частично оказалась утраченной[64], часть материалов была вывезена в Иосифо-Волоколамский монастырь[65], часть поступила в состав библиотеки Московской Духовной Академии.

В фонде архимандрита Иннокентия сохранился небольшой комплекс документов, свидетельствующих об этом направлении деятельности отца Иннокентия[66].

Письмо 1
Письмо директору Библиотеки Академии наук СССР В.А. Филову о передаче из фондов БАН библиотеки Православного Палестинского общества. 1982, февраль 10[67]

на бланке
Председателя
Издательского Отдела

№ 266 от 10.02.82

ДИРЕКТОРУ
БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ДОКТОРУ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПРОФЕССОРУ В.А. ФИЛОВУ

Издательский отдел Московского Патриархата обращается к Вам с просьбой рассмотреть вопрос о возможности передачи библиотеки бывшего Православного Палестинского Общества в фонды Справочно-библиографического отдела нашего Издательства.

Многообразная издательская деятельность Московского Патриархата — решение представительских задач, работа со средствами массовой информации зарубежных стран, необходимость изучения истории Ближнего Востока для поддержания деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, а также изучение и публикация текстов этого региона — требуют специфического комплектования справочных фондов Издательства материалами по ближневосточной проблематике и культурно-историческим связям Ближнего Востока с Россией.

Архиепископ Волоколамский
Питирим

Письмо 2 (на бланке БАН СССР)
Письмо к архиепископу Питириму, председателю Издательского отдела Московского Патриархата об условиях передачи из фондов БАН библиотеки Православного Палестинского общества. 1982[68].

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Библиотека Академии наук СССР
199164, г. Ленинград, Биржевая линия, 1, Телетайп 121260 БАН,
Телефон 218-35-92
Бюджетный счет № 11043110815 и В.О. отделения Госбанка г. Ленинграда

1.IV.1982 №10214-710/136
На № б/№266 от 10.02.82

О передаче библиотеки бывшего Православного Палестинского общества.

Издательский отдел Московского патриархата. Председателю Архиепископу Волоколамскому Питириму
(119435, Москва 435, Новодевичий проезд 1, корп. 14)

Глубокоуважаемый Архиепископ Волоколамский
Питирим!

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что Библиотека АН СССР могла бы передать Вам сохранившуюся в наших фондах часть библиотеки бывшего Православного Палестинского общества.

Вашу просьбу о передаче в Справочно-библиографический отдел Издательства Московского Патриархата указанной библиотеки необходимо подтвердить письмом из Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

С уважением
Директор Библиотеки АН СССР
д.б.н., проф.

В.А. Филов

Письмо 3.
Письмо к архиепископу Питириму, председателю Издательского отдела Московского Патриархата об условиях передачи из фондов БАН библиотеки Православного Палестинского общества. 1982[69]

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Библиотека Академии наук СССР
199164, г. Ленинград, Биржевая линия, 1, Телетайп 121260 БАН,
Телефон 218-35-92
Бюджетный счет № 11043110815 и В.О. отделения Госбанка г. Ленинграда

5.05.1982 №10214-710/878
На № _____

Издательский отдел Московского патриархата. Председателю Архиепископу Волоколамскому Питириму
Копия: Совет по делам релиний при Совете Министров СССР

Глубокоуважаемый Архиепископ Питирим!

В ответ на Вашу просьбу о передаче сохранившейся в наших фондах части библиотеки бывшего Православного Палестинского общества, поддержанной письмом из Совета по делам религий при Совете Министров СССР, сообщаем, что Библиотека АН СССР будет высылать в Ваш адрес посылки с литературой по мере подготовки актов о передаче. Почтовые расходы будут отнесены на Ваш счет, подтверждение о получении литературы просим высылать в наш адрес.

Взамен передаваемой Вам литературы, Библиотека АН СССР хотела бы получать в качестве компенсации, издания Московского Патриархата («Журнал Московской Патриархии», «Богословские труды», Библию

и литургические книги, сборники научных трудов, альбомы, посвященные историческим памятникам и т.д.).

С уважением
Зам. директора Библиотеки АН СССР
к.п.н., доцент

К.В. Лютова

Рукой архиепископа Питирима
21.5.82
О. архимандриту Иннокентию
Прошу подготовить ответ
Питирим

Письмо 4
Письмо директору Библиотеки Академии наук СССР В.А. Филову о передаче из фондов БАН библиотеки Православного Палестинского общества[70]

Л. 2

Библиотека Академии Наук СССР
Директору БАН СССР
доктору биологических наук,
профессору В.А. Филову

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Выражаем Вам глубокую благодарность за согласие передать в наши фонды сохранившуюся библиотеку бывшего Православного Палестинского Общества.

Условия передачи библиотеки ППО, оговоренные в Вашем письме, для нас вполне приемлемы.

Издательский отдел готов в Ваш адрес высылать свои издания.

С глубоким уважением

Архиепископ Волоколамский

Письмо 5
Письмо директору Библиотеки Академии наук СССР В.А. Филову о передаче из фондов БАН библиотеки Православного Палестинского общества[71]

Л. 3

Директору БАН СССР
доктору биологических наук,
профессору В.А. Филову

Издательский отдел Московского Патриархата просит передать литературу историко-религиозного содержания, отобранную в августе 1982 года в бронированном фонде БАН СССР.

Литература будет вывезена на собственном транспорте в ноябре 1982 года.

Заместитель Главного редактора
Журнала Московской Патриархии
А.И. Просвирнин

Л. 4

Из сохранившейся части библиотеки бывшего Православного Палестинского общества представляют для нас интерес (издания указаны по «Систематическому каталогу библиотеки Императорского Православного Палестинского общества. Т. I-II. СПб., 1907. Дополнения к I и II томам СПБ., 1913):

А. Богословие (с. 1–105)

1. Священное Писание:

Издания Библии, труды по исследованию Св. Писания, библейские апокрифы.

2. Библейская история:

Ветхозаветная и Новозаветная история, библейская археология.

3. Патрология и история древней христианской литературы: творения св. Отцов и учителей церкви, труды по патрологии и истории древней христианской литературы.

4–9. Богословские науки:

христианская апологетика, догматика, гомилетика, нравственное богословие, литургика, пастырское богословие и церковное право.

10. Справочный отдел по богословию.

Б. Церковная история (с. 106–292)

1–3. Общие курсы по истории церкви, история христианской церкви до разделения и по разделении.

4. История русской церкви:

Церковные соборы, духовенство, управление, старообрядчество, сектантство, уния, миссионерство, духовное просвещение, духовные школы, история и описание епархий, лавр, монастырей, церквей, церковные деятели и писатели, подвижники благочестия.

5. Агиография:

Жизнеописания восточных и русских святых, патерики, мартирологи, минеи-четьи.

В. Всеобщая история (с. 293–349)

Г. Русская история (с. 350–414)

Д. Археология и история искусства (с. 415–454)

Е. География (458–485)

Ж. Языкознание и словесность (с. 486–527)
З-Л. Философия, педагогика, юриспруденция, естествознание,

Л. 5.
полиграфия (с. 528–578)
М. Справочный отдел:
библиография, указатели, словари

Отчет о научной командировке в Ленинград в Библиотеку Академии Наук [72]

Л. 3

Его Высокопреосвященству, архиепископу Волоколамскому
Питириму, Председателю Издательского Отдела
Московского Патриархата
архмандрита Иннокентия Просвирнина,
заместителя главного редактора
«Журнала Московской Патриархии»

ОТЧЕТ
о научной командировке
в г. Ленинград, с 18 по 28 августа 1982 г.

В Библиотеке Академии наук СССР проведена работа по выявлению книжных фондов, которые возможно передать для работы и научного хранения в фонде Издательского отдела Московского Патриархата. Изучены: Опись книг иностранной литературы, греческий фонд и обработаны 9 каталожных ящиков на Богословскую, Церковно-историческую, Академическую, Искусствоведческую и Библиографическую литературу.

Достигнута договоренность с администрацией Библиотеки АН СССР о передаче из их обменного фонда книг, отвечающих издательским и представительским задачам Издательского отдела Московского Патриархата. Оставлен заказ на литературу, подобранную совместно с сотрудниками — Погребняком Н.В., Мумриковым А.П., иеродиаконом Алексием Фроловым (внештатно осуществляющим консультацию по Богословской библиографии.

С заведующей Рукописным отделом Маргаритой Владимировной Кукушкиной достигнута предварительная договоренность о возможности совместного издания наиболее ценных рукописей (рассмотрен пример возможной кооперации с Ленинградской консерваторией на предмет издания уникального Кондакаря XIV в.).

Необходимо принять решение по оборудованию помещений для приема литературы СБО. Проект представит Н.В. Погребняк.

21 августа 1982 года

Подпись архимандрита Иннокентия

Приложение 3
О докладе «Спешите делать добро»[73]

Среди творческих рукописей, находящихся в III разделе личного фонда архимандрита Иннокентия (А.И. Просвирнина) имеется целый ряд докладов, произнесенных им на различных международных конференциях, которые были организованы Международным центром информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья, Международным съездов славистов, Международным конгрессом византинистов, Археографической комиссией РАН, Союзом советских обществ дружбы, Советским фондом мира, Международной дипломатической академией МИД СССР и др.

Предлагаемая вниманию читателей «статья архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (Издательский отдел Московского Патриархата) продолжает серию публикаций, посвященных новым аспектам народной дипломатии, о которых шла речь на научно-практическом семинаре «Народная дипломатия в контексте современных международных отношений», организованном ССОД, Дипломатической академией МИД СССР и Советским фондом мира»[74].

Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит

Л. 1

Народная дипломатия в контексте
нового политического мышления

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО

Несмотря на то, что действия Русской Православной Церкви у нас в стране пока не узаконены и у членов этой Церкви все еще нет юридического статуса, мы вот уже много десятков лет активно работаем во многих странах мира именно как представители народной дипломатии — несем людям слова мира, надежды, дружбы. Мы надеемся, что в обсуждении проекта закона о свободе совести и религиозных обществ примут участие дипломаты: именно они способны внести важный вклад в формулировки этого закона, от которого будет зависеть судьба дальнейшего взаимодействия церкви с государством, и с нашими братьями и сестрами за рубежом.

Дел у нас очень много и в нашей стране, и в тех многочисленных церковных представительствах, которые осуществляют свою церковную миссию за границей. К сожалению я был свидетелем в Дамаске и ряде других мест таких ситуаций, когда взаимодействие между церковными представительствами и светскими культурными центрами не налажено.Нет научной организации дела, и мне, как источниковеду, было всегда горько наблюдать эту картину. Именно на высоком дипломатическом уровне должны

осуществляться отношения даже между соотечественниками за рубежом — иначе наше сотрудничество останется формальным, взаимопонимание неглубоким. Сейчас в нашей совместной работе уже есть положительные результаты, но они могут стать бо льшими, если научная организация дела в советских культурных центрах и в церковных представительствах (в тех странах, где они есть) будет, наконец, осуществлена.

Л. 2

Равным образом недостаточно представлена в нашей стране церковная общественность других Православных Церквей (я могу говорить только о православии). Так, есть у нас болгарское подворье, есть александрийское подворье Православной Церкви, есть антиохийское подворье в Москве — из 16 Православных Церквей. Полагаю, пора подумать о взаимодействии верующих православных народов других стран с нашей страной, к которой они питают до сего дня глубокие чувства уважения и дружбы. И, полагаю, что сохранение нравственных ценностей, которыми дорожат и за рубежом — особенно старшие поколения — является сегодня одной из главных задач человечества. Я даже беру на себя смелость подчеркнуть необходимость приоритета нравственных ценностей над материальными. В связи с этим мне вспоминается образ святой Горы Синай, известный библейский образ, когда пророк Моисей в заоблачных высях принимает скрижали закона, а в это время его брат Аарон, с другими путешествующими собратьями, поклоняется золотому тельцу. Этот образ сегодня актуален. Поклонение материальным ценностям ущербно, оно прорастает нездоровыми плодами, оборачивается колючими шипами, ибо многие силы уходят на приобретение золота, валюты и прочего, тогда как нравственные ценности остаются без внимания.

Настало время вспомнить тот благородный труд наших учителей в Ливане, Сирии — это были врачи, духовенство — который был просветительским, нравственным. И сохранить преемственность в уважительном отношении к духовенству, наследию наших предков, продолжить их высокое дело. Я полагаю, что это — одна из задач именно народной дипломатии.

Л. 3

Большие надежды мы, церковные деятели, возлагаем на общественные фонды, такие как Союз Советских обществ дружбы, как Советский фонд культуры, как Международный фонд славянской письменности и культуры, которые в своих уставах-программах заложили очень благородные цели. И это в духе сегодняшнего времени, когда на переднем плане не человеческий фактор, в человек, не мероприятия, а жизнь. Продолжая дело Кирилла и Мефодия в современных условиях, мы надеемся, что через Фонд славянской письменности и культуры как-то сможем преодолеть необратимый процесс компьютеризации на основе латиницы в славянском мире.

Далеко за примером ходить не приходится, плоды этой компьютеризации мы знаем по Югославии, те же плоды сейчас созревают в Болгарии, Чехословакии, Польше. И уже наши дети, приобщаясь к этой культуре, начинают отставать от кириллицы, то есть от тех корней, которые необходимо сохранить. Цель народной дипломатии, мне кажется, была бы благородной, если бы мы с вами приложили силы к этому процессу перевода обучения в системе компьютеризации с латиницы на кириллицу. Такие программы необходимы уже сегодня.

Л. 4

Они будут способствовать развитию народной дипломатии на самых, может быть неожиданных уровнях.

Я говорю о том, о чем болит душа. Всем нам надо спешить делать добро, ведь завтра уже может быть поздно. Уже сегодня всем нам, всему человечеству необходимо то взаимопонимание и взаимодействие, которое всегда было в нашей истории, исключая конфронтацию, исторически навязанную нам в недавнем прошлом.

Приложение 4

В фонде архимандрита Иннокентия (Просвирнина) сохранилось несколько документов, свидетельствующих о его участии в конференциях и международных мероприятиях, организованных и проводимых Российским Палестинским Обществом совместно Дипломатической Академией МИД СССР. Также в фонде имеются поздравительные послания секретарю Православного Палестинского общества В.И. Иваненко от архимандрита Иннокентия по случаю столетия ИППО и приглашение отцу Иннокентию на 110-летие ИППО, а также поздравление Председателя Общества О.Г. Пересыпкина с праздником Святой Пасхи.

Документ 1

ИНФОРМАЦИЯ

о международном научном симпозиуме[75]

Российское Палестинское общество при Академии наук СССР, Советский фонд Мира, Советский фонд культуры, Московский Патриархат и Дипломатическая академия МИД СССР планируют провести 9–11 января 1990 года в Москве международный научный симпозиум на тему: «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем».

Начать симпозиум предполагается в Москве 9 января 1990 года и завершить в Загорске 10 января 1990 г. В план работы симпозиума включается

поездка в Ленинград и проведение заседания в Государственном Эрмитаже, который выступает соорганизатором этой научной встречи.

Симпозиум рассчитан на 30–40 участников из зарубежных стран и СССР.

На встречу приглашаются представители научных учреждений и общественных объединений, заинтересованных в активном изучении культурно-религиозных связей России и СССР с исторической Палестиной и сопредельными странами.

Расходы участников на поездку в Москву и обратно берут на себя командирующие советские и зарубежные организации. Расходы по пребыванию в СССР принимают на себя организаторы симпозиума.

Заявки на участие в симпозиуме с указанием темы сообщения и возможных пожеланий просьба направлять в Дипломатическую академию МИД СССР по адресу: 119021, Москва, ул. Остоженка 53/2 с пометкой «Симпозиум по Палестине».

Российское Палестинское общество при Академии наук СССР
Советский фонд Мира,
Советский фонд культуры
Московский Патриархат
Дипломатическая академия МИД СССР

Документ 2
Приглашение архимандриту Иннокентию (А.И. Просвирнину) на прием по случаю международного семинара «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты». 1990 января 23[76]

Л. 1

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РОССИЙСКОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
доктор исторических наук
профессор О.Г. ПЕРЕСЫПКИН

Приглашает архимандрита ИННОКЕНТИЯ

Пожаловать на приме в Пресс-центр МИД СССР по случаю международного семинара на тему:

«Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем», организованного Российским Палестинским обществом при Академии наук СССР, Советским комитетом защиты мира, Советским фондом мира, Советским фондом культуры, Московским Патриархатом, Государственным музеем «Эрмитаж».

23 января 1990 года в 14.30
По адресу: Зубовский бульвар, дом 4

Л. 2
Российское Палестинское общество
Дипломатическая академия МИД СССР
Советский комитет защиты мира
Советский фонд мира
Советский фонд культуры
Московский Патриархат
Государственный музей «Эрмитаж»

Международный научный симпозиум
на тему:
«Россия и Палестина:
культурно-религиозные связи и контакты
в прошлом, настоящем и будущем»

ВЫСТАВКА РАБОТ
ГРУППЫ МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ
В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД СССР
в связи с проведением
международного симпозиума

ПРИГЛАШЕНИЕ

Л. 2 об.

Уважаемый коллега!
Приглашаем Вас посетить выставку
Работ московских художников
Юрия Бакланова,
Владимира Басинского,
Владимира Гурьева,
Валерия Кошлякова,
Олага Кузина,
Владимира Пушкина,
Юрия Шабельникова,
Александра Щербинина,
Виктора Яичникова

в Дипломатической академии МИД СССР
(ул. Остоженка, 53/2)

Открытие выставки 22 января 1990 г. в 20 час.
Выставка открыта по пятницам и субботам с
11.00 до 16.00 до 24 февраля.
Оргкомитет.

Документ 3
Письмо архимандрита Иннокентия (А.И. Просвирнина) к Иваненко Василию Ивановичу, секретарю Православного Палестинского общества с поздравлением по поводу 100-летнего юбилея Общества. 1982[77]

Многоуважаемый Василий Иванович!

Сердечно Вас поздравляю со знаменательным юбилеем в нашей истории — 100-летием Православного Палестинского общества.

От души желаю Вам здоровья и больших успехов в неожиданном для многих оголтелых идеологов Запада творческом сотрудничестве.

С глубоким расположением к Вам

А.И. Просвирнин,
Заместитель Главного редактора
«Журнала Московской
Патриархии»

Документ 4
Письмо архимандриту Иннокентию (А.И. Просвирнину) о праздновании 110-летия Императорского Православного Палестинского Общества. 1992 мая 27[78]

Л. 1 Письмо на бланке

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ
ОТДЕЛ ВНЕШНИХ
ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ
113191 Москва, Даниловский вал,
22
Данилов монастырь, ОВЦС
Телефон: (095) 235-04-54
Телефакс: (095) 230-26-19
№ 1678

MOSCOW PATRIARCHATE
RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
HOLY SYNOD

DEPARTMENT FOR EXTERNAL
CHURCH RELATIONS
Danilov Monastery
22, Danilovsky Val, Moscow 113191
Phone: (095) 235-04-54
Fax: (095) 230-26-19

27 мая 1992 г.

Его Высокопреподобию
Архимандриту Иннокентию,
Заместителю Председателя Издательского отдела
Московского Патриархата

Ваше Высокопреподобие,

Совет Императорского Православного Палестинского Общества в связи с 110-летием годовщины его создания проводит торжественное собрание, которое состоится в среду 3 июня в 14 часов в Дипломатической Академии МИД Российской Федерации (ул. Остоженка, 53/2).

Присоединяюсь к просьбе Совета Императорского Православного Палестинского Общества и прошу Вас принять участие в этом юбилейном событии.

С любовью во Христе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОТДЕЛА
ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ + Кирилл
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА
МИТРОПОЛИТ СМОЛЕНСКИЙ И КАЛИНИНГРАДСКИЙ

Приложение: программа торжественного собрания

Л. 2 Пригласительный билет

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

1882–1992

ПРИГЛАШЕНИЕ

Л. 2 об.

Глубокоуважаемый отец Иннокентий!

Совет Императорского Православного Палестинского Общества имеет честь пригласить Вас принять участие в торжественном собрании по случаю110-й годовщины со дня создания Общества.

Собрание состоится 3 июня в 14 часов в Дипломатической Академии МИД Российской Федерации (ул. Остоженка, 53/2).

Л. 3

Программа собрания

Торжественное богослужение
Выступление Председателя Общества
ПЕРЕСЫПКИНА О.Г.

Выступления участников и гостей с
приветствиями по случаю 110-летнего
юбилея ИППО.

Награждение дипломами лауреатов премий
ИППО по конкурсу студенческих работ за
1991 год.

***

Концерт московских артистов и выступление хора
Духовной музыки

***

В Дипломатической Академии развернуты выставка
книг и документов по истории деятельности ИППО
и выставка картин русских художников

л. 4

РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПРИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
(краткая справка)

Российское Палестинское общество при Академии наук СССР (РПО) является уникальным памятником национальной культуры русского народа. В настоящее время в него входят арабисты, слависты, гебраисты (филологи, историки, литературоведы, этнографы), архитекторы, писатели, журналисты, дипломаты, богословы, художники, музыканты, кинематографисты и т.д.

РПО при АН СССР считается самостоятельным добровольным научным обществом и функционирует на основе Устава, утвержденного Президиумом АН СССР, является юридическим лицом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Деятельностью РПО руководит Совет во главе с Председателем, избираемым общим собранием членов Общества сроком на пять лет.

Административный аппарат РПО включает Ученого секретаря, заместителя Ученого секретаря и консультанта. Центральные органы РПО находятся в г. Москве по адресу: 121019, Москва, ул. Волхонка, 14.

Члены РПО объединяются по интересам и специальностям в следующие секции: «Новая и новейшая история и международные отношения», «Древняя история и средневековье Палестины и сопредельных стран», «Литературные связи Востока и Запада». Планируется создание экономической секции и секции по изучению архивных документов.

Документ 5
Письмо О.Г. Пересыпкина к архимандриту Иннокентию
с поздравлением с праздником Святой Пасхи. 1991, апреля 13[79]

РОССИЙСКОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПРИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
г. Москва, ул. Волхонка, 14
Тел.: 203-93-98
13 апреля 1990 г.

ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ
АРХИМАНДРИТУ
ИННОКЕНТИЮ, ЗАМЕСТИТЕЛЮ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО
ОТДЕЛА

ВАШЕ ПРЕОСВЯЩЕНСТВО!

От имени членов Российского Палестинского общества поздравляем с праздником Святой Пасхи. Желаем доброго здоровья и больших свершений на благо Русской Православной церкви и ее паствы.

С благодарностью

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РОССИЙСКОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

проф. О.Г. ПЕРЕСЫПКИН

Приложение 5

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) инициировал издание исследования митрополита Сергия (Страгородского) «Православное учение о спасении». Появление в 1991 г. этой книги тиражом в 200 тысяч экземпляров вызвало небывалый читательский интерес. Пожалуй, это было первое и последнее издание, выпущенное Издательским отделом в советское время столь большим тиражом. После выхода этой книги писатель,

философ и историк, внештатный сотрудник Издательского отдела Московской Патриархии, главный редактор и автор газеты «Домострой» Н.Н. Лисовой встретился и побеседовал с отцом Иннокентием о духовном наследии патриарха Сергия (Страгородского). Запись этой беседы сохранилась в фонде архимандрита Иннокентия (А.И. Просвирнина).

Л. 1

Николай Лисовой

РУССКОЕ СПАСЕНИЕ[80]

Беседа с архимандритом Иннокентием Просвирниным о патриархе Сергии и его духовном наследии

Н.Л. — Книги, как говорят, имеют свою судьбу. Есть книги, глубина и актуальность которых делается со временем все зримее и острее. К таким принадлежит книга архимандрита (впоследствии Патриарха Русской Православной Церкви) Сергия Старогородского «Православной учение о спасении». В первые же годы после своего появления (1895) она выдержала четыре издания, — для богословской, научной книги это очень много. Двадцать лет назад, отец Иннокентий, Вы называли эту книгу среди первых, какие необходимо издать. Теперь она издана.

А.И. — Идея издания книги принадлежит не мне, а митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму.

Учение о личном спасении, спасении от зла и греха, от власти дьявола и смерти, об обожении как цели и смысле человеческой жизни, о жертвенном подвиге как единственном способе и пути самореализации, — что может быть важнее для человека, кем бы он ни был, к каким бы группам и течениям себя не относил, — чем бы ни занимался? И если книги, которую может сегодня, впервые за 70 лет, открыть читатель, даже не даст, как ему покажется окончательных ответов на мучительные вопросы души и века, она все же откроет путь и даст пищу для дальнейших поисков и размышлений. Покажет, чем отличается русский православный путь жизни и мышления от путей западных, нерусских, в чем богаче и сильнее человек верующий по сравнению с невером и атеистом... Словом, «Православ-

Л. 2

ное учение о спасении» — это есть начертание русского православного пути к спасению себя, страны, мира.

Н.Л. — Вы сказали, что автор книги — архимандрит Сергий. А на обложке указано: «Архиепископ Сергий Страгородский»?

А.И. — Здесь действительно необходимо пояснить. Книга написана Патриархом Сергием еще на студенческой скамье в Духовной Академии, когда

он был студентом Иваном Страгородским. Потом дорабатывалась и углублялась уже иноком=иеромонахом Сергием. Защищал он ее в качестве магистерской диссертации, уже архимандрит, а последнее прижизненное издание вышло в 1910 г. в бытность автора архиепископом. В результате сличения двух основных изданий, на которых строится наше издание по благословению митрополита Питирима, и получилось такое оформление.

Н.Л. — К сожалению, широкому читателю, особенно молодым, ничего не говорит это славное в русской церковной истории имя.

А.И. — Автор книги Патриарх Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский) родился 11 января 1867 года в Арзамасе в семье священника. Начало его жизненного пути было обычным для детей духовенства: Арзамасское духовное училище, Нижегородская духовная семинария, Петербургская Духовная Академия. Незадолго до окончания Академии, в 1890 г., Иван Страгородский был пострижен в монашество с именем Сергий в честь преподобного Сергия Валаамского. В том же году иеромонах Сергий заканчивает Академию первым по списку со степенью кандидата богословия, а в 1895 г. защищает магистерскую диссертацию в Московской Духовной Академии. Тогда ее ректором был архимандрит (впоследствии митрополит) Антонин Храповицкий. (Разрешите некоторое отступление от темы: Александр Львович Казембек, в прошлом глава младоросов во Франции, встретил митрополита Антония в Париже и спросил его об его отно-

Л. 3

шении к Митрополиту Сергию. Это было в 1936 году. Тот пошел в свою спаленку, взял лежащую на тумбочке панагию, перевернул ее и прочитал запись на обороте: «Учителю и другу. Архмандрит Сергий». Через некоторую паузу добавил: «Вот ношу уже с тех пор. Он не залжется».)

Жизнь ученого иеромонаха Сергия тогда была полна самыми неожиданными перемещениями. С октября 1890 г. отец Сергий в Токио, в составе Японской Православной миссии, помощник Архиепископа Николая — Апостола Японии. В зиму 1891–1892 гг. мы видим его в Гонконге, судовым священником на крейсере «Память Азова». Затем, год, он в Киото, оглашает и крестит принимающих православие японцев. Весной 1893 г. он назначен и.о. доцента по кафедре Ветхого Завета в Петербургской Духовной Академии, в декабре переведен инспектором в Московскую Духовную Академию, а еще через год отправлен настоятелем русской посольской церкви в Афины, с возведением в сан архимандрита.

Два года он провел в Греции, потом два, до 1899 г., снова в Японии. Затем последовали назначения на должность инспектора Петербургской Духовной Академии. В январе 1901 г. он становится ректором Академии, а 25 февраля совершена его хиротония во епископа Ямбургского. В речи при его наречении, которая могла бы служить эпиграфом ко всей его жизни, архимандрит Сергий сказал:

«Внешняя обстановка епископского служения может быть разнообразна. Епископы могут быть в почете и богатстве, могут пользоваться правами и преимуществами, но могут быть и полном бесправии, в нищете и гонении. Все это зависит от причин случайных и внешних, от государственного положения христианства, от народных и

Л. 4

общественных обычаев и т.п. С изменением внешних причин может изменяться и внешняя обстановка. Но само епископское служение в его сущности, в том настроении, какое требуется от епископа, всегда и всюду останется одним и тем же — оно есть «служение примирения», служение пастырское. Быть же пастырем — значит жить не своею жизнью, а жизнью паствы: болеть ее болезнью, нести ее немощи, служить ее спасению, умереть, чтобы паства была жива».

Особо следует отметить проходившие под его председательством в 1901–1903 гг. «Религиозно-философские собрания», немало способствовавшие сближению русской светской интеллигенции с Православной Церковью. Помимо профессоров Академии и представителей столичного духовенства, в них участвовали виднейшие публицисты и литераторы, в том числе В.В. Розанов и Д.С. Мережковский.

Н.Л. — Известно, что преосвященный Сергий, в бытность архиепископом Финляндским отличался большой благотворительностью. Губернатор Петрозаводска Николай Васильевич Протасов (ум. 1914), его сподвижник, оставил множество свидетельств об этом, которые хранятся в материалах Татьяны Николаевны Протасьевой (монахини Фомари, старшего научного сотрудника Государственного исторического музея, ум. 1985). С 28 ноября 1917 г. он стал митрополитом и был один из активных членов Поместного собора 1917–1918 гг., принимал деятельное участие в обсуждении его решений. В 1918–1921 гг. он являлся одним из ближайших сотрудников святого патриарха Тихона. Но известно также, что 16 июня 1922 г. совместно с двумя другими иерархами им было подписано Воззвание, — так называемый «Меморандум трех» — появившегося затем в журнале «Живая церковь» и выражавшего признание обновленчества, созданного обновленцами Высшего церковного управления.

Л. 5

А.И. — Появление меморандума явилось, с одной стороны, результатом обманных действий живоцерковников, заявлявших якобы о законной передаче им власти «резолюцией Святейшего Патриарха», с другой стороны — искренним опасением утратить церковный «центр», чтобы не повредить делу церковного единства. Он надеялся возглавить ВЦУ и вернуть все движение в русло церковное, но ему этого не дали. И он остался опороченным

«обнагленцами», как говорил епископ Венедикт Пляскин (ум. 1976 г.). Очень скоро митрополит Сергий принял новое решение. Прибыв 23 октября 1922 г. на заседание ВЦУ, он сделал заявление: «Я решительно протестую против тех постановлений съезда «Живой Церкви», которые приняты в отмену основных требований церковной дисциплины, а тем более вероучения. Некоторые из этих постановлений являются для меня недопустимыми безусловно, некоторые — превышающими компетенцию Поместного Собора, а некоторые — неприемлемы для этого Собора». 17 августа 1923 г. митрополит Сергий в канун Успения Пресвятой Богородицы, вместе с другими иерархами встречал святого патриарха Тихона ко всенощному бдению. И тогда выяснилось его подлинное отношение к обновленцам. Единственно, что заметил с любовью и шуткой Патриарх Тихон, дотрагиваясь до его бороды: «Что ж ты меня «подвел». Ни о каком принесении покаяния в Донском монастыре тогда речи не было, как распространили по этому поводу новоявленные «историки». Он получил в дальнейшем назначение на Нижегородскую кафедру. В конце 1925 г., после смерти Святейшего Патриарха Тихона и ареста его преемника — Местоблюстителя Митрополита Петра он становится Главой Патриаршей Русской Православной Церкви. Именно ему удалось добиться в 1927 г. юридического признания Церкви со стороны Государства. Ведь до того, первые 10 лет советской власти, Церковь была практически вне закона.

Л. 6

Н.Л. — Тем не менее ни один документ, изданный в Русской Церкви за весь послеоктябрьский период, не вызвал столько бурных споров, недоумений и нареканий, сколько вызвала Декларация 1927 года?

А.И. — В негативном отношении к ней, как это часто бывает, сошлись крайности. Заявленная в ней позиция вызвала ненависть как со стороны «модернистов», так и со стороны тех, кто не умел и не желал понять знамений времени. Речь шла о спасении Церкви в условиях самого мощного и жестокого за все века христианской истории антирелигиозного террора и геноцида. И именно им, Митрополиту Сергию и его сподвижникам обязаны мы тем, что Имя Божие не было «забыто на территории СССР», как грозились «воинствующие безбожники». И «новые мученики Российские» — это наши мученики, Русской Патриаршей Церкви, принесшие себя в жертву за будущее России, а не покинувшие ее в крестный час. Могли ли Соловецкие епископы, оторванные от реальности и написавшие известное послание, знать, что, если бы Митрополит Сергий не зарегистрировал тогда Патриаршую Церковь, буквально через неделю у М.И. Калинина «Русскую Православную Церковь» зарегистрировал бы обновленец Митрополит Александр Введенский. Но, когда тот пришел за регистрацией «Красной Церкви», как ее называли в народе, Русская Православная Церковь уже была зарегистрирована.

Недавно, на одном из Круглых столов Конгресса соотечественников Епископ Василий Родзянко подчеркнул величайшее значение формулировки Митрополита Сергия (которую сознательно путают недоброжелатели) в знаменитой Декларации: «Мы хотим быть православными и в то время же сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Речь идет о Родине.

Л. 7

Святейшему Сергию довелось направлять церковный корабль и в грозные годы Великой Отечественной войны. «Господь нам дарует победу!» — такими пророческими словами заканчивалось обращение Митрополита Местоблюстителя к народу 22 июня 1941 г. Он не дожил до победы, умер 15 мая 1944 г. от инсульта. Гробница его, почитаемая верующими, — в Елоховском Богоявленском соборе г. Москвы. А духовное наследие его все равно живет в православном сознании богословской и философской мысли России, в реальном служении Православной Церкви.

Н.Л.- Но вернемся к книге молодого еще тогда (двадцать восемь лет!) архимандрита Сергия «Православное учение о спасении», попробуем наметить ее родственные и генеалогические связи. (Ведь явления духа тоже имеют свою генеалогию).

А.И.- Основные истины православного учения о спасении точно указаны Символом веры, ежедневно читаемом на утренних молитвах и в храме за литургией: «Верую во Единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия... нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с Небес и воплотившегося... и вочеловечшася. Распятого за нас... страдавша и погребена, и Воскресшаго... и восшедшаго на Небеса, и седяща одесную Отца...».

Однако, называя главные события искупительного подвига Христова, Символ веры не объясняет, в чем непосредственно состоит спасительность этих событий. Богословское раскрытие догмата искупления принадлежит Богословию.

Что значит «искупление»?

Искупление — понятие, на котором построена сущность христианского учения, так что можно назвать христианство — религией искупления. В качестве богословского понятия слово «искупление»

Л. 8

введено святым апостолом Павлом, который широко использовал в своих посланиях аналогии и метафоры, заимствованные из реальной жизни. Другая аналогия, которой пользовался Апостол Павел, — Библейское понятие об очищающей жертве, — во искупление вины и греха.

Перед богословами встала задача наметить возможные способы уяснения человеческим разумом предвечной тайны замысла Божия о мире

и человеке: почему избавление совершилось именно Крестом Христовым? Кому, по какой причине и в каком смысле была принесена в жертву жизнь Богочеловека? В первые века христианства наметилось два основных направления и осмысления этих вопросов. Одни формулировали учение об искуплении в общедоступных житейских терминах: «Оскорбление Божиего величия», «гнев Божий», «жертва умилостивления», «удовлетворение Богу со стороны человека, заслуга Иисуса Христа», «освобождение от наказания». Другое направление было связано с нравственным аскетическим понимание искупления, как дела Божественной Любви, и Креста Христова — как необходимого средства победить грех, возродить и обожить падшее человеческое естество.

Из этих двух древнецерковных направлений, устремлявших взор богослова к двум различным сторонам единого факта спасения, и формулируемых к тому же по-разному, в силу сложившихся исторически в Церкви Восточной и Западной различных образов жизни и стилей мышления, постепенно выработались два научно-богословских учения о спасении: западноевропейское — в терминах преимущественно юридических, и восточное, православное — в терминах преимущественно нравственных. Внутренний, духовный опыт восточного благочестия запечатлелся в Богословии Восточной Церкви. Основой православного учения о спасении является не столько оправдание человека, сколько (и по преимуществу!) — его обожение: «Бог стал человеком, чтобы человек сделался богом».

Л. 9

Очень важно помнить о магистерской диссертации профессора протоиерея Петра Гнедича (ум. 1963) «Русская богословская литература о догмате искупления в период с 1983 по 1944 год»[81]. В речи перед защитой диссертации он говорил:

«Находясь здесь, я не могу не вспомнить тружеников русской богословской науки, раньше меня стоявших на этом месте. Я имею в виду богословов, писавших о догмате искупления и получивших ученые степени в Московской Духовной Академии, — покойного патриарха Сергия, архиепископа Илариона Троицкого, протоиерея П.Я. Светлова, профессора М.Д. Муретова, В.Н. Мышцына, М.М. Тареева, Н.Н. Голубинского и других...

Догмат искупления, или истина о спасении мира воплотившимся Богом-Словом, чрез Его неизреченное снисхождение, вочеловечение страдания, смерть и Воскресение, составляют основную истину христианства, содержание Новозаветного благовестия. Ее всегда изучали и будут изучать православные богословы...».

Особенное значение на последующее развитие русского богословия имел труд патриарха Сергия. «Идеи, в нем выраженные, — говорил Святейший Патриарх Алексий Симанский, становятся общим достоянием Русской

богословской науки так, что нет... ни одного сочинения по... сотериологии, в котором бы не было бы ссылок на труд патриарха Сергия. Это потому, что автор всюду верен святоотеческому учению. Он не хотел сказать ничего своего нового, но его верность учению святых отцов и последовательность в изложении явились тем новым словом, которого давно ждало русское богословие. В этом труде указаны те идеи и понятия, которые должны быть положены в основание ... всего учения об искуплении.

Л. 10

Бог есть любовь, и Он неизменен в Своих отношениях к твари, в Нем нет раздвоения между любовью и правдой.

Искупление есть дело Божией любви и милости к согрешившему человеку, восстановление его падшей природы без нарушения его свободы» (Слова, речи, послания, обращения, статьи. Т. 2. С. 109–110). (Журнал Московской Патриархии. 1962. № 8. С. 68–69).

Н.Л. — Одним из богословских предшественников Патриарха Сергия был его наставник, профессор С.-Петербургской Духовной Академии Александр Львович Катанский?

А.И. — Да, еще в работе 1875 года «Характеристика православия, римского католичества и протестантства» А.Л. Катанский, в духе славянофильской истории,

Л. 11

пытался установить прямую связь и зависимость между национальным гонением народа и способностью его к усвоению христианства, силы Благодати, и сохранении ее в мире, к созданию той или иной, как говорят теперь, концепции, понятия о Церкви. В трех исповеданиях — Православии, Католичестве, Протестантстве — он видел выражение исторического характера трех европейских этносов — эллинского, романского, германского. Римскому духу свойственен практицизм, правовое миропонимание, примат государственности. Романтический склад германцев приводит к другой крайности — одностороннему развитию Божественного в ущерб человеческому (беспочвенный спиритуализм, рационализм, концепция «невидимой церкви» по преимуществу и т.д.).

Н.Л. — А эллинам и славянам наиболее сродно Православие?

А.И. — Главная заслуга А.Л. Катанского состояла в те годы в отчетливом формулировании им христианской основы православного жизнепонимания. Катанский подчеркивал как важнейшее в истории то обстоятельство, что «Восток прежде всего сосредоточил свое внимание на Личности Христа Спасителя».

В соответствии с этим Православие, в отличие от католичества и протестантства, характеризуется, говорил Катанский, тем «что, не жертвуя

ни Божественным элементом в Церкви в пользу человеческого, ни человеческим в пользу Божественного, видит в Церкви гармоническое сочетание невидимого с видимым, Божественного с человеческим, подобное соединению Божества и человечества в Лице Богочеловека». В этой связи уместно напомнить о другой книге А.Л. Катанского «Учение о Благодати» (СПб., 1901).

Н.Л. — Необходимо назвать еще один источник — Богословие Патриарха Сергия...

А.И. — Источник у нас один — Писание и Предание. Лучше говорить еще об одном факторе формирования склада и стиля богословского мышления того или иного богослова.

Л. 12

Прямым выражением общего направления развития русской мысли было движение, возникшее в 80-х годах XIX века среди ученого монашества Петербургской Духовной Академии и возглавленное ее инспектором, доцентом кафедры основного Богословия иеромонахом (впоследствии епископом) Михаилом Грибановским (1856–1898). (Напомню о недавнем выходе в свет его работы «Истина бытия Божия», опубликованной в 30-м Сборнике «Богословских трудов». М., 1990[82]). Сформировалось новое поколение русских иноков-богословов, лучше подготовленных к решению Богословских проблем, поставленных развитием религиозного сознания в русском обществе. Молодые студенты сумели критически воспринять главные достижения светской религиозной мысли. Они воспринимали все лучшее у славянофилов, у Ф.М. Достоевского, и совершенствовали свой богословский метод в полемике с В.С. Соловьевым и Л.Н. Толстым. Основная идея епископа Михаила, пронизывавшая все его творчество и живо воспринятая его друзьями и учениками, состояла в том, чтобы поставить Богословскую научную мысль во всей ее глубине «в самую родственную связь с нашим внутренним человеком, с его первозданной красотой, предощущения которой вложено в каждом».

Среди друзей и единомышленников архимандрита Михаила в Петербургской Духовной Академии следует назвать архимандрита (впоследствии митрополита) Антония Вадковского, упомянутого уже архимандрита (впоследствии митрополита) Антония Храповицкого. Студентов В.И. Белавина (впоследствии Патриарх Тихон), И.Н. Страгородского (впоследствии Патриарх Сергий).

Л. 13

Н.Л. — В чем же, в самом кратком изложении, состоит «субъективная сторона» спасения?

А.И. — Главная мысль, проходящая красной нитью через все исследование, в книге «Православной учение о спасении» — это мысль о тождестве подвига и блаженства, Жизни Вечной и просто истинной христианской жизни. «Вечная жизнь есть Богопознание и Богоподобие, зрение

жизни Божией в себе самом. Из расположения своей собственной души, т.е. из опыта, праведник узнает, в чем состоит Божественная жизнь и какова она по своему существу». Это субъективное переживание в себе Бога необходимо предполагает в качестве своей предпосылки объективное общение христианина с Богом или, лучше сказать, с личным отношением к Богу. Вступая в Царство Божие, человек вступает туда не для того, чтобы «блаженствовать», а для того, чтобы «поработать Христу», чтобы «быть святым», освящая собой все окружающее творение, мир, Святость праведника и его блаженство, с христианской точки зрения, — свойства, неотделимые одного от другого. Истинное блаженство для христианина именно и состоит в подвиге святости и доброделании, и ни в чем другом не может состоять. Праведность — не бремя и не наемный труд, требующий затем какого-то вознаграждения. Это состояние личности, качественно превышающее всякое понятие о «награде». По самой природе человека святость и Богообщение являются для него «единственным благом, единственным нормальным состоянием его природы, прямой необходимостью для него.

Л. 14

По учению Святейшего Патриарха Сергия, как подытожил однажды Митрополит Питирим, «ни наказание за грех не есть результат гнева Божия, ни прощение грехов не есть результат перемены в Боге гнева на милость. То и другое зависит от внутреннего состояния души человека. Бог неизменен, измениться должен человек».

[1] *Лисовой Н.Н.* «Русское спасение» — беседа с архимандритом Иннокентием (Просвирниным) о Патриархе Сергии и его духовном наследии. 1991 сентябрь 4. // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 15. Ед.хр. 14. Л. 9.

[2] *Шафажинская Н.Е.* Монастырская просветительская культура России: монография. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 208.

[3] *Шмидт С.О.* Памятники письменности в культуре познания истории России. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 298.

[4] *Платон (Игумнов), архим.* Надгробное слово архимандрита Платона (Игумнова), произнесенное 14 июля 1994 года в Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря при отпевании архимандрита Иннокентия // Памяти архимандрита Иннокентия: К пятой годовщине со дня кончины. М., 1999. С. 1.

[5] Содержание «Личного дела» архимандрита Иннокентия (Просвирнина) раскрыл священник Дмитрий Сафонов. См.: *Сафонов Дм., свящ.* Архимандрит Иннокентий (Просвирнин): к 25-летию со дня кончины // http://moseparh.ru/arximandrit-innokentij-prosvirnin-k-25-letiyu-so-dnya-konchiny.html (обращение 27 августа 2019 г.); *Сафонов Дм., свящ.* Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) // http://uv-vikariatstvo.ru/novosti/arhimandrit-innokentij-prosvirnin-k-25-letiyu-so-dnya-konchiny/ (обращение 27 августа 2019 г.)

6 ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)).

7 *Никон, иером.* Памяти пастыря: [Вечная память] // Московский церковный вестник. 1994. № 4; Лисовой Н.Н. Неоплатный долг [Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина)] // Московское строительство. 19 июля 1994. № 27; *Шмидт С.О.* Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 117–120; *Шмидт С.О.* Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // *Шмидт С.О.* Памятники письменности в культуре познания истории России. М., 2008. Т. 1. Кн. 2. С. 772–778; *Сергий (Данков), иером.* Архим. Иннокентий (Просвирнин) // Журнал Московской Патриархии. 1995. № 5. С. 58–60; *Турилов А.А.* Архимандрит Иннокентий (Просвирнин, 1940–1994) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 372–373; *Лисовой Н.Н.* «Ибо время близко». Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (5.5.1940 — 12.7.1994) // «Энтелехия». Кострома, 2003. № 6. С. 145–148; Ревнитель православного просвещения: Обзор архива архимандрита Иннокентия / Сост.: О.В. Курочкина. М., 2005; *Алексий (Фролов), архиеп.* «Все для Бога»: [Архимандрит Иннокентий — краевед и археограф] // Новая книга России. 2006. № 1. С. 39–41; *Курочкина О.В., Соломина О.Л.* Обзор архива архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (ОР РГБ. Ф. 862) // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. XVI ежегодная богословская конференция ПСТГУ. М., 2006. Т. 1; *Курочкина О.В.* Воин Христов: Последний год жизни архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Новая книга России. 2007. № 10. С. 42–47; *Курочкина О.В.* Архимандрит Иннокентий (Просвирнин): Педагогическая и издательская деятельность по документам личного архива // Отечественные архивы. 2009. № 4. С. 21–28; *Павлова О.А.* О сборнике «Православная культура России в трудах архимандрита Иннокентия (Просвирнина)» // http://oopnm.ru/wp-content/uploads/2017/06/bs-npds-05-16.pdf (обращение 12 июня 2019); *Соломина О.Л.* Музей Библии в Иосифо-Волоколамском монастыре и его директор // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. [М.], 2008. С. 370–379; Иннокентий // Православная энциклопедия. 2010. Т. XXIII. С. 19–21. http://pywb-hypothesis.herokuapp.com/h/http://www.pravenc.ru/text/468751.html (обращение 12 июня 2019); *Курочкина О.В.* К 15-й годовщине со дня кончины архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // http://www.vipstd.ru/cvet/index.php/m143/42-c/116-a; Долг неоплатный. (Беседа Д.В. Сафонова с Н.Н. Лисовым, посвященная памяти доцента МДА архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Богословский вестник, издаваемый МДАиС. 2010. № 11–12. С. 1003; *Овсянников В.П.* Слово памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Богословский вестник, издаваемый МДАиС. 2010. № 11–12. С. 980; *Зольникова Н.Д.* Письмо архимандрита Иннокентия (Просвирнина) Н.Н. Покровскому // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 2 (14). С. 221–230; *Аксенова Г.В.* Педагогическое наследие архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (1940–1994) // Православная школа как система культурного образования и духовного воспитания детей и молодежи: сборник материалов VIII всероссийской научно-практической образовательной конференции / под ред. Н.Ф. Злобиной, Н.И. Лукьяненко. Свято-Алексеевская Пустынь; М., 2015. С. 97–105; *Аксенова Г.В.* «Ревнители православного просвещения»: Материалы о жизни и деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова) в архиве архимандрита

Иннокентия (Просвирнина). Статья и приложения // Святитель Иннокентий (Вениаминов) в судьбах Якутии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию учреждения Якутской епархии. Якутск, 23 марта 2015 г. / Под общей ред. епископа Якутского и Ленского Романа. Якутск, 2015. С. 25–103; *Аксенова Г.В.* О значении жизни и деятельности архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // XII Пасхальные чтения. Материалы Двенадцатой научно-методической конференции: «Гуманитарные науки и православная культура». М.: Учебно-научный филологический центр МПГУ, 2015. С. 19–31; *Аксенова Г.В.* Издательская политика Московского патриархата: 1960–1980 гг. // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. Калуга, 2017. С. 158–169; *Сафонов Дм., свящ.* Архимандрит Иннокентий (Просвирнин): к 25-летию со дня кончины // http://moseparh.ru/arximandrit-innokentij-prosvirnin-k-25-letiyu-so-dnya-konchiny.html (обращение 27 августа 2019 г.); XVI городские Ефремовские чтения: 13 февраля 2018 года: к 25-летию со дня преставления архимандрита Иннокентия (Просвирнина) / Храм в честь преподобного Ефрема Сирина города Омска, Бюджетное общеобразовательное учреждение города Омска «Средняя общеобразовательная школа №41»; [автор-составитель Н.С. Левшина]. — Омск: Храм в честь преподобного Ефрема Сирина г. Омска, 2018.

[8] Архим. Иннокентий (Просвирнин) в воспоминаниях духовных детей и учеников / Сост.: Л.В. Бурмистрова. Серг. П., 1998; Памяти архимандрита Иннокентия: К 5-й годовщине со дня кончины. М., 1999; О. Иннокентий (Просвирнин, 1940–1994) / Сост.: Л.В. Бурмистрова. М., 2004; Православная культура России в трудах архимандрита Иннокентия (Просвирнина): Сб. Новосибирск, 2008. С. 96–99; Иннокентий (Просвирнин), архим. Блаженны чистые сердцем: Сб. статей. / Вступ. ст. и сост. О.В. Курочкиной. М., 2008; Ревнитель православного просвещения: Обзор архива архимандрита Иннокентия / Сост.: О.В. Курочкина. М., 2005.

[9] Иннокентий (Просвирнин), арх. Послужной список. 1993 г. // ОР РГБ. Ф. 862. К. 1. Ед.хр. 37. Л. 1

[10] Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим. Краткая автобиография // ОР РГБ. Ф. 862. К. 1. Ед.хр. 22.

[11] Об особенностях поступления в семинарию, годах обучения в ней на основе «Личного дела» подробно написал священник Дмитрий Сафонов. См.: *Сафонов Дм., свящ.* Архимандрит Иннокентий (Просвирнин): к 25-летию со дня кончины // http://moseparh.ru/arximandrit-innokentij-prosvirnin-k-25-letiyu-so-dnya-konchiny.html (обращение 27 августа 2019 г.).

[12] Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) с 1 сентября 1968 г. по январь 1987 г. был преподавателем Московской Духовной семинарии и Московской Духовной Академии, в 1984 г. утвержден в звании доцента Московской Духовной Академии, читал курс по истории Русской Православной Церкви.

[13] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Тематический план на 1975/76 учебный год по истории Русской Православной Церкви в 4 классе МДС (1700–1917–1970) // ОР РГБ. Ф. 862. К. 15. Ед. хр. 20

[14] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Введение в Программу // ОР РГБ. Ф. 862. К. 14. Ед.хр. 6.

[15] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Введение в Программу // ОР РГБ. Ф. 862. К. 14. Ед.хр. 6.

[16] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Введение в Программу // ОР РГБ. Ф. 862. К. 14. Ед.хр. 6.

[17] См.: *Сафонов Дм., свящ.* Архимандрит Иннокентий (Просвирнин): к 25-летию со дня кончины // http://moseparh.ru/arximandrit-innokentij-prosvirnin-k-25-letiyu-so-dnya-konchiny.html (обращение 27 августа 2019 г.).

[18] О своем духовном наставнике А.И. Просвирнин напишет одну из первых статей для «Журнала Московской Патриархии». См.: *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Схиархимандрит Севастиан (Фомин) // Журнал Московской Патриархии. 1966. № 6. С. 37–39.

[19] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Равноапостольная великая княгиня Российская Ольга // Журнал Московской Патриархии. М., 1966. № 7. С. 56–66.

[20] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Заступник и светильник Отечества: (В связи с 750-летием со дня рождения святого благоверного великого князя Александра Невского) // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 9. С. 62–74.

[21] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Хранитель Церкви Русской: (Прп. Сергий Радонежский) // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 9. С. 76–79; Иннокентий (Просвирнин), архим. В похвалу преподобному Сергию Радонежскому, всея России чудотворцу // Богословские труды. 1973. Сб. 11. С. 210–215.

[22] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Преподобный Савва Звенигородский: К 570-летию со дня преставления // Журнал Московской Патриархии. 1977. № 1. С. 73–75; *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Преподобный Ферапонт Белозерский, Можайский: К 550-летию со дня рожд. // Журнал Московской Патриархии. № 6. С. 77–79; *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Преподобный Александр Свирский // Журнал Московской Патриархии. 1978. № 8. С. 73–77.

[23] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири // Журнал Московской Патриархии. 1965. № 6. С. 73–77; *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири, чудотворец // Журнал Московской Патриархии. 1976. С. 57–58; *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Святитель Софроний, епископ Иркутский, всея Сибири чудотворец // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 9. С. 69–78; *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Святитель Димитрий, митрополит Ростовский // Журнал Московской Патриархии. № 9. С. 68–74.

[24] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Схиархимандрит Паисий Величковский: (К 250-летию со дня рождения. 1722–1972) // Журнал Московской Патриархии. 1972. № 12. С. 62–64.

[25] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Памяти епископа Порфирия // Богословские труды. М., 1985. № 26. С. 315–325.

[26] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* О творческом пути священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. М., 1982. № 4. С. 65–76.

[27] *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Прославление преподобного Амвросия в Троице-Сергиевой Лавре // Журнал Московской Патриархии. М., 1989. № 3. С. 28; *Иннокен-*

тий (Просвирнин), архим. Памяти епископа Виссариона Нечаева: (К 150-летию со дня рождения) // Журнал Московской Патриархии. № 2. С. 70–78.

28 Материалы, представленные в архиве архимандрита Иннокентия (А.И. Просвирнина), позволяют также дать более точную и емкую характеристику работы Издательского Отдела Московского Патриархата с 1963 по 1992 гг. В архиве представлены разнообразные издательские проекты, подготовительные материалы, статьи и черновики статей, фотографии, копии архивных документов, микрофильмы и микрофиши — все они позволяют судить о масштабах издательской деятельности Русской Православной Церкви в годы ее прещения. Среди документов имеется Справка-отчет архиепископа Питирима (Нечаева) от 31 января 1983 г. В ней раскрыты основные направления деятельности Издательского отдела и показана роль Церкви в жизни нашего государства. См.: *Питирим* (Нечаев Константин Владимирович), архиепископ Волоколамский. Справка о работе Издательского отдела Московского Патриархата. 1983 января 31 // ОР РГБ. Ф. 862. К. 1. Ед. 45. 4 лл.

29 *Димитрий* (Самбикин Дмитрий Иванович; архиеп. Казанский и Свияжский; 1839–1908.). Месяцеслов святых, всей русской церковью или местно чтимых и указатель праздности в честь икон Божией матери и святых угодников божиих в нашем отечестве. — Тамбов, 1878–1883. — Вып. [1]-4.

30 *Иннокентий (А.И. Просвирнин), архим.* Труды и дни архиепископа Димитрия (Самбикина) (1839–1908) // ОР РГБ. Ф. 862. К. 15. Ед.хр. 23. Опубликовано: *Архимандрит Иннокентий (Просвирнин).* Труды и дни архиепископа Димитрия (Самбикина. 1839–1908): О деятельности этого выдающегося церковного историка, археографа, просветителя / Публ., предисл. и прим. Г.В. Аксеновой // Московский журнал. 2015. № 6. С. 52–66.

31 В фонде отца Иннокентия сформировался комплекс беловых материалов для издания Миней, названный «Службы жития и русским святым в алфавите имен». Всего 35 единиц хранения, более четырех с половиной тысяч листов текстов. См.: *Иннокентий (Просвирнин), архимандрит.* Службы русским святым в алфавите имен, жития // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 21. Ед.хр. 1–3; К. 22. Ед.хр. 1–4; К. 23. Ед.хр. 1–3; К. 24. Ед.хр. 1–4; К. 25. Ед.хр. 1–3; К. 26. Ед.хр. 1–4; К. 27. Ед.хр. 1–4; К. 28. Ед.хр. 1–4; К. 29. Ед.хр. 1–4; К. 30. Ед.хр. 1–2.

32 История русской Православной Церкви в документах региональных архивов России: Аннотированный справочник-указатель / Научный руководитель архимандрит Иннокентий Просвирнин. М.: «Наука», 1993; История русской Православной Церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга: Аннотированный справочник-указатель / Научный руководитель архимандрит Иннокентий Просвирнин. М.: Новоспасский монастырь, 1995.

33 ОР РГБ. Ф. 862. К. 42. Ед.хр. 8.

34 ОР РГБ. Ф. 862. К. 40. Ед.хр. 1.

35 Там же.

36 При жизни архимандрита Иннокентия из печати вышли два тома — 7-й и 8-й (Евангелие и Деяния, Послания, Апокалипсис). После кончины архимандрита Иннокентия

(Просвирнина) его соработники продолжили этот проект, издав еще 3 тома. В целом, в 1990-х годах вышли из печати 4-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й тома: Псалтирь, Четвероевангелие, Апостол и Апокалипсис; предисловие к Библии 1499 года, подробное оглавление Геннадиевской Библии, список изданий Библии на славянском и русском языках, палеографическое описание рукописи. В 10-й том вошли репродукции около 400 икон (включая резные и шитые), фресок и 56 картин русских художников на Библейские темы. Оценка этого издания и анализ содержания представлен в диссертационном исследовании Л.П. Медведевой. См.: *Медведева Л.П.* Книгоиздание Русской Православной Церкви: 1945 — 2009 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 05.25.03 [Место защиты: Рос. гос. б-ка]. М., 2012. С. 165.

37 Цит. по: Ревнитель православного просвещения: Обзор архива архимандрита Иннокентия / Сост.: О.В. Курочкина. М., 2005. С. 42–43.

38 *Платон (Игумнов), архим.* Надгробное слово архимандрита Платона (Игумнова)... С. 1.

39 См.: ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 16. Ед. хр. 1; К. 17. Ед.хр. 1; К. 18. Ед. хр. 1; К. 19. Ед. хр. 1; К. 20. Ед. хр. 1.

40 См.: *Иннокентий (Просвирнин), архим.* «По стопам отцов»: (Духовный потенциал отечественной истории в решении современных проблем сохранения заповедных территорий) // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 15. Ед.хр. 6.

41 4 февраля 1970 г. Анатолия Просвирнина рукоположили в сан диакона, 22 февраля того же года, в день празднования обретения мощей святителя Иннокентия, епископа Иркутского, — во пресвитера. Монашеский постриг с именем Иннокентий в честь святителя Московского Иннокентия (Вениаминова) состоялся 22 декабря 1977 г. в Троице-Сергиевой Лавре. В 1978 г. иеромонаха Иннокентия возвели в сан игумена, а в 1981 г. удостоили сана архимандрита.

42 Журнал Московской Патриархии. 1975. № 3. С. 66–79.

Публикация текста беседы готовилась по дореволюционному московскому изданию 1903 года. См.: Машинописная копия текста этого издания хранится в архиве среди материалов третьих лиц. См.: *Иннокентий (Вениаминов)*, митрополит Московский и Коломенский. Указание пути в Царствие Небесное // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 66. Ед.хр. 7. 66 л.

43 *Иннокентий* (Просвирнин Анатолий Иванович), игумен. «Пастырей путевождь»: доклад к 100-летию со дня преставления Святителя Иннокентия, митрополита Московского. 1979, декабря 14 // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 15. Ед. хр. 4. Л. 15.

44 *Фиалкин Вл.* Святитель Иннокентий, Митрополит Московский, и его миссионерская деятельность // Журнал Московской Патриархии. 1979. № 3. С. 70–75; № 4. С. 73–77; № 5. С. 73–77; № 6. С. 68–77.

Одним из самых известных исследований, посвященных московскому периоду деятельности Высокопреосвященнейшего Иннокентия Вениаминова, является работа Владимира Фиалкина, опубликованная в 1891 г. в журнале «Странник». См.: *Фиалкин В.* Московский период миссионерской деятельности Высокопреосвященного Иннокентия Вениаминова // Странник. 1891. Т. I. Апрель. С. 659–675; Т. II. Май. С. 83–100.

[45] Опубликовано: Святитель Иннокентий (Вениаминов) в судьбах Якутии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию учреждения Якутской епархии. Якутск, 23 марта 2015 г. / Под общей ред. епископа Якутского и Ленского Романа. Якутск, 2015. С. 41–50 (подготовка текста и комментарий Г.В. Аксеновой).

[46] *Иннокентий* (Просвирнин Анатолий Иванович), игумен. «Пастырей путевождь»: доклад к 100-летию со дня преставления Святителя Иннокентия, митрополита Московского. 1979, декабря 14 // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 15. Ед. хр. 4. Л. 3.

[47] *Иннокентий* (Просвирнин Анатолий Иванович), игумен. «Пастырей путевождь»: доклад к 100-летию со дня преставления Святителя Иннокентия, митрополита Московского. 1979, декабря 14 // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 15. Ед. хр. 4. Л. 3.

[48] См.: *Барсуков И.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. С. 423.

Громов П., прот. Черты для будущей биографии Иннокентия, архиепископа Камчатского // Киевские Епархиальные ведомости. 1862. № 13. С. 454–460; он же. Припоминания современника о Высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском // Иркутские Епархиальные ведомости. 1879. № 23. С. 247–256; № 24. С. 259–269; № 25. С. 276–282; № 26. С. 283–288; № 27. С. 293–303; № 28. С. 308–316; № 29. С. 317–326; № 30. С. 329–338; № 31. С. 339–349.

[49] *Окладников А.П.* От Анги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова // Вопросы истории. М., 1976. № 6. С. 129.

30 ноября 1981 г. архимандрит Иннокентий написал письмо одному из учеников академика А.П. Окладникова, пытаясь узнать о судьбе написанной им книги о святителе Иннокентии. См.: Конопацкий А.К. Письмо к архимандриту Иннокентию о работе академика А.П. Окладникова над книгой о Святителе Иннокентии (Вениаминове). 1981, ноябрь 30 // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 54. Ед.хр. 17. 1 л. Автограф. Опубликовано: Святитель Иннокентий (Вениаминов) в судьбах Якутии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию учреждения Якутской епархии. Якутск, 23 марта 2015 г. / Под общей ред. епископа Якутского и Ленского Романа. Якутск, 2015. С. 56–58 (подготовка текста и комментарий Г.В. Аксеновой).

[50] Литературное наследство. Л., 1935. Т. 22–24. С. 420.

[51] *Иннокентий* (Просвирнин Анатолий Иванович), игумен. «Пастырей путевождь»... Л. 10.

[52] Центр сохранения историко-культурного наследия Иркутской области. Письмо к архимандриту Иннокентию. 1990, апреля 13 // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 57. Ед.хр. 2. 2 л. На бланке, машинопись. Опубликовано: Святитель Иннокентий (Вениаминов) в судьбах Якутии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию учреждения Якутской епархии. Якутск, 23 марта 2015 г. / Под общей ред. епископа Якутского и Ленского Романа. Якутск, 2015. С. 59–61 (подготовка текста и комментарий Г.В. Аксеновой).

[53] *Алексий (Фролов)*, епископ Орехово-Зуевский. Указ. соч. С. 12–13.

Написанная архимандритом Иннокентием (Просвирниным) статья была опубликована в журнале «Архитектура и строительство Москвы» в 1988 г. См.: *Иннокентий (Просвирнин), архимандрит*. Подворье Московских митрополитов в Черкизове // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 6. С. 12–13. Отдельный оттиск этой публикации хранится в третьем разделе архивного фонда, среди творческих рукописей. См.: *Иннокентий (Просвирнин), архимандрит*. Подворье Московских митрополитов в Черкизове // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). К. 15. Ед.хр. 7. Печатное.

54 *Шафажинская Н.Е.* Монастырская просветительская культура России: монография. — М.: ИНФРА-М, 2013. С. 170.

55 ОР РГБ. Ф. 862 (арх. Иннокентий (Просвирнин)). К. 11. Ед.хр. 41; К. 12. Ед.хр. 7; К. 12. Ед.хр. 20; К. 15. Ед.хр. 14; К. 50. Ед.хр 12; К. 55. Ед.хр. 34; К. 55. Ед.хр. 58; К. 57. Ед.хр. 52–53.

56 Алексий (Фролов) (1947–2013) — с 1991 г. наместник московского Новоспасского монастыря, с 1995 г. епископ Орехово-Зуевский, в 2004 г. возведен в сан архиепископа, с 2010 г. архиепископ Костромской и Галичский.

57 Московский церковный вестник. 1994. № 4; Православная Москва. 1994. № 9; Журнал Московской Патриархии. 1995. № 5; Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 117–120; Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 372–373.

58 *Афонина В., Володин Э., Лисовой Н., Сергеев В., Печерский А., Пересыпкин О., Чичуров И., Щапов Я., Лощиц Ю.* Неоплатный долг // Русь державная. 1994. № 6.

59 Творения Иннокентия, Митрополита Московского. М., 1887. Кн. 2. С. 454.

60 *Барсуков И.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. С. 594.

61 Иннокентий (Просвирнин А.И.), арх. Выступление на конференции // Материалы научно-практической конференции «Архитектурный ансамбль Иосифо-Волоцкого монастыря. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации». 30–31 октября 1986 года. М., 1989.

Публикуется по: *Иннокентий (Просвирнин А.И.), арх*. Выступление на конференции «Архитектурный ансамбль Иосифо-Волоцкого монастыря. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации». 1989, октябрь 30 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий, архимандрит). К. 14. Ед.хр. 9. Л. 2–3 (С. 40–43).

62 Примечание. Мы знаем ряд примеров, когда исследователь оторван от источников. Сейчас закрыт, как мы слышали вчера, ГИМ — с Отделом рукописей на 5, а может быть, и больше лет. Намечено закрытие ГПБ, где хранятся рукописи, имеющие отношение к Иосифо-Волоцкому монастырю. Не случайно, на Всесоюзной конференции в 1979 году, посвящено факсимильным изданиям и описаниям рукописей, академик Д.С. Лихачев назвал эти явления стихийным бедствием для науки.

63 Ими замикрофильмированы все рукописи Хиландарского монастыря на Афоне, составлен на них каталог и разослан в основные библиотеки мира, в котором указана валютная стоимость заказов на их копии.

64 *Вах К.А.* Проект издания дневника архимандрита Антонина: 1817–1894 гг. // Иерусалимский православный семинар. М.: Индрик, 2013. Вып. 4. С. 244.

65 Ревнитель православного просвещения: Обзор архива архимандрита Иннокентия / Сост.: О.В. Курочкина. М., 2005. С. 6.

[66] Упоминание об этом факте деятельности архимандрита Иннокентия как сотрудника ИОМП содержится в статье издателя и ученого К.А. Ваха, опубликованной в сборнике «Иерусалимский православный семинар». См.: *Вах К.А.* Проект издания дневника архимандрита Антонина: 1817–1894 гг. // Иерусалимский православный семинар. М.: Индрик, 2013. Вып. 4. С. 243–244.

К.А. Вах при исследовании судьбы библиотеки ИППО (в связи с судьбой дневников архимандрита Антонина (Капустина)) обратился к различным источникам и свидетельствам, как достаточно эмоциональным устным, так письменным и печатным, в том числе к статье с таким тенденциозным названием «Как разоряли библиотеку» (См.: http://www.ippo.ru/ipporu/article/kak-razoryali-biblioteku-iz-istorii-sovremennosti--200612). В своей статье, опубликованной в «Иерусалимском православной семинаре», он подчеркнул, что «финальным актом в этом разрушительном процессе стала передача остатков библиотеки ИППО из БАН в Московскую Патриархию (1982)» (*Вах К.А.* Указ. соч. С. 243). При этом назван, но проигнорирован факт условий хранения библиотеки как в Музее религии и атеизма, так и БАН — «без инвентарной описи в тюках и связках», так называемый «штабель». Что никогда не способствовало сохранности материалов и введению их в научный оборот. Также забыта трагедия — пожар 1988 г. в БАН, в котором была уничтожена огромная часть ценнейших собраний. Согласно имеющимся свидетельствам, книги, находившиеся в Водяной башне, поступили в библиотеку Московской Духовной академии. Поскольку в настоящее время при библиографическом описании не учитываются владельческие пометы и экслибрисы, то трудно назвать численные объемы книг, которые не были уничтожены после отчисления отца Иннокентия из братии лавры и упразднения Церковно-научного и издательского центра.

Необходимо отметить, что архимандрит Иннокентий (Просвирнин) во время командировок в БАН СССР смог разобрать и систематизировать тот материал, который был «заштабелирован».

[67] Издательский отдел Московского Патриархата. Письма директору Библиотеки Академии наук СССР В.А. Филову о передаче из фондов БАН библиотеки Православного Палестинского общества. 1982 фев.10 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 57. Ед.хр. 53. Л. 1.

[68] Библиотека Академии наук СССР. Письма к архиепископу Питириму, председателю Издательского отдела Московского Патриархата об условиях передачи из фондов БАН библиотеки Православного Палестинского общества. 1982 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 57. Ед.хр. 52. Л. 1.

[69] Библиотека Академии наук СССР. Письма к архиепископу Питириму, председателю Издательского отдела Московского Патриархата об условиях передачи из фондов БАН библиотеки Православного Палестинского общества. 1982 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 57. Ед.хр. 52. Л. 3.

[70] Издательский отдел Московского Патриархата. Письма директору Библиотеки Академии наук СССР В.А. Филову о передаче из фондов БАН библиотеки Православного Палестинского общества. 1982 фев.10 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 57. Ед.хр. 53. Л. 2.

[71] Там же. Л. 3–4.

[72] Отчет о научной командировке в Ленинград в Библиотеку Академии Наук. 1982, август // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 2. Ед.хр. 4.

[73] *Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим.* «Спешите делать добро» 1989, сент. 13 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 15. Ед.хр. 19.

[74] *Иннокентий (Просвирнин А.И.), архим.* «Спешите делать добро» 1989, сент. 13 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 15. Ед.хр. 19. Л. 5

[75] Российское Палестинское общество при АН СССР, Советский фонд мира. Информация о научном симпозиуме «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем» [не позже 1990, янв.] // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 11. Ед.хр. 41.

[76] Дипломатическая Академия МИД СССР, Российское Палестинское общество. Приглашение на прием по случаю международного семинара «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты». 1990 янв. 23 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 12. Ед.хр. 20. Л. 1–2 об.

[77] Иннокентий (Просвирнин Анатолий Иванович), архимандрит. Письмо к Иваненко Василию Ивановичу, секретарю Православного Палестинского общества с поздравлением по поводу 100-летнего юбилея Общества. 1982 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 50. Ед.хр. 12.

[78] Отдел внешних церковных сношений Московского Патриархата. Письмо архимандриту Иннокентию о праздновании 110-летия Императорского Православного Палестинского Общества. 1992 мая 27 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 12. Ед.хр. 7. Л. 1–4.

[79] Пересыпкин Олег Герасимович, председатель Российского Палестинского Общества при Академии наук СССР. Письмо к архимандриту Иннокентию с поздравлением с праздником Святой Пасхи. 1991, апр. 13 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 55. Ед.хр. 34.

[80] Лисовой Н.Н. «Русское спасение» — беседа с архимандритом Иннокентием (Просвирниным) о Патриархе Сергии и его духовном наследии. 1991 сентябрь 4 // ОР РГБ. Ф. 862 (Иннокентий (А.И. Просвирнин)). К. 15. Ед.хр. 14. 14 лл. Машинопись с пометами карандашом рукой архим. Иннокентия.

[81] Диссертация «Догмат искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия (1893–1944)» была защищена в 1949 г. Этот труд протоиерея Петра Гнедича был издан в 2007 г. См.: *Протоиерей Петр Гнедич.* Догмат искупления в русской богословской науке (1893—1944). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 496 с. (Прим. — *Г.А.*)

[82] Издание осуществлено в книжном формате. См.: *Михаил (Грибановский), епископ.* Истина бытия Божия. СПб.: Общество любителей православной литературы, 2004. 176 с. (Прим. — *Г.А.*)

Отношение Н.П. Игнатьева к Великим реформам 1860–1870-х годов: взгляд из Константинополя*

О.В. Анисимов

С берегов Босфора Николай Павлович Игнатьев, посол в Османской империи с 1864 по 1877 г., внимательно следил как за событиями в России, так и за борьбой политических групп при императорском дворе. Обильную пищу для размышлений и неравнодушных наблюдений ему давала регулярная корреспонденция с отцом Павлом Николаевичем Игнатьевым[1]. Наряду с темами личного и семейного характера (внутрисемейные отношения, состояние здоровья, взросление детей, карьера родственников), в переписке затрагивались экономические, идеологические, политические темы. Семейные и внешнеполитические дела были основной тематикой общения между отцом и сыном Игнатьевыми.

На страницах этой переписки можно найти немало резких характеристик как отдельных лиц, обладавших властными полномочиями, так и групп высших сановников и бюрократов. В целом столичная власть представляла собой, по Игнатьеву, инертную и враждебную силу, которая не только мешала ему в полной мере отстаивать интересы России на Востоке, но и зачастую действовала во вред им. Таково было представление Игнатьева, которое нам следует поместить в контекст эпохи Великих реформ.

Исследовательская задача, которую призвана решить данная статья, заключается в том, чтобы через призму личной корреспонденции изучить отношение Н.П. Игнатьева к реформам и реформаторам 1860–1870-х гг. и определить его место на политическом ландшафте императорской России. Это будет только первое приближение к проблеме, потому как столь обширная тема нуждается в более подробном изучении. Так, например, отдельного внимания заслуживало бы отношение Игнатьева к великому

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00345А «Подготовка к изданию писем посла в Константинополе Н.П. Игнатьева к отцу: 1864–1876 гг.».

князю Константину и «константиновцам», равно как и к шефу жандармов и затем послу в Англии П.А. Шувалову и «шуваловцам».

Краткосрочная, но насыщенная деятельность Игнатьева на посту министра внутренних дел в 1881–1882 гг. при Александре III по-разному оценивалась в исторической литературе. Зачастую историки едины в признании противоречивости игнатьевской политики и в трудности отнесения его к тому или другому политическому лагерю. Вопрос об оценке министерской деятельности Игнатьева был тесно связан с проблемой его политических убеждений. «Демагог и лгун» с «сумбурными» и «примитивными» воззрениями — пишет о нем профессор П.А. Зайончковский, отмечая, что именно такой деятель оказался удобной фигурой для переходного периода начала 1880-х гг.[2] Р. Уортман рассматривал деятельность Игнатьева в связи с борьбой «славянофильской» и «этатистской» группировок в окружении Александра III[3]. О «промежуточном положении между консерваторами и либералами» говорит М.М. Горинов[4]. Такой тезис не устраивал В.М. Хевролину, считавшую, что Игнатьев никогда не был либералом, но был склонен к гуманным поступкам и идеям[5]. О трудности отнесения Игнатьева к лагерю консерваторов пишет профессор А.Ю. Дворниченко[6]. Возможно, изучение отношения Игнатьева к Великим реформам позволит дать более адекватный ответ о его политических убеждениях.

Весной 1866 г. Н.П. Игнатьев писал отцу: «Вообще замечаю, что я с Катковым почти во всем сойтись могу в мнениях»[7]. Идеолог и вдохновитель консервативного направления в России, главный редактор правой газеты «Московские ведомости» Михаил Катков пользовался уважением Игнатьева на протяжении многих лет. Имя Каткова фигурирует в переписке отца и сына Игнатьевых намного чаще, чем имя Ивана Аксакова, которого российский дипломат ценил за патриотизм и «преданность престолу, православию и русским преданиям»[8]. Принадлежа к широкому консервативному направлению, эти деятели за годы своей публицистической работы проделали заметную эволюцию. А.А. Тесля раскрывает ее суть, говоря о том, что, если Катков по сути остался западником, отказавшись от восхваления консервативной английской модели в пользу государственничества германского типа, то эволюция Аксакова состояла в усилении его славянофильских позиций[9]. С Катковым и Аксаковым Игнатьева объединяла национальная повестка дня, интересы защиты русского народа. Близость к славянофильству объединяла Игнатьева и К.П. Победоносцева, кроме того их сближало глубокое разочарование в официальной дипломатии периода русско-турецкой войны. Обер-прокурор Синода сыграл решающую роль в назначении Игнатьева на пост министра внутренних дел — вдвоем они составили «славянофильское министерство»[10]. Другие исследователи отмечали, что Игнатьев выражал интересы «национальной» или «народной партии» группы консерваторов, сторонников активной политики на Балканах ради укрепления престижа самодержавия внутри страны[11], но этот вопрос пока мало изучен в исторической литературе.

Ровно двадцать лет разделяют важные вехи карьеры Игнатьева: от августа 1861 г., когда он вошел в круг петербургских администраторов, став директором Азиатского департамента МИД, до марта 1881 г., когда он был назначен министром государственных имуществ, а через полтора месяца получил назначение на пост главы МВД. Его карьера символично вписывается в хронологию Великих реформ. У него было свое особое отношение к реформаторам и реакционерам, к их стратегии, планам и интригам.

Находясь долгое время вне России, Н.П. Игнатьев получал основные сведения о правительственной жизни через письма отца и иногда из газет. С П.Н. Игнатьевым они были единомышленниками в сдержанном принятии Великих реформ. Недоверие Игнатьевых было направлено не столько против самих преобразований, сколько против преобразователей, деятелей либеральной бюрократии. В начале 1866 г. Игнатьев-сын писал отцу: «Министры, да даже простые канцелярские чиновники, самопроизвольно сыплют деньгами и реформами, просоривают первые и засоривают вторые. ... Положения 19-го февраля и последующие скороспелые преобразования завели нас в колею, из которой выйти едва ли возможно на любом пункте»[12]. Отсюда можно сделать вывод, что для Игнатьевых реформы Александра II не имели самостоятельного ценностного значения, а воспринимались как плохо организуемый дурными руками процесс.

Крестьянская реформа 1861 г. прошлась по касательной в судьбе Игнатьевых. Павел Николаевич Игнатьев, петербургский генерал-губернатор с 1854 по 1861 г., вошел в историю Крестьянской реформы лишь тем, что на его имя Александр II подписал рескрипт от 8 декабря 1857 г. Публикация рескрипта Игнатьеву (одновременно с известным рескриптом В.И. Назимову от 20 ноября 1857 г.) означала, что правительство публично поставило своей задачей отмену крепостного права на территории всей империи[13]. После освобождения крестьянства Н.П. Игнатьев, в то время директор Азиатского департамента, занимался обустройством нового быта бывших крепостных: состоял в переписке с мировым посредником, рассматривал уставные грамоты, изучал экономическую сообразность выкупа и искал арендаторов[14]. При размежевании он старался сохранить во владении отца наиболее удобные земли[15]. Будучи землевладельцами средней руки, Игнатьевы не противились Крестьянской реформе и соглашались с основными ее положениями. В 1866 г. Н.П. Игнатьев сожалел об отходе от государственных дел Николая Милютина, представителя либеральной бюрократии, одного из главных разработчиков Крестьянской реформы и сторонника умиротворения Польши путем реформ. Игнатьев отмечал, что при всех своих заблуждениях Н.А. Милютин мог еще принести пользу русской политике как в Польше, так и в столице[16].

Игнатьев-старший был не более чем одним из винтиков александровской государственной машины. Даже пребывание его на посту председателя Комитета министров в 1872–1879 гг. не сделало его значительнее.

П.А. Валуев отзывался о нем негативно и даже иронически. Например, «видел Игнатьева [Николая — О.А.]... он.... начинает прискорбно походить на отца». Или еще более колоритное замечание: «Что за сумбур в голове у Игнатьева»[17]. Д.А. Милютин соприкоснулся с П.Н. Игнатьевым в рамках особой комиссии Государственного Совета, куда по приказу Александра II ежегодно направлялся отчет о реформах Военного министерства. Работу комиссии Милютин критиковал за бесплодность, а вскоре император, признав правоту министра, отменил эту формальность[18]. Современники приписывали ему определенную роль в удалении графа Шувалова из Петербурга, но слухи эти были довольно слабо аргументированы[19].

Профессор Альфред Дж. Рибер выделил четыре группировки в российской политической элите, которые сформировались в годы реформ на основе близких идеологических убеждений и материальных интересов: это группировки экономистов, инженеров, военных и фракция графа Петра Андреевича Шувалова[20]. Политические пути Игнатьева и инженеров-путейцев практически не пересеклись, в отличие от трех остальных групп.

«Экономисты» представляли собой специалистов и теоретиков по финансам и статистике, которое объединились вокруг фигуры министра финансов М.Х. Рейтерна, занимавшего этот пост в 1862–1878 гг. Главными идеями их политики были развитие железных дорог и частного кредита, поощрение экспорта, сокращение правительственных расходов. Для обеспечения спокойного размещения займов преимущественно в Англии и Франции «экономисты» считали необходимым, во-первых, невмешательство России «в политические разногласия других держав» (как писал Рейтерн в своей программной записке 1866 г.) и, во-вторых, сохранение особого статуса и привилегий Польши и Прибалтийских губерний[21]. Первый тезис вполне соответствовал чаяниям Горчакова и МИД и совершенно не отвечал позиции Игнатьева, а второй — раздражал группировку военных. Рейтерн оказался в конфликте с Военным министерством из-за требования сокращения расходов, а также с П.А. Валуевым и Шуваловым по причине отказа от идеи Дворянского земельного банка.

Приступая к реализации своей программы, М.Х. Рейтерн предложил Александру II продать Аляску и приватизировать Николаевскую железную дорогу. Продажа колонии в Северной Америке совершилась в 1867 г. в обстановке полной секретности, а дискуссии вокруг передачи железной дороги в частные руки развели по разным сторонам баррикад Рейтерна и группировку «инженеров», чиновников министерства путей сообщения. Игнатьев положительно отнесся к решительным шагам Министерства финансов, желая, чтобы поступившие от этих мер средства были бы потрачены максимально эффективно[22].

Как видно из переписки Игнатьева, поначалу он относился к министру финансов нейтрально и благожелательно, затем в конце 1860-х гг. критиковал

его за просчеты и ошибки. В 1872 г. Игнатьев стал ощущать как данность противодействие со стороны Министерства финансов. Причину этого он видел в том, что Рейтерн отлично ладил с Горчаковым. «Союз обоюдного поддержания и самохваления» — горько замечал Н.П. Игнатьев[23]. Оппозиция министерства в частности выразилась в том, что тормозился проект создания русского банка в Стамбуле, на чем настаивал посол, наблюдая работу в османской столице западноевропейских кредитных учреждений.

Н.П. Игнатьев был военным человеком по духу, образованию и началу своей карьеры, поэтому военные реформы Д.А. Милютина также им внимательно анализировались. Отношение Игнатьева к ним можно определить как благожелательный скептицизм: он, не соглашаясь с отцом и «старыми генералами», полагал, что реформы давно назрели, но Милютин и его соратники избрали неверную стратегию реформирования. В начале 1866 г., когда уже установилась военно-окружная система, он писал, что «Милютин и комиссия,... увлекшись современною болезненною страстью ломать прежнее, и теперь уже сбились с пути, потеряли хладнокровие и стали пристрастны»[24]. Хорошим маркером отношения Игнатьева к военным преобразованиям служит его внимание к публикациям генерала Р.А. Фадеева. Став сотрудником князя Барятинского, главы антимилютинского центра, Фадеев продемонстрировал занимательную эволюцию от солидарности с военными реформами к их критике. Игнатьев отдавал Фадееву должное, находя его позицию в целом справедливой, хотя и излишне алармистской.

Введению всеобщей воинской повинности Игнатьев придавал судьбоносное значение для военно-политического положения страны. Демократизация армии сделалась неизбежной, и от властей он желал, чтобы этот процесс шел подконтрольно, без слепого копирования западноевропейского опыта, даже такого передового как опыт Германии[25].

Судебная реформа не получила содержательного отклика в переписке Игнатьевых. Лишь один раз Н.П. Игнатьев обратился к теме новых судебных установлений, когда он рассчитывал облегчить бремя посольства по разбору тяжб русских подданных и лиц, претендовавших на покровительство России.

Земская реформа, идея представительства и борьба с аристократией оказались тесно связаны как в политической жизни России, так и в переписке Игнатьевых. В этих вопросах Игнатьевы оппонировали Шувалову.

Отношение Игнатьева к «партии Шувалова» всегда было остро критическое. Уже с 1865 г. посол в Стамбуле отзывался о прибалтийском генерал-губернаторе как о «шарлатане»[26]. Тому виной были англофильство Петра Андреевича, его симпатии к конституционным началам и кружок единомышленников, который Игнатьев называет «кликой». В Петербурге Шувалову противодействовал П.Н. Игнатьев, присоединяясь на заседаниях Комитета министров к его оппонентам.

Игнатьев ревностно обращал внимание на поощрение Шувалова чинами, наградами и должностями. В его картине мира петербургская бюрократия благоволила «аристократической партии», видным представителем которой считался Шувалов. Таковой «партии» даже не существовало: это был фантом, основанный на смутных представлениях крупных аристократов о своих экономических и политических интересах. Единственное, что было у них общего — это единство идеологии[27]. Ни общего лидера, ни реальной социальной опоры, ни действительной организации, ни программы действий у дворян не было. «Аристократическая оппозиция», представленная членами правительства и активистами в земских собраниях, развалилась еще до того, как власть решила нанести ей поражение[28].

Группировки бюрократов и аристократов, сталкиваясь на заседаниях Государственного Совета, Комитета министров, особых совещаниях и присутствиях, боролись за влияние на царя с переменным успехом, и компромисс был естественной частью этой борьбы[29]. Отчасти это подтверждает и Милютин, когда указывал на П.А. Валуева как на посредника и примирителя двух сторон[30].

Недовольство средних и крупных помещиков утратой своего экономического и социального первенства обозначилось уже в преддверии Крестьянской реформы. Динамика коренных реформ поставила перед дворянским сословием новые, неизвестные доныне задачи, такие, например, как объединение дворян во имя общих идей и их защиты и сословное представительство. Помещики-либералы продвигали идеи коренных реформ для того, чтобы конвертировать привилегии земельной аристократии в преимущества образованного класса, который принимает участие в местной и общегосударственной политике. Помещики-консерваторы выступали за обособление сословия в независимый институт, способный защититься от вмешательства государства[31]. В критике неискренности помещичьего либерализма объединились и славянофилы, и западники. Так, Аксаков писал: «Смешон и жалок либерализм, возросший на такой почве»[32], имея в виду под «такой почвой» обиду крепостников на правительство за отмену крепостного права. Вторил ему и Б.Н. Чичерин, говоря об «оппозиционном либерализме»[33]. Стремясь к широко обсуждаемой в прессе земской деятельности, помещики преследовали цель присвоить себе право говорить с правительством от имени всех сословий[34].

События 1862–1865 гг. показали разобщенность дворянства и неспособность аристократии предъявить какую-то популярную программу действий. Крупный промышленник Сергей Мальцов, дядя Н.П. Игнатьева по материнской линии, писал одному из лидеров петербургских аристократов В.П. Орлову-Давыдову, что, пока правительство находится в союзе с демократической партией, всякое выступление в защиту прав дворянства будет воспринято как «революционное», и потому что лучше отложить их[35].

Именовать либеральных бюрократов и петербургское высшее чиновничество «демократической партией» было в порядке вещей, но Игнатьев таким определением не пользовался.

Первое крупное оппозиционное выступление дворянства — адрес Московского губернского дворянского собрания от 11 января 1865 г. — Игнатьев не сумел проанализировать. В это самое время в Стамбуле заболел и умер его первенец, сын Павел. В адресе же московских дворян говорилось — в логике продолжения провозглашенной в 1864 г. земской реформы — о созыве собрания представителей от всех сословий для обсуждений общегосударственных вопросов. Ответные меры правительства были относительно мягки: дворянское собрание было закрыто, но генерал-губернатор оставлен на своем посту. Ответ был не столько репрессивным, сколько идеологическим. 29 января 1865 г. Александр II подписал рескрипт, по сути ставший манифестом либеральной бюрократии. В нем провозглашалось: «Ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать на себя предо Мной ходатайства об общих пользах и нуждах государства»[36].

Если «московская история» рассматривалась как аристократическая вылазка с закономерным финалом, то закрытие через один год Петербургского собрания озадачило правящую бюрократию. О прекращении работы Петербургского губернского земства по решению правительства в январе 1866 г. Д.А. Милютин вспоминал как о «прискорбном антагонизме», возникшем между правительством, не доверяющим любым представительным собраниям и пресекающим любое проявление самостоятельности, и земством, не желающим оставаться в предложенных узко хозяйственных рамках[37]. Как бы вторя ему, Игнатьев писал отцу из Стамбула, что «досадно мне и прискорбно случившееся в Петербурге с земским собранием. ... Закрытие земства произведет в России неблагоприятное впечатление, а в Европе будет перетолковано. ... С пути закона правительственные лица не должны сходить»[38]. Петербургское земское собрание было закрыто за «стремление неточным изъяснением дел и неправильным толкованием законов возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству»[39]. И либеральные бюрократы, и Игнатьев, сочувствующие модернизации страны, понимали трудность борьбы с «аристократической оппозицией», которая активно использовала достижения Великих реформ в своих интересах.

Министр иностранных дел, начальник Игнатьева, А.М. Горчаков никак не вмешивался во внутреннюю политику, его нерегулярное участие в заседаниях Комитета министров и других совещаниях ограничивалось самыми общими суждениями по обсуждаемым вопросам[40]. Но через руководимое им Министерство официальный Петербург попытался объяснить перипетии своей политики в отношении московского земства. По свидетельству

П.А. Валуева, князь Горчаков был причастен к появлению в Париже в начале 1865 г. одной статьи, где говорилось, будто бы правительство не противится утверждению представительства в России, а стремится осуществить его на «здравых началах» и «не хочет только адвокатского парламентаризма Запада, который не смогла вынести Франция и который теперь затрудняет Пруссию»[41]. Парижская (в момент основания — бельгийская) газета «Le Nord» была полуофициальным органом русского правительства, которая уже 10 лет с момента существования декларировала свою независимость от русских властей и предоставляла слово русской либеральной публицистике[42]. Декларируемый в ней российский подход к западному парламентаризму разделял и Игнатьев.

«Инициативная монархия» была лелеемым идеалом либеральной бюрократии до тех пор, пока она не испытывала конкуренции за влияние на императора. В апреле 1866 г. выстрел Каракозова внес существенные перемены в политику правительства. Пришедший в кабинет начальника III отделения и шефа корпуса жандармов П.А. Шувалов, руководствуясь заботой о охранении порядка, организовал наступление на крестьянскую, судебную и земскую реформы. Д.А. Милютин поделился своими опасениями о будущем курсе правительства с Александром II, но ничего не добился[43].

Были заменены некоторые министры: на смену «константиновцам» пришли люди «фракции Шувалова». Так, на посту министра просвещения оказался обер-прокурор Синода Д.А. Толстой, на посту министра юстиции —К.И. Пален, после ухода Валуева пост главы МВД достался А.Е. Тимашеву. Был смещен и ставленник Рейтерна на посту министра путей сообщения — вместо В.А. Бобринского Министерством стал управлять А.П. Бобринский. «Назначение Палена безобразно, — писал Н.П. Игнатьев отцу, — но объясняется весьма просто: он приятель Шуваловых, Белосельских и т.п. Все тараканы повылезут из щелей!»[44]. Напротив же, Тимашев, по мнению Игнатьева, вполне годился для своей должности: «Он умный, ловкий и с принципами, кажется, консервативными. Едва ли у него достанет опытности для многосложного управления»[45].

Характеристика, богатая на оттенки, была дана Д.А. Толстому. Вот что писал Игнатьев отцу: «При всех недостатках Толстого — он лучший министр народного просвещения из числа многих, ему предшествовавших. Как обер-прокурора Синода не могу похвалить. Упрям, своенравен, задорен, толку мало знает, а самоуверен»[46]. Дальнейшие годы совместной работы Святейшего Синода и российского посольства в Османской империи не принесли Игнатьеву удовлетворения, и к 1873 г. его мнение о Толстом не изменилось: он «всегда мне казался жалким человеком»[47].

«Триумвират» Шувалова, Валуева и Бобринского — таков постоянный состав «клики» и «шайки», согласно переписке Игнатьевых и воспоминаниям Милютина (последний назвал их «нашими тори»). При новых

министрах реформы не были отменены, но их реализация был существенно подкорректирована в сторону централизации и административного давления. Были предприняты попытки пересмотра законодательства в пользу дворянства. Поворот правительственной политики после 1866 г. — от радикальной к умеренной модернизации — совершился медленно. Шла борьба не за идеи, а за власть. Претензии «шуваловцев» «забрать в руки правительственное управление»[48] и явное желание самого Шувалова играть роль первого министра были главным раздражителем либеральной и консервативной бюрократии.

По прошествии ряда лет Милютин в мемуарах упрекал Горчакова, что тот зачастую разделял позиции Шувалова и его группы: «Его аристократические инстинкты сближают его с ратоборцами обскурантизма и помещичьего режима»[49]. С годами и Н.П. Игнатьев стал еще более критически оценивать деятельность государственного канцлера.

Камнем преткновения для реформаторов и их оппонентов с разных политических флангов стала идея представительства. Идея представительства во времена Александра II, несмотря на запрет официального обсуждения, находила робкую поддержку и в администрации, и при дворе. Так, П.А. Валуев писал в первой половине 1860-х гг. о сочувствии к абстрактным палатам и депутатам со стороны вел. кн. Марии Николаевны, президента Академии художеств, и князя В.А. Долгорукова, главы Третьего отделения[50]. Вопрос о центральном всеобщем представительстве так или иначе увязывался с конституционной идеей. В России середины XIX в. политическая мысль только-только выходила из тисков николаевского царствования и начинала первые шаги в поле широкого обсуждения, выходя из тени салонной философии и подпольных обществ. «Конечная цель у всех своя: английская конституция, чисто демократическая конституция, а славянофилы бредили старинной боярской думой», — писал об политических настроениях того времени Милютин[51].

Игнатьев был решительным противником конституционализма. Его воззрения на политические процессы включали критику западного конституционного правления, «либеральных фокусов» и «парламентских игр». Идеологически критика Игнатьева близка к тому подходу Аксакова в отношении политического тезауруса: «Все эти пошлые затеи и опошленные понятия и выражения: либерализм, консерватизм, оппозиция, демократия и т.п. Все эти выражения западного общественного строя слишком условны и узки для требований нашей русской нравственной, социальной свободы, для русского земского мира. Мы должны прежде всего руководствоваться самыми широкими началами нравственными, началами общей, высшей правды, любви и братства, началами историческими и народными»[52].

На дипломатическом поприще антиконституционализм Игнатьева проявился в борьбе против политического движения «Юная Турция»

(младотурки как «скрытые фанатики под личиною оттоманского фанатизма и западного просвещения»[53]) и против попыток ограничения османского самодержавия. «Англичане — поперхнутся от злости» — с удовлетворением писал российский посол родителям[54], так как конституционное движение в Османской империи пользовалось сочувствием британской дипломатии.

Обвинения Н.П. Игнатьева в адрес либеральной бюрократии заключались в том, что она, по его мнению, компрометировала императора и натравливала консервативные круги общества на правительство, а правительство — на общество[55]. Эти его слова относятся к январю 1866 г., когда по первым итогам работы земства он писал отцу: «Всего хуже, по-моему, полумеры. Многое лучше по-старому, но если затеяли новое, то действуйте откровенно, начистоту, допускайте полный общественный контроль, отделяя финансовую и административно-исполнительную власть от верховного (политического) правительства»[56]. За следующие десять лет его отношение к либеральным реформам как к полумерам и реформаторам как к деятелям, чуждым национальным интересам, не изменилось. Следует согласиться с В.М. Хевролиной: ничего либерального в оценках Игнатьева за 1862–1877 гг. мы не найдем.

Приступив к обязанностям министра внутренних дел в мае 1881 г., Н.П. Игнатьев издал циркуляр губернаторам с программой действий правительства. В них наряду с «искоренением крамолы» и борьбой с «незаконными способами наживы» декларировалась верность правительства правам, дарованным земству, городскому и крестьянскому сословиям. Антилиберал по духу, он был поставлен продолжать либеральный курс М.Т. Лорис-Меликова. Как ни страшился граф Игнатьев слова «конституция», ему удалось стать автором, по выражению В.И. Ленина, «фактической российской конституции», а именно «Положения о мерах к сохранению государственной безопасности и общественного спокойствия» 14 августа 1881 г. «Положение» возобновлялось каждые три года и действовало вплоть до 1917 г.

Подводя итог, следует ответить на вопрос: какое же место на политическом ландшафте императорской России можно отвести Н.П. Игнатьеву? Учитывая его стойкое неприятие петербургской бюрократии, независимость от основных групп политической элиты и критику проводимых реформ можно сказать, что он держался особняком и был чужаком для правящей элиты. Наиболее показательна его реакция на выстрел Каракозова: Игнатьев считал, что это событие отрезвит общество и правительство от «бессмысленного либерализма», но в то время он не желал бы и торжества «крайней реакции»[57]. Возможно, это и есть пресловутое игнатьевское лавирование или поиск «третьего пути», сторонники которого так и не объединились в определенную группировку или «партию» в рамках широкого консервативного направления.

[1] ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 4486 (1862, 1864 г.), 4487 (1865 г.), 4488 (1866 г.), 4489 (1867 г.), 4490 (1868 г.), 4491 (1869), 4492 (1870 г.), 4493 (1871 г.), 4494 (1872 г.), 4495 (1873 г.), 4496 (1874), 4497 (1875), 4498 (1876–1877 гг.).

[2] *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1964. С. 380.

[3] *Уортман Р. С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. М.: ОГИ, 2004. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. С. 290.

[4] *Горинов М.М.* Государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879–1908 гг.). Автореф. ...к.и.н. М., 2007. С. 25.

[5] *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М.: Квадрига, 2009. С. 334.

[6] *Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Уч. пос. М.: Весь мир, 2010. С. 750.

[7] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 22 марта / 3 апреля 1866.

[8] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 22 апреля /4 мая 1869.

[9] *Тесля А.А.* Иван Аксаков vs Михаил Катков: первая половина 1860-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. №3. 376–377.

[10] *Полунов А.Ю.* Славянофильское министерство. Победоносцев и граф Игнатьев в начале 1880-х годов // Родина. 2015. №2. С. 32.

[11] *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 8.

[12] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера 11/23 января 1866.

[13] *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. С. 136.

[14] Об этом свидетельствуется в переписке за 1862 г.

[15] *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 108.

[16] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 6 /18 декабря 1866.

[17] Дневник графа П.А. Валуева. 1861–1865. М.: "Канон", РОИИ "Реабилитация", 2014. С. 9, 20.

[18] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М.: РОССПЭН, 2005. С. 196–197.

[19] Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Отв. ред. В.Г. Чернуха. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 356.

[20] *Рибер А.Дж.* Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 44–72.

[21] Там же. С. 54–55.

[22] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 21 марта / 2 апреля 1867.

[23] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 7 /19 марта 1872.

[24] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера 8/20 февраля 1866.

[25] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 22 января / 3 февраля 1873.

[26] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Буюк-дере. 10/22 августа 1865.

[27] *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция реформам и проблема организации местного самоуправления в России в 50-е — 70-е годы XIX века // Российская история. 2000. №1. С. 5.

[28] *Kimball A.* Reviewed work: «Aristocraticheskaia oppositsia Velikim reformam: konets 1850 — seredina 1870-x godov» by I.A. Khristoforov // Slavonic Review. Vol. 64. №4 (Winter 2005). P. 906.

[29] Например, П.А. Зайончковский писал о Милютине: «Компромиссное решение вопросов было далеко не чуждо его образу действий». *Зайончковский П.А.* Военные реформы в 1860–1870-е годов в России. М.: Изд-во МГУ, 1952. С. 274.

[30] *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. С. 62.

[31] См. об этом: *Христофоров И.А.* Аристократическая оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М.: Русское слово, 2002. С. 144–145.

[32] Знаменитая публикация И.С. Аксакова о «самоуничтожении дворянства». См.: День. 1862. 6 января.

[33] *Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 191.

[34] *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 154.

[35] Цит. по: Там же. 164.

[36] Цит. по: *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2005. С. 49.

[37] Там же. С. 204.

[38] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 31 января / 12 февраля 1867.

[39] О закрытии С.-Петербургского Губернского Земского собрания, Губернской и Уездных управ, и о приостановлении в С-Петербургской губернии действия Положения о земских учреждениях. 16 января 1867 г. // ПЗСРИ. Собрание 1825–1881. №44114.

[40] *Милютин Д.А.* Воспоминания... 1865–1867. С. 357.

[41] Дневник графа П.А. Валуева. 1861–1865. М.: «Канон+», РОИИ «Реабилитация», 2014. С. 270.

[42] *Ронин В.К.* Русская публицистика в Бельгии в середине XIX века // Славяноведение. 1993. №4. С. 3–18.

[43] *Милютин Д.А.* Воспоминания... 1865–1867. С. 246.

[44] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 17 / 29 января 1867.

[45] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 5 / 17 апреля 1866.

[46] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 7 /19 ноября 1868.

[47] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Буюк-дере. 18 / 30 июня 1873.

[48] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 2 / 14 февраля 1875.

[49] *Милютин Д.А.* Воспоминания... 1873–1875. С. 75.

[50] Дневник графа П.А. Валуева. С. 272, 274.

[51] Там же. С. 49.

[52] *Аксаков И.С.* О самоуничтожении дворянства как сословия // День. 1862. 6 января.

[53] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 21 марта / 2 апреля 1867.

[54] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 7 / 19 декабря 1872.

[55] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера 18/30 января 1866.

[56] Там же.

[57] Н. Игнатьев — П. Игнатьеву. Пера. 26 апреля / 8 мая 1866.

А.А. Дмитриевский (1856–1929), деловые и личные качества по материалам личного архива и архива Императорского Православного Палестинского Общества

А.Г. Грушевой

1. Краткая биография

Архивные документы, находящиеся, прежде всего, в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, позволяют составить детальное представление о научной деятельности и индивидуальных особенностях Алексея Афанасьевича Дмитриевского (1856–1929), известного отечественного византиниста и историка Церкви.[1] Прежде чем переходить к более подробному рассмотрению указанных вопросов, представляется необходимым прежде всего сказать несколько слов о всех периодах его профессиональной деятельности.

Хронология

Алексей Афанасьевич Дмитриевский родился в Астраханской губернии. Окончив Астраханскую Духовную семинарию, он в **1878** г. поступил в Казанскую Духовную Академию. По окончании академического курса со степенью кандидата богословия в **1882** г. получил назначение преподавателем гомилетики и литургики в Самарскую Духовную семинарию, однако по ходатайству ректора Казанской академии, был оставлен и приступил к чтению лекций по истории Богослужения на кафедре литургики..

В **1883 г.** А.А. Дмитриевский получил степень магистра за сочинение «Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Часть первая. Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств». После двухлетнего преподавания в Казанской Духовной академии А.А. Дмитриевский получил кафедру литургики и церковной археологии в Киевской Духовной Академии, с которой связана вся его последующая профессорская деятельность вплоть до **1907** г. А.А. Дмитриевский читал лекции по церковной

археологии и литургике в 1885–1907 гг. В период между 1886 и 1898 гг. А.А. Дмитриевский неоднократно работал в основных библиотеках и хранилищах рукописей Греции и Ближнего Востока ради описания богослужебных рукописей на греческом и их систематизации.[2]

Итогом многолетней работы в библиотеках и рукописных собраниях монастырей стал выход в **1895 г.** в свет главного труда А.А. Дмитриевского «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Том 1. Часть 1. Памятники патриарших Уставов и кти-торские монастырские Типиконы», представленные им в качестве докторской диссертации. Рецензенты признали большую научную ценность этого издания. **В 1896 г.** Дмитриевский был удостоен степени доктора церковной истории.[3]

Научная деятельность А.А. Дмитриевского в Киевской Духовной академии была плодотворной. За годы работы в ней он создал целую литургическую школу. Можно допустить, что в архивах Киевской духовной академии вполне реально найти материалы, касающиеся работы А.А. Дмитриевского в Киеве, но это только предположение, ибо неизвестно — сохранились ли такие архивные документы.[4] Ещё менее понятно, насколько они доступны, если считать, что сами по себе документы сохранились. В 1906 г. А.А. Дмитриевский уехал в Санкт-Петербург работать в Предсоборном Присутствии.

Петербургский период 1906–1918 гг.

В 1907 г., после переезда в столицу, А.А. был избран Секретарем Совета Палестинского общества. Жизненные обстоятельства сложились так, что с момента начала работы в Палестинском Обществе и вплоть до своей кончины, А.А. Дмитриевский в основном не занимался наукой, ввиду большой занятости административными делами.[5]

Хотелось бы отметить, что Председатель Общества Елизавета Федоровна лично выбрала А.А. Дмитриевского на должность секретаря Общества по рекомендации его вице-председателя Николая Милиевича Аничкова.[6]

Астраханский период 1918–1922 гг.

А.А. Дмитриевский, не принявший в 1918 г. переориентации деятельности Палестинского Общества исключительно на светскую науку, переехал в Астрахань, где стал заведующим кафедрой греческого языка в недавно открытом университете.[7] С марта 1919 г. и до осени 1920 г. А.А. Дмитриевский был ректором Астраханского университета и затем до марта 1922 г. — проректором.[8] Официальным поводом для переезда в Астрахань стала командировка для изучения церковных древностей региона.[9] Архивные

материалы показывают, что в том же 1919 г. А.А. Дмитриевский составил список ценных вещей из астраханских храмов, подлежащих передаче в музей памятников старины и искусства. Сохранилась также обстоятельная докладная записка в секцию по охране памятников старины и искусства, составленная в связи с описанием ценностей, имеющихся в астраханских церквях.[10]

В 1922 г. он был арестован по обвинению в противодействии изъятию церковных ценностей, основанием для чего послужил поданный им в комиссию протест против изъятия предметов церковной утвари XVII–XVIII вв. А.А. Дмитриевский провел в заключении, в ожидании суда шесть месяцев — с марта по октябрь 1922 г. По результатам процесса, длившегося с 15 по 18 октября 1922 г., А.А. Дмитриевский был осуждён на год условно и выпущен на свободу.[11]

Ленинградский период — 1922–1929 гг.

Осенью 1922 г. он вернулся в Петроград, где преподавал на Высших богословских курсах, закрытых в 1928 г. В архиве А.А. Дмитриевского в РНБ есть несколько документов, связанных с преподаванием на Высших Богословских курсах. Это — тексты курсовых работ студентов и рецензии А.А. Дмитриевского на них.

2. Секретарь Совета ИППО

Архивные документы А.А. Дмитриевского находятся прежде всего здесь, в отделе рукописей РНБ. Фонд — 253, содержащим. 933 дел. Небольшой фонд А. А. Дмитриевского есть в СПб филиале архива РАН (фонд 214).

Ввиду того, что архив Палестинского Общества уже давно переехал из Ленинграда в Москву, часть документов, имеющих непосредственное отношение к деятельности А.А. Дмитриевского, находится сейчас в Архиве внешней политики Российской империи. (АВПРИ) Их немного — в АВПРИ есть подборка документов о командировке Дмитриевского на Ближний Восток. Среди протоколов заседаний Совета есть также текст первого выступления Дмитриевского в должности Секретаря Совета ИППО. Только в Москве находятся также протоколы заседаний 1910–1914 годов, в ходе которых решался вопрос о выработке новых учебных программ для учительских семинарий Общества, а также — о выработке концепции организации обучения в школах. Заседания происходили в Дамаске, Петербурге и Назарете. За несколько дней до начала Первой мировой войны Совету общества был представлен итоговый доклад с подробной характеристикой программ по всем предметам обучения в учительских семинариях Общества. А.А. Дмитриевский принимал активное участие во всех этапах этой работы.

Архив А.А. Дмитриевского, хранящийся в РНБ ОР отражает все периоды его жизни, но неравномерно.[12] От периода 1895–1907 гг. периода интенсивных научных занятий, в архивах сохранилось не очень много материалов. Есть, правда, весомые результаты его труда. В архиве А.А. Дмитриевского велико количество греческих рукописей, отчасти переписанных лично им отчасти — являющиеся копиями, сделанными по его заказу[13]. Если учесть, что копии были сделаны примерно 130 лет назад при гораздо более низком уровне обеспечения исследователя техникой, можно только поражаться энтузиазму копииста. Архив А.А. Дмитриевского в РНБ ОР является в результате ценным источником по истории Церкви, ибо А.А. Дмитриевский копировал или заказывал копии богослужебных сочинений.

Период работы А.А. Дмитриевского в Палестинском Обществе освещён в источниках хорошо. К этим одиннадцати годам относятся все важнейшие события в истории ИППО — инспекция всех институтов Общества на Ближнем Востоке, выработка новой учебной программы для семинарий и обсуждение перспективы создания Русского археологического института в Иерусалиме.

Архивные источники позволяют проследить работы А.А. Дмитриевского в Палестинском Обществе с самых первых дней. Письма Н.М. Аничкова, вице-председателя Общества, к М.П. Степанову позволяют проследить достаточно подробно первые шаги ААД в новой должности. Необходимость поиска в 1906–1907 гг. нового кандидата на должность Секретаря Совета ИППО была вызвана кончиной Алексея Петровича Беляева (1849–1906), занимавшего эту должность с 1903 по 1906г.

Архивные материалы показывают, что вице-председатель Общества Н.М. Аничков активно искал кандидата на должность секретаря Совета Общества также и вследствие ухудшения собственного здоровья.[14] Из писем Н.М. Аничкова следует, что А.А. Дмитриевский какое-то время не был уверен, стоит ли ему переходить из Киевской Духовной академии, где он тогда работал, в Петербург, в Палестинское Общество. Сомнения эти отчасти были связаны с тем, что у А.А. Дмитриевского в Киевской Духовной академии было прочное положение и стабильное жалованье.

А.А. Дмитриевский, избранный на должность секретаря Совета Председателем Общества Елизаветой Фёдоровной, приступил к работе через год, в конце 1908 г. Первым его публичным выступлением стал доклад секретаря, с которым он выступил 10 октября 1908 г.[15] Информации об этом докладе нет ни в письмах Н.М. Аничкова, ни в каких-либо работах А.А. Дмитриевского по истории Общества. Скорее всего, это связано с тем, что предложенные в этом докладе меры никогда не были реализованы как из-за позиции Министерства иностранных дел, так и лично Николая II.

В данном докладе А.А. Дмитриевский затронул актуальную для того времени тему — как поступить со школами Общества в Сирии и Палестине в тех условиях, когда на их содержание не хватает денежных средств.

А.А. Дмитриевский писал о том, что Общество никак не может поддержать проект русского консула в Дамаске князя Б.Н. Шаховского о перестройке школ Общества, так как план этот предусматривает включение в программу обучения — французского и английского языков, которые для местного населения гораздо более значимы, чем русский.[16] Поддержать этот проект, с точки зрения А.А. Дмитриевского, невозможно, так как эта реорганизация создаст условия для детей местных православных христиан продолжать образование в инославных учебных заведениях, что в свою очередь облегчит им возможность познакомиться с протестантизмом и католицизмом. Секретарь ИППО специально подчёркивал, что «благочестивый русский народ» жертвует большие средства на развитие в регионе именно православия и православных школ, но не на подталкивание подрастающего поколения к переходу в инославие. Как известно, несколько позже, когда государство поддержало школы Общества регулярными выплатами из казны, А.А Дмитриевскому скорректировал свою точку зрения и выступал в поддержку школ.

Финансовые сложности — сокращение доходов Общества — и плохое хозяйствование заведующего подворьями Общества потребовали комплексной ревизии всех институтов Общества с целью улучшения обслуживания интересов паломников и с целью улучшения работы школ Общества, в которых учили основам всех наук детей арабов-христиан. По итогам ревизии были также подготовлены новые программы для учительских семинарий Обществ. Два из упомянутых Отчётов — Отчёт Н.В. Кохманского о школах и Отчёт о состоянии подворий, находятся в двух в архивах Петербурга. Отчёт о состоянии подворий — в двух экземплярах: один в РНБ ОР. Второй в АВ ИВРРАН, также как и Отчёт Н.В. Кохманского.[17]

«Отчёт по ревизии подворий Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме, Назарете и Хайфе в 1910 году» занимает 238 страниц машинописи. Текст отчёта делится по содержанию на пять разделов, из которых первые два являются описанием структуры подворий и работы всех должностных лиц. Особое внимание было уделено злоупотреблениям управляющего подворьями Н.Г. Михайлова.

Третий, четвёртый и пятый разделы «Отчёта...» в информационном отношении наиболее содержательны. А.А. Дмитриевский детальный рассказывает о прибытии паломников в Святую Землю, об их быте на подворьях, о паломнических караванах и их организации. Сообщаемые в «Отчёте сведения...» являются ценным источником по истории паломничеств в Святую Землю,

Отчёт завершается сводкой большим количеством выводов, разделённых на несколько групп в зависимости от того, сколь быстро следовало их воплощать в жизнь. Речь шла о мелких улучшениях уже в общем-то сложившейся системы обслуживания паломников в течение того времени, когда они находились в Палестине. После проведения инспекции

произошло лишь одно. Были заменены работники Общества, доказавшие своей деятельностью профессиональную непригодность.

Оба Отчёта о школах, написанные по итогам инспекции всех институтов общества на Ближнем Востоке (авторы — Н.В. Кохманский и А.А. Дмитриевский) Способствовали возникновению длительной дискуссии о формах и методах обучения и о новых программах, которые предполагалось внедрить с осени 1914 г. Соответствующий доклад был полностью подготовлен и представлен Совету Общества 23 июня 1914 г., за пять дней до событий в Сараево, ставших формальным поводом для начала Первой мировой войны.

В Архивах Петербурга и Москвы (АВПРИ) доступно множество материалов о подготовке новых программ и о целой серии совещаний 1910–1913 гг., в ходе которых планируемые программы обсуждались.[18] Последнее крупное мероприятие в истории ИППО периода секретарства А.А.Д. — это дискуссия о Русском археологическом институте в Иерусалиме. Она происходила в течение трех лет (1915–1917) и подвела итог научной деятельности Общества.

Член сената Российской Империи, крупные должностное лицо в Министерства просвещения, Евграф Петрович Ковалевский (1865–1941) выступил с идеей создания Русского археологического института в Иерусалиме. Насколько позволяют понять доступные документы, идею создания Русского археологического Института в Иерусалиме ВПЕРВЫЕ выдвинул А.А. Дмитриевский, но развил Е.П. Ковалевский. При этом Е.П. Ковалевский не ссылается на А.А. Дмитриевского. Автор доклада вполне определённо пишет, что Палестинское общество, работающее в регионе весьма энергично, имеет разнообразные задачи и занято преимущественно руководством паломниками и просвещением местного населения. На этом фоне научно-исследовательские задачи оказываются для Общества второстепенными

Е.П. Ковалевский считал, что отставание России от стран Западной Европы в изучение Ближнего Востока недопустимым, а для его преодоления он предлагал создать новую научно-административную структуру — Комитет, или Общество палестиноведения. Непосредственно же на месте всю работу по историко-археологическому изучению региона должен был реализовывать Русский археологический институт в Иерусалиме, но не один, а в тесном контакте с туземно-международным Комитетом[19] по охране древностей. Е.П. Ковалевский пишет в этой связи о необходимости выработки точного закона, который определял бы все нюансы связанные с земельной собственностью в Палестине и Сирии, с хранением обнаруженных древностей, а также с условиями ведения научных изысканий в регионе. Здесь особо хотелось бы отметить, что идея создания Русского археологического института в Иерусалиме принадлежит не Е.П. Ковалевскому. За 12 лет до этого, в 1903 году, впервые заговорил именно о создании

Русского археологического института в Иерусалиме А.А. Дмитриевский. Его статья «Современное русское паломничество в Святую Землю» завершается целой серией предложений, которые следовало бы воплотить Палестинскому обществу в ближайшем будущем.[20]

Третье из этих предложений заключалось в призыве создания в Иерусалиме Археологического института Палестинского общества[21]. Задачами Института, по мнению А.А. Дмитриевского, должно стать разработка силами российских специалистов, каковых достаточно, научных вопросов библиологии, библейской и церковной археологии и гражданской истории региона. А.А. Дмитриевский считает, что такой институт стал бы важным центром координации деятельности церковной археологии и гражданской истории региона. А.А. Дмитриевский считает, что такой институт стал бы важным центром координации деятельности всех российских специалистов и помог бы не отставать в научных исследованиях на Ближнем Востоке в условиях, когда другие народы уже планируют открытие такого рода центров, в том числе в Иерусалиме.

В этой связи необходимо отметить, что не может не удивлять ситуация, сложившаяся через 12 лет, когда перспектива создания Русского археологического института в Иерусалиме стала активно обсуждаться на государственном уровне, с привлечением ведущих специалистов по истории региона. Ни Е.П. Ковалевский не называет А.А. Дмитриевского предшественником той идеи, которую продвигает, ни А.А. Дмитриевский, также принимавший активное участие в обсуждении проекта создания Института в Иерусалиме, не вспоминал в ходе обсуждения о своей статье 1903 г.

Документы, которые позволили бы ответить на этот вопрос, отсутствуют. Можно выдвинуть лишь ряд предположений. Вероятно, игнорирование А.А. Дмитриевского со стороны Е.П. Ковалевского может объясняться человеческим фактором — значительными различиями во взглядах на изучение ближневосточного региона, о чем подробнее будет сказано ниже[22].

Основным результатом деятельности А.А. Дмитриевского на посту Секретаря Совета ИППО за 10 лет стало сохранение деятельности Общества в полном объеме, несмотря на значительное ухудшение экономического положения, после первой русской революции 1905–1907 гг. За свои капитальные труды и издания литургических текстов Дмитриевский был избран почетным членом всех четырех Духовных Академий. В 1903 году его избрали членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности, а в 1923 году пригласили к участию в работах Славянской комиссии Академии наук. Он участвовал также в работе Русско-византийской комиссии при Академии наук. Н.Н. Лисовой без каких-либо оснований пишет об избрании А.А. Дмитриевского в 1923 г. действительным членом АН СССР.[23] Официальное справочное издание — Академия

Наук. Персональный состав — сообщает лишь об избрании. А.А. Дмитриевского членом-корреспондентом Академии Наук в 1903 г. Работа в Славянской Комиссии Академии Наук не означала автоматического членства в самой Академии.

С декабря 1909 г. А.А. Дмитриевский достиг одного из высших чинов Табели о рангах Российской империи. Согласно сохранившемуся архивному документу, с декабря 1909 г. он обладал чином действительного тайного советника.[24] По поручению Св. Синода А.А. Дмитриевский также участвовал в Комиссии по исправлению славянского текста богослужебных книг, а в 1914 г. он был приглашен сверхштатным членом Училищного Совета.

Алексей Афанасьевич Дмитриевский скончался 10 августа 1929 г. Он погребен на братском кладбище Александро-Невской Лавры.

3. А.А. Дмитриевский как личность

Рассмотренные выше документы позволяют достаточно много сказать об Алексее Афанасьевича Дмитриевском как о личности.[25]

Отметим, прежде всего, удивительную работоспособность, целеустремленность и преданность науке. Так, не может не произвести впечатление большое количество просмотренных и систематизированных им греческих рукописей, а также — переписанных им лично.[26]

Даже общее ознакомление с описью архива показывает А.А. Дмитриевского как человека очень аккуратного и ответственно относящегося к своей работе, так или иначе сохранявшего среди своих бумаг всё имеющее отношение к его деятельности и к истории Палестинского общества.

Сопоставление нескольких свидетельств источников, относящихся к периоду 1907–1914 гг. позволяет выделить несколько существенных взаимосвязанных черт характера А.А. Дмитриевского. Это — рассудительность, готовность и готовность скорректировать свои взгляды. Так, в годы Первой русской руководство ИППО вынуждено было решать судьбу сирийских школ ИППО в тех условиях, когда на их содержание в бюджете Общества не хватало денежных средств?

Обращает на себя внимание обилие в архиве А.А. Дмитриевского официальной корреспонденции, относящейся и к периоду его работы в должности секретаря совета Общества, и к предыдущим десятилетиям: ко времени существования Палестинского комитета, Палестинской комиссии, Императорского Православного Палестинского Общества от момента его основания в 1882 г.[27]

В основном это копийные материалы: письма, заинтересовавшие А.А. Дмитриевского, были перепечатаны на машинке. Не ясен один технический момент — заказывал ли А.А. Дмитриевский перепечатывание писем, собранных в данном архивном деле, другим лицам, или же делал их сам.

Отчасти эти документы была собраны им в связи с подготовкой работы по истории Общества, опубликованной в 1907 году. Однако столь же тщательно он продолжал собирать документы, относящиеся и ко времени его работы в должности Секретаря общества. Среди этих документов встречаются и автографы рукой А.А. Дмитриевского, и машинописные версии тех же текстов.[28] Иногда он писал обширные дополнения и вставки к своим письмам, отражающим его профессиональную деятельность.[29]

Есть все основания думать, что написание многочисленных вставок и дополнений к письмам было вызвано стремлением А.А. Дмитриевского перерабатывать записи, отражающие его поездки, в интересные читателю путевые заметки.[30] Большая группа его сообщений о Палестине и русских паломниках в Святой земле была недавно собрана в отдельную книгу Н.Н. Лисовым.[31]

Ещё одной возможной причиной собирания и систематизации бумаг, относящихся к его профессиональной деятельности, может считаться его отношение к собственной работе и её результатам. Он понимал значимость своей работы для государственных интересов на Ближнем Востоке. В письмах А.А. Дмитриевского постоянно чувствуется забота о реализации государственной политики Российской империи в регионе в целом.

На наш взгляд, все имеющиеся письма и отчёты позволяют говорить об А.А. Дмитриевском как о человеке, который вынужден был скрывать свою эмоциональность и яркость впечатлений, так как все его корреспонденты ждали от него не развлекательного чтения, но делового изложения конкретных фактов. Следование специфике жанра вынуждало к сдержанности в официальных документах.

Эмоции в письмах А.А. Дмитриевского проявляются в описании природы, исторических памятников, всего того, что связано с деятельностью Церкви и институтов Палестинского общества.[32] Здесь хотелось бы отметить характеристику Одессы как вероломной красавицы юга. Кроме того, обращают на себя внимание описание иллюзии пожара в храме Гроба Господня по время пасхального богослужения и описание многоэтажных нар в Николаевском подворье. У А.А. Дмитриевского вызвала ужас мысль о том, что произойдёт, если в помещении начнётся пожар и какова будет судьба паломников, расположившихся на верхних этажах этой громоздкой конструкции из нар.[33]

Эта внутренняя эмоциональность и очевидные литературные способности также побуждали его перерабатывать свои впечатления в путевые заметки для последующей публикации. Представляется возможным предположить, несмотря на отсутствие прямых указаний в тексте его работ, что он брался за перо тогда, когда переполнялся путевыми впечатлениями и их фиксация на бумаге становилась жизненной потребностью.

Хорошим языком написаны и лекции А.А. Дмитриевского, что позволяет говорить о нем как о хорошем лекторе, увлечённым своим предметом.[34]

В нашем распоряжении, судя по всему, только три эпизода, свидетельствующие о том, что А.А. Дмитриевский иногда мог изменить обычной сдержанности в выражении чувств. Это весьма критическая характеристика методов обучения в находящихся в Бейруте школах М.А. Черкасовой, содержащаяся в общем Отчёте А.А. Дмитриевского о школах.[35]

Здесь же, на наш взгляд, следует отметить и два поступка, показывающие его политические взгляды. Прежде всего, это состоявшаяся в марте 1917 года проповедь А.А. Дмитриевского на ступенях Николо-Александровского храма с искренними сожалениями о гибели монархии.[36]

О ещё одном поступке А.А. Дмитриевского, в котором видны его политические взгляды, сообщает С.Ю. Акишин. По его словам, А.А. Дмитриевский обращался в Православное Палестинское Общество с просьбой о содействии в переезде в Палестину, но получил от Общества отказ.

Отметим, наконец, информацию, позволяющую судить о контактах и общении А.А. Дмитриевского с другими людьми. Рассматриваемые в работе документы позволяют, правда, судить только о двух моделях общения — об общении с паломниками, об общении с людьми равного общественного положения.

Многочисленные примеры, встречающиеся в письмах А.А. Дмитриевского, показывают его как изысканно дипломатичного при общении с людьми равного социального статуса. Что же касается общения с паломниками, то здесь можно говорить о профессиональной внимательности А.А. Дмитриевского по отношению к тем, о ком ему по должности полагалось заботиться. Важно отметить, что фиксируя недостатки в работе ИППО, А.А. Дмитриевский одновременно предлагает вполне определённые меры по их преодолению.[37]

Так, А.А. Дмитриевский с озабоченностью описывает недостатки размещения паломников в Яффе, проявляющиеся сразу же после схода их на берег с корабля и прибытия в Палестину.[38] А.А. Дмитриевскому не нравятся вызванные очевидной непродуманностью принципы организации размещения паломников на подворьях, а также порядок построения паломнических караванов на маршрутах, идущих от подворий Общества.[39]

Рассказ об особенностях характера А.А. Дмитриевского хотелось бы завершить характеристикой, присутствующей в письме от 4 сентября 1906 года Н.М. Аничкова М.П. Степанову.

РНБ.ОР,Ф. 253. Д. 43. **Л. 67–68**: «В Киевской Духовной Академии находится ординарный профессор по кафедре литургики и церковной археологии, доктор богословия ст.сов. Алексей Афанасьевич Дмитриевский, которому **Л.67 об.** Поручено Советом Общества составление исторического очерка Общества за первые 25 лет его существования. Дмитриевский знаток археологии и греческого языка; он был несколько раз в Палестине и Сирии, на Синае иАфоне, писал много о святых местах и хорошо знаком с местными деятелями в греческой церкви. АА человек известный в России и за заграницей

по его трудам; он очень живой, деятельный и обладает терпением и работоспособностью. В.Н. Хитрово знал Дмитриевского хорошо и был с ним в переписке, а сам профессор относится с особым уважением к памяти В.Н-ча.[40] Кроме того, Дмитриевский, состоя членом Киевского Отдела Палестинского общества, своими публичными лекциями принёс не только нравственную, но и материальную выгоду Обществу. Правда, он человек светский, но умеет держать себя в Обществе. Ему 52 года. Он на будущее выслуживает пенсию в 2400 руб., у него только жена, дочь смотрителя зданий нашего посольства в Константинополе. Дмитриевский, которого я узнал в два продолжительные пребывания его в Петербурге, очень хорошо человек порядка, твёрдых правил самостоятельный, знает себе цену, не очень уступчив и принадлежит к тем, о ком Св. Писание говорит: «в нем же лести нет».

В годы работы в Палестинском Обществе А.А. Дмитриевский несколько раз пытался вернуться к преподаванию. В 1910 г. он надеялся получить работу на кафедре греческого языка Киевской Духовной академии. В 1911 г. подавал документы в Петербургскую Духовную академию на кафедру церковной археологии. В первом случае попытка А.А. Дмитриевского начать преподавание греческого в Киевской Духовной академии не состоялась в связи с закрытием кафедры. Поступить в Петербургскую Духовную академию оказалось невозможным из-за противодействия его кандидатуре со стороны некоторых преподавателей ПДА.[41] Один вопрос, связанный с этими попытками заняться преподаванием остается без ответа. Не ясно, хотел ли А.А. Дмитриевский совместить работу в Палестинском Обществе с преподаванием, или же он хотел окончательно вернуться к практической работе в Академии со студентами. Имеющиеся источники не позволяют высказаться определённо. «При назначении Соколова или Дмитриевского есть та важная выгода, что каждый из них, имя пенсию и, получая хорошее содержание от Общества, может сосредоточить свою деятельность исключительно в Обществе. При них, мне кажется, останется Д.В. Истомин, ибо он понимает, что это величины, которых нельзя не признать выше по знаниям и трудолюбию, по значению Л.68 и по опыту. Тогда для внешних сношений у нас будет Истомин, а для серьёзной внутренней работы Соколов или Дмитриевский; звание же профессора послужит для секретаря большим украшением и придаст ему известный вес».

3. Русская Палестина и Палестинское Общество

Ввиду того, что на годы секретарства А.А. Дмитриевского (1907–1918) в Палестинском Обществе падают последние события в истории Русской Палестины (деятельность самого А.А. Дмитриевского и проект Русского

археологического института в Иерусалиме), представляется необходимым сказать несколько слов о рассматриваемом явлении, и о его истоках.

Понятие «Русская Палестина» неотделимо от другого — «русский мессианизм». Русская Палестина — это целая серия — примерно 150 — русских учреждений, существовавших на Ближнем Востоке в конце XIX и начале XX вв. Из этого числа примерно 100 — это русские школы, остальные 50 — это православные храмы, монастыри, подворья монастырей и хозяйственные постройки[42]. История Русской Палестины — феномен русской истории, в котором переплелись экономические, политические, культурные и духовные аспекты жизни Российской империи.

Что же касается русского мессианизма, то это — тот комплекс идей и эмоций, который побуждал граждан Российской Империи отправляться на Ближний Восток, строить храмы, монастыри для укрепления Православия, подворья для паломников и школы для обучения детей арабов-христиан.

В те времена, 120–130 лет назад и авторы идеи создания Русской Палестины и те, кто воплощал её в жизнь, были движимы именно мессианской идеей: желанием нести благую весть единоверцам (арабам-христианам), укрепляя православие в их среде и обучая их детей основам всех наук. Кроме того, для авторов идеи русской Палестины и тех, кто её реализовывал, большое значение имели и интересы российских паломников. Тогда, на рубеже XIX и XX вв. паломничество в Палестину становится массовым. Для российских же учёных рубежа XIX-XX вв., связанными по профессиональным интересам с Ближним Востоком, исследование Палестины воспринималось как священный долг История русской Палестины начинается с середины XIX в. и до падения Российской империи проходит несколько этапов. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме функционирует с 1847 г.. С 1859 по 1864 гг., в связи с необходимостью как-то регулировать проблемы, связанные с пребыванием российских паломников в Святой Земле, функционировал Палестинский комитет. Он был первым предшественником Императорского Православного Палестинского Общества, возникшего с 1882 г. Непосредственным же предшественником Палестинского Общества была Палестинская комиссия, действовавшая с 1864 по 1889 годы. Фактическим главой и Палестинского комитета, и Палестинской комиссии был Б.П. Мансуров (1828–1910). Именно благодаря его деятельности идея Русской Палестины стала воплощаться в жизнь, так как благодаря счастливому стечению обстоятельств он смог создать бесперебойно работающий механизм обеспечения строительных работ в Палестине и финансирования строительства.

К рубежу XIX-XX вв. русское присутствие на Ближнем Востоке оформляется в систему. Количество учебных заведений в первые годы XX в. доходило до 102, а общее количество учебников — до 11 тысяч.[43] В основном русские школы находились на территории Сирии (Антиохийский Патриархат). На территории Палестины их было гораздо меньше.[44]

Работала, хотя и с известными сложностями, система обеспечения интересов паломников во время паломнического путешествия и во время их нахождения в Палестине.[45] В Палестине во всех основных городах существовали русские подворья, ко всем святым местам региона регулярно организовывались паломнические караваны. Количество паломников стабильным не было. В преддверии крупных церковных праздников на подворьях в Иерусалиме могло собираться от 6 до 10 тысяч человек.[46]

Достаточно успешно работало и научное направление деятельности Палестинского общества. На страницах Палестинского сборника и Сообщений Императорского Православного Палестинского общества регулярно публиковалось большое количество научных статей и публикаций источников по истории региона, как в древности, так и в Средние Века.

Наиболее полное представление о научных достижениях всех входивших в состав Императорского Православного Палестинского Общества периода Российской империи можно составить на основе изданного сравнительно недавно тематического указателя трудов Императорского Православного Палестинского Общества.[47]

Обзор археологических исследований российских ученых в Палестине периода Российской империи есть у М.И. Ростовцева.[48]

К успехам российской науки можно отнести описание рукописных собраний стран Востока. На рубеже XIX-XX веков ценные описания рукописных собраний и даже копии рукописей в различных городах Ближнего Востока были сделаны А.А. Дмитриевским и В.Н. Бенешевичем[49].

В тоже время нельзя не отметить и известной слабости в организации научной деятельности Палестинского общества, прекрасно осознаваемой сотрудниками Общества и учеными так или иначе связанными с его деятельностью. Несмотря на издание на страницах Палестинского сборника определённого количества ценных исторических памятников, общий вклад России в изучение истории Ближнего Востока оставался низким, в сравнении с научными центрами западной Европы и прежде всего Германии и Франции.

В этой связи остаётся только сожалеть, что лишь на бумаге остался весьма перспективный по идее проект создания Русского Археологического Института в Иерусалиме, активно обсуждавшийся в Петрограде в 1915–1917 гг. Воплощение в жизнь этого плана могло сделать Императорское Православное Палестинское Общество научным центром европейского масштаба.

ОТЧЕТ по ревизии подворий Императорского Православного Палестинского Общества в Иерусалиме, Назарете и Хайфе в 1910 году» занимает 238 страниц машинописи с двух сторон листа. В зависимости от выбранной в архиве нумерации, в данном деле насчитывается либо 119, либо 120. Изложение начинается со своего рода введения, не имеющего заголовка,

в котором в краткой форме сообщается о причинах ревизии. Весь последующий текст отчёта распадается по смыслу на следующие пять разделов:

I. Управляющий подворьями в Иерусалиме (начиная с Л. 3 об.)

Здесь приводится обстоятельная характеристика деятельности Н.Г. Михайлова, управляющего подворьями, и всех допущенных им злоупотреблений служебным положением.

II. Сотрудники г. управляющего подворьями (начиная с Л. 45 об).

Во втором разделе «Отчёта...» приведена достаточно объективная характеристика всех должностных лиц, руководивших деятельностью подворий в Иерусалиме.

III. Быт паломников на подворьях в Иерусалиме (начиная с Л. 55 об)

IV. Прибытие паломников в Яффу и в Иерусалим и паломнические караваны по Святой Земле (начиная с л. 68)

V. Возвращение паломников в Россию (начиная с Л. 93 об).

Третий, четвёртый и пятый разделы «Отчёта...» в информационном отношении наиболее содержательны. А.А. Дмитриевский детальный рассказывает о прибытии паломников в Святую Землю, об их быте на подворьях, о паломнических караванах и их организации. Сообщаемые в «Отчёте сведения...» являются ценным источником по истории паломничеств в Святую Землю, но не только как страницы истории Русской Православной Церкви, а как страницы истории общественной жизни и культуры Российской Империи рубежа XIX-XX вв.

РНБ ОР. Ф. 253 Д. 4 диплом об окончании Казанской Духовной академии 4 июня 1882 г.

РНБ ОР Ф.253 Д.5 дипломы на получение звания магистрата богословия и доктора церковной истории — 17 дек. 1883 г. и 30 сент. 1896 г.

РНБ ОР Ф.253 Д.6 свидетельство, выданное советом Киевской Духовной академии об откомандировании за границу на 1 год для научной работы. 20 июня 1887 г.

РНБ ОР Ф. 253 Д. 9 Грамоты и свидетельства о награждении орденами и медалями и о праве их ношения, с сопроводительным письмом 1892–1915 гг. 13 листов.

РНБ ОР. Ф. 253 Д. 10 уведомления об избрании членом различных обществ и академий с сопроводительным письмом при дипломе почётного члена Московской Духовной академии 1894–1915 гг. 16 листов.

РНБ ОР Ф. 253 Д. 35 Счета путевых расходов во время поездки по Сирии и Галилее февраль-апрель 1910 г.

РНБ ОР Ф. 253 Д. 71 Беляев Алексей Петрович, русский консул в Дамаске. Письмо К.П. Победоносцеву. Положение дел в Антиохийской Патриархии и деятельность Патриарха Спиридона — 25 марта 1895 г.

РНБ ОР Ф. 253 Д. 119. Истинные гасители просвещения и науки в Астрахани 1919 г. 9 листов.

168 — выписки из писем С.В. Арсеньева, архим. Леонида (Кавелина), М.П. Степанова, В.Н. Хитрово, А.Г. Яковлева, докладов, донесений и проч., касающихся организации и деятельности Палестинского Общества 1880–1906 гг. 191 лист.

169 — Палестинский комитет по материалам Государственного архива 1+84 листа. Даты нет.

РНБ ОР Ф.253 Д.108–134 Работы А.А.Д. по Литургике и истории Церкви. Работы эти в основном без даты. Имеющиеся даты относятся к ленинградскоу периоду. Есть несколько таких, что относятся к киевскому периоду НБ ОР Ф.253 Д. 111–114.

РНБ ОР Ф.253 Д. 135–165 археографические работы.

РНБ ОР Ф.253 Д.196–203 Лекции по Литургике и истории Церкви. Даты от 1880 до 1920-ых гг.

РНБ ОР Ф 253 Д.227–298 — списки славянских и греческих рукописей различных библиотек, сделанные А.А.Д. и другими лицами.

РНБ ОР Ф.253 Д.299–751 — переписка.

301 — письмо Николаю Милиевичу Аничкову. Извещает о намерении включить в историческую записку материалы о деятельности Палестинского комитета и Палестинской комиссии.

774 — Аничков Н.М. Дневник его путешестия по Сирии и Палестине. Февраль-май 1898 г. 33 л.

Общее количество единиц хранения в описи — 933.

Возможных вариантов решения проблемы было два. Один из них, условно говоря, можно назвать «ведомственным» (Н.М. Аничков и какое-то время А.А. Дмитриевский), второй — «государственным». Он представлен донесениями русских дипломатов из Дамаска и Константинополя, а также консолидированной позицией МИД России. Н.М. Аничков и его сторонники считали, что школы необходимо закрыть ввиду невозможности их содержать. Представители Министерства иностранных дел считали, что, несмотря на известное обременение для бюджета, школы необходимо сохранять ради интересов государства — сохранения позиций России на Ближнем Востоке. Именно эту позицию, в конечном счёте, защищал А.А. Дмитриевский в годы своей работы секретарем Совета ИППО. В начале же своей деятельности он, поддерживал Н.М. Аничкова, бывшего сторонником закрытия школ Общества в Сирии.

Отметим в этой связи в качестве источника, прежде всего, письма Н.М. Аничкова, вице-президента Палестинского Общества, к М.П. Степанову, помощнику Председателя Общества. Он, неоднократно писал М.П. Степанову и о характеристике А.А. Дмитриевского, и о своем понимании общественной жизни после завершения первой русской революции. Письма Н.М. Аничкова весьма пессимистичны и даже трагичны по своей интонации.

Будучи убеждённым консервативным монархистом, он воспринимал революционные события как ниспровержение основ жизни. Н.М. Аничков считал также, что Палестинское Общество близко к гибели.[50]

К этому же периоду относится упоминаемая А.А. Дмитриевским в Отчёте об учебных заведениях Общества серия писем от дипломатов, призывавших руководителей Общества обратить особое внимание на всеобщее недовольство местного населения работой русских школ.[51]

Всё же после вступления А.А. Дмитриевского в должность секретаря Совета общества, последовала не гибель Общества. Начались конструктивные переговоры всех заинтересованных сторон для определения дальнейшей судьбы институтов Общества на Ближнем Востоке и постепенный отход Н.М. Аничкова от дел ввиду того, что исполнение обязанностей вице-председателя Общества было для него уже тяжким бременем по состоянию здоровья.[52]

Непосредственными результатами секретарства А.А. Дмитриевского стала ревизия всех институтов Общества весной 1910 г., по результатам которой была выработана серия конкретных мер по исправлению имеющихся недостатков.[53] В 1912 г. была получена государственная субсидия на нужды Общества, а летом 1914 г. был подготовлен новый вариант учебных программ для учительских семинарий Общества.

Иными словами, если ситуация в Обществе и вокруг него была сложной в тот период, то она не была катастрофической. Взвешенный и дипломатически продуманный подход позволили, как показывают факты, разрешить все сложности.

1 Отчёты должностных лиц Российской Империи и их переписка позволяют всегда сказать достаточно много об авторах документов и в профессиональном плане, и в личностном, так как речь идёт об обстоятельных текстах, написанных хорошим литературным языком.

2 Итог научных путешествий А.А. Дмитриевского по Ближнему Востоку подведён в следующем издании — Дмитриевский А.А. Путешествие по Востоку и его научные результаты. Отчёт о заграничной командировке в 1887/1888 г. с приложениями. Киев., 1900.

3 Несколько позже был опубликован второй и третий том этого издания. Второй том вышел в 1901 году — Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 2. Киев, 1901. Третий том — Описание литургических рукописей хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 3(2 половина). Типики. Ч. 2. Пг. 1917.

4 На сайте возрождённой Киевской Духовной академии нет никакой информации об архиве Академии, его составе и степени сохранности.

5 Обзор научного наследия А.А. Дмитриевского есть в следующей работе: *Акишин* С.Ю. Биография профессора А.А. Дмитриевского...С. 67–81. (полное описание издания в прим.11)

[6] См. подробно: Лобовикова К.И. Алексей Афанасьевич Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Фёдоровна (несколько штрихов к биографии учёного) // Мир русской византинистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под редакцией И.П. Медведева. СПб., 2004. С.241–256.

[7] В архиве А.А. Дмитриевского хранящегося в Петербурге сохранились два документа, отражающие его деятельность на посту проректора Астраханского университета. ОР РНБ Ф. 253 Д. 97 — Записка о пользе преподавания гражданской истории; ОР РНБ Ф. 253. Д. 98 — Особое мнение А.А. Дмитриевского о постановке работы на общественно-историческом факультете.

[8] Акишин С.Ю. Деятельность профессора Киевской Духовной академии в Астрахани (1919–1923 гг.) // Труди Ки вськo Духовно Академі №20. 2014. С. 242–246.

[9] См. РНБ ОР Ф. 253. Д. 18 (13.01.1919; 12.07.1919). Нельзя исключать, что определённую роль в стремлении переехать в Астрахань могло сыграть и желание держаться подальше от беспокойного революционного Петрограда. А.А. Дмитриевский, будучи убеждённым монархистом, не мог испытывать каких-либо теплых чувств к новой власти.

[10] РНБ ОР Ф. 253 Д. 103; Д. 104.

[11] Акишин С.Ю. Деятельность профессора А.А. Дмитриевского... С. 250–251.

[12] Из последующего обзора архивного материала исключены письма А.А. Дмитриевского и ответы на них, составляющие большую часть А.А. Дмитриевского в РНБ ОР. Ф, 253. Письма эти охватывают все периоды его жизни, начиная с первых лет XX-го века до последнего года жизни (1929). Среди его корреспондентов иностранные и отечественные ученые, преподаватели и студенты духовных академий, родственники

[13] РНБ ОР.Ф. 253. Д. 227–298 — списки славянских и греческих рукописей различных библиотек, сделанные А.А. Дмитриевским и другими лицами.

[14] Основные письма Н.М. Аничкова М.С. Степанову с упоминанием А.А. Дмитриевского — РНБ ОР. Ф. 253. Д. 43 Л. 117 об (письмо от 24 августа 1907 г); РНБ ОР Ф 253. Д. 43 Л. 118–118об (письмо от 10 сентября 1907 г); РНБ ОР Ф. 253 Д. 43 Л. 120 (письмо от 9 февраля 1908 г.).

[15] Текст документа хранится в Архиве внешней политики Российской империи. (АВПРИ. РИППО, 873/3. Д. 10. Л. 64–73.)

[16] Секретное донесение русского Консула в Дамаске Б.Н. Шаховского — АВПРИ РИППО Оп.871/1 Д.435 Л.65–70. Б.Н. Шаховской был первым, кто заговорил о принципиальной важности сохранения школ для Российского государства. Доклад Секретаря — первое официальное выступление А.А. Дмитриевского в должности Секретаря совета ИППО — АВПРИ РИППО Оп. 873/3 Д. 10. Л. 64–73.

[17] Отчёт о подворьях — РНБ ОР Ф 253 Д. 32 (+Д.33 — рукописный черновик); АВИВРРАН Ф. 120. Оп. 3. Д. 2; Отчёт Н.В. Кохманского — АВИВРРАН Ф. 120 Оп. 1Д. 178.

[18] Протокол заседания в Дамаске в феврале 1910 года АВПРИ РИППО Оп.873/1 Д.435 Л. 136/12–136/27 об. Заседание Комиссии, работавшей в январе 1911 г. — АВПРИ РИППО Оп. 873/1 Д.82. Л. 1–4 об; Совещание в Назарете в июле-августе 1913 г. — АВПРИ РИППО Оп.873/1 Л. 439; работа Комиссии в Петербурге на рубеже 1913–1914 года — АВПРИ РИППО Оп.873/1 Д. 440.

[19] Туземно-местный комитет — выражение Е.П. Ковалевского. Важность этих слов в том, что Е.П. Ковалевский не считал возможным делать Россию единственным собственником находок и предполагал согласовывать планы исследований с местными жителями.

[20] В данном случае использовано следующее издание — Дмитриевский А.А. Современное русское паломничество в Св. Землю // Дмитриевский А.А. Деятели русской Палестины. Составитель и автор предисловия Н.Н. Лисовой. М., СПб., 2010. С.123–168. Первая публикация статьи — ТКДА. 1903. Т. 2. С. 274–319. Затем работа А.А. Дмитриевского переиздавалась несколько раз отдельной брошюрой. В том же году 1903 году и с тем же названием — в Киеве. Затем — через два года в Петербурге: Дмитриевский А.А. Типы современных русских паломников в Святую Землю. СПб., 1905

[21] Дмитриевский А.А. ук. соч. С. 165–167.

[22] Трудно представить себе ситуацию, что Е.П. Ковалевский, занимающийся специально проблемами деятельности Палестинского Общества, не знал об упоминавшей выше статье А.А. Дмитриевского.

[23] Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество... С.67.

[24] РНБ ОР Ф. 253. Д. 15 (5 декабря 1909 г.)

[25] Единственная, судя по всему, работа о А.А. Дмитриевском как о личности принадлежит С.Ю. Акишину: Акишин С.Ю. Образ профессора А.А. Дмитриевского в переписке Н.Ф. Красносельцева и И.С. Бердникова. // Церковь, богословие, история. Материалы IV Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург 5–6 февраля 2016 г). Екатеринбург, 2016. С. 284–294.

[26] См. например: О. Михаил Арранц. А.А. Дмитриевский: из рукописного наследия. // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. Под редакцией И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 129–130, 133.

[27] РНБ ОР Ф.253 Д. 40. Здесь собрано большое количество документов, касающихся деятельности Палестинской комиссии и Палестинского комитета, а также возглавлявшего их Б.П. Мансурова.

[28] См., например: РНБ ОР Ф. 253 Д.32, Д, 33 — машинописный вариант и рукописный автограф отчёта А.А. Дмитриевского о подворьях общества.

[29] РНБ ОР Ф. 253 Д. 31 после Л. 50 является собранием дополнений и вставок к чистовикам писем А.А. Дмитриевского А.А. Ширинскому-Шихматову. (Чистовики в настоящий момент опубликованы — Грушевой А.Г. Из истории русских школ... С. 208–269)

[30] А.А. Дмитриевский записывал свои впечатления от увиденного в Палестине и Сирии. (Например: ОР РНБ, Ф. 253. Л. 57 об. — краткая характеристика египетского музея; Там же. Л. 103–103 об. — описание поездки к Мёртвому морю и Иордану, а также — описание празднества у бедуинов).

[31] Дмитриевский А.А. Праздники Святой Земли. Составление, вступительная статья и научная редакция Н.Н. Лисового. М., СПб, 2013.

[32] См. в частности отмеченный в прим.33 сборник зарисовок о церковных праздниках, отмечавшихся русскими паломниками в Палестине. А.А. Дмитриевский видел описываемые события собственными глазами. Здесь можно также упомянуть описание пасхального богослужения в Храме Гроба Господня весной 1910 года — РНБ ОР Ф. 2553 Д. 31

Л. 105–106 об; 107–108, или красочное описание предотъездной суеты паломников в Иерусалиме перед отбытием в Яффу и далее на корабле в Одессу. (РНБ, ОР. Ф. 253 Д. 31 Л.104–105.)

33 Контексты в письмах и Отчете о состоянии подворий — РНБ ОР Ф.253. Д. 31 Л. 1; РНБ ОР Ф. 253. Д. 31. Л. 106 об; РНБ ОР, Ф.253 Д. 32. Л.58–58 об.

34 Издание лекций А.А. Дмитриевского: Дмитриевский А.А. Лекции по литургике. Ч.1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг. Издание подготовили С.Ю. Акишин, диак. А.В. Щепёткин. Екатеринбург, 2017.

35 Дмитриевский А.А Отчёт о ревизии учебных заведений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. // Дмитриевский А.А. Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчёты. Составление, вступительная статья и научная редакция Н.Н. Лисового. М., СПб. 2014. С. 299–308. Здесь нельзя не отметить, что А.А. Дмитриевский пишет о школах М.А. Черкасовой во многих местах, но практически всегда гораздо более сдержанно.

36 Рогозный Н.Г. «Пред нашими взорами свершился суд над историей» (Проповедь профессора А.А. Дмитриевского 5 марта 1917 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. XXX. СПб. 2007. С. 447–455.

37 Отчёт о состоянии подворий Общества завершается развёрнутой программой мер по улучшению всех сторон деятельности подворий для обеспечения комфортности быта паломников. Отметим также, что А.А. Дмитриевский, описывая возвращение в Россию на паломническом корабле, рассказывает о том, как угощал паломников обедом за свои деньги. (Грушевой А.Г. Материалы к истории деятельности... С. 320–327 (Листы 114 об. — Л.121); С. 304–305 (Л. 98).

38 РНБ ОР. Ф. 253. Д. 31. Л. 11–1об.

39 См. Грушевой А.Г. Материалы к истории деятельности...С. 260–262 (листы 57 об. — 59 об. Отчёта); С. 279–281 (Листы 89–90 об Отчёта).

40 Подразумевается Василий Николаевич Хитрово.

41 Акишин С.Ю. Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А.А. Дмитриевского. // Труди Ки вського Духовно Академі . № 15. 2011. С. 250–251.

42 Лучшие определения Русской Палестины: Лисовой Н.Н. Люди Русской Палестины в изображении А.А. Дмитриевского // Дмитриевский А.А. Деятели русской Палестины. Составитель и автор предисловия Н.Н. Лисовой. СПб. 2010.С. 5–6; Лисовой Н.Н. Церковь, империя, культура. Очерки синодального периода. М., 2016. С. 337.

43 Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке. .(публикации архивных материалов, предисловие, статья, комментарии и указатели А.Г. Грушевого) СПб., 2016. С. 23

44 См. подробнее главу данной работы.

45 Наиболее подробное изложение всех аспектов быта паломников во время путешествия и во время нахождения в Палестине принадлежит в настоящий момент П.В. Платонову: Платонов П.В. Быт и нужды русских православных паломников на Святой Земле в XIX-XXI веках // Иерусалимский вестник. Вып.1. 2012. С. 7–40.

[46] Крымский А.Е. История новой арабской литературы. XIX-начало XX в. М., 1971. С. 309, прим. 214.; Ямиленец Б.Ф. Россия и Палестина. Очерки политических и культурно-религиозных отношений (XIX — начало XX века), М., 2003. С. 148

[47] Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества 1881–2007 гг. СПб., 2009. С. 245–251.

[48] Ростовцев М.И. Русская археология в Палестине // Христианский Восток. Т. 1. 1912. Вып. 3. С. 247–266

[49] Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1. Киев 1895. Т. 2. Киев., 1901. Бенешевич В.Н. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае. Т. 1. СПб., 1911. Т. 3. вып. 1. Пг., 1917.

[50] См., например — РНБ ОР Ф. 253. Д.43Л. 118об письмо Н.М. Аничкова М.П. Степанову от 10 сентября 1907 года.

[51] Местное население хотело видеть в программе школ западноевропейские языки. Дмитриевский А.А. Отчёт о ревизии учебных учреждений Императорского Православного Палестинского Общества в Сирии и Палестине. // Дмитриевский А.А. Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчёты. Составление, вступительная статья и научная редакция Н.Н. Лисового. М., СПб., 2014. С. 217–218.

[52] Из писем Н.М. Аничкова М.П. Степанову следует, что до весны 1910 г. Обществу удавалось, по меньшей мере, трижды получать субсидии на свои нужды и заверения в важности деятельности Общества для государства в целом. Секретарем Совета ИППО в эти годы был уже А.А. Дмитриевский. О получении субсидий см. РНБ ОР Ф. 253 Д. 43. Л. 119, письмо от 5 ноября 1907 г. Там же Л. 123–123 об. Письмо от 1 декабря 1908 года, там же Л. 127–128. Письмо от 23 мая 1908 г. От тяжести исполнения обязанностей вице-председателя см. письмо М.П. Степанову от 24 августа 1907 г. (РНБ ОР Ф. 253, Д. 43. Л.117 об.)

[53] См. подробно: Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке. Публикация архивных материалов, предисловие, статья, комментарии и указатели А.Г. Грушевого. СПб., 2016. С.22–24.

Альбомы-гербарии из Святой Земли на выставке в Государственном Эрмитаже*

Д. А. Гуревич

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

М. Ю. Лермонтов

На выставке «Православие в Святой Земле. Альфа и Омега»[1], недавно прошедшей в Государственном Эрмитаже, были представлены два небольших альбома из Иерусалима (илл. 1). На первый взгляд, эти альбомы с видами Святой Земли и композициями из засушенных полевых цветов кажутся заурядными сувенирами, возможно, даже недостойными того, чтобы быть представленными в одном из крупнейших музеев мира, известном своими энциклопедическими коллекциями, которые насчитывают более 3 млн. памятников истории и искусства. Подобные альбомы не являются особенно редкими и имеются в собраниях музеев, университетов и библиотек разных стран (Российская государственная библиотека, Библиотека редких книг Томаса Фишера Университета Торонто, Национальная библиотека Израиля, библиотека Университета Глазго, библиотека при Ботаническом саде Нью-Йорка и др.). Однако, несмотря на их относительную доступность, альбомы-гербарии из Святой Земли остаются практически неизученными[2]. В данной статье автор попытается показать,

* Автор благодарит Юрия Пятницкого, старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа, за мысль об изучении альбомов и поддержку в ходе работы, а также Карен Кеттеринг за помощь в работе над текстом и Карину Проничеву за содействие в переводе статьи на русский язык.

Илл. 1. Альбомы с видами и цветами Святой Земли на выставке «Православие в Святой Земле. Альфа и Омега» в Государственном Эрмитаже. Фото автора

что альбомы-гербарии, в частности два альбома с эрмитажной выставки, являются отражением тех геополитических, экономических и культурных процессов, которые имели место в Иерусалиме в последние годы османского правления. Эти перемены привели к наплыву туристов-протестантов из Европы и Северной Америки, стремившихся увидеть те места, где родились три главные монотеистические мировые религии, сопоставить увиденное с их собственными верованиями и привезти домой осязаемое свидетельство этого путешествия.

Обложка первого альбома, представленного на эрмитажной выставке, выполнена из двух соединенных между собой полированных дощечек оливкового дерева. На передней обложке вырезано примитивное изображение мечети Купол Скалы (мусульманского святилища на Храмовой горе в Иерусалиме), а над ним черной краской по трафарету нанесена надпись: «Jerusalem» (Иерусалим) (илл. 2). На корешке из клеенчатой ткани вытеснено название альбома: «Flowers of the Holy Land» («Цветы из Святой Земли»), в окружении орнамента (илл. 3). На титульном листе

Илл. 2. Обложка альбома из оливкового дерева. Фото автора

Илл. 3. Корешок альбома. Фото автора

Илл. 4. Разворот альбома. Фото автора

на английском и французском языках написано: «Album / Souvenir / Flowers from the Holy Land / Fleurs et vues de la Terre Sainte / diteur N. De Simini — Jerusalem» («Альбом / Сувенир / Цветы из Святой Земли / Издатель Н. Де Симини — Иерусалим»). Альбом состоит из девяти одинаково оформленных разворотов: слева, по-горизонтали, — хромолитографии с видами Леванта и подписи к ним на семи языках (английском, французском, немецком, испанском, арабском, русском и греческом), справа, по-вертикали, — композиции из засушенных цветов и трав с подписями на английском и французском языках «Flowers of the Holy Land / Fleurs de Terre Sainte» («Цветы Святой Земли»). Гербарные композиции на правой странице защищают листы полупрозрачной папиросной бумаги (илл. 4).

Таблица 1. Структура альбомов

Разворот	Альбом № 1	Альбом № 2
	«Album / Souvenir / Flowers from the Holy Land / Fleurs et vues de la Terre Sainte / Éditeur N. De Simini — Jerusalem» («Альбом / Сувенир / Цветы из Святой Земли / Издатель Н. Де Симини — Иерусалим»)	«Blumen und Ansichten aus dem Heiligen Lande / Fleurs et vues de la Terre Sainte / Flowers and Views of the Holy Land / Цветы и виды Святой Земли»
1	Иерусалим. <Вид> Иерусалима с Елеонской горы	Вид Иерусалима с Елеонской горы
2	Иерусалим. Вид с горы Сион	Общий вид храмового комплекса <в Иерусалиме>
3	Иерусалим. Стена Плача, в пятницу	Гефсиманский сад
4	Иерусалим. Иосафатова долина	Иосафатова долина с гробницами
5	Иерусалим. Гефсиманский сад	Гробница Рахили
6	Иерусалим. Елеонская гора	Вид Вифлеема
7	Иерихон. Общий вид	Елеонская гора
8	Река Иордан	Течение реки Иордан
9	Тивериада. Вид с Тивериадского (Генисаретского) озера	Общий вид Вифании
10	—	Общий вид Тивериады
11	—	Назарет
12	—	Общий вид Иерихона

Обложка второго альбома также изготовлена из дощечек оливкового дерева. На передней обложке, в рамке с инкрустацией в виде геометрического орнамента, помещено слово: «Jerusalem» (Иерусалим), нанесенное по трафарету черной краской. На кожаном переплете золотыми буквами вытеснен заголовок на английском и французском языках: «Fleurs de Terre Sainte / Flowers of the Holy Land» («Цветы Святой Земли»). На титульном листе приведено название на четырех языках: «Blumen und Ansichten aus dem Heiligen Lande / Fleurs et Vues de la Terre Sainte / Flowers and Views of the Holy Land / Цветы и виды Святой Земли». Под надписью изображен пятисоставный Иерусалимский крест (известный в православии под названием «Креста паломника»), а вся композиция заключена в декоративную рамку. Альбом включает 12 разворотов, оформление которых аналогично оформлению разворотов в первом альбоме. Слева помещены хромолитографии с видами Святой Земли (табл. 1), а справа — защищенные тонкой бумагой гербарные композиции с подписями на немецком, французском, английском и русском языках. Хотя подписи указывают, что композиции выполнены из растений географических местностей, изображенных на левом развороте, складывается впечатление, что на самом

деле они составлены из небольшого числа видов цветов, трав и листьев, собранных в окрестностях Иерусалима.

Очевидно, что издатели альбомов-гербариев не стремились представить все многообразие местной флоры, а скорее создавали композиции, которые напоминали о природе Святой Земли и о ее богатой библейской истории. Для этого они подбирали такие растения, которые, оформленные в замысловатые композиции, иллюстрировали эпизоды из Ветхого и Нового Завета в той же степени, в какой это делали и приведенные рядом пейзажи-литографии. Отметим, что не все композиции в альбомах соответствуют местам, изображенным на соседней странице. Например, в одном из альбомов цветочная композиция, символизирующая три креста на Голгофе, помещена рядом с видом Елеонской горы. Интересно также, что в альбомах нет подписей на идише — языке, на котором во всем мире говорили евреи-ашкеназы. Текст на идише появился в более поздних альбомах и в альбомах издателей-евреев, литографии к которым были напечатаны местной типографией в Иерусалиме.

Альбомы с засушенными цветами

Публикации с «иллюстрациями» из засушенных цветов, трав и водорослей появились в Европе в первой половине XIX века[3]. Издатели выпускали альбомы с чистыми страницами, украшенными виньетками и декоративными рамками, которые владелица могла заполнить рисунками, стихами, письмами, надписями, воспоминаниями и засушенными цветами[4]. Популярностью пользовались и «мемориальные альбомы-гербарии», задуманные как напоминание о конкретном человеке или определенном месте[5]. Представители среднего класса и высшего общества викторианской эпохи в равной степени увлекались приготовления гербариев как из интереса к науке («ботанические альбомы»), так и по причинам сентиментального характера[6]. В XIX веке интерес к языку цветов (флорошифру), то есть закодированным посланиям, чей смысл таился в символике изображенного цветка или цветочной композиции, быстро распространился в Европе и Северной Америке. Регулярно переиздавались алфавитные указатели под названием «Язык цветов», где каждому цветку приписывалось определенное качество или чувство: от «A» — акации желтой (означала тайную любовь) до «Z» — цинии (означала раздумья об отсутствующих друзьях)[7]. Цветочные послания часто использовались, чтобы выразить чувства, о которых говорить вслух в викторианском обществе было непринято[8]. На протяжении почти всего XIX века цветы как свежие так и засушенные были одним из «главных выразительных средств, доступных человеку»[9].

Кто именно придумал объединить засушенные цветы и литографические виды Святой Земли, на данный момент установить не удалось. Трактаты по ботанике с иллюстрациями из засушенных растений разных регионов могли стать вдохновляющей идеей для альбомов. В своем сочинении «Священная флора» (1840) Чарльз А. Джонс сопроводил выдержки из библейских текстов пучками сухого мха, желая проиллюстрировать мысль о том, что Бог может быть понят через глубокую правдивость своих творений. Появлению альбомов-гербариев в какой-то степени могло способствовать и то, что местные жители заметили, как путешественники из Европы и Америки срывали цветы в полях Палестины, чтобы затем засушить их между страниц своих Библий в качестве евлогического сувенира Святой Земли. Британец Томас Кук, которого по праву называют одним из отцов современного туризма, во время первой организованной им групповой поездки в Святую Землю в 1869 г. отмечал, что «некоторые туристы вставали очень рано, чтобы нарвать цветы пустыни, а затем вкладывали их в свои Библии и увозили домой, добавив к ним бутыли со священной водой Иордана»[10]. Обычай привозить в качестве сувениров засушенные полевые цветы из Палестины сложился уже к середине 1870-х гг. Известный английский священник, орнитолог и знаток Библии Генри Б. Тристрам (1822–1906), автор хрестоматийного труда «Флора и фауна Палестины»[11], отмечает в предисловии к книге Ханны Зеллер «Полевые цветы из Святой Земли» (1875), что «цветы Палестины являются ее главной природной достопримечательностью, и какой путешественник возвращается без цветов в качестве сувениров, засушенных между страниц Библии или путеводителя!»[12]

Массовый приток туристов-протестантов в Святую Землю

До 1870-х гг. Палестина[13] считалась захолустной провинцией на задворках стареющей Османской империи и представляла мало интереса для европейцев, за исключением тех, кто искал экзотических приключений, археологических открытий или духовного просветления. Потенциальных туристов отпугивала неразвитая инфраструктура и отсутствие даже элементарных удобств. Кроме того, наличие в регионе бандитов-бедуинов требовало от тех немногих, кто отваживался на путешествие в Святую Землю, принятия дополнительных мер безопасности. В третьей четверти XIX в. основной массой иностранцев, посещавших османскую Палестину, являлись православные крестьяне из разных концов Российской империи, пускавшиеся в паломничество по местам библейских событий. Императорское православное палестинское общество (ИППО), основанное в 1882 г., оказывало им помощь в ходе их путешествия по Святой Земле[14].

Илл. 5. Группа туристов и местные жители за стенами Иерусалима. 1860–1890-е. The Library of Congress (LOC. P&P, LC-USZ62-104825)

К 1890-м годам количество европейских и американских туристов, прибывавших в Левант, резко увеличилось. Это было вызвано сразу несколькими факторами: появлением относительно доступных групповых туров (в частности, организованных ранее упомянутым туроператором Томасом Куком), публикацией немецким издательством Karl Baedeker, английским Thomas Cook Travel и американским Macmillan & Co. подробных путеводителей[15], окончанием строительства железной дороги Яффа — Иерусалим, устроением комфортабельных отелей европейского класса, открытием иностранных консульств, налаживанием почтового сообщения и, наконец, большой популярностью путевых заметок о Ближнем Востоке (илл. 5). Томас Кук, который организовал свой первый групповой тур в Египет и Палестину в 1869 году, к концу века привез в Святую Землю ошеломляющее число туристов — более 12 тысяч[16]. В 1894 году 30-тидневный

групповой тур, предлагаемый компанией Томаса Кука, стоил 149 фунтов стерлингов с человека и включал посещение поражающего воображение числа достопримечательностей: Яффу, Рамлу, Иерусалим, Хеврон и Соломоновы бассейны, лавру Саввы Освященного, Мертвое море, Иерихон и Иордан, гробницу пророка Самуила, Вефиль, Наблус, Самарию, Дженин, Назарет, Тивериаду, Дамаск, Баальбек и Бейрут. Другой британец Генри Гейз, открывший, как и Томас Кук, одно из первых туристических агентств, не только организовал групповые туры в Египет и Святую Землю (его первый десятидневный тур состоялся в 1859 году), но и приложил усилия к популяризации Леванта, сделав эти места желанным направлением для англичан-искателей экзотических путешествий. В 1892 году, после задержек в строительстве, было открыто железнодорожное сообщение по направлению Яффа — Иерусалим. Связав самый популярный порт прибытия в Палестину с ее главным туристическим центром, железная дорога сократила путешествие длиной в 87 км с утомительного двухдневного перегона на лошадях через пересеченную местность до трехчасовой поездки в условиях относительного комфорта и безопасности. В результате этих перемен к первому десятилетию XX века Святая Земля уже не была труднодоступным и опасным местом, привлекающим только самых отважных путешественников[17]. В 1908 году американский писатель, педагог и пресвитерианский священник Генри ван Дайк сообщал: «...найти Палестину легко. Десятки пароходных компаний доставят вас туда, множество туристических агентств устроят вам то, что они называют „религиозной экспедицией *de luxe* в Палестину“»[18].

В отличие от православных и католических паломников, которые со времен Средневековья пускались в странствие в Святую Землю в поисках духовного и религиозного просветления, европейские и американские туристы «новой волны» были гораздо больше заинтересованы в экзотическом приключении, предпринятом ради собственного удовольствия. Знаменитый американский писатель Сэмюэл Клеменс, известный под псевдонимом Марк Твен, составил одно из самых выразительных описаний путешествия в Святую Землю, написанное вскоре после окончания Гражданской войны, когда подобные туры только набирали популярность в Америке. В 1867 году газета «Альта Калифорния» (Alta California) оплатила участие Клеменса в «кругосветном» путешествии на борту колесного парохода «Квакер-Сити» — турне, которое включало посещение нескольких европейских стран, Российской империи (портов Крыма и Одессы) и Палестины. Путевые заметки, написанные Клеменсом для газеты и позднее изданные под названием «Простаки за границей, или Путь новых паломников»[19], обеспечили автору признание и превратили Святую Землю в желанное туристическое направление в глазах его соотечественников. Приехав в сентябре, в разгар сухого сезона, Клеменс описал Палестину как «бесплодную

Илл. 6. Поля Палестины в цвету. Фотография Отдела фотографии Американской колонии в Иерусалиме. Около 1900–1910. The Library of Congress (G. Eric and Edith Matson Photograph Collection, LOC. P&P, LC-M351-47027-x)

пустыню». Большинство же туристов посещали Святую Землю весной, накануне пасхальных праздников, когда стояла менее жаркая температура и когда, после весенних дождей, просторы Иудеи были покрыты пышным ковром полевых цветов (илл. 6). В путеводителях рекомендовалось приезжать в Палестину весной, когда «страна украшается свежей зеленью и ярким изобилием полевых цветов»[20].

Генри ван Дайк так описал знакомство с местной флорой в своей книге «На свежем воздухе в Святой Земле»: «Когда в апреле мы проезжали сквозь солнечные и ливневые дожди, все было спокойно и красиво со всех сторон. Обширные поля были покрыты бесчисленными цветами. Нарциссы и «розы

Шарона» уже отцвели. Но поля пестрели маленькими голубыми «полевыми лилиями», розовыми и шафрановыми мальвами, бело-желтыми маргаритками, фиолетовыми и белоснежными цикламенами, золотыми цветками дрока, оранжево-красным первоцветом, и, самыми красивыми из всех, бесчисленными пылающе-алыми цветками анемоны»[21].

Впечатления протестантов от Святой Земли

Посещавшие Палестину на рубеже XIX-XX веков европейские и американские туристы отмечали в своих путевых заметках, что Иерусалим в действительности гораздо более маленький и провинциальный город, чем его изображали на библейских иллюстрациях или картинах художников-романтиков. По прибытии Иерусалим почти всегда разочаровывал туристов-протестантов. Их ужасала отсталость османской Палестины и обветшалость местных достопримечательностей, и они были потрясены алчностью местных жителей, стремившихся заработать как можно больше на приезжих. В книге, опубликованной перед самым началом Первой мировой войны, британский журналист и путешественник Стивен Грэм так описал крушение своих иллюзий: «Дело в том, что в ходе своего земного путешествия мы в действительности не достигаем нерукотворного Иерусалима: древний восточный город повыше Яффы, великолепный и священный, является для многих истинно верующих и для всех равнодушных к вере большим разочарованием»[22]. По мнению Грэма, «Иерусалим земной — это парк развлечений для богатых зевак, место, где каждый камень был коммерциализирован туристическими агентствами и алчными монахами, где даже свечи, поставленные верующими перед образами и святынями, тушатся <церковными служителями> сразу после того, как были зажжены, и продаются связками местным евреям»[23].

Протестанты, как правило, отвергали католические и православные святыни, считая их ложными и идолопоклоннническими, и вместо этого искали следы Спасителя в природе Святой Земли. Главным местом, оскорблявшим их религиозные чувства, была важнейшая святыня всех остальных паломников-христиан — храм Гроба Господня в Иерусалиме. Согласно православной и католической традиции, архитектурный комплекс был построен над двумя священнейшими местами христианского мира: Голгофой — местом, где был распят Христос, и пустой гробницей, где он был похоронен и откуда воскрес. Святая Елена, мать византийского императора Константина I, обнаружила это место в 326 г., а храм был освящен десятью годами позднее. Несмотря на свою древнюю историю, в глазах протестантов, храм не обладал тем религиозным значением, которое приписывали ему другие христианские конфессии. Протестанты были ошеломлены его

запущенностью, толпами попрошаек и рядами торговцев четками, свечами и разными безделушками во дворе перед входом в здания храма, какофонией чуждых им церковных служб и более всего перепалками между монахами, которые требовали, как свидетельствует путеводитель Макмиллана, присутствия вооруженных солдат-османов, чтобы «не дать приверженцам различных христианских сект, которые имели святилища и алтари внутри храма, вцепиться друг другу в глотки». Автор американского путеводителя иронично отмечает, что «едва ли можно ожидать чего-то большего от этого рассадника фанатизма, предрассудков и невежества», и что паломники-верующие русской, греческой, римской <католической>, армянской, сирийской, коптской и других восточных церквей безропотно принимают то, что протестанты считают абсурдно ложными и надуманными «святыми местами» и «священными реликвиями»[24] (илл. 7).

В результате туристы-протестанты отвергали земной Иерусалим как Священный город и духовный центр христианского мира и пытались искать альтернативу на природе за городскими воротами[25]. Чаще всего они находили ее в пейзажах и флоре Святой Земли. Генри ван Дайк пишет в своем путевом очерке «На свежем воздухе в Святой Земле» (1908): «Одно впечатление крепло в моей голове с каждым часом: <Иерусалим> никогда не был городом Христа. Суета, пустое любопытство, личная выгода, предрассудки, безразличие праздных и занятых масс были в Его дни теми же, что и сегодня. Не здесь нашел Иисус мужчин и женщин, которые поверили в Него и полюбили Его, а в тихих деревнях, среди зеленых полей, у мирных берегов озер. И не здесь найдем мы наиболее явные следы Его присутствия, самые сокровенные Его видения, а вдалеке от города, на широких просторах, где небо свободно расстилается над нами, а пейзажи простираются до далекой линии горизонта»[26].

К концу XIX в. протестанты признали альтернативное место за пределами Иерусалима как истинное место захоронения и воскрешения Христа. Эта территория возле Дамасских ворот города, «найденная» в 1867 году, была приобретена в 1894 году специально для этого образованной британской благотворительной Ассоциацией Садовой могилы, став местом массового паломничества христиан-протестантов, в частности англиканцев. В то время «Садовая могила» была известна как Голгофа Гордона по имени знаменитого британского генерала Чарльза Гордона (1833–1885), который первым объявил ее подлинным местом погребения и воскрешения Христа, соответствующим описанию в Евангелии.

Полевые цветы Палестины представляли особый интерес для туристов-протестантов по причине их упоминания в Священном Писании в связи с определенными местностями и событиями. Протестанты воспринимали цветы и травы, растущие в библейских местах, как реликвии жизни и подвига Спасителя и «молчаливые свидетельства истинности

Илл. 7. Лестница к Храму Гроба Господня с торговцами сувенирами и четками. 1870-е. Фотография Maison Bonfils. Коллекция автора.

Писания»[27]. В одном из самых известных «ботанических» эпизодов Нового Завета Иисус говорит своим ученикам не сосредотачиваться на земных нуждах: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут» (От Матфея 6:28).

Толкователи Библии по сей день спорят, какие именно растения названы в Евангелии «полевыми лилиями». В большинстве своем они соглашаются с тем, что, скорее всего, речь идет либо о цветах с полей Иудеи в целом либо об анемоне и адонисе однолетнем как наиболее распространенных ярко-красных цветах, цветущих по весне[28].

На первый взгляд, кажется, что композиции из засушенных цветов в альбомах-сувенирах иллюстрируют все многообразие флоры Святой Земли, но после внимательного осмотра становится очевидно, что они выполнены из ограниченного числа видов растений, по-разному скомпонованных. Чаще всего в них используются алые цветки корончатой анемоны (лат. Anemonie Coronaria) и адониса однолетнего (лат. Adonis Aestivalis) (илл. 8), светло-голубые — льна (лат. Linum Pubescens), пурпурные — калотрописа (лат. Solanum Sanctum) и желтые — бонгардии (лат. Bongardia Rauwolfii), к которым добавляются травы, фрагменты листьев и папоротника. Силуэты крестов, погребальных урн и других подобных композиционных элементов вырезаны из коры дерева или папируса (лат. Cyperus Papyrus).

Большая популярность в гербарных композициях алых цветков и характерных зубчатых листьев корончатой анемоны и адониса однолетнего, возможно, объясняется их предполагаемой связью с библейскими полевыми лилиями, а также их скромным размером, естественной красотой и их изобилием в окрестностях Иерусалима, что делало их легкодоступными для создателей альбомов. Кроме того, вероятно, они были больше других цветов знакомы туристам-протестантам.

Альбомы с засушенными цветами появляются в начале 1870-х годов, вскоре после притока европейских и американских туристов в Святую Землю. Процесс создания альбомов описан Мириам Харри в автобиографическом романе «Маленькая дщерь иерусалимская». Настоящее имя Мириам Харри — Мария Розетта Шапира (1869–1958). Она была дочерью Мозеса Шапиры[29], известного антиквара и торговца сувенирами в христианском квартале Иерусалима.

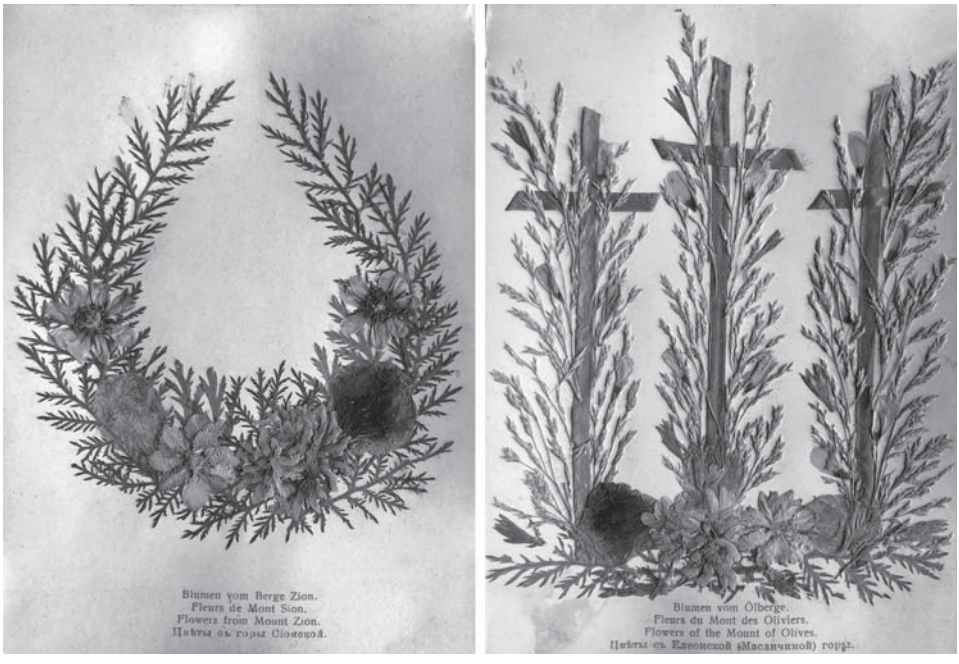
Роман «Маленькая дщерь иерусалимская» — это прежде всего художественное произведение, но подробные описания событий не оставляют сомнений в том, что оно основано на воспоминаниях автора, а главная героиня — девочка по имени Сиона — является прообразом самой Мириам Харри[30]. В книге автор описывает антикварную лавку отца Сионы: «На большом пространстве в дальнем конце лавки все время толпился народ. Эта часть лавки с красивыми книгами в тускло мерцающих золотых переплетах и роскошными персидскими коврами всегда напоминала Сионе

Илл. 8. Корончатые анемоны и адонис однолетний.
Zeller H. Wild Flowers of the Holy Land. London: J. Nisbet & Co., 1883.

церковь или скорее мечеть. Здесь говорили почти исключительно по-английски, а выставленные на прилавках книги неизменно являлись Библиями и молитвенниками, изданиями Ветхого и Нового Завета **и альбомами с засушенными цветами из Святой Земли** (выделение — *Авт.*). В большинстве своем альбомы были без обложек, потому что туристы, как правило, заказывали для них особый переплет из оливкового дерева, с пятисоставным Иерусалимским крестом по центру и дополнительным текстом, а иногда лишь какими-то строками»[31].

Согласно Мириам Харри, обложки для альбомов из оливкового дерева изготавливали местные ремесленники-евреи. «Они <отец и Сиона> обычно начинали с того, что шли в еврейское поселение у Яффских ворот. Именно здесь жили столяры, которые делали переплеты из оливкового дерева для альбомов туристов и гравировали надписи золотыми буквами на их обложках»[32].

Автор также описывает, как семья австрияков, по фамилии «Бланкхерц»[33], выполняла композиции из засушенных цветов: «Ибо в это время года Бланкхерцы, как и евреи, работали по воскресеньям из-за большого количества заказов, поступавших от паломников. Они поставляли в лавку карточки с приклеенными на них засушенными цветами, которые имитировали «флору Иудеи» и образовывали целые альбомы. Крайне важно было



Илл. 9. Страницы из альбома-гербария «Цветы с горы Сион» и «Цветы с Елеонской горы». Фото автора

придумать для этих карточек 40 разных композиций, и не менее важно было сделать так, чтобы каждая композиция напоминала о том священном месте, откуда происходили цветы. И, конечно же, добрые женщины были рады исполнить эти пожелания. <Так> Сион был представлен арфой Давида, Гефсимания — венком из листьев оливкового дерева, Вифания — пронзенным сердцем, Силуан — рогом изобилия, а три травяных креста на фоне покрытой лишайником скалы символизировали Голгофу. Иордан, Вифлеем, Самария, Хеврон и другие места, тесно связанные с библейской историей, также сопровождались подходящими композициями, которые мистер Луиджи украшал — при помощи своего многоязыкого словарика — подписями на трех языках в нижней части каждой карточки»[34] (илл. 9).

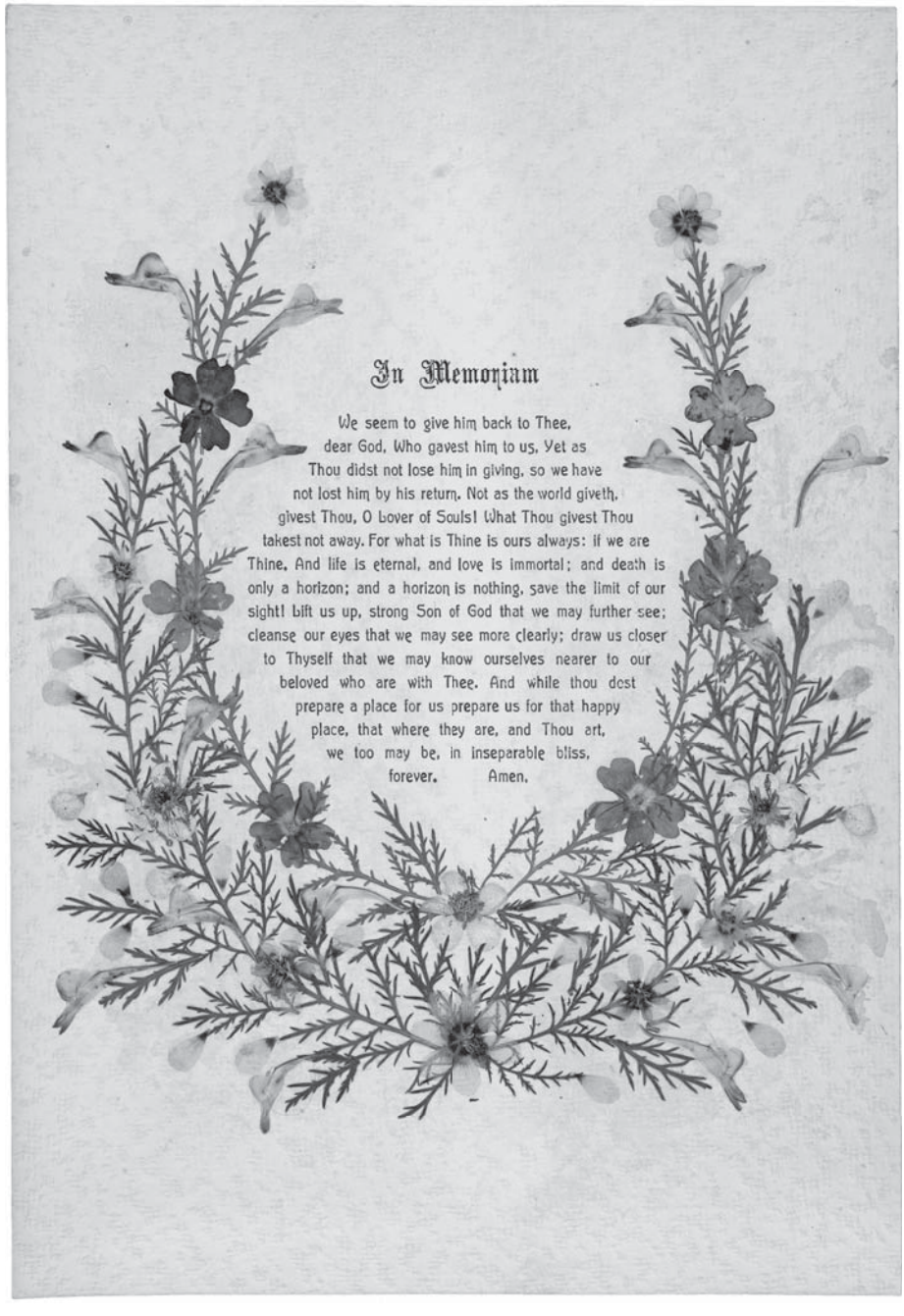
В путеводителе Бедекера издания 1876 года сувениры с засушенными цветами еще не указаны среди предметов, рекомендуемых к приобретению в Иерусалиме. Альбомы-гербарии становятся достойными упоминания в последующем издании 1894 года, где они описаны как «красивые карточки с сухими полевыми цветами <...>, изготовленные немецкими диаконисами[35] и Сестрами Сиона[36], <...> продаваемыми в пользу соответствующих учреждений»[37]. Общий вид альбомов-гербариев напоминает католические реликварии в форме книги, популярные во Франции

в последней четверти XIX века. Такие реликварии обычно имели обложку из ткани с вышитыми на ней цветами и религиозными образами, а «разворот» был представлен двумя «страницами»-изображениями. Левую панель занимала литография с портретом святого, а правую — композиция из шелковых цветов вокруг размещенной в центре реликвии, связанной с изображенным святым. Возможно, альбомы-гербарии из Святой Земли были придуманы Сестрами Сиона под влиянием французской религиозной культуры, но доказательств в пользу этой гипотезы пока не найдено. Монастырь Сестер Сиона французской Конгрегации Сионской Богоматери был построен в 1857 году в восточном конце Виа Долороза, на том самом месте, где Понтий Пилат вершил суд над Христом на глазах у враждебной толпы. Возможно, дети из сиротского приюта и ремесленного училища при монастыре собирали, по поручению монахинь, полевые цветы в окрестностях Иерусалима или иным образом участвовали в изготовлении альбомов.

Впоследствии производство и продажа альбомов-гербариев из Святой Земли были поставлены на поток Анной и Горацио Спаффорд, предприимчивыми основателями Американской колонии — общины протестантов-утопистов в Иерусалиме. В неопубликованном документе 1907 года «Главные отрасли промышленности Американской колонии в Иерусалиме сегодня» производство сувениров с засушенными цветами названо одним из главных направлений деятельности колонии. Им занимался описанный в документе особый «Отдел цветочных карточек». «Несколько молодых девушек от колонии постоянно заняты на протяжении всего года в производстве карточек и альбомов-гербариев, больших и малых, с полевыми цветами из Святой Земли, которые также представлены в только что упомянутом магазине (магазине Американской колонии Fr. Vestler & Co. — *Авт.*). Каждый сезон их продается по несколько тысяч, и единственная трудность состоит в том, чтобы обеспечивать поставки. Иногда их даже заказывают в больших или меньших количествах из-за границы. В сезон сбора цветов, трав и папоротников несколько человек от колонии почти ежедневно заняты сбором. Прессование, засушивание и хранение большого количества необходимых отделу цветов и трав занимает значительное время»[38].

Высокий уровень цветочных композиций, созданных мастерами Американской колонии, очевиден при изучении мемориальной карточки, выполненной в 1888 году в память основателя колонии Горацио Г. Спаффорда (1828–1888). По подборке растений и их расположению цветочная композиция напоминает стилизованное изображение «арфы Давида» — художественный прием, также использованный в одном из альбомов, представленных на эрмитажной выставке (илл. 10).

Альбомы-сувениры Американской колонии продавались в собственном магазине Fr. Vester & Co., выгодно расположенном на первом этаже



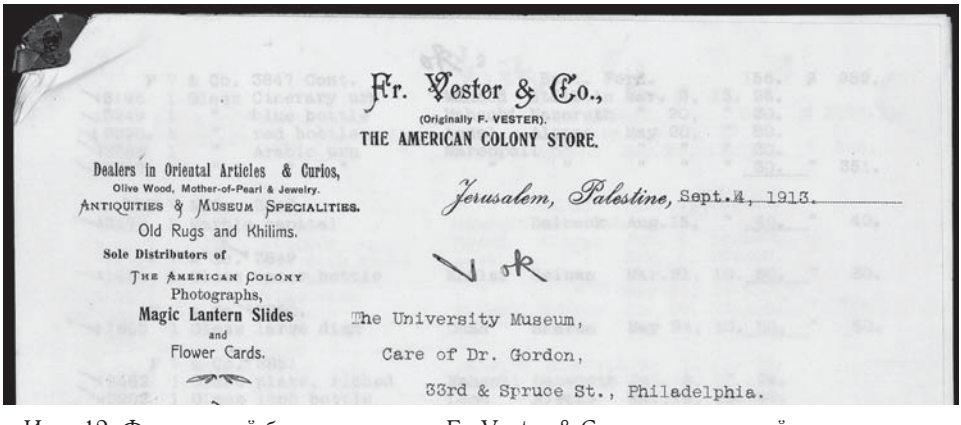
Илл. 10. Мемориальная карточка с композицией из флоры Святой Земли и напечатанным текстом, выполненная членами Американской колонии в память основателя колонии Горацио Г. Спаффорда. Октябрь 1888.
The Library of Congress (American Colony in Jerusalem Collection, LOC. M/MM).

гостиницы Grand New Hotel. Вскоре после постройки внутри Старого города у Яффских ворот в 1874 году[39] фешенебельный Grand New Hotel был признан лучшим в Иерусалиме и упоминался в путеводителе как гостиница, которая «является чрезвычайно комфортабельной»[40] (илл. 11). «Туристы стекались <в магазин Американской колонии>, чтобы купить фотографии, «волшебный фонарь», старинную керамику и радужное стекло, шелка, ковры и инкрустированную латунную посуду, бедуинские украшения и одежды, выпечку и сладости, засушенных и вставленных в рамки палестинских цветов и бабочек, а также сувениры из оливкового дерева, искусно сделанных членами колонии»[41] (илл. 12).

В первые два десятилетия XX века однотипные альбомы-гербарии с некоторыми вариациями производились в большом количестве различными христианскими, еврейскими и арабскими издателями, включая Fr. Vester & Co., Nicola De Simini, A. Leib Kahana, H. N. Shechter, Daud A. Hallac Bros., Ephtimios Fr res, Gabriel and Abrahim Dabdoub, Elias A. Coubrousli, M. Weisman, T. Habesch, The Commercial Press, F. F. Marroum, Jsac Chagis, the King David Store of T. J. Atallah & Bros. и др.[42]. Со временем качество продукции неуклонно снижалось, и более поздние издания уступали ранним как по качеству печати, так и по сложности включенных в них гербарных композиций.

Мало что известно о Николе де Симини, чье имя в качестве издателя указано в «Album / Souvenir / Flowers from the Holy Land / Fleurs et vues de la Terre Sainte» — одном из двух альбомов, представленных в Эрмитаже. По словам его правнука Адама Чами, Никола де Симини родился в итальянском городе Бари и был назван в честь покровителя города Николая Чудотворца [43]. В раннем возрасте Никола переехал в Иерусалим, став успешным торговцем, владельцем собственной лавки, архитектором, строителем и дизайнером декоративной плитки. Активная деятельность де Симини приходится на конец XIX — первую четверть XX века, когда помимо самых разных альбомов-гербариев он выпускал другие сувенирные альбомы и открытки с видами Святой Земли. Во время Первой мировой войны де Симини выпустил серию открыток с фотографиями, на которых запечатлены сцены британской военной оккупации Палестины. Образцы этих открыток, датированные около 1918 года, в настоящее время находятся в коллекциях Британского музея в Лондоне и Музея истории почты и филателии в Тель-Авиве. Имя де Симини упоминается в документе, изданном Международной комиссией по вопросу Стены Плача в 1930 году[44], подтверждая, что он все еще проживал в Иерусалиме в это время. К сожалению, на печатных материалах с пометкой «издано Н. де Симини», как правило, не указан год публикации, что затрудняет их датировку. В альбоме-гербарии издателя де Симини, схожем по оформлению, структуре и способу печати с эрмитажным альбомом и в настоящее время находящемся в коллекции автора, есть

Илл. 11. Здание Grand New Hotel у Яффских ворот в Иерусалиме. По обе стороны от главного входа хорошо видны витрины магазинов Fr. Vester & Co. и Boulos Meo. Около 1900. Фрагмент. Фотография Американской колонии. The Library of Congress (Matson Collection, LOC. P&P).


Fr. Vester & Co.,
(Originally F. VESTER).
THE AMERICAN COLONY STORE.
Dealers in Oriental Articles & Curios,
Olive Wood, Mother-of-Pearl & Jewelry.
ANTIQUITIES & MUSEUM SPECIALITIES.
Old Rugs and Khilims.
Sole Distributors of
THE AMERICAN COLONY
Photographs,
Magic Lantern Slides
and
Flower Cards.
Jerusalem, Palestine, Sept. 4, 1913.
The University Museum,
Care of Dr. Gordon,
33rd & Spruce St., Philadelphia.

Илл. 12. Фирменный бланк магазина Fr. Vester & Co., указывающий, что магазин является «единственным дистрибьютором фотографий Американской колонии, слайдов «волшебного фонаря» и карточек с засушенными цветами». Около 1913. The Library of Congress (American Colony in Jerusalem Collection, LOC. M/MM).

страница с изображением площади перед Яффскими воротами. На литографии видна часовая башня, построенная в 1907 году в честь 25-летия правления султана Абдул-Хамида II. Британские власти разобрали башню в 1922 году, что позволяет датировать издание альбома 1907–1914 годами[45]. Таким образом, альбомы, выставленные в Эрмитаже, скорее всего, были выпущены в течение этого семилетнего периода.

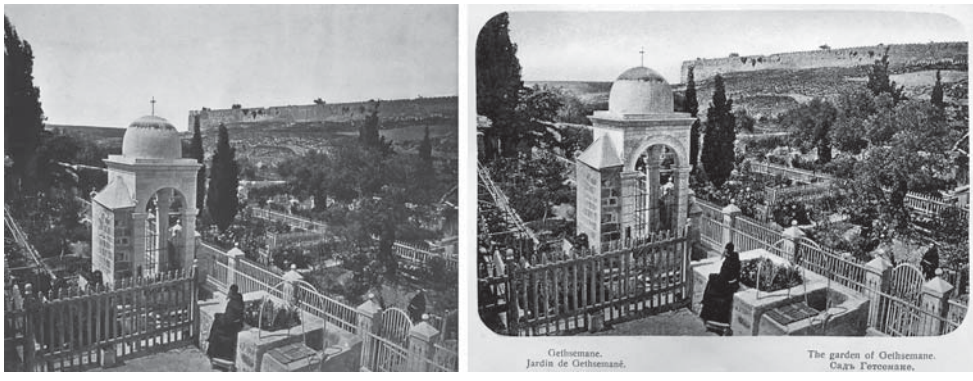
Большинство литографических карточек с видами Палестины, продававшиеся в Иерусалиме в 1890–1910-е годы, были напечатаны — по заказу местных издателей — в Швейцарии или Германии, где в то время были наиболее развиты технологии хромолитографической печати. По мнению

сотрудников Музея истории почты и филателии в Тель-Авиве, карточки изданные Николой де Симини, были напечатаны немецкой компанией Emil Pinkau & Co., одной из крупнейших европейских типографий по производству высококачественных литографических карточек, почтовых открыток и сувенирных изданий.

Ряд литографических почтовых открыток и карточек, используемых в качестве иллюстраций в альбомах-гербариях, был напечатан в местной еврейской типографии, основанной в Иерусалиме в 1892 году Авраамом-Лейбом Монсоном II (около 1871–1930) и его братом Моше-Мордехаем после возвращения из Франкфурта, куда они ездили для изучения технологии хромолитографии. Открытки и сувенирные альбомы-гербарии, изданные братьями Монсон, включали виды достопримечательностей Эрец-Исраэля, представлявшие интерес для иудеев, и предназначались для отправки местными евреями-ашкеназами благотворителям еврейских общин диаспоры Европы и Америки в знак благодарности за прошлые пожертвования и как способ поощрения пожертвований в будущем. Альбомы с литографиями типографии A. L. Monsohn отличаются более низким качеством исполнения. В дополнение к тексту на английском, французском и русском языках, они также содержали текст на идише. У некоторых альбомов передняя обложка расположена с правой стороны, и перелистывать их предполагается справа налево, как это принято у изданий с текстом на еврейском алфавите.

Многие виды Святой Земли, воспроизведенные в альбомах-гербариях, основывались на фотографиях, выполненных в фотоателье Феликса Бонфиса (1831–1875) и членов его семьи. Бонфисы были французскими гугенотами, поселившимися в Бейруте в 1860-х гг., а Феликс Бонфис — плодовитым фотографом, выполнившим в первые четыре года после переезда в Левант «более 15 000 отпечатков с 591 негатива с видами Египта, Палестины, Сирии и Греции, а также 9 000 стереоскопических снимков», включая «главным образом, виды Иерусалима и различные панорамы»[46] (илл. 13). После смерти Феликса в 1875 году работу продолжила его жена Мария-Лидия (1837–1918) и сын Адриан (1861–1929), а затем Абрам Гирагосян (1871–1956), выкупивший в 1909 году Maison Bonfils вместе с негативами, фондом фотографий, авторскими правами и правом использовать торговую марку Bonfils[47].

Альбомы-гербарии оставались популярным сувениром в течение первых двух десятилетий XX века (за исключением периода Первой мировой войны) и во время британской оккупации 1918–1922 годов, когда альбомы продавались солдатам оккупационных войск. Так, подобные альбомы были выпущены местным издателем J. Attalah Bos. специально для Клуба австралийских солдат в Иерусалиме, о чем свидетельствуют надписи на титульных листах. Большое количество сохранившихся альбомов этого типа позволяет предположить, что они пользовались популярностью у австралийских солдат, привозивших их с войны в качестве экзотического сувенира.



Илл. 13. Оригинальная фотография Maison Bonfils из коллекции автора (слева) и страница из альбома-гербария с изображением Гефсиманского сада (справа).

Наличие в одном из эрмитажных альбомов текста на русском языке указывает насколько заинтересованы были иерусалимские торговцы в продаже сувениров русским паломникам, число которых в начале XX в. достигало 10 000 человек в год. Совет Императорского Православного Палестинского Общества, обеспокоенный чрезвычайно низким качеством икон и печатных изданий, продаваемых русским паломникам в Иерусалиме, попросил профессора А.А. Дмитриевского[48] подготовить доклад о возможном устройстве в зданиях русского подворья Общества в Иерусалиме книжно-иконной лавки. Доклад был прочитан 17 декабря 1906 г. на ежегодном заседании Общества, а 15 февраля 1908 г. повторен с незначительными изменениями на заседании Комитета попечительства о русской иконописи с последующей публикацией в Иконописном сборнике[49].

В своем докладе профессор А.А. Дмитриевский указывал, что, для того чтобы пользоваться успехом, предполагаемая к устроению иконная лавка Общества должна не только иметь широкий выбор православных икон с местными сюжетами, хорошего качества и по умеренной цене, но и полностью удовлетворять нужды паломников в сувенирах Святой Земли, тем самым отвлекая их от неблагочестивых икон, предлагаемых в местных арабских и еврейских лавках. Среди прочих сувениров Дмитриевский считал необходимым продавать в лавке Общества альбомы с видами и засушенными цветами Святой Земли: «В иконной лавке Общества в Иерусалиме бесспорно необходимо иметь также крестики всяких ценностей и материалов, а также изделия из перламутра, масленичного дерева, дуба, виноградной лозы, терновника, акрид, иорданского камыша и приорданского олеандра, **альбомы видов <и> местных горных цветов** (выделение — *Авт.*), стереоскопы, вифлеемские скуфейки и многое другое в этом роде, чем переполнены городские Иерусалимские и Вифлеемские многочисленные магазины, привлекающие к себе внимание и наших паломников и даже туристов Запада»[50].

Тот факт, что альбомы-гербарии, изготовленные специально для русскоязычных паломников, встречаются довольно редко, скорее всего, указывает на то, что предложения Дмитриевского не были реализованы в полной мере[51]. Также возможно, что подобные альбомы не обрели популярность среди русских паломников, предпочитавших приобретать в Иерусалиме иконы и другие традиционные предметы православного почитания. Именно это отсутствие спроса объясняет как малочисленность подобных альбомов в российских музеях и библиотеках, так и отсутствие интереса к такого рода евлогическим сувенирам у российских историков.

В заключение отметим, что Н.В. Гоголь, совершивший в 1848 году паломническую поездку в Святую Землю, привез домой среди других реликвий и засушенные цветы Палестины, которые хранились в его усадьбе в Васильевке наряду с другими паломническими сувенирами и реликвиями из святых мест[52]. Скорее всего это были цветы, которые Гоголь собственноручно сорвал на полях Самарии и Галилеи[53], поскольку коммерческое производство альбомов-гербариев в то время еще не было налажено.

Автор надеется, что данная статья вызовет интерес к альбомам с видами и гербарными композициями Святой Земли и позволит осознать их историческую значимость как памятника христианского межконфессионального паломничества и туризма в Левант на рубеже XIX–XX вв.

1 «Православие в Святой Земле. Альфа и Омега». Выставка в Государственном Эрмитаже с 30 сентября 2017 г. по 14 января 2018 г.

2 Об альбомах-гербариях как жанре см.: *Zytaruk M.* Preserved in Print: Victorian Books with Mounted Natural History Specimens // Victorian Studies. 2018. Vol. 60. No. 2. P. 185–200. Автор обращался к публикациям на русском, английском, французском и немецком языках. Возможно, существуют исследования об альбомах на арабском или иврите. Автор будет благодарен за информацию о таких публикациях.

3 Появлению альбомов с засушенными цветами во многом способствовали произведения французского сентиментализма и раннего романтизма конца XVIII — начала XIX века. Сочинения Бернардена де Сен-Пьера, Жак-Антуана де Реверони Сен-Сира, мадам Жанлис и Франсуа-Рене де Шатобриана сделали «язык цветов» частью европейского светского этикета 1780–1810-х годов, а в 1810-е годы на французском языке появились первые алфавитные указатели под названием «Язык цветов». Из романов флорошифры постепенно перекочевали на страницы дневников, писем и альбомов. См.: *Шарафадина К. И.* «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы / Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Северо-Западный институт печати СПГУТД. СПб.: Петербургский институт печати, 2003. С. 7, 12–52; *Корнилова А. В.* Мир альбомного рисунка: Русская альбомная графика конца XVIII — первой половины XIX в. Л.: Искусство, 1990. С. 74–75.

4 Zytaruk M. Op. cit. P. 185.

[5] Подробнее об альбомах с засушенными цветами см.: https://smithsoniangardens.wordpress.com/2013/06/26/botanical-scrapbooks/ (дата обращения: 24.02.2018).

[6] См., например: *Mayo S.C.* Edgarton. The Flower Vase, Containing the Language of Flowers and their Poetic Sentiments. Lowell: Powers & Bagley; Boston: B. B. Mussey, Cornhill, 1844.

[7] *Greenaway K.* Language of Flowers. London: Avenel, 1884. О «языке цветов» в русских альбомах первой половины XIX века см.: *Шарафадина К. И.* Указ. соч. С. 69–98.

[8] *Laufer G.A.* Tussie-Mussies: the Victorian Art of Expressing Yourself in the Language of Flowers. New York: Workman Pub., 1993.

[9] *Seaton B.* Considering the Lilies: Ruskin's "Proserpina" and Other Victorian Flower Books // Victorian Studies. 1985. Vol. 28. No. 2. P. 255–282.

[10] *Hamilton J.* Thomas Cook: The Holiday-Maker. Stroud: Sutton, 2005. P. 176.

[11] *Tristram H. B.* Survey of Western Palestine. The Fauna and Flora of Palestine. London: The Committee of the Palestine Exploration fund, 1884.

[12] Ханна Зеллер (1838–1922) была дочерью Самуэля Гобата, протестантского епископа в Иерусалиме с 1846 по 1879 год. Ее книга была издана в 1875 году одновременно на английском, немецком и французском языках: *Zeller H.* Wild Flowers of the Holy Land. London: J. Nisbet & Co., 1875; *Zeller H.* Feldblumen aus dem Heiligen Land. Basel: C. F. Spittler, 1875; *Zeller H.* Fleurs de la Palestine. Basel: C. F. Spittler, 1876.

[13] В тексте автор называет территорию, включающую части современных Иордании, Израиля и Палестины, согласно терминологии, используемой в поздний период Османской империи, то есть как «османская Палестина», «Палестина» или «Святая Земля». Для обозначения региона Восточного Средиземноморья автором используются исторические термины «Левант» и «Сирия».

[14] *Astafieva E.* How to Transfer "Holy Russia" into the Holy Land? Russian Policy in Palestine in the Late Imperial Period // Jerusalem Quarterly. 2017. No. 71. P. 7–30.

[15] Издательство Karl Baedeker впервые опубликовало путеводитель «Палестина и Сирия: Справочник для путешественников» в 1876 году. Благодаря характерному цвету обложки путеводитель стал известен как «красная книга», или «бедекер». Издания с обновлениями и уточнениями выходили в 1894, 1898, 1906 и 1912 годах. «Путеводитель по Палестине и Египту» издательства Macmillan был опубликован в Нью-Йорке в 1901 году, а «Справочник Кука по Палестине и Сирии» издательства Thomas Cook Travel вышел в Лондоне в 1907 году.

[16] *Hamilton J.* Op. cit. P. 152.

[17] *Hanauer J. E., Masterman E. G.* eds. Cook's Handbook for Palestine and Syria. London: Thos. Cook & Son; Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co., 1907. P. V.

[18] *Van Dyke H.* Out-of-Doors in the Holy Land: Impressions of Travel in Body and Spirit. London: Hodder and Stoughton, 1908. P. 4.

[19] *Twain M.* The Innocents Abroad, or the New Pilgrims' Progress. New York: Harper & Brothers, 1869.

[20] Guide to Palestine and Egypt. London: Macmillan & Co., 1901. P. 1. См. также: *Zeller H.* Op. cit. P. VIII.

[21] *Van Dyke H.* Op. cit. P. 28.

[22] *Graham S.* With the Russian Pilgrims to Jerusalem. London: Macmillan & Co., 1913. P. 5.

[23] Ibid.

[24] Guide to Palestine and Egypt. P. 38. См. также: *Rogers S. S.* Inventing the Holy Land: American Protestant Pilgrimage to Palestine, 1865–1941. Lanham, MD.: Lexington Books, 2011. P. 126.

[25] *Rogers S.S.* Op. cit. P. 119.

[26] *Van Dyke H.* Op. cit. P. 62–63.

[27] *Rogers S.S.* Op. cit. P. 10.

[28] См., например: *Tristram H.B.* The Natural History of the Bible. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1868. P. 464; *Vester B.S.* Flowers of the Holy Land. Kansas City: Hallmark Cards Inc, 1966. P. 40.

[29] Мозес Вильгельм Шапира (1830–1884) был польским евреем, перешедшим в лютеранство, и торговцем подлинными и поддельными древностями в Иерусалиме. Известен продажей «моавских идолов» Берлинскому музею. В 1883 году предложил Британскому музею за 1 млн. фунтов рукописи на пергаменте «Второзакония» на древнееврейском языке («манускрипты Шапиры»). После того, как рукописи были объявлены подделкой, Шапира, чье авторство как создателя рукописей никогда не было доказано, покинул Лондон и застрелился в гостинице в Роттердаме в 1884 г.

[30] *Harry M.* The Little Daughter of Jerusalem. London; Toronto: J. M. Dent & Sons, 1918. P. XIII.

[31] Ibid. P. 60.

[32] Ibid. P. 72. Скорее всего, в романе описан Мишкенот-Шаананим — первый еврейский квартал вне стен Старого города. Этот небольшой жилой комплекс был построен в 1860 году британским банкиром сэром Мозесом Монтефьоре на деньги американского филантропа Джуды Туро.

[33] Вероятно, Мириам Харри описывает членов колонии немецких тамплиеров, основанной в Иерусалиме в 1873 году также за городскими стенами.

[34] *Harry M.* Op. cit. P. 75.

[35] Евангелическо-лютеранская больница диаконисс в Иерусалиме была построена в 1892–1894 годах Теодором Санделом.

[36] Монастырь Конгрегации Сионских сестер, расположенный в восточном конце Виа Долороза в Иерусалиме, был построен в 1857 году Марией-Альфонсом Ратисбонном, французским евреем, обратившемся в христианство и ставшим католическим священником.

[37] Palestine and Syria: Handbook for Travellers. Leipzig: K. Baedeker, 1894. P. 20.

[38] The Chief Industries of the American Colony, Jerusalem at the Present Time. Jerusalem: American Colony, 1907. P. 1. Library of Congress, Manuscripts. URL: http://www.loc.gov/item/mamcol.033 (дата обращения: 19.05.2019).

[39] Отель существует и по сей день. Он занимает то же здание, но сменил название на New Imperial Hotel.

[40] *Hanauer J. E., Masterman E. G.* eds. Op. cit. P. 3.

[41] *Geniesse J. F.* American Priestess: The Extraordinary Story of Anna Spafford and the American Colony in Jerusalem. New York: Nan A. Talese, 2008.

[42] Большая коллекция подобных альбомов была выставлена на продажу израильским аукционным домом Kedem.

[43] Nicholas Desimini // Adam Chamy Art Blog. July 8, 2011. URL: https://adamchamy.wordpress.com/2011/07/08/nicholasdesimini/ (дата обращения: 19.05.2019).

[44] Al-Buraq Wall: The Western Wall of al-Aqsa. Report of the International Commission appointed by the British Government in 1930 and approved by the Council of the League of Nations in 1931. London: United Kingdom Islamic Research Academy, 1999. P. 96.

[45] Во время Первой мировой войны в Палестине шли ожесточенные бои между войсками Османской и Британской империй. Как следствие, поток туристов прекратился, а с ним и торговля сувенирами.

[46] *Gavin C.E. S.* ed. The Image of the East: Nineteenth-century Near Eastern photographs by Bonfils from the Harvard Semitic Museum. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

[47] Ibid. P. 28–36.

[48] Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929) — российский византинист и историк Церкви, в 1884–1907 гг. профессор кафедры церковной археологии и литургики Киевской Духовной академии. Принимал активное участие в деятельности Палестинского Общества, был избран его почетным членом, а с 1907 г. секретарем.

[49] Дмитриевский А.А. Иконная торговля Православного Палестинского Общества в Иерусалиме // Иконописный сборник. 1908. Вып. 2.

[50] Там же. С. 11.

[51] Любопытный образец альбома с заголовком на русском языке «Цветы Святой Земли / Иерусалим» имеется в коллекции Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге. Данный альбом включает цветочные композиции с надписями на русском и французском языках, но не содержит литографических карточек с видами достопримечательностей Палестины (Паломничество в Святую землю = Pilgrimage to the Holy Land: [коллекция паломнических реликвий, привезенных из Святой Земли: каталог] / Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Гос. музей истории религии; [авт.-сост. Е.В. Денисова]. СПб.: Государственный музей истории религии, 2006. С. 51). Кроме того, как свидетельствует израильский автор Леонид Юниверг, два альбома с цветами Святой Земли хранятся в отделе редких книг РГБ, причем один из них имеет экслибрис библиотеки Зимнего дворца.

[52] *Воропаев В.А.* Гоголь на пути ко Гробу Господню. // Православный Паломник. 2014. № 3. С. 77.

В.А. Гиляровский также упоминает «цветы Палестины, завернутые в паспорт» в своей книге «На родине Гоголя» (глава «Реликвии Гоголя»). См.: *Гиляровский В. А.* На родине Гоголя: (Из поездки по Украине). М.: Отд. тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1902. С. 31.

[53] Гоголь пишет в письме В.А. Жуковскому от 28 февраля 1850 года: «...где-то в Самарии сорвал полевой цветок, где-то в Галилее другой...». *Гоголь Н.В.* Письма: [В 4-х т.] / Ред. [и предисл.] В. И. Шенрока. СПб.: А.Ф. Маркс, 1901. Т. 4. С. 301.

Драгоценный дар Иерусалимского патриарха Поликарпа

Ю. А. Пятницкий

В 2000 г. в Государственном Эрмитаже прошла фундаментальная выставка Православного искусства VI — начала XX века, организованная музеем и Фондом Святой Екатерины (Лондон), при участии монастыря Святой Екатерины на Синае. На ней впервые в России были показаны присланные с Синая десять уникальных икон X–XIII веков и жалованная грамота царя Михаила Федоровича 1630 года[1]. Однако основную часть экспозиции составили произведения из собрания Государственного Эрмитажа, причем многие из них были впервые введены в научный оборот. Лишь четыре русские иконы с изображением святой Екатерины из коллекции Государственного Русского музея были добавлены. Среди эрмитажных памятников, ранее не выставлявшихся, был крест-ставротека с частицей Честного Древа (Инв. № Э-9723), который и является предметом данной публикации.

Крест чрезвычайно интересен как по своему облику, так и по техническим особенностям конструкции. По форме — это традиционный четырехконечный крест, с равными боковыми и верхним ветвями и слегка более удлиненным нижним. Он исполнен из золотой полоски, согнутой по форме и спаянной в месте соединения. К этому контуру был добавлен задник, который закреплен вверху на шарнире и, таким образом, является крышкой, позволяющей открывать крест с оборотной (задней) стороны. Эта крышка также выполнена из золота, но покрыта расписной эмалью, изображающей «Распятие Господне». С лицевой стороны в золотой контур креста помещен такой же по форме, но меньшего размера крестик. Он исполнен аналогично, т.е. из тонкой золотой полоски сформирован контур, но, в отличие от внешнего креста, внутренний имеет глухую заднюю стенку, к которой и припаян контур. С лицевой стороны поверхность закрыта прозрачной слюдой, вырезанной точно по размерам и форме этого крестика. Внутри этого золотого контейнера под слюдой находится деревянный крестик — это священная

реликвия: частица Честного Древа. Поскольку деревянный крестик плотно вставлен в золотой контейнер, то, вне всякого сомнения, последний был исполнен специально для этой святыни и сразу же был наглухо закрыт. Пространство между внутренним крестом с Частицей Животворящего Древа и стенками внешнего креста заполнено алмазами в обжимающих золотых кастах. Украшен алмазами внешний крест и с наружной стороны: в перекрестии — четыре одинаковых золотых тюльпана с крупным алмазом в золотой оправе по форме камня и двумя золотыми листиками. Концы всех четырех рукавов креста декорированы аналогичными золотыми тюльпанами с крупным алмазом в центре, двумя золотыми листиками, поддерживающими цветок, и еще добавлены два крупных листа из алмазов. Каждый из этих листов состоит из золотой глухой обжимающей оправы и двух алмазов: более крупным на конце и мелким у основания листа. Таким образом, перед нами драгоценное хранилище для священной реликвии: Частицы Честного Древа, которое называется ставротека, однако в нашем случае ей дана форма наперстного креста. Поскольку крест-ставротека изначально предназначался для ношения на груди, то он имеет красивую золотую цепочку из плоских звеньев, длиною 92 см. Сам же крест-ставротека имеет размеры: 6,2 х 5,4 см (с учетом алмазного декора). Согласно ювелирной экспертизе от 4 октября 1995 года, общий вес креста вместе с реликвией составляет 65,12 грамма; золото 750 пробы (55 грамм), в декоре использовано 68 алмазов общим весом 7, 5 карата; вставка слюды[2].

Заслуживает внимания живописное эмалевое изображение «Распятие Господне» на обороте креста-ставротеки. Как уже было отмечено, задняя створка-крышка исполнена из золота и вверху имеет золотой шарнир, позволяющий её открывать. По форме створка-крышка точно повторяет форму креста-ставротеки, т.е. четырехконечного креста с несколько удлиненным нижним вертикальным рукавом. На гладкой золотой поверхности мастер слегка углубил фон под эмаль, и, таким образом, на задней створке получился четырехконечный эмалевый крест с равномерными золотыми полями. Углубление фона было необходимо ювелиру для лучшего сцепления эмали. Сцена «Распятие Господне» дана в кратком иконографическом варианте, т.е. без предстоящих Марии и Иоанна Богослова. На черном фоне с тонким внешним белым контуром изображена распятая фигура Иисуса Христа, с красной повязкой на чреслах и золотым нимбом вокруг головы. На верхнем вертикальном рукаве эмалью выписана белая дощечка с красными греческими буквами: INBI — Ἰησους Ναζωραιος Βασιλεύς Ἰουδαίων (Иисус Назарей Царь Иудейский). Используя лишь несколько цветов: черный, белый, красный и телесный, — мастер добился изумительного эффекта. В контрастном сочетании с золотым обрамлением черная плоскость креста придает сцене трагическую ноту. Распятое тело Иисуса, светлого телесного оттенка с черными линиями разделок, столь же контрастно

выступает на черном эмалевом фоне и буквально каждой линией тела возводит трагическое звучание до вселенского масштаба. Живопись эмали миниатюрная и тончайшая по исполнению.

В первой научной публикации памятника — каталоге выставки 2000 года — хранитель О.Г. Костюк высказала мнение, что крест, эмаль и декор из алмазов, «вероятно, выполнены в начале 19 века в Санкт-Петербурге»[3]. Эта атрибуция была ею повторена в издании, посвященном «Галерее драгоценностей» Эрмитажа[4]. В 2017–2018 годах на эрмитажной выставке «Православие в Святой Земле: Альфа и Омега» крест экспонировался уже с другой атрибуцией, предложенной нами: «Османская империя. Константинополь, греческий мастер, около 1815 года». К сожалению, по разным причинам, в том числе и не имеющим отношения к научной работе, каталог выставки «Православие в Святой Земле: Альфа и Омега» не был опубликован. Однако на выставке экспонировавшиеся памятники были снабжены обширными аннотациями, что позволило познакомить посетителей с новыми сведениями по истории креста-ставротеки и его атрибуции. В частности, было установлено, что это дар Иерусалимского патриарха Поликарпа, посланный в Россию, и поступивший к императору Александру I.

Из описи Большого Придворного собора Зимнего дворца во имя Спаса Нерукотворного образа, частично опубликованной в 1873 году, было

известно, что крест поступил в 1827 году из комнат императрицы Елизаветы Алексеевны (1779–1826), жены императора Александра I. В описи он проходит под номером 123: «Крест с золотой цепочкою, с финифтью и алмазами; внутри креста часть Древа Господня; передан в 1827 году из комнат императрицы Елизаветы Алексеевны; вышиною 1 — шириною 1 вершка»[5]. К императрице крест-ставротека, по-видимому, попал после смерти императора Александра I в ноябре 1825 года, поскольку именно ему он принадлежал с мая 1816 года. Благодаря документам, опубликованным в конце XIX столетия Н.Ф. Каптеревым[6] и в наше время Н.Н. Лисовым и И.Ю. Смирновой[7], удалось проследить историю этого драгоценного памятника.

В течение XVII века между Россией и Иерусалимским патриархатом установились тесные и разнообразные связи. Они отнюдь не ограничивались традиционными просьбами о милостыне, но глубоко затрагивали церковную и общественную жизнь Древней Руси. Однако с начала XVIII столетия ситуация коренным образом изменилась: русское правительство перестало нуждаться в политических услугах Иерусалимских патриархов, а те в свою очередь перестали видеть в России единственную силу на Православном Востоке, которую можно было использовать в греческих национальных интересах. Аналогичным образом претерпели изменения и церковные взаимоотношения: в России появились свои собственные высокообразованные иерархи, развивались учебные заведения, в том числе и Духовные. Русская Церковь могла самостоятельно справляться с проблемами, не прибегая к помощи греков, и не допуская их вмешательства во внутренние церковные дела, как это нередко имело место в предшествующем столетии. В XVIII веке основные контакты сохранялись на почве царской, а позднее государственной милостыни и разрешений на сбор средств в русских городах. При этом, если в первой половине столетия сохранялся старый порядок непосредственного обращения патриархов к царям, то со второй половины XVIII века просьбами о милостыни занимался Святейший Правительствующий Синод. Кроме того, в 1735 году введением так называемых Палестинских штатов была четко регламентирована периодичность приезда церковных делегаций с Православного Востока[8].

Почти прекратившиеся с 1782 года сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством вновь возобновились в 1814 году, после победы русского императора в войне с Наполеоном[9]. Поводом послужило желание надворного советника И.А. Варвакиса (1743–1825), грека по происхождению[10], героя Чесменской битвы, превратить Троицкую церковь в Таганроге в греческий иерусалимский Александровский монастырь, т.е. в подворье Иерусалимского патриархата. Финансовую сторону по устройству обители взял на себя И.А. Варвакис; Святейший Синод со своей стороны вначале не возражал против исключения Троицкой церкви из числа епархиальных и против подчинения нового монастыря Иерусалимскому

патриарху. Поэтому император Александр I утвердил эти изменения и основание греческого монастыря в Таганроге. 27 августа 1814 года был издан Высочайший указ об обращении Троицкой церкви в штатный 2-го класса монастырь с наименованием Иерусалимский Свято-Троицкий (Александровский) и с передачей его «в собственность Пресвятого Гроба Господня». Иерусалимскому патриарху предоставлялось право присылать для проживания в обители греческих монахов во главе с архимандритом, со сменой через каждые пять лет. Вместе с тем Святейший Синод подчеркнул, что обитель лишь управляется наместником Иерусалимского патриарха, но остается в списке штатных русских монастырей[11].

Патриарх Поликарп еще осенью 1814 года направил послание императору Александру I с настойчивой просьбой о помощи. Такое прямое обращение, в обход сложившихся правил, было вызвано чрезвычайными обстоятельствами. По Бухарестскому мирному договору 1812 года, завершившему русско-турецкую войну 1806–1812 годов, к России отходила часть Бессарабии и Валахии, где находились поместья, принадлежавшие Иерусалимской Церкви. Таким образом, теперь от России и от ее решения относительно судьбы церковных имений зависело финансовое благополучие Восточных патриархий[12]. Узнав об учреждении Иерусалимского подворья в Таганроге, в апреле 1815 года патриарх Поликарп откликнулся новым письмом, благодарственным, не преминув отметить, что милости и «впредь получить надеемся от всещедрыя Твоего Величества попечительности»[13]. Одновременно патриарх, согласно заведенному в XVIII столетии порядку, обратился за финансовой помощью к обер-прокурору Синода князю А.Н. Голицыну (1773–1844). Из текста патриаршего обращения видно, что это была уже вторая грамота патриарха Поликарпа в Синод с настойчивой просьбой о помощи и защите от «армянских еретиков», грозивших отнять у православных греков Вифлиемский и Гефсиманский храмы[14]. Греки подозревали армян также в поджоге 12 ноября 1808 года Храма Гроба Господня, когда огнем были значительно повреждены Кувуклий, купол Ротонды и большая часть интерьеров. Борьба за соблюдение *status quo*, за право восстановления Храма и сам ремонт привели Иерусалимскую патриархию практически на грань разорения. Святейший Синод откликнулся на мольбу патриарха Поликарпа. Была изыскана возможность единовременного пособия из казны в размере 25 тысяч рублей из сумм Палестинских штатов, оставшихся не выданными Восточным патриархам «по причине неприсылки требований». По этому поводу обер-прокурор обратился к Александру I со всеподданнейшим докладом 27 марта 1816 года. Государь Император милостиво дал свое соизволение, и 25 тысяч рублей были направлены патриарху Поликарпу через статс-секретаря графа И. Каподистрия[15]. В начале октября 1816 года в Константинополе русский посланник барон Г.А. Строганов вручил Иерусалимскому патриарху означенную сумму. Последний сообщил об этом в письме от 8 октября князю

А.Н. Голицыну, обер-прокурору Синода, восторженно добавив, что «быв вне себя от неизъяснимого объявшего меня духовного утешения и радости, благодарение принес я преблагому Святому Богу, удостоившему меня такой ко мне государевой милости <...>»[16].

Однако еще в мае 1816 года, по-видимому, получив известие о выделенной сумме вспомоществования, патриарх Поликарп написал обер-прокурору Святейшего Синода: «Уведомляем Ваше Сиятельство, что чрез находящегося там преподобного святого архимандрита Пресвятого Гроба Господня Арсения посылаем Вам крест златый, украшенный алмазами и нашею печатью запечатанный, в который собственными нашими руками положили мы частицу Неоцененного Древа, которое точно есть часть собственно того Креста, на котором распято Пресвятое Тело Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа за спасение мира и который обагрен пречистою Кровью Его — частицу хотя малую по количеству, но всемощную и великую по силе и благодати, которую, почитая и с несомненным благоговением ей поклоняясь и нося оную на персях, как хранительное оружие, будете иметь, чего желаете для душевной и телесной пользы»[17]. Из приведенного текста следует, что золотой с алмазами крест с частицей Честного Древа был послан Иерусалимским патриархом непосредственно князю А.Н. Голицыну. Это подтверждает и ответное письмо обер-прокурора, направленное патриарху Поликарпу 25 декабря 1816 года, в котором князь уведомлял, что получил через архимандрита Арсения «и почтеннейшее письмо Ваше, и святый крест златый, с драгоценными камнями и имеющий частицу того Неоцененного Древа, на коем распято Пресвятое Тело Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа. Поклоняясь с несомненным благоговением сему кресту, я верую и надеюсь, что от всемогущей благодати его я получу все полезное душе и телу, почему чувствую в себе и свидетельствую Вашему Святейшеству беспредельную за оный благодарность мою. Я желал бы, если бы только был способен к сему, и от себя что-нибудь послать Вам в дар и в знак моей благодарности; но ничем не могу соответственно воздать за вещь несравненно драгоценнейшую и вожделеннейшую паче всего земного. Посему я о сем подарке Вашем довел до сведения Его Императорского Величества, и христолюбивый наш Монарх благоволил подарить Вам панагию, которую я при сем Вам препровождаю» [18].

Таким образом, обер-прокурор Святейшего Синода князь А.Н. Голицын, получив от Иерусалимского патриарха драгоценный крест-ставротеку, посчитал необходимым препроводить этот дар императору Александру I. Государь, приняв крест-ставротеку, повелел в качестве ответного дара выдать из Кабинета драгоценную панагию и отправить ее патриарху Поликарпу. Это был не только жест благодарности, но и незыблемое правило Министерства Императорского Двора: за любой дар, принимаемый российскими императорами, даритель должен получить соответствующий подарок или компенсацию. 28

октября 1816 года князь А.Н. Голицын запросил министра Императорского Двора: «По высочайшему повелению честь имею отнестись к Вашему Высокопревосходительству о доставлении ко мне из Кабинета панагии, предназначенной для Иерусалимского Патриарха Поликарпа. Его Величеству угодно, чтобы панагия была сделана получше, и могла бы соответствовать высокому сану Патриарха»[19]. Как нам уже известно, драгоценная панагия была отправлена патриарху Поликарпу 25 декабря 1816 года. А крест-ставротека стал собственностью и реликвией правящей династии Романовых. Он находился у императора Александра I, а после его неожиданной смерти 19 ноября 1825 года в Таганроге перешел к супруге императора, вдовствующей императрице Елизавете Алексеевне; у нее он пробыл недолго, поскольку потрясенная смертью мужа, она скончалась в дороге в Белеве 4 мая 1826 года. Когда, после положенных дней траура, стали разбирать личные вещи Елизаветы Алексеевны и распределять их согласно волеизъявлению покойной и указаниям царствующего императора Николая I, крест-ставротека был направлен в Большой собор Зимнего дворца, где в особой комнате хранились семейные иконы и реликвии Дома Романовых.

Сомнений нет, что в переписке князя А.Н. Голицына и патриарха Поликарпа речь идет о том самом кресте, который хранится сегодня в Государственном Эрмитаже. Это следует из сведений, содержащихся в документах: крест наперстный, т. е. носящийся на груди, исполнен из золота и украшен алмазами, содержит частицу Животворящего Древа. Некоторые подробности переписки позволяют более точно понять детали конструкции креста-реликвария. Патриарх Поликарп упоминает, что крест «нашею печатью запечатанный»; это объясняет, почему задняя крышка сделана открывающейся: именно там, с оборотной стороны внутреннего контейнера с частицей Древа находилась сургучная патриаршая печать, удостоверяющая подлинность реликвии. Открывающаяся при необходимости задняя крышка обеспечивала доступ к печати и позволяла продемонстрировать достоверность святыни. Сюжет живописной эмали, украшающей внешнюю сторону задней крышки, — «Распятие Господне» — соответствовал помещенной внутрь реликвии: частицы Честного Древа.

Местом изготовления драгоценного креста-реликвария является Константинополь, крупнейший на Православном Востоке центр ювелирного искусства. Наиболее известными мастерами-ювелирами в Константинополе считались греки и армяне, и нередко весьма трудно различить их работы, если нет сопроводительных армянских надписей. Несмотря на то, что Поликарп был патриархом Иерусалимским, он, как и его предшественники, постоянно проживал на своем подворье в Константинополе. Именно из Константинополя он отправлял свои грамоты императору Александру I и обер-прокурору Святейшего Синода. Считалось, что находясь в непосредственной близости ко двору султана и Вселенскому патриарху и обладая информацией обо всех

политических и церковных делах и интригах Османской империи, патриарх может продуктивнее управлять вверенной ему Иерусалимской патриархией. Несомненно, значительную роль играло и то, что пребывание в Константинополе было более комфортным лично для патриарха, и позволяло ему более жестко контролировать финансовые поступления, которые, нередко, так и не доходили до Иерусалима. Ситуация изменилась только во второй половине XIX столетия, когда под давлением русских дипломатов патриарх Кирилл (1845–1872) вынужден был большую часть времени проводить в Иерусалиме, а последующие патриархи уже постоянно жили в Святом Граде[20]. Таким образом, находясь в Константинополе патриарх Поликарп именно здесь заказал драгоценный крест для подношения русскому императору. Поскольку в начале XIX столетия греки находились в обостренных отношениях с армянами и католиками из-за контроля над Святыми местами, и обвиняли друг друга в намеренном поджоге Храма Гроба Господня в ноябре 1808 года, то весьма сомнительно, чтобы патриарх Поликарп обратился к армянским мастерам Константинополя для исполнения золотого с алмазами креста-ставротеки. Тем более, что патриарх старался не особенно афишировать свои отношения с русским правительством, искусно лавируя между Блистательной Портой и Россией[21].

Наиболее вероятно, что заказ был отдан мастеру-греку, причем очень высокой квалификации. Возможно, одному из тех греческих ювелиров, которые обслуживали султанский двор. Мастер обладал тонким изысканным вкусом и прекрасной техникой, создав произведение, действительно достойное царской перси. Камни тщательно подобраны по чистоте и огранке и блестящим ореолом окружают реликвию — часть Животворящего древа, прикрытого полупрозрачной слюдою. Увлечение алмазным декором, с его сверкающим чистым и сильным сиянием, с его фантастической, непредсказуемой игрой под светом свечей в канделябрах и люстрах было характерно для ювелирного искусства Европы и Востока, в частности, Османской империи, в XVIII — первой половине XIX века. Художественные приемы использования алмазов были разнообразны: полоски, завитушки, эмблемы, короны, отдельные детали из сверкающих камней активно включались в декор. Использовались и довольно крупные алмазы, и мелкая россыпь, часто сплошным ковром устилавшая изделие. Особенно эффектно выглядели алмазные вставки на одеждах и парадных попонах, хотя и золотые кубки, табакерки, часы, несессеры, записные книжки, трости, перстни, осыпанные алмазами и бриллиантами, вызывали искренний и неподдельный восторг. В стилистике декора мастера разных стран часто имитировали друг друга: на Востоке копировали европейские произведения, в Европе ювелиры нередко использовали в своих работах восточные элементы. В собрании Эрмитажа имеются два комплекта конских уборов, датируемых началом XIX века, и поднесенных русскому императору Николаю I

от имени султана Османской империи Махмуда II. Первый, так называемый фиолетовый, состоящий из девяти предметов, включая саблю, был поднесен императору в 1829 году после заключения Адрианопольского мира. Все предметы комплекта богато украшены алмазами, в основном, ограненными розой; только на одном чепраке их 16 000 (шестнадцать тысяч). Хотя подарок был доставлен из столицы Османской империи, но его атрибуция остается спорной. Исследователи видят в работе значительное влияние французского искусства конца XVIII века и не исключают, что алмазный декор мог быть выполнен западноевропейским мастером по заказу султана. Второй комплект, состоящий из десяти предметов, включая два пистолета, был поднесен русскому царю в благодарность за помощь в борьбе с армией Ибрагима-паши, двигавшейся на Константинополь. Он поступил в Эрмитаж в 1833 году, и по цвету чепрака получил название «синий»; все его предметы также обильно усыпаны россыпями сверкающих камней, но в данном случае это бриллианты. Мастера явно ориентировались на европейские, особенно французские традиции. Однако в данном случае с большей долей вероятности специалисты видят в этом комплекте работу турецких мастеров или допускают совмещение в декоре предметов, исполненных западным ювелиром, и предметов местного производства[22]. Нам представляется, что в обоих случаях нельзя исключать работу собственно константинопольских ювелиров, умело подражавших модному европейскому стилю. Впрочем, этот вопрос требует кропотливого дальнейшего исследования, и весьма возможно, что ответ кроется не столько в искусствоведческом анализе этих комплектов, сколько в документах архива Османских правителей.

Среди турецких памятников XVIII — начала XIX веков можно указать несколько аналогий алмазному декору эрмитажного креста и общей строгой выдержанности стиля. В первую очередь, это эгрет XVIII века из сокровищницы дворца-музея Топ-капы в Стамбуле[23]. В его верхней части видим девять золотых «перьев», плотно заполненных гранеными алмазами, тщательно подобранными по чистоте, форме и огранке. Такой же алмазный декор окружает и центральные части эгрета — крупный овал с прямоугольным изумрудом в центре и треугольное завершение с рубином; алмазы располагаются рядами, плотно заполняя пространство вокруг этих двух цветных драгоценных камней в золотых обжимающих кастах. Сверкающие алмазы создают излучающий свет — ореол вокруг центральных вставок, аналогично тому, как алмазный декор создает сияющий ореол вокруг частицы Животворящего древа в эрмитажном кресте-реликварии. Следует обратить внимание на золотой с эмалями и алмазами ковчег для Корана, хранящийся в сокровищнице дворца-музея Топ-капы в Стамбуле[24]. Он датируется началом XIX столетия, т.е. временем, близким к созданию эрмитажного креста-реликвария. Прямоугольная золотая коробочка ($18 \times 12 \times 5$ см) с откидной торцовой крышкой богато декорирована орнаментом из алмазов на верхней

лицевой стороне. Сложный прихотливо-изысканный рисунок орнамента можно отнести к стилю рококо; для этого стиля характерен и прием чередования различных по высоте и форме каст с алмазами, что создает изощренную световую игру драгоценных камней. Вместе с тем, низкие касты в виде удлиненных листиков, полосок и завитков, заполненные рядами тщательно подобранных идентичных алмазов по принципу закрепки и стилю, перекликаются с алмазным декором эрмитажного креста-реликвария. Таким образом, аналогии подтверждают тезис о заказе патриархом Поликарпом драгоценного золотого с алмазами креста для частицы Животворящего Древа константинопольским ювелирам-грекам, причем мастерам очень высокого уровня, работавшим для султанского двора. При этом наличие эмалевого «Распятия Господне» на оборотной стороне креста полностью исключает возможность работы исламского мастера.

Факты работы константинопольских ювелиров (и греков, и армян) в XVII–XVIII веках, как для Османского двора, так и по заказам православных иерархов хорошо известны. В музее Бенаки в Афинах хранятся три драгоценные панагии, изготовленные в Константинополе. Две панагии исполнены во второй половине XVII столетия, а одна в 1738 году[25]. Они имеют различные формы: ажурный крест, двуглавый орел, круглый медальон с короной, но идентичны по типологии: лицевая сторона украшена разноцветными драгоценными камнями в золотых оправах, а оборотная глухая сторона декорирована священными изображениями, исполненными расписной эмалью по золоту. Именно такой принцип применен и в подарке патриарха Поликарпа: алмазный декор на лицевой стороне и расписная сюжетная эмаль на обороте. Этот прием возник в процессе адаптации Православной Церкви к условиям жизни в исламской Османской империи. Панагии и наперстные кресты традиционно являются принадлежностью греческих иерархов и священников и украшаются священными изображениями, как правило, с лицевой стороны. В условиях Османской империи иерархи стали прибегать к небольшой уловке: лицевая сторона крестов и панагий составлялась из драгоценных камней, чаще всего красных и зеленых, и внешне она выглядела как ювелирное украшение, а христианские сюжеты помещались на оборотную, не видимую для непосвященных сторону. Поскольку патриарх Поликарп готовил крест-реликварий для поднесения императору России, где Православная вера не преследовалась, и, напротив, русский император выступал всегда защитником христианской веры на Православном Востоке, то с лицевой стороны креста была помещена драгоценная реликвия — частица Животворящего Древа, закрытая лишь полупрозрачной слюдой. Вместе с тем, был сохранен вышеописанный принцип декора лицевой и оборотной сторон, поскольку он уже стал традиционным, освященным временем и практикой. Более того, представляется весьма вероятным, что патриарх Поликарп мог указать и непосредственный образец для мастера, показав

ему один из древних крестов, хранившийся или у него, или в ризнице Константинопольской патриархии. Во всяком случае, ажурный крест второй половины XVII столетия из музея Бенаки имеет много общего с крестом-реликварием патриарха Поликарпа. Крупный золотой четырехконечный крест со слегка удлиненным нижним вертикальным рукавом дополнен в перекрестии четырьмя тюльпанами с золотыми листиками. Хотя различны камни, размеры вставок и тип оправы, но общая типология тождественная. Более того, с оборотной стороны крест музея Бенаки имеет эмалевое изображение «Распятие Господне», где так же представлена только фигура Иисуса Христа. Аналогична и надпись на дощечке «INBI», правда, эмаль — на белом фоне, а фигура Христа и детали исполнены черными линиями, так что сцена более напоминает графическое изображение[26]. Конечно, вряд ли именно этот крест послужил образцом для греческого мастера начала XIX века, однако общая типология — несомненна.

Что касается эмалевого изображения «Распятие Господне» на оборотной стороне эрмитажного креста-реликвария, то следует еще раз подчеркнуть высокий художественный уровень эмали и столь же высокий технический уровень исполнения. Однако в настоящий момент мы не видим наличия датирующих признаков, которые могли бы лечь в основу атрибуции. Возможно впоследствии, когда будут собраны и опубликованы в едином корпусе живописные эмали константинопольских мастеров XVII–XIX веков, появятся аргументированные отправные точки для датировок, национальной принадлежности и даже выделения конкретных мастерских эмалевых произведений, исполненных виртуозами Константинополя.

В заключение хотелось бы отметить, что удалось удачно соединить сведения архивных источников и конкретный музейный памятник. Драгоценный крест-реликварий, хранящийся в Эрмитаже, оказался связан с конкретными историческими персонами и важными историческими событиями, и в дополнение, открылись перспективы более точного определения времени и места его производства. Золотой крест-реликварий был сделан по заказу Иерусалимского патриарха Поликарпа в Константинополе, скорее всего, мастером-греком, который одновременно обслуживал Двор султана. На это указывают параллели с алмазными изделиями из сокровищницы султанов, высокий художественный уровень самого креста-реликвария, а также прекрасное владение техническими приемами, включая расписную эмаль на обороте. Именно эмалевое изображение «Распятие Господне» позволяет связать работу креста-реликвария с ювелиром-греком, поскольку исламские мастера не выполняли православные сюжеты. А отношения Иерусалимских патриархов с армянской диаспорой в это время были крайне обостренными, как раз из-за ситуации в Святой Земле. Исполнение креста-реликвария следует отнести к 1815 или первым четырем месяцам 1816 года, поскольку в мае 1816 года он уже был отправлен вместе с грамотой патриарха Поликарпа

в Санкт-Петербург. Хотя крест и был направлен на имя обер-прокурора Святейшего Синода князя А.Н. Голицына, но, бесспорно, предназначался императору Александру I. Поводом к посылке драгоценной реликвии и возобновлению активных контактов Иерусалимской патриархии с Россией послужило открытие в Таганроге Иерусалимского Александровского монастыря (практически подворья патриархата), и пожертвование 25 000 рублей на возобновление Храма Гроба Господня. Оба события произошли по воле и при непосредственном благожелательном участии императора Александра I. В посланный в Россию золотой с алмазами крест патриарх Поликарп вложил «собственными руками» частицу Честного Древа, «которое точно есть часть собственно того креста, на котором распято Пресвятое Тело Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа за спасение мира». Святыня, представленная обер-прокурором Синода князем А.Н. Голицыным Государю Императору, была благосклонно принята и стала личной собственностью императоров Дома Романовых. Патриарху по распоряжению Александра I был послана драгоценная панагия. После смерти императора крест-реликварий находился в комнатах его супруги императрицы Елизаветы Алексеевны, откуда уже после ее кончины, был передан на вечное хранение в ризницу Большого собора Зимнего дворца в 1827 году, продолжая оставаться личной собственностью Дома Романовых. Примечательно, что выставка «Синай, Византия, Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века», с которой мы начали наше повествование, и на которой впервые в 2000 году был показан крест-реликварий патриарха Поликарпа, проходила в помещении Большого собора Зимнего дворца. Его впервые освободили от экспозиции западноевропейского фарфора, существовавшей с советского времени, и отдали для временной выставки Православного искусства. Фарфор сюда больше не вернулся. Изменилось и отношение к помещению собора: началась его реставрация, возвращение исторического облика, а затем и освящение. Как не вспомнить слова патриарха Поликарпа о священном вложении в крест-реликварий: «частицу хотя малую по количеству, но всемощную и великую по силе и благодати, которую, почитая и с несомненным благоговением ей поклоняясь и нося оную на персях, как хранительное оружие, будете иметь, чего желаете для душевной и телесной пользы»[27].

1 Синай, Византия, Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века. Каталог выставки / под ред. О. Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. Фонд Святой Екатерины, 2000. С. 233–254. Кат. S-53 – S-63.

2 Акт № 124/50 драг от 04. 10. 1995 г.

3 Синай, Византия, Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века. Каталог выставки / под ред. О Баддлей, Э. Брюннер, Ю. Пятницкого. Фонд Святой Екатерины, 2000. С. 398. Кат. R-183 (О.Г. Костюк).

[4] Костюк О.Г. Галерея драгоценностей. Коллекции европейского ювелирного искусства. М., «Кучково поле», 2017. С. 365. Рис. 223.

[5] Историко-статистические сведения о С[анкт]-Петербургской епархии. СПб., 1873. Вып. 3. С. 363.

[6] Каптерев Н.Ф. Сношения Иерусалимсих патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815–1844 гг.) // ППС. Т. XV. Вып. 1. СПб., 1898. С. 511–808.

[7] Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. М.; СПб., 2015. С. 49–71, 313–351.

[8] Каптерев Н.Ф. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVII столетия // Каптерев Н. Ф. Собрание сочинений. М., «Дар», 2008. Т. 2. С. 310–313.

[9] Безобразов П.В. О сношениях России с Палестиной в XIX в. исторический очерк. 1. Император Александр I и Патриарх Поликарп // Сообщения ИППО. СПб., 1911. Т. XXII. Вып. 1. С. 20–52.

[10] В русских документах можно встретить несколько разных написаний его фамилии: Варвач (патент 1776 г.), Варваки, но чаще — Варнаций (латинизированная форма).

[11] Каптерев Н.Ф. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815–1844 гг.) // Каптерев Н. Ф. Собрание сочинений. М., «Дар», 2008. Т. 2. С. 315; Лисовой Н.Н., Смирнова И. Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. М.; СПб., 2015. С. 52.

[12] Носенко Т.В. Конфликт вокруг Святых мест в Иерусалиме и политика России (конец XVIII — XIX вв.) // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., «Международные отношения», 2000. Т. 2. Приложение II. С. 618.

[13] Каптерев Н.Ф. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815–1844 гг.) // Каптерев Н. Ф. Собрание сочинений. М., «Дар», 2008. Т. 2. С. 316.

[14] Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. М. ; СПб., 2015. С. 314, 315 (текст грамоты).

[15] Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века : церковная политика на Православном Востоке. М. ; СПб., 2015. С. 52; Каптерев Н.Ф. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815–1844 гг.) // Каптерев Н.Ф. Собрание сочинений. М., «Дар», 2008. Т. 2. С. 321, 322.

[16] Каптерев Н.Ф. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815–1844 гг.) // Каптерев Н.Ф. Собрание сочинений. М., «Дар», 2008. Т. 2. С. 328; Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века : церковная политика на Православном Востоке. М. ; СПб., 2015. С. 322, 323 (текст послания).

[17] Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века : церковная политика на Православном Востоке. М. ; СПб., 2015. С. 320, 321 (текст послания).

[18] Каптерев Н.Ф. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815–1844 гг.) // Каптерев Н. Ф. Собрание сочинений. М., «Дар», 2008. Т. 2. С. 327.

[19] Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. М.; СПб., 2015. С. 324.

[20] Министр Иностранных Дел князь А.М. Горчаков писал посланнику А.П. Бутеневу 16 апреля 1857 года: «Нет сомнения, что пребывание Патриарха в Иерусалиме, его ближайшее и просвещенное участие в делах Православия у самого источника его в Святом Граде принесло бы самые благодатные плоды и, конечно, устранило бы те интриги и беспорядки, которыми, к сожалению, ныне волнуется Православная Церковь в Иерусалиме» (Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., «Международные отношения», 2000. Т. 2. С. 52, 53).

[21] Следует отметить, что только благодаря усилиям русских дипломатов в 1817 году греки были допущены к богослужению у Гроба Господня, которым с 1811 года владели католики, и лишь в 1829 году было установлено совместное владение Храмом православными (=греками), католиками и армянами.

[22] Костюк О.Г. Галерея драгоценностей. Коллекции европейского ювелирного искусства. М., «Кучково поле», 2017. С. 218–221. Рис. 112, 113.

[23] From Byzantion to Istanbul. 8000 Years of a Capital. [Exh. Cat.] Istanbul, 2010. P. 394, 395. Cat. 362. В меньшей степени схож с эрмитажным крестом серебряный золоченый эгрет для лошади, украшенный крупным изумрудом и алмазами из того же дворца Топ-капы; он датируется концом XVIII — началом XIX вв. Хотя ряды алмазов, заполняющие обжимающие касты вокруг изумруда и декоративные элементы, по принципу крепления весьма близки эрмитажному памятнику. Эгрет см.: Istanbul. The City and the Sultan. [Exh. Cat.], De Neuwe Kerk / M. Kleiterp, Ch. Huygens (concept & editing). Amsterdam, 2006. P. 144. Cat. 220.

[24] Istanbul. The City and the Sultan. [Exh. Cat.], De Neuwe Kerk / M. Kleiterp, Ch. Huygens (concept & editing). Amsterdam, 2006. P. 111. Cat. 145.

[25] Fotopoulos D., Delivorrias A. Greece at the Benaki Museum. Athens, 1997. P. 318, 319. Fig. 520–525.

[26] Fotopoulos D., Delivorrias A. Greece at the Benaki Museum. Athens, 1997. P. 318, 319. Fig. 520, 521.

[27] Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. М.; СПб., 2015. С. 320, 321 (текст послания).

Архитектор Ф.А. Клагес в экспедиции П.И. Севастьянова на Афоне. 1859–1860 гг.*

Ю. Р. Савельев, К. А. Вах

Благородная и неутомимая деятельность П.И. Севастьянова по изучению и собиранию христианских древностей широко известна и отражена в большом количестве публикаций. Особенно много статей было посвящено его пребыванию на Афоне и собранной им там коллекции икон, книг и рукописей, привезенных в Санкт-Петербург и Москву[1]. Неоценимая роль в кропотливой ежедневной работе П.И. Севастьянова и его помощников принадлежала динамично развивавшейся в те годы фотографии[2], а также обмерам памятников средневековой церковной архитектуры, зарисовке их фрагментов, деталей богатого внутреннего и внешнего убранства монастырских храмов. Изучение архитектурной коллекции, созданной в период экспедиции на Афон, и творчества ее автора — академика Императорской Академии художеств Федора Андреевича Клагеса (1814–1900) представляет собой одну из актуальных задач в истории исследования архитектуры Афона в середине XIX столетия. Письма и другие рукописные материалы Ф.А. Клагеса в Отделе рукописей РГБ позволяют пролить свет на его художественную деятельность в афонских монастырях.

Ф.А. Клагес присоединился к экспедиции П.И. Севастьянова в июне 1859 года. До этого в течение восьми лет, с 1851 года, он находился в Европе, преимущественно в Италии, «на собственный счет для усовершенствования в архитектуре». Первоначально срок его пребывания за границей был определен в три года, но в 1854 г. последовало разрешение остаться еще на один год по представлению президента Академии художеств Великой Княгини Марии Николаевны. Зодчий был хорошо известен Великой Княгине: в 1841–1845 гг. он был помощником архитектора А.И. Штакеншнейдера на строительстве ее петербургского и петергофского дворцов.

* Статья написана в рамках исследовательского проекта РФФИ № 17-04-00555 ОГН.

В 1855 г., находясь в Неаполе, Ф.А. Клагес вновь просил о продлении его пребывания в Италии для поправления здоровья. Очевидно, разрешение было получено, так как в июне 1859 г. мы застаем зодчего в Риме, откуда он отправляется в Пирей, а оттуда в Афины. Счета, публикуемые ниже, позволяют определить дату начала работ архитектора в составе экспедиции: 19 июня/1 июля 1859 г.[3]

«29 июля 1859 года мы плыли в Пирей, где пересели на русский пароход «Ласточка», который доставил нас в монастырь св. Пантелеймона, лежащий на западном берегу Афонского полуострова, а на следующий день мы уже находились на пути в скит св. Андрея Первозванного, главную квартиру экспедиции. Чтобы дать понятие о размерах экспедиции, я упомяну только о том, что для перевозки необходимых материалов и провизии потребовался целый караван, состоявший из 20 мулов»[4], — писал Ф.А. Клагес в статье о своем участии в работах на Афоне.

Но прежде, чем прибыть в монастырскую республику, он с помощником остановился в Афинах. Это было необходимо не только ради приобретения художественных материалов для будущей архитектурной работы. П.И. Севастьянов надеялся попутно забрать с собой на Святую Гору настоятеля русской посольской церкви в Афинах архимандрита Антонина (Капустина), византиниста, знатока церковных древностей, археолога и фотографа. В Афинах Ф.А. Клагес обмерил один из афинских храмов (по мнению самого зодчего — во имя св. Иоанна Предтечи), а в окрестностях греческой столицы — церковь знаменитого Успенского монастыря Дафни. В своем «Дневнике» архимандрит Антонин записал: «Один из его художников работает в Акрополе с стереоскопом, другой снимает «кальками» мозаики в Дафни. Везет с собою на Афон 40 ящиков с разными припасами. Поедем, поедем, посмотрим». Фотографом со стереоскопом был француз Леборн[5], а кальки делал именно Ф.А. Клагес. Позже он выполнил план и разрез этого храма.

Судя по прилагаемым документам, Ф.А. Клагес с помощником оставались в Афинах 15 дней, а затем отправились на Афон. На Афоне архитектору предстояло осуществить обширные замыслы П.И. Севастьянова по обмерам целых монастырских ансамблей, храмов, фрагментов их художественного убранства и церковной утвари. Но главное внимание зодчего, как он сам писал, было обращено на изучение византийской архитектуры. Первые чертежи, датированные 1859 г., были им выполнены в Карее и представляли собой довольно подробные обмеры соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы, возобновленный в XIV веке. Там же он обмерил и вычертил план, разрез и фасад небольшой «постницы» св. Саввы Сербского.

В том же году в русском ските св. Андрея им были обмерены фундаменты и составлены планы храмов Покрова Пресвятой Богородицы и св. Андрея Первозванного.

Ф.А. Клагес. Последняя четверть XIX в.

Много времени и сил было посвящено обмерам и зарисовкам храмов и их убранства в Лавре Святого Афанасия. Среди них первое место принадлежало соборной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы и трапезной монастыря, для которых были созданы разрезы и планы. Не менее интересными показались зодчему рельефы и орнаменты мраморных панелей, скульптурные детали, колонны иконостаса, саркофаги, орнаментация пола и декора интерьера. Ф.А. Клагесом был выполнен и подробный план монастыря.

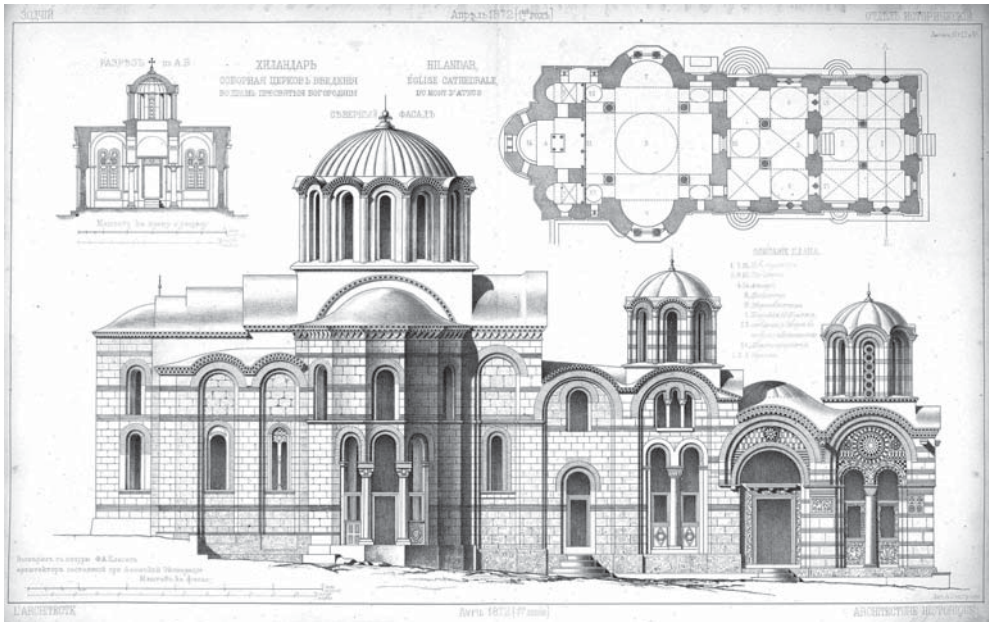
Еще более детальный план с обозначением всех зданий архитектурного ансамбля вышел из чертежной зодчего в монастыре Ивер (Иверон). Здесь им были выполнены чертежи соборной Успенской церкви и храма св. Иоанна Предтечи, а также великолепные по точности в передаче цвета и оттенков мрамора акварели орнамента пола и деталей убранства соборного храма.

В монастыре Ватопед внимание архитектора привлек план соборной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, знаменитая колокольня, древний мраморный иконостас и скульптурные детали убранства.

По-видимому, Ф.А. Клагес особенно оценил профессиональное мастерство строителей соборной церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы монастыря Хиландар. Им с особой тщательностью были выполнены архитектурные чертежи и рисунки фрагментов внутреннего убранства, а также акварельный вид на кельи и средневековую башню монастыря.

Серия планов афонских храмов была продолжена чертежами Вознесенского храма монастыря Эсфигмен и Успенской церкви скита Богородицы Ксилургу.

Таким образом, на Афоне внимание Ф.А. Клагеса было сосредоточено, прежде всего, на создании планов монастырей и их соборных храмов, которые оставались наиболее показательными для характеристики функциональной организации монастырской литургии и традиций византийского средневекового зодчества[6]. На втором месте по своему значению в творческих работах зодчего находились мраморные орнаменты полов и алтарных

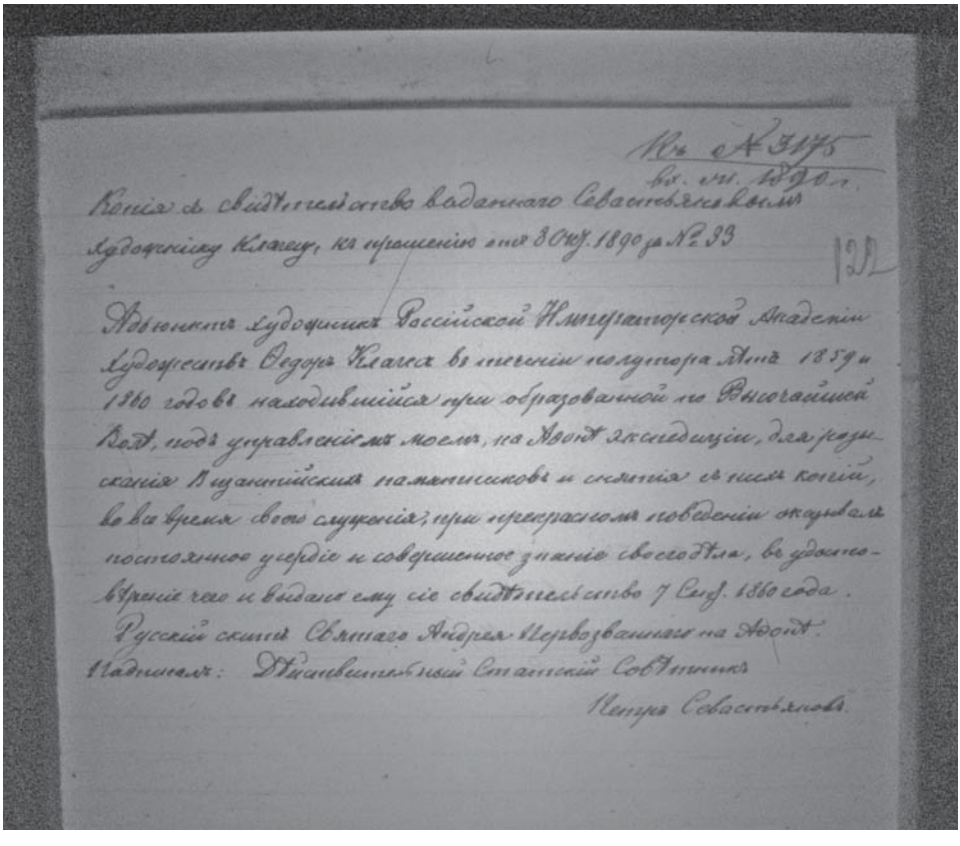


Журнал Зодчий. 1872. № 4. Лист 17–18

преград, а затем уже шли малые формы, колонны, капители, скульптурные и металлические элементы декора.

Но прилагаемая переписка Ф.А. Клагеса с П.И. Севастьяновым свидетельствует о том, что зодчий выполнял и иные обязанности в экспедиции: идентификацию персонажей монументальных росписей, составление каталога книжного собрания и, надо полагать, многие другие. Так, например, ему пришлось заниматься описанием своих собственных рисунков: «В письме Вашем, Милостивый Государь, назначено новое для меня занятие, то есть сделать подробное описание всех предметов мною представляемых в рисунках, за которое тотчас и принимаюсь, но опасаюсь не быть в состоянии окончить ее удовлетворительно и скоро, не имея к тому необходимый навык. И предметов около пятидесяти»[7].

В творческой биографии Ф.А. Клагеса афонская экспедиция занимает совершенно особое, исключительное место. За 14 месяцев им было выполнено огромное количество архитектурных чертежей высочайшего художественного качества, зафиксировавшие состояние важнейших храмов Афона в середине XIX столетия, а если к этому прибавить изысканные акварельные виды монастырей и рисунки церковной утвари и элементов декора, то становится очевидной безусловная ценность архитектурной коллекции, созданной мастером акварели и перспективной живописи. Он, однако, всегда подчеркивал свое подчиненное положение по отношению



РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 35-К. Л. 122

к руководителю экспедиции, подписывая свои чертежи: «Под начальством Его Превосходительства П.И. Севастьянова при Афонской экспедиции Федор Клагес».

Судя по собственным словам Ф.А. Клагеса, он рассчитывал, что участие в экспедиции, организованной от имени Президента Императорской Академии художеств, Великой Княгини Марии Николаевны поможет ему в дальнейшей карьере в стенах Академии[8]. Ожидания эти не оправдались, или оправдались, но не сразу. В 1861 г. после возвращения с Афона, он хоть и получил звание академика, но был вынужден переехать в Москву. Здесь он три года прослужил в Московском Дворцовом Архитектурном училище и лишь затем смог вернуться в Санкт-Петербург в Академию художеств, сначала на должность помощника хранителя музея. Званием почетного вольного общника Академии он был удостоен в 1866 году; и только в 1883 году Ф.А. Клагес был возведен в звание профессора Академии художеств за «отличные познания в перспективной живописи».

Публикуемые ниже письма и документы хранятся в личном архивном фонде П.И. Севастьянова в НИОР РГБ. Текст печатается по правилам современной орфографии и пунктуации без специального указания на сделанные изменения. Сокращения и редакторская правка помещены в угловых скобках. Особенности стиля и языка автора сохранены.

Письма Ф.А. Клагеса к П.И. Севстьянову

Ваше Превосходительство, милостивый государь
Петр Иванович.

Мы очень обрадовались, узнав из Вашего последнего письма, что решили сделать занавесь самым простым образом, потому что за нею много работы по причине мелких узоров одежд святых. Она окончена, то есть исключая дополнения, которого можно сделать в Серае. Другая начата сегодня и может быть окончена гораздо скорее. Эту и первую работу производит один Михаил Феофанович[9], хотя и попытался помогать ему. Я, со своей стороны, с помощью бинокля, окончил перепис<ыв>ать названия Святых, в чем месяцеслов, который изволили мне прислать, немного помог. Северный фасад всей церкви окончен карандашом, как и общий продольный, и два поперечные разреза церкви; часть самая интересная южного фасада продолжена красками, и полагал сделать красками в таком же роде часть северного фасада и агиазму[10].

Обещание Ваше, послать рекомендательное письмо на пароход, передано отцу Софронию, уехавшему <в> прошедшее воскресенье с отцом дьяконом.

Псалтырь передал я эклизиару, как приказали, под расписку, он же изъявил за него чувствительнейшую благодарность, хотя и печать для его глаз мелка. Образа над гробницею Св. Симеона прикреплены и будучи очень ветхи, боятся снять и не дал обещания на то. Стараясь исполнить Вашу просьбу, отец Леонтий начал сделать осмотр библиотеки, но с тем, чтобы один из нас написал бы то, что нужно для составления каталога, на что я и согласился, для ускорения этой работы, которая требовала бы человека более сведущего чем я, а кроме того, много требует времени. В два присеста, то есть в три часа мы успели записать только семьдесят четыре книги, которых около двухсот[11].

Все вещи, означенные Вами в письме, мы получили в исправности, и покорнейше Вас благодарим за скорое доставление нам необходимых материалов.

Что же касается до последнего известия Вашего письма, то осмеливаюсь сказать, что подобные камни не попадут в Ваш огород, когда узнают бросающие их, что у Вас есть теперь две знаменитые занавесы, святой древности в особенности последняя (по моему мнению, чисто византийская). Стенная живопись Моисея и Аарона, коих желали иметь копию, находится на арках,

идущих с колонн на стену именно через иконостас, так что снизу их и не видно в целости; скалькировать, кажется, нет возможности без некоторого удобного предварительного устройства и то еще с большим затруднением.

Михаил Феофанович, честь имеет засвидетельствовать Вам глубочайшее свое почтение, и я.

С истинным уважением и всею преданностью, честь имею быть, Вашего Превосходительства всепокорнейшим слугою,

Федор Клагес.
Хиландарь.
Марта 18 дня 1860 г.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 15. Д. 42. Л. 1–2.

Ваше Превосходительство, милостивый государь
Петр Иванович.

В понедельник вечером я получил письмо Матвея Павловича, из которого я узнал желание Ваше получить другие хрисовулы с печатями, но к сожалению моему, я должен известить Вас, что здесь решили не прислать Вам их, не имея первых двадцати восьми образно, и отец Леонтий, самый услужливый и благонамеренный из здешних монахов, имеющих голос и вес, в следствии того решения, Вас покорнейше просит прислать полученные Вами хрисовулы через человека верного, как например отца дьякона, находящегося при Кунаке Хиландарском в Карее, которому и будут переданы здесь по прибытию другие Ваши требуемые, для доставления их Вам.

К величайшему моему сожалению, милостивый государь Петр Иванович, имею известить Вам в моих записках обстоятельства, которые не могут сделать Вам удовольствие, как и подлежащие, зато взамен стараемся услужить Вам, по силам, работаю от нас зависящею.

В конце настоящей недели положили приехать в Серай, если от Вас не получим другого распоряжения, и, если иконы над гробницею Св<я-то>го Симеона, и Б<ожия> Матерь Еклизиарская не составят предметы, необходимые быть срисованные[12].

Исключая зубной и головной боли, часто меня посещающие, мы, благодаря Бога, здоровы и вскоре, надеюсь, лично засвидетельствовать Вам свое глубочайшее почтение, которым, честь имею быть, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою,

Федор Клагес.
Хиландарь.
23 марта 1860 г.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 15. Д. 42. Л. 3–3об.

Ваше Превосходительство, милостивый государь
Петр Иванович.

В конце прошедшей недели я поджидал прибытие моих товарищей и надеюсь, что не болезнь кого-либо причиною, что их до сих пор нет. Работа моя идет до сих пор безостановочно, вследствие чего успел сделать план трапезы, план церкви без приделов, восемь филенок фиала (их двенадцать считая каждую сторону отдельно) и перспективный вид фиала, стоя в дверях трапезы. Все это начисто, и филенки, коих рисунок по важнее, обведен тушью с натуры, и одна часть орнаментная скалькирована[13]. Старцы каждое утро сидят на том же месте, где мы их нашли, подходят иногда смотреть мою работу, которая их весьма занимает. Измерение высот только сделал в трапезе, чтоб видеть какой это произведет впечатление, заметно одно только любопытство.

Теперь занимаюсь оканчиванием филенок, потом полагаю приступить к окончательному измерению и начертанию церкви, плана и разреза. Если имеется новых поручений для меня, то покорнейше прошу их мне передать через этого же монаха, помощника моего архондара.

Отец Стефан услужливый добрый старик, от него я узнал, что поездка Ваша в Ивир не столь поспешна была, как обнадеживали, но прибыли благополучно.

При сем посылаю обратно две жестянки, из коих одну, покорнейше Вас прошу, мне прислать с сахаром, а кроме того — самое нужное, если готово.

Стараюсь заслужить Ваше одобрение. Честь имею быть, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою,

Ф. Клагес.
Лавра.
5 июня 1860 г.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 15. Д. 42. Л. 4–4об.

Ваше Превосходительство, милостивый государь
Петр Иванович.

Потеря времени, невозвратимая, и потому я, чувствуя вполне неприятное Ваше положение, спешу изъяснить неудачу в назначении отца дьякона как доверительное лицо для пересылки хрисовул, которого Вы вероятно вотще искали, но это произошло от того, что отец Леонтий не знал отсутствия его в кунаке, для чего я его убедительно просил немедленно написать Вам, кому можно будет вверять пересылку хрисовул, изъясняя ему причину Вами описанную.

В письме Вашем, Милостивый Государь, назначено новое для меня занятие, то есть сделать подробное описание всех предметов мною представляемых

в рисунках, за которое тотчас и принимаюсь, но опасаюсь не быть в состоянии окончить ее удовлетворительно и скоро, не имея к тому необходимый навык. И предметов около пятидесяти.

Из последних писем, как Ваших и Матвея Павловича, я замечаю, что Вам не доставили одного письма, посланного мною на Ваше имя в Серай тотчас по получении Вами присланной бумаги, карандашей и серебра, оно вероятно отдано на кунак.

Михаил Феофанович оканчивает икону Б<ожией> Матери Троеручницы, с которой для того сняли ризу, и я очень рад, что таким образом эта работа будет иметь надлежащую цену, необходимая[14] для такого большого труда.

Осмеливаюсь утруждать Вас покорнейшею просьбою, в случае если напишете Ее Высочеству Марии Николаевне, а именно: находясь при экспедиции под начальством Вашего Превосходительства, желал бы, чтоб просрочка паспорта моего не имела бы никаких, для Вас и для меня, неприятных последствий, и для этого покорнейше Вас прошу о ходатайстве для выдачи мне нового паспорта для проживания за границею, бессрочного. Если Вам для того необходимы сведения о старом, то могу сказать, что он мне был выдан четвертого, пятого или шестого февраля 1851 года, а по прошествии трех лет я получил два раза годичною отсрочку.

Стараюсь беспрерывно заслужить благосклонное Ваше обо мне почтение.

С глубочайшею преданностью, честь имею быть, Вашего Превосходительства всепокорнейшим слугою,

Федор Клагес.
Хиландарь.

PS.

Покорнейше Вас прошу, Милостивый Государь, извинить эти приписанные строчки, потому что отец Леонтий меня просит написать Вам, что извиняется в своей ошибке и напишет одному монаху, отцу Герману, находящемуся в Пирее Карейской, для получения от Вас запечатанных хрисовул, следовательно, Вам не нужно будет его искать, но сам явится.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 15. Д. 42. Л. 5–6об.

Ваше Превосходительство, милостивый государь
Петр Иванович.

Все ожидания мои, найти место при Академии художеств, не осуществились, как Вам известно, и если Федор Федорович[15] имел в самом деле намерение мне помочь в этом отношении, то я от него ожидал более решительного ответа, неизвестность же, в которой я находился, будучи

без средств, заставила меня искать место в Москве, где я, может быть, нужнее или полезнее, хотя и жаль оставить Петербург.

Будущее воскресение, пятое марта, надеюсь иметь удовольствие посетить Византийский музеум, Вами обогащенный.

С истинным почтением и всею преданностью, честь имею быть, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою,

Ф. Клагес.

Москва.

Марта 2 дня 1861 г.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 15. Д. 42. Л. 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Ф.А. Клагес — М.П. Зуру]

Любезнейший, добрейший Матвей Павлович[16].

Ваш план Лавры столь неверен, что <при> поверке, должна быть совершенная переделка; очень жаль, что мне Петр Иванович мне[17] поручил эту работу, которая не по моей части, и которую не могу исполнить иначе, как совершенно точною съемкою.

Петру Ивановичу только пишу, что если прикажет поверить этот план, то мне необходима алидада[18] и много времени; — не знаю каким образом скрыть от Петра Иванович Вашу неудачу и ошибку, потому что она состоит не в мелочах, а в главном предмете, т. е. постановление церкви к трапезной.

Будьте здоровы.

Ваш искреннейший

Ф. А. Клагес.
Лавра
19 июня 1860 г.[19]

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 15. Д. 41. Л. 7.

[Счет Ф.А. Клагеса П.И. Севастьянову]

Его Превосходительству Петру Ивановичу Севастьянову.
Федора Клагеса счет от 19 июня/1 июля 1859 года по 1/13 сентября того же года.

Израсходовано Клагесом на счет Е<го> П<ревосходительства> Петра Ивановича г-на Севастьянова:

На акварельные и масляные краски, масло, бумагу холст и клей — 47 франк. 5 су.

На две жестяные трубки — 6 франк. 9 су.

На проезд из Рима в Чивитавекхию — 13 франк. 3 су.

На два места для Клагеса и Леборня на пароходе Сефад для проезда из Чивитавекхия в Пирей — 617фр

Фактору в Чивитавекхия за паспорта — 5 фр.

На стол на пароходах из Чивитавекхия в Пирей — 13 фр.

На проезд из Афин в Пирей (взять прозрачную бумагу) — 1 фр. 15 су.

На проезд из Афин в Дафне –"– —8 фр. 18 су.

На квартиру в Афинах Клагесу и Леборью за 15 дней — 45 фр.

На стол в Афинах Клагесу за 10 дней — 35 фр.

На два места для Клагеса и Леборья на пароходе Ласточка для проезда из Пирей на Афон — 335фр.

В Пирей на перевоз ящиков из таможни на пароход — 13 фр. 8 су.

Таможенным писчим и рабочим в Пирей — 10 фр.

На покупку старого ящика в Пирей — 3 фр.

На перевоз ящика на пароход Ласточка — 1 фр. 10 су.

На 5 каленкоровых занавесок в большом архандарлике в ските Серай — 5 фр. 12 су.

Сумма расхода: 1161 франк.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 26. Д. 29. Л. 1.

[Расписка Ф.А. Клагеса]

Получено Клагесом от Е. П. Петра Ивановича Севастьянова с 19 июня/1 июля 1859 года по 1/13 сентября того же года:

В счет жалованья Клагесу — 300 франков.

Альбом и фотографию — 4 фр. 10 су.

Для уплаты двух мест Клагесу и Леборию для проезда из Чивитавекхия в Пирей — 700 фр.

Для уплаты двух мест Клагесу и Леборию для проезда из Пирей на Афон — 400 фр.

Получено всего: 1404 фр. 10 су.

Жалованья Клагесу по 300 франков в месяц следует получить с 19 Июня/1 Июля по 1/13 Сентября 1859 года:

С 19 Июня/1 Июля по 19/31 Июля — 300 фр.
С 19/31 Июля по 19/31 Августа — 300 фр.
С 19/31 Августа по 1/13 Сентября — 120 фр.

Итого: 720 франков

Сумма общего расхода — 1161 фр.
Следуемое жалованье 720 фр.

Итого: 1881 франк.

Получено всего: 1404 фр. 10 су.
Остается получить: 476 фр. 10 су.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 26. Д. 29. Л. 1об.

[Счет Ф.А. Клагеса П.И. Севастьянову]

Его Превосходительству Петру Ивановичу г-ну Севастьянову, Федора Клагеса счет с 1 сентября 1859 года по 1 мая 1860 год:

По 1-е сентября 1859 г. осталось получить — 476 фр. 50 су.
С 1 сентября 1859 г. По 1 мая 1860 г. Следует получить жалованья — 2400 фр.
В мон<астыре> Ивире израсходовано мною на содержание — 54 фр. 59 су.
В мон<астыре> Хиландаре израсходовано мною на содержание — 137 фр. 16 су.
Следует получить сумму: 3068 фр. 25 су.

Получено мною с 1-го сентября 1859 года:
Шестиствольный пистолет — 52 фр.
Теплый капот французский — 12 фр.
17 окт<ября> по случаю отъезда моего в Ивир — 60 фр.
10 нояб<ря> получено в счет жалованья — 60 фр.
30 дек<абря> получено в счет жалованья — 200 фр.
В мон<астыре> Хиландаре получено мною на расходы — 120 фр.
Получено: 504 франка.

Следует получить: 3068–25
Получено: 504

По 1-е мая остается получить: 2564–25
Сверх того отдано г-ну Зуру 20 франков, итого составляет: 2584–25

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 26. Д. 29. Л. 3.

[Счет Ф.А. Клагеса П.И. Севастьянову]

Его Превосходительству Петру Ивановичу Севастьянову.
Федора Клагеса счет с 19 июня/1 июля 1859 года по 1/13 августа 1860 года:

Жалованья за 13 месяцев и 12 дней по 300 франков в месяц — 4020 фр.
Издержано в монаст<ыре> Ватопед — 25 фр.
Издержано в Лавре — 35 фр. 50 су.
Следует получить: 4080 фр. 50 су.

По 1/13 мая 1860 года получено — 504 фр.
По 1/13 августа получено в Ватопеде — 40 фр.
В Лавре получено — 80 фр.
Буссоль –"– — 4 фр.
Брюки –"– — 10 фр.
Получено всего: 638 фр.

По 1/13 августа 1860 года следует получить: 4080–50 + 638
3442 фр. 50 су.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 26. Д. 29. Л. 4.

[Счет Ф.А. Клагеса П.И. Севастьянову]

Его Превосходительству Петру Ивановичу Севастьянову.
Федора Клагеса счет.
Расходы в Монастыре Хиландаре:

Архондару отцу Изидору за услужение — 312 пиастр 20 пар.
Тому же за расходы на стол, свечи, стирку белья, сахару — 122 пиастр.
Отцу Панкратию (эконому) — 47 пиастр.
Экклизиару отцу Софронию — 155 пиастр.
Алтарничему отцу — 63 пиастр.
Помощникам архондаря, отцу Лазарю и отцу Илье — 64 пиастр 20 пар.
Приносившему провизию — 6 пиастр.
Сардару, проводившему нас в Серай — 17 пиастр 25 пар.

823 пиастр 5 п.

823 пиастра составляют на франки: 137 фр. 16 су.
Получено: 120 фр.
Остается получить: 17 фр. 16 су.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 26. Д. 29. Л. 5.

[Расписка Ф.А. Клагеса в получении денег от П.И. Севастьянова]

От Его Превосходительства Петра Ивановича г-на Севастьянова получил в счет следуемых мне франков 3752 (три тысячи семьсот пятьдесят два с половиною), кредитное письмо в получении двух тысяч (2000) франков и наличными сто сорок шесть (146) австрийскими червонцами, по двенадцати франков каждый, в чем сим честь имею засвидетельствовать, Федор Клагес.

6/18 сентября 1860 г.
Афон.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 26. Д. 29. Л. 6.

[Расписка экклесиарха Хиландарского монастрыя о. Софрония в получении Псальтири]

Сим засвидетельствую, что получил от Федора Клагеса, пересланные Его Превосходительством Петром Ивановичем г. Севастьяновым Псалтырь
Монах Софроний.
Марта 13-го дня, 1860 года.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 26. Д. 29. Л. 7.

[Расписка Ф.А. Клагеса в получении денег по письму П.И. Севастьянова]

Сумму денег две тысячи (2000) франков, которую имел получить в Париже от г-на Кольмана по письму, данному мне Его Превосходительством Петром Ивановичем г-ном Севастьяновым, получил сполна от Его Превосходительства, в Константинополе, в чем сим честь имею засвидетельствовать,

Федор Клагес.
Константинополь.
Сентября 23 дня, 1860 г.

НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 26. Д. 29. Л. 8.

Из путешествия по Афону[20]

В 1859 году я был приглашен принять участие в экспедиции, предпринятой одним из тех любознательных и деятельных людей, которые не щадят ни трудов, ни расходов для приведения в исполнение задуманного предприятия. Экспедиция эта была начата еще в 1858 г. дсс П.И. Севастьяновым, главным образом, с целью изучения христианских древностей в одном из уголков Балканского полуострова — на Афоне. Сопровождаемый фотографом и художником г. Воденом (Vodin), архитектором г. Грановским, болгарином Христофором, знающим турецкий и греческий языки, и одним топографом, запасшись всеми необходимыми для его предприятия материалами и изучив фотографию, гальванопластику, способы выделывания слепков и проч., он отправился на Афон. Плодом его поездки был тот богатый материал, — состоящий из снимков с древних рукописей, церковной утвари, икон, видов, а также приобретенных им книг и икон, — который он привез с собой в С.-Петербург и который удостоился внимания Ея Императорского Величества Государыни Императрицы, равно как и св. Синода. Вследствие того П. И. Севастьянову, собственно от имени Ея Величества и Синода, были отпущены деньги для дальнейшего продолжения экспедиции.

Тогда г. Севастьянов вторично отправился на Афон, где остались его сотрудники. В эту последнюю поездку я и присоединился к нему в Риме в качестве сотрудника.

29 июля 1859 года мы плыли в Пирей, где пересели на русский пароход «Ласточка», который доставил нас в монастырь св. Пантелеймона, лежащий на западном берегу Афонского полуострова, а на следующий день мы уже находились на пути в скит св. Андрея Первозванного, главную квартиру экспедиции. Чтобы дать понятие о размерах экспедиции, я упомяну только о том, что, для перевозки необходимых материалов и провизии, потребовался целый караван, состоявший из 20 мулов.

Афонский полуостров занимает протяжение около 80 верст длиной и до 30 верст шириной. Местность, вообще, весьма живописная, гористая преимущественно на юг и более плоская в северной части полуострова, покрыта роскошной растительностью. Здесь произрастают кедры, кипарисы, каштаны. Дороги — только пешеходные или же для мулов, так как здесь вовсе не употребляются экипажи. Наша двухколесная тележка, привезенная П.И. Севастьяновым из Пирея для облегчения доставки материалов экспедиции, была первым колесным экипажем на Афоне. Климат на полуострове весьма различный, по причине гористой местности. При мне, в самый сильный холод в городе Серае, термометр показывал — 3°. Выпавший снег только слегка покрывал землю; но мои товарищи по путешествию уверяли, что однажды зимой они сбились в лесу с дороги: так глубок был выпавший снег.

На южном берегу полуострова возвышается гора Афон на 2000 футов над поверхностью моря. С высот полуострова открывается прелестный пейзаж. Тазос, Самофракия, Имброс и Лемнос, расположенные в окружности, летом, при ясном небе, отсвечивают чудным розовым светом, прекрасно гармонирующим с колоритом моря. На полуострове везде господствует тишина. Единственный город — Карея, в нижней части которого много лавок и магазинов, и тот отличается спокойствием; в нем нет шума, вследствие отсутствия экипажей, и потому, что продавцы не отличаются болтливостью.

Архитектура частных зданий и монастырей отличается восточным характером, вследствие климатических условий и постоянных сношений с Турцией, под владычеством которой находится Афон. В стены многих строений вделаны древние мраморные украшения и глиняные расцвеченные, узорчатые кувшины, такие же блюда, а также железные умывальницы, отчего здания представляют своеобразный вид. Материалом для построек служит преимущественно сероватый песчаник, грубо обтесанный, подчас оштукатуренный; иногда куски песчаника перемежаются с рядами кирпича. Карнизы весьма часто сделаны из одних кирпичей; колонны, щиты между ними, полы церквей, наличники и различный мелкие украшения — из белого мрамора. В некоторых церквях пол изукрашен мозаичной работой. Крыши монастырских строений — большей частью из сероватого камня, раскалывающегося на пластинки, толщиной в вершок; церковные кровли обшиты листовым свинцом. Оштукатуренные стены снаружи обыкновенно выкрашены мумией (красной краской). Дворы монастырей мощеные, а снаружи, перед монастырскими воротами, устроены площадки из лещадной плиты п каменные скамейки или деревянные беседки.

В продолжение моего 4-х месячного[21] пребывания на Афоне, я посвящал почти все время на изучение архитектуры, и потому приступаю теперь к описанию церкви в монастыре Хиландаре в архитектурном отношении.

Общий вид церкви Введения во храм Пресвятыя Богородицы в монастыре Хиландаре производит приятное впечатление. Церковь не представляет собой нечто целое: она как будто постепенно расширялась новыми пристройками, но при всем том в пропорциях ее сохранилась стройность и красота. На прилагаемых чертежах (листы 17 и 18*) изображен северный фасад здания, которое в плане разделено двумя поперечными стенами на 3 части, из которых крайняя, с правой стороны, есть повечерница (1), затем вторая — полунощница (2), третья главная — певница (3), с алтарем (4). Поверхность земли под зданием возвышается от юга к востоку.

В повечернице (1) крыша ниже крыш соседних частей здания, но зато и пол ее расположен ниже уровня полов других отделений. Эта часть храма отличается особенным богатством в наружной отделке и теми украшениями, которые вделаны в ее стены. Последние сложены из дикого камня и кирпича таким образом, что каждый ряд камня перемежается с двумя рядами кирпичной

прокладки; верхняя часть стены, — начиная с мраморной прокладки, расположенной на одном уровне с плитой капители в колонне, и до карниза, — составляет, сравнительно с нижней частью стены, выступ. Плоскость поверх полукруглого окна над дверью и другая—над двумя выкруглениями соседнего окна — покрыты штукатуркой с узорами, а в средине этих плоскостей вставлены мраморные розетки. Карниз повечерницы устроен так же, как и вокруг всего здания: он состоит из плашмя положенных и ребром выступающих кирпичей, с прокладкой *кирпича в линию,* с той, однако, разницей, что здесь выдающихся ребром кирпичей — три ряда, тогда как в прочих частях здания — их только два; под карнизом, соединяющим или пересекающим дугообразные верхи окон, выступает ряд камней, обтесанных поочередно, то в вид львиной головы, то в виде консоли. Возле вертикальных частей наличника дверей вставлены две мраморные полосы, с высеченным в них орнаментом; самые наличники, так же, как и сандрик с консолями, — сделаны из мрамора. Дугообразный верх каждого окна, или арка, поддерживаемый одной мраморной колонной, — также из мрамора, с высеченными на нем украшениями; а по обеим сторонам окна вставлены в стене мраморные четырехугольные плиты, из которых одна разделена тягами на четыре параллелограмма; в двух верхних параллелограммах высечен крест, а в нижних — украшение; вдоль другой плиты идут колонны с арками и отделяют изображенные на ней символы Евангелистов от херувимов. Кроме этих двух плит, две другие стены не отличаются своими украшениями от стены северной. Сферически выступающая часть крыши покрывает парусный свод (5); она также, как и вообще кровля на всем здании — свинцовая; над пространством № 1 устроен купол, снаружи восьмигранный, с таким же числом окон. Западная стена, в которой проделаны главные двери, с двумя окнами по сторонам последних, оканчивается вверху тремя выкруглениями с карнизом; подобных выкруглений в стенах северной и южной — только два. Цоколь и ступени построены из белого мрамора.

Полунощница (2) — несколько выше повечерницы и отличается от этой последней тем, что в ней окна расположены в два яруса, как в пятигранных двух боковых выступах (7) певницы и в наружной стене алтаря. Над пространством № 6 возвышаются купола, схожие по наружному виду с тем, что устроен над повечерницей. Наружная стена имеет вид двух заделанных арок, из которых одна имеет окно и дверь, а другая — два окна, расположенные одно над другим; из них нижнее посредством мраморной колонны разделено, как и в повечернице, на две части, верхнее же, отличающееся особенным характером, двумя колоннами делится на три части. Такое же окно устроено в средине западной стены певницы, возвышающейся над крышей нолунощницы. Западная стена нолунощницы выступает из-за крыши повечерницы тремя выкруглениями с карнизом, соответствующим трем внутренним аркам. В двери вставлен мраморный наличник, горизонтальная часть которого разделяет весь пролет на две части, из которых верхняя служит окном.

Певница, главная и самая высокая часть здания, имеет в северной и южной стенах два пятигранные выступа, внутри полуциркульные (7); по бокам их устроено по одному окну, из которых одно разделено колонной на две части; карниз на этих выступах и продолжение его с одной стороны носит на себе отпечаток готического стиля. Верхние три окна без всяких украшений; нижние, — из которых среднее схоже с дверью, расположены в трех смежных гранях выступа и образуются тремя арками, поддерживаемыми двумя колонками из темно-серого камня; капители этих колонок украшены высеченными в камне изображениями, по словам афонцев, феникса. В нижней части окон, как и в полунощнице и повечернице, имеется мраморный наличник, и под ним — мраморный щит, с высеченными на нем украшениями.

Купол над пространством № 3 снаружи двенадцатигранный, с таким же числом окон;

внутренняя его поверхность сделана ложками, доходящими до вершины свода, наподобие купола в повечернице. — Это единственный оштукатуренный купол: в других видна кладка камня и кирпича. Западная стена певницы, о которой упомянуто уже выше, имеет большое полуциркульное выкругление, соответствующее внутреннему коробовому своду; последний в середине покрыт дугообразной крышей, с плоским скатом по бокам, вроде того, как крыша над алтарем, за исключением, впрочем, крыши над пятигранником алтаря, где она сферическая на вершине, а внизу — более плоская.

Внутренность здания украшается 8 колоннами; из них две — в повечернице, две — в полунощнице и четыре — в певнице. В двух первых отделениях пространства под №№ 5 и 10 покрыты парусными сводами, другие же — крестовыми. Новый иконостас занимает всю ширину церкви, (двери царские (№ 11), южные (№ 12) и северные (№ 13); вершиной своей он почти достигает до самого свода церкви; в нем образа помещены в несколько ярусов, сделан большой карниз, и свободные пространства — сплошь покрыты позолоченной резьбой. За новым иконостасом возвышается иконостас древний, образуемый восьмью колоннами, на которых покоится брус, в виде карниза весьма простой формы; колонны и брус — из белого мрамора. Весь иконостас помещается в пространстве между двумя противоположными стенами. В № 7 помещается диаконница, а в № 8 — жертвенница. Престол (№ 4) состоит из мраморной плиты, положенной на четырех колоннах из того же камня. В полукруге № 14 устроено из белого мрамора горнее место.

На прилагаемом чертеже, в разрезе по линии AB, представлена стена с дверью, ведущею в полунощницу, а по бокам — два окна (15) с разноцветными стеклами.

Внутренность всей церкви расписана изображениями святых и сюжетов из Священного Писания. В певнице пол сделан из разноцветного мрамора, с мозаичными узорами.

Ф. Клагес

[1] Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 83–84; Кызласова И.Л. Новое о коллекции П.И. Севастьянова // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 71–77; Она же. Происхождение икон с Афона из собрания П.И. Севастьянова // СГЭ. Л., 1988. Вып. 53. С. 42–44. Она же. П.И. Севастьянов и его собрание // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 14–19; Афонские древности. Каталог выставки из фондов Эрмитажа. СПб, 1992; Довгалло Г.И. Собирательская деятельность П.И. Севастьянова (по материалам его личного архива) // ДРИ: Балканы, Русь. СПб, 1995. С. 242–256; Пивоварова Н.В. Документы фонда № 269 как источник для изучения деятельности художественно-археологических экспедиций на Афоне и реконструкции состава афонской коллекции П.И. Севастьянова // Румянцевские чтения — 2012. Материалы Всероссийской научной конференции (17–18 апреля 2012): [в 2 ч.]. Ч. 2. М., 2012. С. 113–117; Пятницкий Ю.А. Отечества и дым нам сладок и приятен: Эпизоды из истории византийской коллекции Государственного Эрмитажа // Наше наследие. 2014. № 111; 2015. № 112 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11115.php и многие другие.

[2] Бархатова Е.В. «Светописные рисунки» Петра Севастьянова и древности Святой Горы Афонской // Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб, Президентская библиотека. 2017 (Серия «Электронный архив». Вып. 1). С. 696–708.

[3] НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 26. Д. 29. Л. 1. Даты в документе даны по новому и старому стилям.

[4] Клагес Ф.А. Из путешествия по Афону // Зодчий. 1872. № 4. С. 52–54.

[5] Француз А. Леборн был скорее учеником П.И. Севастьянова в области светописи. Он сделался полноценным фотографом лишь в 1860 г. о чем сообщает сам П.И. Севастьянов. См.: Письмо П.И. Севастьянова архимандриту Антонину (Капустину) от 26 февраля 1860 г. СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36. Л. 572–577об. После отъезда со Святой горы экспедиции Севастьянова Леборн остался в Константинополе и открыл собственное фотоателье, где по словам о. Антонина снимал портреты на стекле «позитивным способом» и пользовался большим успехом. См.: Письмо архимандрита Антонина (Капустина) П.И. Севастьянову от 22 ноября 1860 г. ОР РГБ. Ф. 269. Оп. 1. Карт. 11. Д. 26. Л. 24.

[6] Похожие задачи ставили перед собой другие русские архитекторы, отправлявшиеся в Грецию и Турцию для изучения византийского архитектурного наследия с целью его сопоставления с русским средневековым зодчеством. Например, в начале XX века этот опыт был продолжен петербургском зодчим М.В. Красовским (1874–1939). О нем см.: Красовский М.В. Исследования по архитектуре Византии. Изд. «Индрик». 2019.

[7] НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 15. Д. 42. Л. 5–6об.

[8] Письмо П.И. Севастьянову от 2 марта 1861 г.

[9] М.Ф. Грановский (1833–1906) — художник-архитектор, уроженец Харьковской губернии, с 1852 г. по 1859 г. обучался рисованию, а затем архитектуре, теории строительного искусства и перспективе при Императорской Академии художеств. В апреле 1859 г. по приглашению П.И. Севастьянова вошел в состав афонской экспедиции. Оставался на Афоне до 1862 г. В его обязанности входило копирование икон, стенной живописи и церковных предметов. В 1862 г. с Афона отправился на богомолье в Иерусалим, где

встретил своего академического преподавателя М.И. Эппингера, который руководил строительством русских богоугодных заведений у Яффских ворот Святого Града. Остался в Иерусалиме в качестве помощника Главного строителя М.И. Эппингера. В Иерусалиме исполнил по заданию Совета Академии художеств дипломный проект сельской церкви и представил его в 1863 г. для получения звания художника архитектуры. Позднее, в начале 1870-х гг. по заданию Палестинской комиссии осуществил роспись русского собора Св. Троицы в Иерусалиме. О нем см.: Хаирова В.Ш. Помощник при постройках русских богоугодных заведений в Иерусалиме М.Ф. Грановский: неизвестные страницы биографии. // ППС. Вып. 115. М., 2018. С. 107–124.

10 Источник (греч.)

11 Позднее этот опыт пригодился Ф.А. Клагесу, когда с 1 июня 1875 г. по 1 сентября 1887 г. он исполнял должность библиотекаря Императорской Академии художеств и составил каталог книжного академического собрания из 4 тыс. названий.

12 Так в тексте.

13 В письме речь идет об архитектурных чертежах соборного храма Благовещения Пресвятой Богородицы, трапезной и мраморных панелях в Лавре Святого Афанасия.

14 Так в тексте.

15 Ф.Ф. Львов (1819–1895) — конференц-секретарь Императорской Академии художеств в 1859–1864 гг. К нему Ф.А. Клагес обратился с просьбой о трудоустройстве по окончании работ на Афоне и возвращении в Россию, но получил в тот момент отказ. Поэтому 1 июня 1861 г. он вновь был определен в Московское Дворцовое Архитектурное училище, в которым преподавал с 1848 года. Однако через несколько лет, 1 мая 1864 г. он был «перемещен» из Архитектурного училища на службу в Академию художеств помощником хранителя ее музеев.

16 Матвей Павлович Зур — чертежник-топограф, член экспедиции П.И. Севастьянова. В его обязанности входило составление общих планов местности и привязка к ним монастырей. «По прибытии на Афон... гг. Грановскому и Зуру отправится в русский скит Св. Андрея Первозванного и там с содействия игумена Виссариона, доставив ему письмо, заниматься: г. Грановскому планом и рисунком внутреннего собора Кареи, а г. Зуру планом наглядным всей Кареи, планом местности и расположения зданий скита Андрея Первозванного и планом монастыря Кутлумуси и общею местностию». НИОР РГБ. Ф. 269/1. Карт. 26. Д. 7. «Наставление Христофорову, Грановскому и Зуру, отправляющимся в ученую и художественную экспедицию на Афон. (1859 г.)». Л. 2об-3.

17 Так в тексте.

18 Алидада — приспособление для измерения углов.

19 Приписка карандашом рукой П.И.Севастьянова: «Письмо расписка по <...> Ф. А. Клагеса»

20 Текст печатается по публикации: *Клагес Ф.А.* Из путешествия по Афону. // Зодчий. 1872. № 4. С. 52–54. Табл. Лист 17–18

21 Очевидно, ошибка при печати статьи. Судя по архивным документам, Ф.А. Клагес провел на Афоне 14 месяцев, что отражено, например, в публикуемом документе: РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 35-К. Л. 122.

Сиро-ливанские православные накануне Первой мировой войны (по дипломатическим документам)

А В. Сарабьев

Обращаясь к документам вековой давности…

Ближний Восток традиционно продолжает оставаться сердцевиной геополитических интересов мировых держав. Для стратегии национальной безопасности России этот регион остается ключевым, каким он был и более столетия тому назад. Первые годы XX в. вызывали у многих тогда предчувствие мировых потрясений, и Русско-японская война подтвердила тревожные предчувствия. В странах Востока очень скоро произошли революционные события (в Османской империи, Иране, Китае), и вполне объяснимо, что действия тогдашних политиков и дипломатов отличались необыкновенной активностью. Она нашла отражения в документах той эпохи — по сути, кануна Мировых войн. Для Ближнего Востока показательным в этом отношении стал краткий период от Младотурецкой революции 1908 г. в Османской империи до начала Первой мировой войны в 1914 г.

Огромная, сложная по своей государственной организации и пестрая по своему национальному и религиозному составу, Османская империя стала участницей Итало-турецкой (октябрь 1911 — октябрь 1912 г.), Первой Балканской (сентябрь 1912 — май 1913 г.) и Второй Балканской (июнь — июль 1913 г.) войн. Документальные свидетельства тех лет дают обилие материала для исследования разнообразных процессов, протекавших в регионе, в том числе анализа общественной ситуации в отношении православной паствы Антиохийского патриархата, помощь которым, по традиции, всегда оказывала Россия.

Основную источниковую базу исследования составило объемное, включающее 575 листов с оборотами дело из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, фонд 151 Политархив, опись 482, 1912–1914 гг. Дело 413). Огромный массив документов, наряду с другими источниками и материалами,

заставил ограничить выбор небольшим, но очень важным периодом — с января по ноябрь 1912 года. Такой выбор документов, проливающих свет на жизнь сиро-ливанских православных обусловили следующие обстоятельства. Во-первых, это широта аспектов жизни общины сквозь призму оценок российского генконсула: внутренние отношения, церковные дела, проблемы политического участия, эмиграция, внешнее влияние и др. Во-вторых, на этот период пришлась потрясшая левантийских арабов «бомбардировка» Бейрута итальянцами с военных кораблей в ходе войны Италии с Османской империи за Триполитанские (ливийские) владения. В-третьих, в тот год активно обсуждались изменения в Органический статут автономного османского анклава Горный Ливан, которые предлагали державы-гаранты с целью эффективной защиты ливанских христиан. Наконец, в-четвертых, на фоне всех этих событий, а также начавшейся в октябре 1912 г. Первой Балканской войны, стало явно усиливаться напряжение взаимоотношений мусульман и христиан, что у многих воскрешало в памяти события полувековой давности — резню христиан в Дамаске и Алеппо и кровавые межобщинные столкновения в Горном Ливане[1]. Очевидно, что это напряжение межконфессиональной ситуации стало прологом к кульминации — «окончательного решения вопроса», а именно пика геноцида младотурками христианских народов Малой Азии (армян, ассирийцев, сирийцев) в 1915 г.

Безусловно, Российская империя проявляла живое участие в судьбе христиан Шама (или, на французский манер — Леванта), и под особым покровительством находились православные христиане Антиохийского Патриархата, в том числе территорий Сирии и автономного Горного Ливана. Ко второму десятилетию XX в. на этих землях уже действовали десятки школ, пансионы, лечебные учреждения[2] — в основном в рамках работы Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), перенесшего свою деятельность в Сирию в 1892 г.

Российское императорское генеральное консульство в Сирии располагалось тогда в Бейруте, который, хотя и является сейчас ливанской столицей, никогда не входил в состав собственно Горного Ливана, но был центром самостоятельного Бейрутского вилайета Османской империи, одного из важнейших на территориях арабского Машрика. Возглавлял генконсульство в 1911–1914 гг. статский советник Георгий Дмитриевич Батюшков (1866–1923), знаток арабского и персидского языков.

Особые надежды православных возлагались именно на это дипломатическое представительство России, которое подчинялось нашему посольству в Константинополе (Стамбуле) и являлось головным для консульств в Дамаске и Алеппо, вице-консульств в Триполи, Яффе и Хайфе, консульских агентств в Латакии и других сирийских и палестинских городах. Через бейрутское генконсульство проходила и материальная помощь Антиохийской церкви, и политическая поддержка православного населения.

Православные Антиохийской Церкви: заметки и характеристики

Приведем сведения о численности православной паствы, которые содержатся в рукописной рабочей записи Г.Д. Батюшкова. О населении Горного Ливана у него значится: «Мароните — 230 т. Православные — 52 т. Мельхиты — 30 т. Друзы — 47 т. Шииты — 23 т. Сунниты — 14 т.»[3]. Заметим, что в этой горной области, где было сосредоточено подавляющее большинство всех ближневосточных маронитов, православные уступали маронитам лишь в 4,4 раза. По другим данным, где включены, очевидно и города с большой долей православного населения, это соотношение составляло всего 2,4, а в абсолютных цифрах — 305/125,2 тыс. чел., по данным на 1914 г.[4] В самом Бейруте православные по численности и вовсе превосходили маронитов: 38/31 тыс. чел., по данным на тот же год[5]. По другим данным (и уже на 1912 г.) в процентном отношении это выглядело как 23/21%[6].

По Бейрутскому вилайету процент православных от всего населения оценивали в 13,5%[7]. В Дамаске доля православных — самой крупной христианской общины — составляла 13%, а по Сирийскому вилайету — 14,45%[8].

Имелись данные и по другим районам Машрика: например, в одном из своих донесений генконсул приводит «результаты переписи в Аданском вилайете, официальной и частной, доставленные ловким вице-консулом нашим А. Мавромати»: «В Аданском вилайете православных 19 560, яковитов 1560, армян всего 61,6 тыс. — из всего 516 тыс. чел. (429,5 мусульман)»[9].

В самом конце XIX в. в жизни Антиохийской церкви произошло знаменательное событие: на патриарший престол в 1899 г. впервые был избран патриарх не греческой, а арабской национальности — Мелетий II Думани[10]. Как известно, это избрание состоялось при поддержке российской дипломатии[11], и арабы сохраняют об этом благодарную память.

Российские дипломаты находились в тесном контакте и со следующим патриархом (1906–1928), и об этом свидетельствует, в частности, переписка, хранящаяся в Государственном архиве (ГАРФ) в Москве. Г.Д. Батюшков высоко оценивал личные достоинства Патриарха Антиохийского Григория IV Хаддада, отмечая его «недюжинный ум и нравственные качества». Но со свойственной ему прямотой наш генконсул, в то же время, довольно критически отзывался о самой деятельности этого православного первоиерарха. Например, наш генконсул критически замечал, что для решения проблем бейрутской паствы патриарх, который имел местом постоянного пребывания Дамаск, делал немного: «Ничего со стороны Патриарха не было сделано, чтобы смягчить эти недостатки своей паствы. Бл[аженнейший] Григорий ограничивался тем, что вносил свою лепту в разные

благотворительные учреждения, что было ему нелегко, ибо сам он не собирал здесь обильной жатвы, и лишь перед отъездом Его Блаженства с большим трудом собрали ему до 8–10 тыс. фр. несмотря на полное уважение и к Его Блаженству, и признанию его искренно верующим и во всех отношениях достойным иерархом. Ни на занятиях в школах, ни на собрания благотворительных обществ, Его Блаженство не присутствовал и ничем иным, кроме вышеупомянутых денежных пожертвований, не проявил участия к интересам бейрутской паствы»[12].

Наш генконсул в своих донесениях должен был держаться объективности, описывая только фактическое положение дел. Видимо, поэтому «высший свет» бейрутской православной общины того времени получил следующую, не слишком лестную характеристику: «Надо сказать, что православная община в Бейруте, считающая в числе своих членов первых жителей этого города, наиболее образованных, имевших возможность, благодаря своему богатству, побывать в Европе и Египте и следовательно несколько воспитать себя, составляющих наконец “le monde” Бейрута, не отличается не только фанатизмом, что было бы лишь похвально, [но даже] и усердием в делах религии. Большинство этих лиц, учившихся в инославных школах — католических и протестантских, не посещает никакой церкви, привыкнув в детстве бывать в инославных храмах при школах и потому отвыкших от хождения на православное богослужение, кроме разве в самые большие праздники. Кроме такого индифферентизма, община отличается и раздорами, которые начинаются нередко от таких пустяшных причин, что трудно верить, чтобы не было более существенных оснований к взаимной вражде, однако все эти поводы немедленно возбуждают чувствительное до крайности самолюбие и заинтересованные лица стараются нанести друг другу материальный ущерб, что порождает бесчисленные и совершенно неосновательные имущественные процессы»[13].

Богатых православных бейрутинцев генконсул укорял в их нежелании поддерживать своих сограждан-единоверцев: «Наконец, кроме быть может 3–4 лиц, все эти богачи ничего не делают для пользы своей общины и нуждающихся членов ее, (*ссылка в документе:* Счастливое исключение составляет наш почетный драгоман — Юсуф Сюрсок — обладатель нескольких миллионов франков — и его племянник, значительно менее богатый, также почетный драгоман Г. К-ства [генконсульства] — Михаил Сюрсок, да разве Неджиб Трад и весьма немного других.) уклоняются от всякого труда, или хлопот ради своих собратий и весьма неохотно расстаются с самой скромной суммой, ища возможности использовать ее несколько раз»[14].

Едва ли можно было столь острую критику православной элиты Бейрута принимать за недоброжелательство со стороны нашего высокопоставленного дипломата. Как будет ясно из нижеследующих сведений,

Г.Д. Батюшков искренне переживал за местных православных и, помимо прочей помощи, нередко отвечал на частные просьбы сиро-ливанских арабов, ходатайствовал за них перед османскими властями.

Насущные проблемы православных районов

Представители христианских общин Сирии и Горного Ливана проживали в основном дисперсно, особенно в городах, а в сельской местности их деревни нередко перемежались или тесно соседствовали с другими общинами. Районов компактного проживания было сравнительно немного, и для православных таким районом был и до сих пор остается уезд (по-арабски *каза*) Кура с центром в г. Амьюн. Она-то, находившаяся, как сказано в донесении, «под специальным наблюдением Императорского Генерального Консульства» и стала основной целью тщательно запланированной поездки генконсула Г.Д. Батюшкова, о которой он подробно докладывал 18 января 1912 г.

За несколько дней поездки (большей частью на автомобиле драгомана генконсульства Михаила Ибрагима Сюрсока) удалось преодолеть целых 226 верст. О землях, населенных почти исключительно православными арабами, и об их сельскохозяйственных культурах генкосул писал: «Несмотря на столь стремительный объезд, мы могли убедиться, что земля в Куре замечательно плодородная и тщательно обработана, хотя и весьма примитивными орудиями, причем многие местности сплошь обработаны. Лишь некоторые пространства слишком уже заваленные каменными глыбами, вроде окрестностей монастыря Дейр Натур, или скалистых ущелий между дер[евней] Фиа и Белемендом [Баламандом], требующие слишком много усилий для расчистки, ждут своих пахарей. Главное богатство уезда олива, коей в нынешнем году будет вероятно миллиона на три франков, затем следует, но уже в гораздо меньшем размере, шелковица и хлебные злаки. Там еще не приступили к насаждению апельсиновых садов, составляющих богатство Триполи»[15].

По своему духу каза Кура представляла собой один из оплотов сиро-ливанского православия, повсюду имелось (и сохраняется до сих пор) множество старинных храмов и даже монастыри. Правда, уже в то время наблюдалась мощная миссионерско-образовательная активность протестантов. Как писал Г.Д. Батюшков, с православными этого района «ищут сблизиться в особенности протестантские миссии, которые и без того имеют сильное распространение в Куре, где говорят по-английски не только вернувшиеся из Америки, но и многочисленнейшие ученики и ученицы американских школ, как местных, так и триполийских и др. на Ливане и даже в Бейруте»[16].

Продолжив свои наблюдения практического характера, генкосул сообщал любопытные сведения о новопостроенном участке дороги от городка

Батруна до поселка Шекки: оказалось, что администрация автономной области (*мутасаррифии*) Горного Ливана вовсе не заботилась о проведении участка стратегически важной дороги, проходившего по православной Куре. «Закончена дорога всего два месяца назад, — пишет Г.Д. Батюшков, — и проведена по просьбе местного населения, немало выигрывшего от проложения нового пути — особенно это относится к округу Кура, в котором состоящий в подавляющем большинстве из маронитов Административный совет [Горного] Ливана неохотно проводит новые дороги. Главной же причиной постройки было настояние центрального правительства, желавшего облегчить передвижение войск между Бейрутом и Триполи сухим путем, почему Бейрутский вилайет принял участие в расходах по проведению этой дороги...»[17].

В другом месте он продолжает свою первую мысль: «...У маронитского в подавляющем большинстве управления Ливана и Юсуфа паши[18] православная Кура является своего рода пасынком, и куриотам чрезвычайно трудно добиваться, не обращаясь к помощи Генерального Консульства, малейшего расхода на улучшение в казе, или удовлетворения какой-либо потребности населения...»[19].

Генконсул пишет обо всех плюсах и минусах другого проекта дороги, касавшегося православного населения казы Кура и ее монастырей — почти прямого пути от Шекки на Триполи через Анфи (Энфе). Он приходит к выводу, что было бы целесообразнее на некоторое время воздержаться от проекта, «поддержки коего [у нашего генконсульства] всегда в подобных случаях, как и ко всем своим нуждам, просит население Куры», поскольку новая дорога оставляла совершенно в стороне административный центр казы и «резиденцию уездного управления» — городок Амьюн[20].

Находясь в Энфе, Г.Д. Батюшкову «удалось наладить примирение» — видимо, пользуясь авторитетом генконсула православной державы-покровительницы, и «закончить миром спор между двумя из виднейших жителей города, грозивший разделить, как это легко делается на Ливане, все население города на два лагеря»[21].

С болью пишет автор донесения о проблемах православной общины в двух важных аспектах ее жизни — монастырях и школьном образовании. Первое рельефно отражено в описании древнего православного монастыря Дейр Натур. Об окрестностях наш дипломат пишет: «Расположен монастырь этот на вершине, спуск коего к морю разработан террасами и приспособлен для землепашества, как отдельные участки на громадном пространстве принадлежащих монастырю земель, с которых сняты глыбы камней, заполняющих все пространство до моря. Несколько поодаль насажены маслины, урожай коих в текущем году необычайно обилен — уверяют, что такого урожая не было уже 30 лет, чем вознаграждается плохой сбор маслин за последние три года»[22].

О самом монастыре автор сделал следующую запись: «Сам монастырь представляет обычный тип этих построек, небольшой двор, застроенный с трех сторон, второй этаж занимают службы, занимаемые крестьянскими семьями, обрабатывающими на известных условиях монастырские земли, сараи и конюшни, верхний же состоит из келий 5–6 вполне обширных и светлых, да 8–10 совершенных клетушек с невозможно низкими дверями. Четвертая сторона занята церковью. Надо ли говорить, что архимандрит является своим собственным начальником и подчиненным, ибо кроме него нет ни одного (подчеркнуто автором. — *А. С.*) монаха»[23]. Можно представить себе горечь впечатления главы нашего генкосульства, через которое шла помощь Антиохийской церкви, когда небольшой древний и не самый бедный монастырь оказался почти в запустении только лишь ввиду недостатка иноков, желающих его населять.

Генконсул даже поддержал предложение нескольких русских монахов с Афона поселиться в этом монастыре: оттуда было удобно добираться как до Энфе (всего полчаса езды), так и до Триполи (по морю), а кроме того, как пишет Г.Д. Батюшков, «в окрестностях имеется несколько православных монастырей, для которых наши монахи могут служить образцом, которому несомненно станут подражать и к которому будут стараться приблизиться»[24]. Митрополит Триполийский Александр даже был готов якобы сдать монастырь для поселения русских монахов в долгосрочную аренду, а средства от аренды направлять на поддержку школы в Кафтине. Со своей стороны, Антиохийский патриарх Григорий в этом вопросе был слишком осторожен и высказывал будто бы различные опасения.

Очевидно, в задачи той поездки главы российской дипмиссии входила своего рода инспекция образовательных учреждений посещаемых районов и городов. Он осмотрел несколько школ ИППО — две в Амьюне, две в Кусбе, четыре в Триполи, а также школу в Кафтине (она несколько раз закрывалась «за недостатком средств»). Относительно школ ИППО в Амьюне Г.Д. Батюшков замечал, что «они, если и не вполне удовлетворительные (собственно женская школа) в архитектурном и прочих отношениях (протекает крыша), то во всяком случае хорошо поставленные педагогически, судя, по крайней мере, по толковым и бойким ответам детей»[25].

Баламандская семинария (ныне — Православный университет в Баламанде) стала следующим объектом посещения российского генконсула. Ректором ее был тогда архимандрит Игнатий Абу ар-Рус[26], и Батюшков пишет о нем и возглавляемой им семинарии: «Со стороны внешней монастырь при нынешнем настоятеле архимандрите Игнатие Абурусе содержится весьма удовлетворительно, всюду виден глаз хорошего и добросовестного хозяина. Архимандрит Игнатий Абурус, в сущности более русский, чем араб, ввел строгую отчетность в хозяйстве и, если и не отличается строгостью и умением поддерживать железную дисциплину, весьма

удовлетворительно преподает русский язык и священную историю. Он встретил нас в Бтаране, откуда началось путешествие верхом, а около монастыря ученики семинарии с пением молитв и хоругвями и священник с крестом и евангелием предшествовали нам до входа в храм, где была отслужена по-русски с переводом важнейших молитв на арабский язык краткая лития, закончившаяся многолетием Его Императорскому Величеству, Царской Фамилии и Августейшей Председательнице Императорского Православного Общества»[27].

Кстати, во время путешествия Г.Д. Батюшкова по Триполийской православной епархии (от самого Энфе) его все время сопровождал митрополит Александр, много рассказавший о положении православных, о Баламандской семинарии и монастырях. В благожелательной в целом характеристике этого архипастыря Антиохийской церкви слышится, впрочем, горький упрек нашего генкосула в том, что тот умудрялся распродавать вакуфные земли православной области в угоду сиюминутным потребностям епархии: «Остановились мы в Триполи в Митрополии, только что возведенной митрополитом Александром вместо старого полуразвалившегося здания, оставшегося после митрополита Григория. Постройка весьма тщательная и отделка показывают тщательно обдуманную работу заботливого хозяина, каковым нынешний митрополит Триполийский и является в самом деле, хотя ради постройки “доходных” домов он продает немало “бездоходных земель” вакуфов в Куре»[28].

Будучи в Триполи, генконсул пытался урегулировать с местным губернатором Абдул Керим-беем вопрос о воинской обязанности учителей школ ИППО, которые не могли получить освобождения от нее в этом вилайете. «Почему-то начальник местных войск Халиль Паша настаивает на призыве к отбыванию воинской повинности даже тех учителей, которые представляют явленные в Бейрутском маарифате свидетельства об окончании учительстких школ Общества. Придется прибегнуть, — пишет Г.Д. Батюшков, — к Дамаскому Консульству с просьбой воздействовать на мушира в желательном для нас смысле»[29].

Что касается отношения сиро-ливанских православных к России, то автор в своем донесении подчеркивал предпочтение в решении любых затруднений населения этих районов российского диппредставительства местным властям. Православные нередко вовсе не надеясь получить удовлетворения своих нужд у местных органов власти и сразу пытались обратиться к российским консулам. Показательный в этом отношении эпизод описывал еще за полтора десятилетия до того молодой исследователь-практикант Агафангел Крымский. Он упоминал в своих письмах из Горного Ливана, что во многих домах на стенах висели портреты российского императора, и многие православные были убеждены, что они — подданные России. А.Е. Крымский иллюстрировал свое наблюдение следующим

разговором с одной православной, молодой матерью из селения Табиша близ Бтыгрина: «”Когда же русские придут забрать нас?” — задала она мне веселый вопрос. Я ответил, что этого не знаю. <...> “С какой же стати русские пришли бы забрать вас?” — задал вопрос я уж от себя. “Да ведь мы — русские подданные, московские”, — ответила она тем же беззаботным тоном, мало вникая в смысл своих слов, произнося их, как заученную фразу, и пошла жарить нам “батинжаны” (черные баклажаны) на вертеле»[30].

Российскому дипломату в очередной раз пришлось стать свидетелем, как он пафосно выразился, «восторга и энтузиазма» населения. Теперь, правда, православные были преисполнены благодарности за политическое воздействие российского генконсульства и посольства на Порту, результатом которого стало избрание каимакамом (уездным главой) православного из Куры: «...Неизменно было выражение благодарности за содействие к назначению каимакамом лица, происходящего из самой Куры и принимающего посему интересы округа близко к сердцу, отстаивающего их в административных сферах»[31]. Он продолжал: «...Ради удовлетворения своих нужд <...> куриоты обращаются исключительно в Российское Генеральное Консульство, совершенно не признавая других властей, <...> что заставляет Генеральное Консульство с тем большим вниманием относиться к разного рода предстательствам куриотов, которые, надо надеятся, на некоторое время, по крайней мере, будут спокойны, добившись давно желанного назначения своего земляка во главе уезда»[32].

Следует заметить, что описанный пример «объезда» русским генконсулом православного ливанского уезда, где попутно решались — авторитетом представителя России — многие насущные вопросы, не было чем-то совершенно новым. В Ливане такую традицию заложили еще французские дипломаты, совершая регулярные «инспекции» подопечных учебных и благотворительных учреждений. Если на время перенестись на полвека назад от описывамых событий, то об одной из таких поездок подробно свидетельствует документ от 15 августа 1861 г. В нем идет речь о посещении французским генкосулом вместе с греко-католическим патриархом Иерусалимским и апостольским делегатом Ватикана в Сирии монсиньором Валерга (в сопровождении командующего французской эскадры в Сирии Де Лаграндьера и группы морских офицеров) двух гимназий — в Антуре, под руководством сестер-лазаристок (141 ученик), и в Газире, под руководством отцов-иезуитов (150 учеников, из которых, как сказано, 90 — стипендиаты Миссии школ Востока, а еще пятеро — Комитета французского вспомоществования)[33]. И такого рода документальных свидетельств существует огромное количество, а 1861 г. выбран здесь в качестве примера как начальный в существовании Ливанской автономии (*мутасаррифии*) под европейским контролем, а потому вполне показательный.

Так что российский дипломат, безусловно, действовал на территориях его представительства в самых лучших традициях живого участия в делах местных общин, проявляя усердие и стараясь объективно представить положение дел на местах.

Агитация и выборы

Важным событием для младотурецкой Османской империи в 1912 г. стали выборы в османский парламент, Меджлис, и предварявшая их острая предвыборная борьба, захватившая в том числе все города арабских областей. В этой гонке стороны пытались задействовать авторитет иерархов Антиохийского патриархата и их влияние на православные электоральные круги. В конце января генконсул Батюшков был вызван в Стамбул, и в период его командировки временно управляющий генконсульством Тарлимуков сообщал в донесении от 31 января, что во время архипастырского визита в Бейрут «как Патриарх, так и прибывшие с ним митрополиты подвергаются здесь сильным партийным ухаживаниям»[34].

О предвыборной агитации в Бейруте он писал, в частности: «И действительно, уже заметно как старательно здесь начинают расставлять сети для уловления людей сильных своим авторитетом и в то же время слабых практическим пониманием своего положения в настоящую минуту. К числу этих последних, к сожалению, нужно отнести все наше православное духовенство, которое, благодаря своей неопытности и отчасти невежеству, может легко быть обмануто ловкими политиканами. Мне известно, например, что бывший вали [градоначальник] Бейрута Халиль-паша, через посредство здешнего Директора Политической Канцелярии Эдде сильно домогается рекомендации Бейрутского Митрополита Мсары [Герасима Мсарры] к Вселенскому Патриарху, дабы его кандидатура была бы поддержана православными в Румелии»[35].

Автор этого донесения особо подчеркивал, что православные иерархи Антиохийской церкви обладали высоким авторитетом не только у своей паствы, но даже среди мусульман. В то же время об их политической ориентации мнение высказывалось очень невысокое — якобы самостоятельным и обоснованным суждением о политическом процессе они не обладали. В донесении говорится: «Мне приходилось по этому поводу говорить с некоторыми митрополитами (причем к одним из них даже сами мусульмане обращались за советами по делам выборов) и мне пришлось убедиться, что в настоящую минуту сами столпы Церкви настолько потерялись, что не знают, куда им идти, и совершенно не понимают значения того исключительного положения, в котором они в настоящую минуту находятся. В виду изложенного мне казалось бы, что наши консульские учреждения в Сирии и Палестине могли бы через духовенство оказать небольшое

влияние на ход выборов, но при условии, если они будут своевременно снабжены точными инструкциями»[36].

Спустя два месяца сообщалось о недовольстве христиан сирийского побережья тем, что они оказались никак не представленными в османском Меджлисе. «Христиане же, составляющие в прибрежной полосе значительную и влиятельную часть населения, причем некоторые, как здешний православный деятель Георгий Ризкалла, занимают видное положение в местном отделении "Е[динение] и П[рогресс]", негодуют, что ни один (подчеркнуто автором. — *А. С.*) из них не был допущен в парламент»[37].

И вообще в предвыборной борьбе уж слишком очевиден был административный ресурс младотурок из партии «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»; в донесениях их именуют также «унионистами» или «прогрессистами») против своих оппонентов, в частности, из другого крупнейшего, но более консервативного османского блока «Хюрриет ве иттиляф» («Свобода и согласие»; в донесениях они именуются также «антантистами» или «иттиляфистами»). В новом Меджлисе подавляющее большинство получили иттихадисты: формально только четверо из 284 депутатов не входили в блок «Иттихад ве теракки»[38].

Почти сразу стали раздаваться голоса протестующих против диспропорции в новом парламенте, и уже через несколько месяцев в бейрутской газете «аль-Иттихад аль-усмани» №1170 от 18 июля 1912 г. сообщалось: «Большое число городских нотаблей направило вчера следующее послание Великому Визирю Ахмаду Мухтару-паше аль-Гази с требованиями: <...> 2. Роспуска Палаты Депутатов, поскольку выборы были проведены под давлением правительства, как это всем известно»[39].

В арабских областях гораздо большие симпатии среди населения были на стороне блока «Хюрриет ве иттиляф», включившего в свою программу реформу местного самоуправления в сторону расширения полномочий в сферах экономики и общественной жизни, а также «надтурецкое» толкование османизма. Провозглашался также отказ от религиозно-конфессиональной окраски османского единства, что должно было, по мысли иттиляфистов, стать гарантией общественных свобод и соблюдения прав всех национальных и религиозных общин империи[40]. Тем самым, для большинства православных арабов программа этого блока была предпочтительнее, и такая мысль подспудно присутствует в ряде донесениях российского генконсульства в Бейруте. Для контраста можно привести жесткую характеристику идеологической линии блока «Иттихад ве теракки», основанную на идее Турана. Эту характеристику дает арабский историк Низар аль-Кайяли: «Туранство — это националистическое движение, ставящее целью в широком смысле объединение турецкой нации с другими нациями туранского, или турецкого происхождения, большинство из которых живут под владычеством императорской России, а в узком смысле — уничтожение нетуранских наций, живущих под османским владычеством»[41].

Вопрос особого статуса Ливанской автономии

Несправедливость нового распределения властных полномочий вызывала раздражение нескольких «обделенных» конфессиональных общин. Таковыми считали себя и православные. В региональном судебном органе Горного Ливана они также оказались оттеснены представителями маронитской общины. Этот факт весьма беспокоил нашего генконсула, приводившего в пример нередкие случаи несправедливого судебного разбирательства столкновений представителей разных общин на бытовой почве. Эти случаи во множестве описаны в донесениях Г.Д. Батюшкова и его предшественников на этом посту — российских генконсулов К.Д. Петковича, Н.Г. Гартвига, К.Н. Лишина, С.В. Тухолки, Н.Н. Демерика, А.А. Гагарина.

Вопрос представительства православных арабов в общеимперских и региональных органах власти очень волновал дипломатического представителя России в арабских областях Османского государства. Пользуясь случаем, он просил наше посольство в Константинополе содействовать ходатайствам перед Портой митрополита Гор Ливанских Павла (Булоса), который собирался на пути из Греции весной обсудить с членами правительства наболевшие вопросы положения его паствы. Батюшков пишет: «Павел высказал мне предположение, что ему удастся на обратном пути заехать в Константинополь, где он надеялся между прочим заняться вопросом о положении православных на Ливане, значительно оттесненных от подобающего по соображению с их численностью и достоянием места. В последний приезд мой в Константинополь я имел честь представить таблицы, из коих видно, в какой мере православные должны были бы участвовать в управлении провинцией, и позволил себе в особенности подчеркнуть неудобство от отсутствия представителя православной общины в высшей судебной администрации, вследствие чего они лишены возможности наблюдать за правильностью и законностью делопроизводства, между тем как должность прокурора оказалась прямо предназначенной этой общине, ибо бюро прокурора существовавшее до назначения прокурором маронита Селима База управлялось православным. Вследствие вышеизложенного позволяю себе ходатайствовать пред Вашим Превосходительством, чтобы М-ту Павлу была оказана Императорским Посольством поддержка в ходатайствованиях его в Порте. Его Высокопреосвященство сопровождает Архимандрит Василий Седауи, окончивший курс в Киевской духовной академии и свободно объясняющийся по-русски...»[42].

Последовавший 17 июля 1912 г. приход к власти иттиляфистского правительства не принес ожидаемого облегчения «национальным окраинам» Османской империи и стал для них разочарованием. 5 августа был распущен иттихадистский парламент, назначены новые выборы[43]. Однако время для реформ во многом было упущено: впереди были две Балканские войны,

боевые действия в юго-восточной части Малой Азии, депортации и геноцид армян, ассийийцев, сирийцев, «парад независимостей» европейских, африканских и аравийских территорий империи.

А пока европейские державы продолжали в арабских районах свою политику углубления экономической самостоятельности от центральной власти («административной децентрализации»), и первым номером шел, конечно, Горный Ливан. За три месяца до истечения срока полномочий ливанского мутасаррифа снова встал вопрос о реформировании статей Органического статута (протокола об автономии). Французы при этом проводили линию на закрепление верховенства маронитов, доминировавших тогда в Административном совете (4 маронита, 1 греко-католик, 2 православных, 3 друзов, 1 суннит, 1 шиит), и на расширение его полномочий. Российские же интересы совпадали с целью британцев — повысить статус мутасаррифа этой автономии, который, хотя и греко-католик (мелкит), но уже в силу личной ответственности перед Портой не мог служить проводником французских интересов и был в этом смысле меньшим из зол для местных православных.

В конце марта генкосул сообщал конфиденциально: «Так как в Административном совете 4 члена мароните и 1 мельхит и кроме того вице-председатель (совершенно незаконный) всегда избирался из маронитов, то господствующее положение этой части населения над всеми остальными было бы обеспечено, а потому входит в прямой интерес покровительствуемой Францией части населения уменьшить власть генерал-губернатора в пользу этого Совета. Совершенно противоположны, однако, потребности меньших общин (друзов — 3, православных — 2), причем из них 2 друза и православный член от Метна избираются маронитским большинством, а остальные общины представлены каждая одним членом совета, и то выбираемым маронитским большинством, ибо им надо соединиться всем вместе, чтобы противостоять маронитскому большинству. Им, напротив, важно, чтобы генерал-губернатор имел достаточно власти, чтобы поставить *veto* чрезмерным притязаниям маронитов, которые постоянно требуют, чтобы каждая новая должность была предоставлена им или компенсирована им <...>. В силу этого соображения г-н Cumberbatch [британский генконсул] полагает, что нужно по возможности сохранить *status quo*, предоставить генерал-губернатору ту же власть и, наоборот, настоять на том, чтобы он, согласто ст. I статута, созывал и председательствовал лично в совете, отменив непредусмотренную статутом должность вице-председателя. “Тем более, что легче найти хорошего генерал-губернатора”, — добавляет английский коллега мой, — “нежели набрать 12 ливанцев, которые добросовестно относились бы к своим обязанностям”»[44].

Через три недели позиция Г.Д. Батюшкова несколько сдвигается в сторону французского проекта в общих чертах, хотя он подчеркивет, что и он, и британский генконсул желали бы, чтобы «право инициативы, *veto* и санкции

было сохранено за генерал-губернатором, который, однако, не должен игнорировать предложений Административного совета, постановлений его и жалоб частных лиц. Главная задача и есть именно возможно целесообразное балансирование и комбинирование этих двух органов, из коих Административный совет желательно бы выбирать в более рациональных условиях, кои дали бы ему больший нравственный авторитет»[45].

К концу 1912 г. была, наконец, принята новая редакция Органического статута Горного Ливана — в компромиссном ключе. Изменилась система выборов в Административный совет, расширены были полномочия гражданских судов в отношении коммерческих исков, открыты для торговли новые гавани[46] (давняя мечта маронитского патриарха о порте в бухте Джунии близ его резиденции, о чем ранее много писал в своих донесениях, например, наш генконсул К.Н. Лишин).

Вообще позиции православных арабов были часто заодно не только с российскими интересами, но иногда совпадали с британскими. Интересное совпадение мнений российского и британского генконсулов в отношении ливанского мутасаррифа служит наглядным тому примером. Тем не менее, это не был тактический союз: скорее уж в своих симпатиях к англичанам православные выбирали те силы, которые противостояли французскому влиянию и, главное, экспансивности своих сограждан-маронитов. Наш генконсул докладывал даже отдельно об «антифранцузском течении с англофильским оттенком» — о вызванном неудачной для турецкого оружия войной «знаменательном и симптоматическом» настроении: «Подчеркнув существующее уже давно несимпатичное к туркам отношение арабов-христиан, и даже мусульман, оно выдвинуло особенную антипатию самых разных элементов против Франции, и в этом чувстве сливаются с мусульманами и друзы, и православные, даже молодежь из маронитов, пожившая в Египте или в Америке и др. цивилизованных странах, преимущественно под британским покровительством, и пораженные благоустройством этих стран, особенно по сравнении с Турцией, жаждут разделить блага этого режима»[47].

Напряжение межрелигиозных отношений

Постепенно на первый план внимания европейских дипломатов выходили все больше накалявшиеся межконфессиональные отношения — в том числе под влиянием внешних обстоятельств. На их обострение в арабских провинциях очень подействовали восстания в Румелии летом 1912 г., затем начатые 8 октября Черногорией военные действия против османских войск, а 18 октября — начатая коалицией балканских областей настоящая война.

Взаимные подозрения в обществе усиливались, и основной причиной стало «предательство», как считали сторонники османизма, балканских народов,

выступивших против своего халифата: в ноябре 1912 г. албанское восстание закончилось провозглашением независимости, а в декабре Порта была вынуждена начать с Болгарией мирные переговоры. В разных кругах арабской общественности любые внутренние события виделись сквозь призму мусульмано-христианского соперничества. Напряжение отношений с мусульманами и военные сборы резервистов-христиан (что до младотурок было немыслимо в силу статуса христиан как подзащитных, *зимми*) стали причиной бегства христиан в Горный Ливан под защиту удаленных монастырей. Эти же факторы способствовали мощной волне внешней эмиграции — уже не переселению в соседние районы или отдаленные области империи, а в Европу и за океан.

Так, в октябре того же года, спустя несколько дней после начала первой Балканской войны, Г.Д. Батюшков отмечал: «Надо признать, что роль духовных глав населения немусульманского ныне нелегка: имея своими противниками все христиан, мусульмане стараются дать почувствовать иноверцам, что они все же господа у себя и в то же время подозревают каждого христианина в сочувствии врагам и отсутствии патриотизма. Нельзя, разумеется, отрицать, что христиане без всякого энтузиазма раскошеливались для взноса выкупа за воинскую повинность <...> В ряды войск шли и мусульмане неохотно, иноверцы же бежали массами. <...> Бегство в Америку и другие страны, составляющее здесь обычное явление, вызывается главным образом отсутствием обеспеченности прав и имущества»[48].

Генконсул описывает эпизод, характеризовавший напряженность и нервозность, царившие в связи с войной в кругах ливанской элиты: «Супруга генерал-губернатора, м-м Эхдем-бей, образованная воспитанная турчанка, хотела было обрушится на местных дам богачек, преимущественно православных, которые недостаточно поспешно откликнулись на ее зов, и стала уверять их в отсутствии патриотизма и сочувствии своим единоверцам — врагам отечества...»[49]. Кстати, в свое время (годом ранее — в начале Триполитанской войны в октябре 1911 г.) оправдывать своих соотечественников-сирийцев и опровергать обвинения в их «недостаточном османском патриотизме» был вынужден яркий деятель арабского национализма Абдулхамид аз-Захрауи[50].

Арабское население все глубже разделялось на тех, кто оставался патриотом османского халифата, и тех, кто надеялся на либерализацию национальной и религиозной политики Порты — в том числе под нажимом событий в бывших европейских вилайетах. «Настроение мусульман подавленное, — писал Г.Д. Батюшков, — христиане же, не решаясь очень показывать это, торжествуют, надеясь, что победа балканских государств отразится благоприятно на положении их в Турции»[51].

А в конце октября 1912 г., когда турки терпели сокрушительные поражения в Румелии и стремительно теряли города и территории, он сообщал тревожные сведения о волнениях среди мусульман Бейрута, спровоцированных позицией, занятой согражданами-христианами: «Тем не менее, нельзя

отрицать существование брожения среди местных мусульман, собирающихся в своем квартале Баста, где они горячо обсуждают текущие события и решают в случае тех или иных известий с театра войны, "двинуться" (куда — неизвестно), и эта-то неизвестность и пугает христиан. С другой стороны, христиане, особенно православные, не скрывают своего сочувствия победам своих единоверцев, чем страсти далеко не успокаиваются»[52].

Возможно, православные арабы чувствовали возможность заявить о себе, наконец, в условиях терпящей поражение Порты — в том числе от других православных подданных империи. И возможно, что сиро-ливанские православные ожидали большей поддержки своих чаяний от России, на что никакие обещание, конечно, не могли быть даны. Наш генконсул даже предлагал варианты «оправдания» перед сиро-ливанскими единоверцами военного неучастия России в тех событиях. Уже из этих его предложений можно заключить, что православные арабы ждали какого-то военного вмешательства русских, как это делали ранее, например, французы и британцы. «Разумеется, для многочисленного в этих областях православного населения, — писал Батюшков, — было бы отрадно видеть и русский флаг, как доказательство, что Россия не забыла о положении своих единоверцев и здесь, однако возможно будет представить такое отсутствие наших судов, как результат особого соглашения между великими державами, по коему Россия приняла-де на себя охрану христиан и иностранцев по побережью Черного моря, предоставив остальным западные провинции Турции»[53].

Сообщал наш генконсул и о провокативных заявлениях о готовности дать отпор мусульманам групп бейрутских христиан под руководством членов французского диппредставительства (драгомана Михаила Туэйни, православного, и некоего маронита из рода Жмайелей). О нежелательности такого рода действий он даже счел нужным уведомить своего французского коллегу[54].

В любом случае, межрелигиозное напряжение шло по пути усугубления. Исследователь событий в арабском Машрике того времени, Л.Н. Котлов писал: «Против балканских врагов Порты выступали и многие политические деятели. Еще в канун войны с угрозами в адрес балканских государств и румелийских "мятежников" обрушился в своих стихах Маруф ар-Русафи. Ему вторил Абдалмухсин аль-Казыми, проклинавший измену румелийских подданных султана. Он призывал строить пирамиды из черепов "неверных" и славил "защитников веры". В том же духе выступали Хейри аль-Хиндави, поэты-исламисты Абдаррахман аль-Банна, Мухаммад Хасан Абу-ль-Мухасин, Шекиб Арслан и многие другие»[55].

Еще более неспокойным стал следующий, 1913 год. Помимо указанной очевидной и главной причины — солидарности большинства арабов-мусульман с действиями своего султана и правительства против балканских христиан-«бунтовщиков» — можно вспомнить и другие причины разогрева межрелигиозных отношений.

Одна из причин заключалась в том, что мусульмане (а возможно, и православные) не могли не проявлять беспокойства в условиях продолжения агрессии против империи-халифата католической Италии (Триполитанская война окончилась позорными для османов соглашениями в октябре 1912 г., предоставлявшими независимость Триполитании и Киренаике, причем фактически страны переходили под юрисдикцию итальянской короны). И это при том, что католические миссии (иезуитские и другие), образовательные учреждения разных уровней, лечебницы, приюты, расширяющиеся в Бейруте Медицинский факультет и Французская больница при иезуитском Университете св. Иосифа продолжали свою активную деятельность, вовлекая в нее все без исключения слои населения. Итальянские военные суда подолжали курсировать в Восточном Средиземноморье, пытались контролировать порт Триполи (описан даже факт досмотра итальянскими офицерами с крейсера «Герцог Абруций» российского парохода «Лазарев» (РОПиТ) 6 июня 1912 г.), а в народе, как сообщал наш управляющий генконсульством В.В. Голенищев-Кутузов, царило «убеждение, что итальянская эскадра наверное посетит еще раз Бейрут»[56].

Впоследствии, действительно, так и случилось. Позднее Батюшков писал: «Итальянская эскадра в составе 5 больших судов (крейсеров), имена которых “Королева Маргерита”, “Ферручо”, “Гарибальди”, “Варезе”, “Эммануэль Филиберто”, и контр-миноносца “Коатит”, следуя по сирийскому берегу с юга, с заходом в Яффу и Хайфу, подошла к Бейруту 15-го [августа] в 6 часов утра. <...> 16-го утром оставшиеся 5 итальянских судов ушли с Бейрутского рейда, направляясь на север, вероятно продолжая осмотр портов»[57]. Причем итальянцы, делая фотографии объектов рейда и портовых сооружений, «сами снялись (2 офицера с солдатами) на пристани капитана над портом. Последнее обстоятельство особенно оскорбляет мусульман, считавших это за издевательство над слабостью и беззащитностью Порты»[58].

Другая причина могла заключаться в реакции на жесткие действия османской администрации, которая демонстрировала явное желание ограничить в Сирии и Ливане непосредственное влияние на политику и экономику европейских держав-гарантов, державших под своей опекой местных арабских христиан. К раздражавшим факторам относились и «продавливание» на протяжении всего 1912 года французами собственной версии нового Статута для Ливана, а также и особые позиции в этом вопросе России и Великобритании.

Наконец, противостояние армянских христиан Киликии и властей, посылавших на подавление бунтов регулярные армейские части, вело к обострению противостояния и как следствие — усугублению подозрений части мусульман по отношению к христианам в целом.

О многих из этих тревожных тенденций писал и наш генконсул, вспоминая, как повлиял на настроения среди населения обстрел Бейрутской

акватории и порта итальянцами 11/24 февраля 1912 г.: «Фанатизм мусульман был возбужден до крайности и это возбуждение даже проявилось тогда уже несколькими убийствми, и всюду раздавались тогда зажигательные речи, как среди мусульман против немусульман, так и среди христиан — против варварских инстинктов мусульман»[59].

О тех же настроениях сообщал и заместитель Г.Д. Батюшкова в Бейруте, опираясь, в частности, на доклад из Мерсины вице-консула А. Мавромати, где тот писал: «Несомненно, готовится какое-то движение. В противном случае, необъяснимо то запасание оружием, которым ежедневно занимаются мусульмане, и то отношение, при котором власти ничего не делают, чтобы прекратить эту тенденцию, и еще менее, чтобы предотвратить опасность, к которой может привести такое положение духа, особенно проникнутое фанатизмом против христиан вообще»[60].

Православные в контексте «большой политики»

В описанных условиях обеспокоенность положением христиан в регионе, которое проявляли российские генконсулы в Бейруте, была в высшей степени оправданной. Особенное внимание к сиро-ливанским православным со стороны единоверной Российской империи было для тех очень желательным, закономерным и даже, пожалуй, само собой разумеющимся.

Другое дело, что внимание российского МИДа было сосредоточено в те годы в значительной степени на Балканах и статусе Проливов, тогда как восточные направления — столкновение интересов с Великобританией в Афганистане и, конечно, с Францией в Сирии и Ливане — как будто несколько отставали. Продуманная, основательная и поэтапная политика в отношении этих стратегически важных направлений (в том числе и «мягкой силой») зачастую уступала место безрассудным военным планам типа похода через Афганистан на Британскую Индию или оккупации областей вокруг Проливов и на северо-востоке Малой Азии.

Вместе с тем, как свидетельствует из документов, работа российских консулов на местах — в арабских областях, равно как и нашего посольства в Константинополе, были поставлены на очень высоком уровне. Совсем другое дело — стратегия внешней политики, принимаемая на самом верху. Пожалуй, можно согласиться с критическим взглядом, высказанным И.М. Смилянской в отношении косности мышления внешнеполитического руководства царской России, словно не успевавшего следить за стремительными изменениями на арабском Востоке: «Российское Министерство иностранных дел, не имея четкой стратегической задачи, апеллировало в своей политике к “историческим традициям”, не замечая важных перемен, совершавшихся в османском обществе, появления в общественно-политической

жизни второй половины XIX — начала XX в. новых социальных сил. Мимо внимания руководителей внешней политики прошло арабское Возрождение и его деятели, а затем и идеологи и участники рождающегося национального движения. Между тем в процессе реформирования османского государственного аппарата роль духовенства в общественной жизни значительно снизилась»[61].

Наши дипломаты на местах оставались проводниками политического покровительства и даже материальной поддержки сиро-ливанским православным, которые наряду с другими христианами, «входили в авангард, призывавший к арабскому национализму»[62] на ближневосточных территориях. Российские диппредставительства в арабских областях Османской империи, в том числе генкосульство в Бейруте, предоставляли в руки правительства все необходимые сведения и аналитику по текущим вопросам, значимым для России и жизни разных ближневосточных общин. Как видно из многочисленных документов, центральной линией в анализе событий была поддержка общественной безопасности и межрелигиозного мира. А участвуя в сложных перипетиях межцерковных отношений (например, соперничества православных Восточных Патриархатов), дипломаты избирали сбалансированный подход — в интересах прежде всего самого православного населения региона[63].

Наша политическая линия и гуманитарные усилия во многом отвечали ожиданиям самих православных сирийцев и ливанцев. Можно с уверенностью утверждать, что если бы помощь по линии ИППО православным школам в Шаме не сворачивалась бы в начале второго десятилетия XX в. и не закрылись бы русские школы[64], если бы нашлась возможность продолжить предоставлять образование сиро-ливанским клирикам и мирянам в русских и малороссийских городах, если бы медицинские центры и пункты в арабских вилайетах Османской империи продолжались создаваться на российские средства, то с такой подпиткой и в таких условиях положение православных в ближневосточном социуме могло быть гораздо выше.

Конечно, это утверждение уязвимо для критики, особенно со стороны тех, кто призывает оставить в прошлом традиционные контакты православных арабов с русскими и даже сомневаться в позитивных оценках былым историческим связям и поддержке этих ближневосточных христиан. Об одном типе таких нападок красноречиво рассуждает арабский историк Самих Ганадри в своей многократно переизданной книге (первое издание — 2009 г.) «Колыбель арабов». По его словам, нападки заключаются в том, что русские в своих отношениях с православными арабами якобы расставляли некие капканы или ловушки, подобно ловким охотникам: «...Вот и школы были “ловушками”, поскольку подготовили патриотов и деятелей возрождения (Нахды) настоящими арабами. И усиление православия было “ловушкой”. И поддержка требований арабов — “ловушка”...

Ну и так далее. И это потому, что все это вело к результату, обратному [предполагаемой] цели русских, то есть все это вело к возрождению арабскому среди православных, а не к возрождению религиозному, завязанному на Россию. Но на наш взгляд, это не ловушка. Здесь нет ни охотника, ни дичи. <...> Просто российские интересы совпадали с сущностными арабскими интересами, хотя различались в деталях и конечных целях. Русские и арабы — очень разные, и, конечно, те и другие исходили из своих собственных интересов»[65]. К этому осторожному возражению на нападки можно добавить, что совпали не только интересы, но что у обеих сторон было очень сходным «сущностное» неприятие колониальных стратегий, которые реализовывались открыто западными конкурентами России в регионе. Отсюда образ «московитов» в глазах сирийских и ливанских православных всегда — даже в самые непростые для взаимоотношений времена — оставался привлекательным.

Множество сохранившихся в архивах донесений и аналитических записок, в том числе приведенные выше, подводят к этим выводам. Тщательность в исполнении своего долга, внимание к жизни всех слоев общества и разнообразная помощь могут служить примером плодотворной работы российской дипломатии на Ближнем Востоке в те трудные годы. Православные вместе с другими арабскими общинами переживали тогда потрясения от политических перемен и нескольких войн накануне кровопролитной мировой войны, которую современники называли Великой. В тех условиях более весомая помощь русских и более активные гуманитарные контакты со всеми без исключения сиро-ливанскими общинами могли бы, наверное, приблизить окончание полуколониального мандатного правления и приблизить период независимости.

[1] Французский министр иностранных дел Тувенель за полвека до описываемых событий писал своему послу в Константинополе Лавалетту: «В Бейруте, как и Дамаске, события развиваются вопреки прогнозам, и кровь мусульман влилась в поток крови христиан. После опустошения Горного Ливана погромы и пожары угрожают теперь и городам и, по нашим последним сведениям, не известно, где остановятся бедствия, которые власти больше не в состоянии предотвращать, после того как спровоцировали их своим бездействием, если только не участием». См.: Ministre des Affaires étrangères à M. le Marquis de Lavalette, à Constantinople. Paris, 6 jouillet 1860 // France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques français, 1860. Paris: Imprimerie National, 1861. (279 p.) P. 196.

[2] *Ганадри, Самих.* Аль-махд аль-араби: Аль-масихийин аль-машрикийин аля мада альфей ам ва-ль-иляка аль-мутабадиля ма-ль-ислям (Колыбель арабов: Ближневосточные христиане на протяжении двух тысячелетий и их взаимоотношения с исламом). Изд. 4-е. Хайфа: Мактабат Куллю шей, 2011. (608 с.) С. 516.

[3] Рабочая запись (от руки). Л. 319. На следующей странице, кстати, автором надписано: «Францией проявляется большая нетерпимость к другим иноверным исповеданиям».

[4] *Khalaf S*. Persistence and Change in 19th Century Lebanon: A Sociological Essay. American Univ. of Beirut, 1979. (155 p.) P. 114.

[5] Ibid.

[6] *Fawaz L. (Leila Tarazi)*. Merchants and Migrants in Nineteenth-Century Beirut. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1983. (182 p.) P. 131.

[7] *Кюине В*. Сирия, Ливан и Палестина. Вып. 1. Бейрутский вилайет / ИППО. СПб., 1900. (215 с.) С. 11.

[8] *Кюине В*. Сирия, Ливан и Палестина. Вып. 3. Сирийский вилайет / ИППО. СПб., 1900. (115 с.) С. 81, 5.

[9] Донесение № 183 от 13 марта 1912 г. Приложение. Л. 44об.

[10] *Абдо, Самир*. Аль-масихийюн ас-сурийюн: кадиман ва хадисан (Сирийцы-христиане: прежде и теперь). Дамаск: Дар Аля ад-дин, 2002. С. 94.

[11] *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М*. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений / Институт востоковедения РАН. М.: Индрик, 2015. (464 с.) С. 59.

[12] Донесение № 212 от 22 марта 1912 г. Л. 57.

[13] Там же. Л. 56об.

[14] Там же. Л. 56об.–57.

[15] Донесение № 57 от 18 января 1912 г. «Отчет о поездке генерального консула в Бейруте с. с. Батюшкова по округу Кура (Ливан)». Л.14–14об.

[16] Там же. Л. 12об.

[17] Там же. Л. 10об.–11.

[18] Юсуф-паша Франко Куза — генерал-губернатор, или мутасарриф, Горного Ливана с 1907 г., греко-католик (ум. 1933). По окончании пятилетнего срока, в 1912 г. его сменил последний мутасарриф, Оганес-паша Куюмджян, и в 1915 г. этот пост был упразднен.

[19] Там же. Л. 15.

[20] Там же. Л. 11–11об.

[21] Там же. Л. 11об.

[22] Там же.

[23] Там же. Л. 11об.–12.

[24] Там же. Л. 12.

[25] Там же. Л. 13.

[26] Сейчас ведущим профессором этого университета является известная историк и искусствовед, д-р Суад Слим, урожденная Абу ар-Рус — потомок рода русского происхождения того самого ректора.

[27] Там же. Л. 13–13об.

[28] Там же. Л. 14об. Эта проблема православных иерархов, видимо, была уже не нова к тому времени, как и продолжает оставаться печально известной в настоящее время. Летом 2017 г. получил огласку скандал с продажей земель Иерусалимского патриархата, к которому было причастно якобы окружение патриарха. См., например: *Melhem, Ahmad*.

In Jerusalem, secret sale of church land to developers revealed // Al-Monitor, July 10, 2017. URL: https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/07/jerusalem-orthodox-church-land-deals-israel-palestine.html.

29 Там же. Л. 14.

30 Письмо М.Е. Крымской от 16 июля [28 июля] 1897 г. из Шуэйра // *Крымский А.Е.* Письма из Ливана (1896–1898) / Сост.: Н.П. Визирь, И.М. Смилянская / Предисл. и послесл. И.М. Смилянской. М.: Наука, 1975. (342 с.) С. 174. Конечно, те письма не были известны Г.Д. Батюшкову, поскольку издание их 1975 года готовилось по почти случайно обнаруженным архивам этого прославленного востоковеда.

31 Донесение № 57 от 18 января 1912 г. Л. 14об.

32 Там же. Л. 15.

33 Lettre adressée par le Consul Général de France a Beyrouth au Ministère des Affaires Étrangères de France, 15.08.1861 // Salam, Nawaf. L'Histoire e le role de la pénétration et de l'influence française et anglo-américaine dans l'enseignement au Liban de 1840 à 1914. Paris: Sorbonne, 1974. (231 p.) Annexe IV. P. 209–210.

34 Донесение № 78 от 31 января 1912 г. Л. 19.

35 Там же. Л. 19.

36 Там же. Л. 19об.

37 Донесение № 263 от 11 апреля 1912 г. Л. 63. Имелась в виду лидировавшая младотурецкая партия «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»).

38 *Котлов Л.Н.* Становление национально-освободительного движения в Арабских странах Азии, 1908–1914 гг. / Отв. ред. Н.А. Иванов; ИСАА МГУ. М.: Наука, 1986. (376 с.) С. 256.

39 Донесение № 419 от 24 июля 1912 г. Приложение к № 419: Перевод статьи (на французский язык) из местной газеты «аль-Иттихад аль-усмани» от 18 июля 1912, под №1170. Л. 97.

40 *Котлов Л.Н.* Становление... С. 247.

41 *Аль-Кайяли, Низар.* Дирасат фи тарих Сурия ас-сияси аль-муасыр, 1920–1950 (Исследование по политической новейшей истории Сирии). Дамаск: Дар Тлас, 1997. С. 21.

42 Донесение № 207 от 20 марта 1918 г. Л. 49об.

43 *Котлов Л.Н.* Становление... С. 262–263.

44 Донесение № 239 от 30 марта 1912 г. Л. 53об.–54.

45 Донесение № 282 от 18 апреля 1912 г. Л. 76об.

46 *Котлов Л.Н.* Становление... С. 273.

47 Донесение № 619 от 6 ноября 1912 г. Л. 150а–150а об.

48 Донесение № 596 от 26 октября 1912 г. Л. 146–146об.

49 Там же. Л. 147.

50 *Котлов Л.Н.* Становление... С. 240. См. также: *Ханна, Абдалла.* Аль-маджму'ат аль-ахли ва-ль-мадани фи-д-дауля аль-'арабийя аль-хадиса (Народные и гражданские сообщества в новом арабском государстве). Дамаск: Дар аль-мада ли-с-сакафа ва-н-нашр, 2002. С. 98.

51 Там же. Л. 147об.

52 Донесение № 605 от 30 октября 1912 г. Л. 148об.–149.

53 Там же. Л. 149об.

[54] Донесение № 619 от 6 ноября 1912 г. Л. 150г–150г об.

[55] *Котлов Л.Н.* Становление... С. 272–273.

[56] Донесение № 371 от 16 июня 1912 г. Л. 82об.

[57] Донесение № 465 от 21 августа 1912 г. Л. 124–125об.

[58] Там же. Л. 125, постскриптум от руки мелким почерком.

[59] Донесение № 596 от 26 октября 1912 г. Л. 145–145об.

[60] Копия доклада от вице-консула А. Мавромати из Мерсины от 23 мая 1912 г. № 452 «Проблемы общественной безопасности» (на франц. яз.). Л. 81.

[61] *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. Институт востоковедения РАН. М.: Индрик, 2015. С. 67.

[62] *Зияде, Никула*. Аль-масихийя ва-ль-араб (Христианство и арабы). Дамаск: Кадмус, 2001. (274 с.) С. 256.

[63] *Ганадри С.* Аль-махд аль-араби... С. 517.

[64] В 1914 г. османские власти закрыли русские школы в Сирии и Ливане, причем педагогический персонал был частично выслан из страны, а частично интернирован. См.: *Лисовой Н.Н.* М.А. Черкасова и школы Императорского Православного Палестинского общества в Бейруте // Всматриваясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие. М.: ИВ РАН, 2013. (С. 430–463) С. 439.

[65] *Ганадри С.* Аль-махд аль-араби... С. 519.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на научную монографию М.М. Якушева* «Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.)»

Н.Н. Дьяков

Российско-османские историко-культурные и политические связи сегодня как никогда привлекают пристальное внимание не только специалистов-востоковедов, историков, политологов, но и самой широкой общественности, причем не только в России и Турции. В значительной степени именно русско-османские связи определяли как общий характер, так и частные перипетии «Восточной политики» держав Нового времени.

Рассматривая взаимоотношения России и исламского мира «в исторической ретроспекции русско-турецких связей», профессор М.С. Мейер образно сравнивает обе цивилизационные общности с «подобием сообщающихся сосудов в силу растущей численности мусульман в российском обществе», а также растущих одновременно разносторонних контактов между подданными двух империй.

Важный аспект истории гуманитарных и, в первую очередь, духовных контактов между многонациональным населением двух великих евразийских держав в новую эпоху — это паломническое движение к святыням Ближнего Востока: многие тысячи наших соотечественников-паломников, как христиан, так и мусульман, сходились в ту пору у святынь Сирии и Палестины, Египта и Аравии.

Книга М.М. Якушева затрагивает крайне актуальный для отечественной культуры и гуманитарной мысли вопрос об эволюции православного паломничества из России в Святую Землю, составлявшую на рубеже XVIII–XIX вв. сердцевинную часть переднеазиатских владений Порты. Как известно, на протяжении почти пяти веков священная для миллионов православных Святая Земля входила в состав Османской империи, со

* Якушев Михаил Михайлович, российский дипломат, учёный историк, специалист по истории русского православного паломничества, члена ИППО, кандидат исторических наук.

временем становясь предметом острых раздоров в рамках пресловутого «Восточного вопроса», не раз дававшего повод для ожесточенных двусторонних и международных военно-политических конфликтов, в том числе для целой череды русско-османских войн XVIII–XIX вв. Общий кризис и последующий распад империи османов, революционные потрясения в России и Турции в начале XX в. поставили под угрозу судьбы не только народов Передней Азии и их тысячелетних святынь, но и саму практику «хожений» россиян в Святую Землю.

В последнее время большое значение придается историческим и религиозным связям народов России со странами Ближнего Востока. Роль русского православного паломничества в Святую Землю нашла отражение в духовной культуре и научной мысли народов России как в дореволюционный период, так и в Новейшее время. Эта роль вполне заслуженно привлекает сегодня внимание исследователей истории российско-арабских и российско-турецких связей. При этом историко-политический, культурологический аспекты этого взаимодействия до настоящего времени не нашли должного освещения в отечественной гуманитарной науке. Своевременность подготовки нового комплексного исследования по истории российского паломничества к святыням Сирии и Палестины в рассматриваемый период представляется неоспоримой с учетом сложившейся в последние годы в регионе драматической ситуации, поставившей под угрозу само выживание христианства на его исторической родине.

М.М. Якушев предпринял попытку рассмотреть паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений на базе корпуса ранее не публиковавшихся архивных документов, вводимых автором в научный оборот с выделением основных этапов османо-российских связей, их влияния на развитие института паломничества, с предложением новых толкований некоторых событий османской политической истории рассматриваемого периода.

Источниковая и историографическая база книги отличается широтой спектра привлеченного документального и исследовательского материала. Библиографический раздел открывается перечнем документальных материалов (670 наименований) из Архива внешней политики Российской империи МИД РФ, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива и Османского государственного архива.

Перечень источников включает свидетельства российских и европейских купцов, чиновников, ученых, священнослужителей и т.д., освещающих разные стороны жизни арабо-османского общества, российско-османских связей, внешних сношений Порты в рассматриваемый период. Уникальный источник — записки и дневники посещения Святой Земли, написанные русскими паломниками-писателями рубежа XVIII–XIX вв. [Леонтий

(Зеленский), Игнатий (Деншин), Мелетий, Никанор (Москвитинов), братья Иван и Василий Вешняковы и Михаил Новиков, И.С. Сысоев и Петр Хостов, Яким Васильев, Дементий Цикулин, Кир Бронников, Д.В. Дашков, А.Н. Муравьев, Стефан-Серапион (Агеев), А.С. Норов, Аникита (Ширинский-Шихматов), Порфирий (Успенский), Н.В. Адлерберг, Парфений (Агеев), Иерофей, Анисим Симоченков, Иероним (Суханов), Леонид (Кавелин) и др.] и представляющие особую ценность для изучения русского паломнического движения. Важный первоисточник — произведения российских дипломатов-писателей (П.А. Левашов, Я.И. Булгаков, К.М. Базили и др.)

Ряд источников представлен переводами на русский язык султанских указов, выданных османскими властями писателям-паломникам (Мелетий, Бронников, братья Вешняковы и др.). Следующая категория источников — дневники и заметки европейских путешественников, которые фактически служили путеводителем по Османской империи. Среди них следует отметить труды французских исследователей: писателя и ученого К.-Ф. де Шассебефа, графа де Вольнея, писателя и дипломата Ф.-Р. виконта де Шатобриана, поэта и дипломата Альфонса де Ламартина и др. с описанием достопримечательностей Святой Земли. Безусловно, важный первоисточник — сочинения русских ученых и дипломатов XIX в. (Д.Н. Бухаров, С.А. Жигарев, Ф.Ф. Мартенс, С.С. Татищев, В.А. Теплов, В.А. Уляницкий, Т.П. Юзефович и др.), содержащие ценные сведения по истории российско-османских отношений. К следующей группе источников можно отнести произведения русских военных и путешественников, посетивших Константинополь в начале XIX в. (М.П. Вронченко, Н.С. Всеволожский, В.П. Давыдов, В.М. Еропкин, Н.П. Епанчин, М.В. Ладыженский, П.П. Львов и др.)

Наконец, самостоятельную группу источников формируют записки и отчеты западноевропейских и русских ученых о медико-санитарной ситуации на Святой Земле (труды А.А. Уманца и А.А. Рафаловича, швейцарского медика Т. Тоблера и английских исследователей: Э. Мастермана, Д. Пакстона, Ч. Вильсона, Ч. Уоррена и др.)

Список привлеченной научной литературы охватывает работы отечественных, европейских и турецких авторов на русском, английском и французском языках. Так, автором были изучены труды Б.М. Данцига, Е.С. Еремеева, Н.А. Иванова, С.А. Кириллиной, М.С. Мейера, А.Д. Новичева, С.Ф. Орешковой, И.М. Смилянской, В.И. Шеремета, Х. Иналчика, К. Карпата, Д. Куатерта, Т. Наффа, К. Ньюмана, С. Шоу, М. Эллиота и др.

Для реконструкции социально-политического и экономического положения Константинополя в рассматриваемый период автором были привлечены работы Г. Баерле, Р. Дегильхем, С. Фаруки; для рассмотрения этно-конфессиональной и санитарно-эпидемиологической ситуации в империи османов — работы И. Бен-Арие, Б. Броуда, А. Зохара, Д. Китсикиса, Р. Клогга, А. Коэна, Е. Лева, Б. Льюиса, Д. Маккарти, О. Пери, Ф. Хитти и пр.

Структура книги, состоящей из трех глав, хорошо продумана. В заключении М.М. Якушев формулирует основные выводы и результаты своего исследования, аргументированно обоснованные в тексте работы. В конце монографии представлен обширный список источников и литературы (около 1000 наименований), а также содержатся приложения (18 наименований), где даны переводы фрагментов османских фирманов, списки и личные записи русских богомольцев, статистические данные о них, списки русских военнопленных и беглых в Константинополе 1818–1821 гг., письма паломников российским дипломатам и официальным лицам, наставления русским православным поклонникам в Иерусалиме, тексты статей о русских паломниках в османо-российских трактатах (1700, 1739, 1774 гг.) и т.д.

Результаты научного исследования М.М. Якушева, на наш взгляд, будут способствовать лучшему осмыслению роли русского православного паломничества в развитии историко-культурного взаимодействия народов России и Ближнего Востока, в разработке стратегии региональной политики РФ в отношении стран региона — в первую очередь Турции и ее арабских соседей.

Книга М.М. Якушева «Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.)», изданная в Москве в 2018 г., вносит весомый вклад в отечественную историческую науку.

АВТОРЫ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Аксёнова Галина Владимировна, член МОО ИППО, профессор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук.

Бибиков Михаил Вадимович, заместитель Председателя МОО «ИППО», главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, вице-президент Российского национального комитета византинистов, действительный член РАЕН, доктор исторических наук.

Бутова Ритта Борисовна, секретарь Научной секции МОО «ИППО», член Редакционной коллегии ППС, кандидат исторических наук.

Вах Кирилл Алексеевич, заместитель руководителя Научной секции МОО «ИППО», член Редакционной коллегии ППС, генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик».

Гуревич Дмитрий Александрович, независимый исследователь, Бостон, США.

Грушевой Александр Гаврилович, член МОО «ИППО», сотрудник Санкт-Петербургского отделения МОО «ИППО», старший научный сотрудник Сектора Ближнего Востока Института восточных рукописей РАН, кандидат исторических наук.

Додонов Борис Федорович, главный специалист Федерального казенного учреждения «Государственный архив Российской Федерации», кандидат исторических наук.

Дьяков Николай Николаевич, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук.

Житенёв Сергей Юрьевич, заместитель руководителя Научной секции МОО «ИППО», ответственный редактор Редакционной коллегии ППС, советник директора Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, кандидат культурологии.

Копылова Ольга Николаевна, руководитель отдела Федерального казенного учреждения «Государственный архив Российской Федерации», кандидат исторических наук.

Коюшев Михаил Васильевич, магистрант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Лукина Ксения Александровна, ведущий специалист Федерального казенного учреждения «Государственный архив Российской Федерации».

Пятницкий Юрий Александрович, старший научный сотрудник сектора Византии и Ближнего Востока отдела Востока Государственного Эрмитажа, кандидат исторических наук.

Рождественская Милена Всеволодовна, секретарь Санкт-Петербургского отделения МОО «ИППО», член Редакционной коллегии ППС, профессор филологического факультета Санкт-Петербургского университета, доктор филологических наук.

Савельев Юрий Ростиславович, член-корреспондент РАХ, Главный научный сотрудник Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, доктор искусствоведения.

Сарабьев Алексей Викторович, член МОО «ИППО», ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Смирнова Ирина Юрьевна, ответственный секретарь Редколлегии Православного Палестинского Сборника, ученый секретарь Центра истории религии и Церкви и ведущий научный сотрудник Институт российской истории РАН, доктор исторических наук.

Степашин Сергей Вадимович, Председатель ИППО, председатель Редакционной коллегии ППС, президент Российского книжного союза, председатель Ассоциации юристов России, кандидат исторических наук, доктор юридических наук.

Фёдорова Ирина Владимировна, член МОО «ИППО», старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Институты русской литературы (Пушкинский дом) РАН, кандидат исторических наук.

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 117

Ответственный редактор
С.Ю. Житенёв

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 938–01–00

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
25,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87